



Родрик Брейтвейт

АФГАН

Русские на войне

[historia]

CoRpus



Родрик Брейтвейт

АФГАН

Rodric Braithwaite

Afgantsy

The Russians
in Afghanistan
1979–1989

Родрик Брейтвейт

АФГАН

Русские на войне

Перевод с английского
Антон Ширикова



издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(581)“1979/89”

ББК 63.3(5Афг)

Б87

Фото на обложке: РИА Новости

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Брейтвейт, Родрик

Б87

Афган: русские на войне / РОДРИК БРЕЙТВЕЙТ; пер. с англ. А. ШИРИКОВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 496 с.

ISBN 978-5-17-077823-2 (ООО “Издательство АСТ”)

В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан, чтобы поддержать дружественный режим и уйти через полгода или год, однако благие намерения СССР обернулись долгой войной, имевшей катастрофические последствия не только для Афганистана, но и для самого Советского Союза и всего мира.

Трезвая и точная книга сэра Родрика Брейтвейта — лучшее из опубликованных на английском языке описаний кампании 1979–1989 годов. Война предстает здесь не злодейством, а трагедией, не результатом заговора, а роковым стечением обстоятельств.

Впрочем, эта книга не столько о войне в Афганистане, ставшем полем боя для враждебных друг другу идеологий, сколько о людях на войне: солдатах и гражданских, мужчинах и женщинах.

УДК 94(581)“1979/89”

ББК 63.3(5Афг)

ISBN 978-5-17-077823-2 (ООО “Издательство АСТ”)

© Rodric Braithwaite, 2011

© А. Шириков, перевод на русский язык, 2013

© А. Бондаренко, оформление, 2013

© ООО “Издательство Астрель”, 2013

Издательство CORPUS

Содержание

<i>От автора</i>	11
Пролог	17

Часть I. Дорога в Кабул

Глава 1. Потерянный рай	27
Глава 2. Начало трагедии	58
Глава 3. Вторжение	83
Глава 4. Штурм дворца	111
Глава 5. Последствия	136

Часть II. Бедствия войны

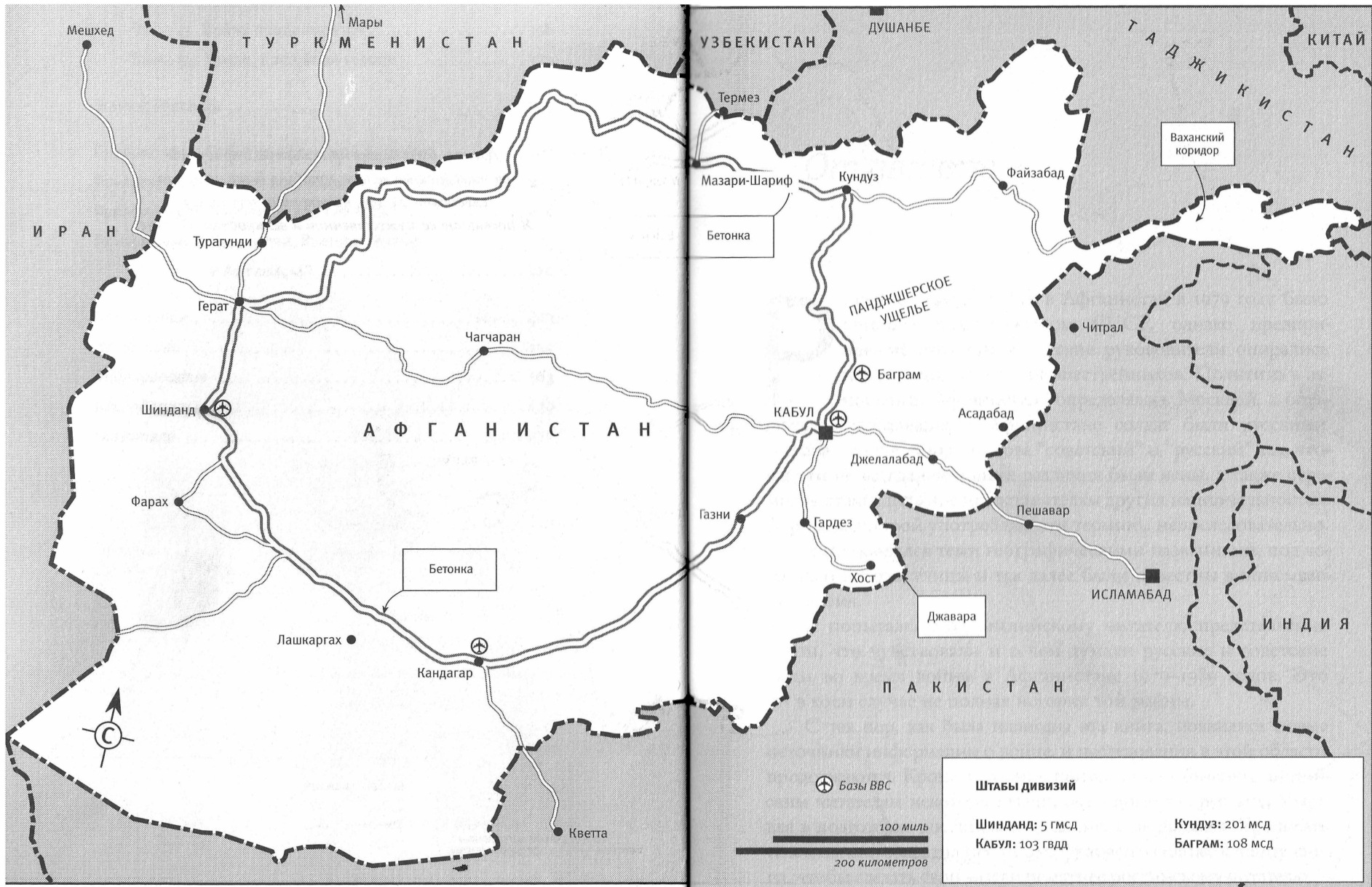
Глава 6. Сороковая армия идет на войну	157
Глава 7. Строители нации	185
Глава 8. Солдатские будни	211
Глава 9. В бою	243
Глава 10. Опустошение и разочарование	278

Часть III. Долгое прощание

Глава 11. Возвращение	307
Глава 12. Дорога, ведущая к мосту	330

Глава 13. Война продолжается	358
Глава 14. Земля, достойная героев	373
Эпилог. Расплата	399
Приложение 1. События афганской истории	411
Приложение 2. Части и подразделения 40-й армии	414
Приложение 3. “Пешаварская семерка”	418
Приложение 4. Индокитай, Вьетнам, Алжир и Афганистан	420
<i>Примечания</i>	423
<i>Источники</i>	459
<i>Библиография</i>	463
<i>Благодарности</i>	470
<i>Указатель</i>	472

*Джилл, будучи уже при смерти, с присущей
ей твердостью велела, чтобы я даже не думал
следовать за ней, не закончив эту книгу.
Я посвящаю ее мужественной и великодушной жене.*



Афганистан (1979–1989)

От автора

Решение о вводе войск в Афганистан в 1979 году было принято правительством СССР, однако предпринявшие этот шаг советские руководители опирались на традиции своих предшественников. Политика в отношении Афганистана определялась Москвой, а большинство воевавших в Афганистане солдат были русскими. Я старался использовать слова “советский” и “русский” так, чтобы эти не всегда очевидные различия были ясны, а также стремился отдать должное представителям других национальностей. Впрочем, я порой употребляю эти термины непоследовательно.

Я пользовался теми географическими названиями, под которыми города, улицы и так далее были известны в описываемое время.

Я попытался дать английскому читателю представление о том, что чувствовали и о чем думали русские и советские люди во время войны в Афганистане 1979–1989 годов. Это ни в коем случае не полная история той войны.

С тех пор, как была написана эта книга, появились новые источники информации о войне, и исследования в этой области продолжаются. Кроме того, мне приходилось объяснять английским читателям некоторые вещи, очевидные для русских. Участвуя в подготовке российского издания, я не пытался переписать текст, однако сократил некоторые фрагменты ближе к концу книги, чтобы сделать свои мысли понятнее российскому читателю.

Пролог

Молодежь... по неопытности, еще не зная, что такое война, рвалась в бой.

Фукидид¹

Поле зрения рядового, конечно, гораздо уже, чем генерала. С другой стороны, последнему жизненно необходимо представлять в лучшем свете свои ошибки, привлекать внимание лишь к тому, что пойдет на пользу его репутации. Рядовым подобные переживания не знакомы. Бой приносит славу и признание лишь офицерам высокого ранга. Армию же обычных солдат, идущих в бой и рискующих погибнуть или получить увечья, не ждет никакая награда, кроме сознания мужественно выполненного долга.

Уоррен Олни, *рядовой армии северян,*
*участник битвы при Шайлоу (1862)*²

Здесь далеко не все, что произошло со мной за два года в Афгане. Кое-что я не захотел описывать. Мы, афганцы, друг с другом говорим о вещах, которые могут не понять или понять неправильно те, кто в Афгане не был.

Виталий Кривенко³

Насилие, вспыхнувшее в Герате в марте 1979 года, превосходило по масштабу все, случившееся в Афганистане после кровавого коммунистического переворота 1978 года. Сопротивление коммунистам усиливалось в Афганистане повсеместно, но в Герате (региональной столице, одном из важнейших городов Афганистана, в древнем центре исламского образования, искусства, музыки и поэзии) недовольство вылилось в настоящий мятеж. Власть перешла к повстанцам. Правительственные войска восстановили контроль над провинцией лишь через неделю, пролив немало крови.

Коммунисты обещали многое: “Наша цель — подать всем отсталым странам пример, как совершить скачок от феодализма к процветающему, справедливому обществу... У нас не было выбора... Если бы не мы, этого не сделал бы никто другой... [В нашем] первом манифесте мы объявили, что право на пищу и кров — основные потребности человека, на удовлетворение которых человек имеет право... Наша программа была четкой: землю — крестьянам, пищу — голодным, бесплатное образование — всем. Мы знали, что деревенские муллы станут злоумышлять против нас, так что мы спешно издали декреты, чтобы массы понимали, в чем их реальные интересы... Впервые в истории Афганистана женщины получили право на образование... Мы сказали им, что они сами хозяйки своим

телам, что они вправе выходить замуж за тех, кто им нравится, что они не обязаны жить взаперти, как домашние животные”.

Но коммунисты знали, что богобоязненный и консервативный афганский народ не воспримет эти нововведения с радостью, а ждать они были не готовы. Они ожидали сопротивления и безжалостно подавляли его: “Было не время деликатничать. Прежде всего нам нужно было удержать власть. Альтернативой была наша ликвидация и возвращение Афганистана во тьму”⁴. И коммунисты начали массовый террор. Землевладельцев, мулл, несогласных офицеров, специалистов и даже членов самой Коммунистической партии арестовывали, пытали и расстреливали. На протесты своих друзей из Москвы коммунисты отвечали: то, что сработало у Сталина, пригодится и нам.

Есть несколько версий того, что послужило толчком к вспышке насилия в Герате. Шер Ахмад Маладани, оказавшийся в то время в городе, а после командовавший местной бандой моджахедов — мусульманских бойцов, воевавших с коммунистами и русскими, — рассказывал, что крестьян одной из близлежащих деревень разгневало требование коммунистов отправить дочерей в школу. Крестьяне восстали, вырезали коммунистов, поубивали девушек и двинулись на город⁵. Другие источники утверждали, что бунт устроили по указанию бежавших в Пакистан эмигрантов: те планировали поднять общенациональное восстание. Согласно третьей версии, восстанием руководили мятежные солдаты из 17-й дивизии афганской армии, стоявшей неподалеку. И было мнение, что мятеж спровоцировали агенты Ирана.

Как бы то ни было, утром в четверг, 15 марта, крестьяне из соседних кишлаков собрались в мечетях, а затем двинулись в город. Они выкрикивали религиозные лозунги, размахивали старинными винтовками, ножами и прочим импровизированным оружием и уничтожали государственные и коммунистические символы, встречавшиеся им по пути. Вскоре к ним присоединились жители самого Герата. Толпа заполнила сос-

новые аллеи, ведущие к городу, хлынула мимо крепости и четырех древних минаретов на северо-западной окраине сквозь ворота Малик в новые пригороды на северо-востоке, где находилась администрация губернатора провинции. Бунтовщики взяли штурмом тюрьму, грабили и поджигали банки, почтовые отделения, редакции газет и правительственные здания, разоряли базары. Они срывали красные флаги и портреты коммунистических лидеров, избивали людей, одетых не в традиционную мусульманскую одежду. Партийных чиновников, в том числе губернатора, выследили и убили, как и некоторых советников из СССР, не успевших скрыться⁶. К полудню большая часть города была в руках мятежников. Вечером на базарах устроили танцы⁷.

Впоследствии история о том, что случилось в те мартовские дни в Герате, обросла фантастическими подробностями. Масла в огонь подлили храбрые, но некритично настроенные западные журналисты, не имевшие возможности проверить сообщения своих источников. А им рассказывали, например, будто по улицам таскали изувеченные тела сотен советников из СССР, их жен и детей, а советские стратегические бомбардировщики два дня бомбили город. Утверждали также, что в ходе восстания и после него погибло до двадцати тысяч человек.

Факты было трудно подтвердить и отделить их от мифов: это касается и многих других событий войны в Афганистане. Многие оценки восстания в Герате сильно преувеличены. Но какими бы ни были его реальные масштабы, коммунистическое правительство в Кабуле запаниковало и потребовало от Москвы прислать солдат. Советское Политбюро обсуждало вопрос целых четыре дня и пришло к разумному выводу: войска вводить не следует, но правительство Афганистана получит дополнительную военную и экономическую помощь. Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин передал президенту Афганистана Нур Мухаммеду Тараки: «Если ввести войска, обстановка в вашей стране не только не улуч-

шится, а наоборот, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает”.

Правительство Афганистана смогло самостоятельно подавить восстание, однако костер недовольства продолжал тлеть: беспорядки и вооруженное сопротивление вспыхивали по всей стране, а внутренняя борьба в Коммунистической партии ужесточалась и в сентябре привела к убийству Тараки, организованному премьер-министром Хафизуллою Амином.

Для Советов это стало последней каплей. В конце концов, с большим нежеланием, они все-таки попытались закрепиться в Афганистане. Решения советских властей стали печальным следствием невежества, идеологических предрассудков, отсутствия ясного представления о происходящем, неадекватной разведывательной работы, попыток сидеть на нескольких стульях сразу, да и просто логики событий. Стоит ли говорить о том, что с настоящими знатоками Афганистана (их в то время в СССР было достаточно) никто не советовался? Их даже не проинформировали о принятых решениях.

В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан. Советские спецслужбы захватили ключевые объекты в Кабуле, ворвались во дворец Амина и убили его. Намерения советского правительства были скромны: планировалось установить контроль над главными городами и дорогами, стабилизировать работу правительства, переобучить афганскую армию и милицию и через полгода или год вывести войска. Но вместо этого СССР увяз в кровавой войне, и на то, чтобы выпутаться из нее, потребовались девять лет и пятьдесят два дня.

“Афганцы” — воевавшие в Афганистане солдаты — прибыли со всех концов Советского Союза: из России, Украины, Белоруссии, Центральной Азии, с Кавказа, из Прибалтики. Несмотря на огромные различия между ними, большинство считало себя советскими гражданами. К концу войны, когда начал распадаться СССР, все изменилось. Бывшие товарищи

по оружию вдруг оказались жителями независимых, порой враждующих друг с другом государств. У многих ушли годы на то, чтобы снова найти свое место в мирной жизни. А некоторые так и не нашли его.

И никто из них не смог сбросить бремя воспоминаний о той войне.

Часть I.
Дорога в Кабул

Беспутье... делает страну весьма пригодной
для пассивного сопротивления. Гордый
и свободолюбивый характер народа и огромная
горная площадь вполне гармонируют с этим
бездорожеством, делая страну очень трудной
для завоевания, а особенно — для удержания
во власти.

АНДРЕЙ СНЕСАРЕВ
(1921)¹

Глава 1

Потерянный рай

Русским понадобилось двести пятьдесят лет, чтобы добраться до Кабула. Британцы вступили на этот путь позже, но завершили его раньше.

И те, и другие следовали одной логике — имперской. В декабре 1864 года князь Александр Горчаков, российский министр иностранных дел, так описал ее: “Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными”. Эти усмиренные регионы, в свою очередь, нужно было защищать от нападений и беззакония со стороны других племен. Таким образом, российскому правительству приходилось выбирать одно из двух: нести цивилизацию тем, кто страдает от варварского правления, либо допустить анархию и кровопролитие на своих границах. “Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия”. Британия и другие колониальные державы, как и Россия, “неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости”. Величайшая трудность, правомерно заключал Горчаков, — выбрать верный момент, когда следует остановиться¹.

Хотя аргументы Горчакова в защиту российской политики были своекорыстными, они были убедительны. Вскоре Россия возобновила продвижение на юг. Это вызвало лицемерное возмущение со стороны других имперских держав, занятых тем же самым в других частях света. Особенно рассержены были британцы. В конце XIX столетия они выпестовали романтический миф о “Большой игре”. О ней великолепно писал Редьярд Киплинг в “Киме”: эlegantные британские офицеры отправляются в Гималаи и северные пустыни, где, рискуя жизнью, срывают козни русских агентов, пытающихся похитить драгоценную индийскую жемчужину из короны Британской империи.

Афганистан в современную эпоху

Афганистан, на который положили глаз и русские, и британцы, — одно из старейших на планете населенных мест, перекресток дорог среднеазиатских империй на севере, полуострова Индостан на юге, Персии на западе, Китая на востоке. Недолгое время Афганистаном правил Александр Македонский, а после него — буддисты и персы, пока их не смели Чингисхан (XIII век) и Тамерлан (XIV век). Их общий наследник Бабур основал в XVI веке династию Великих Моголов. Хотя столицей империи был Дели, Бабур предпочел, чтобы его похоронили в Кабуле. Несмотря на войны, следовавшие одна за другой, основная масса культурного наследия Афганистана остается нетронутой (хотя и находится под угрозой): это по-прежнему одна из крупнейших сокровищниц всей Азии².

Афганистан населяют пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы и другие более мелкие этнические группы. Каждая из них делится на племена, формирование которых нередко обусловлено географическими факторами (например, горами). Племена делятся на семьи, иногда враждебные друг другу. Поведение людей определяет смесь болезненной гордости, воинской доблести, понятий о чести и гостеприимстве, а разногласия разрешаются кровной

мечью. На политику и законность на всех уровнях, от местного до центрального, влияют конфликты и сделки между этими группами, а иногда и отдельными семьями. Поэтому страна практически лишена чувства национального единства, на котором могло бы строиться эффективное унитарное государство.

Большинство афганцев — мусульмане-сунниты. Пуштуны составляют две пятых населения страны, а их язык, пушту, — один из двух государственных языков Афганистана. Большинство их живет на юге Афганистана и в соседнем Пакистане за “линией Дюранда” — границей, проведенной британцами в конце XIX века. Однако значительное число пуштунов проживают и на севере, куда их переселяли в конце XIX века, чтобы укрепить контроль Кабула над этими районами. Пуштуны считали себя (и считались в мире) истинными афганцами. Некоторые думают так и сейчас, чего остальные национальности, населяющие Афганистан, не одобряют.

Таджики (27 % населения), населяющие север и запад страны, и узбеки (9 %), живущие на севере, — этнически родственны населению соседних Таджикистана и Узбекистана. Многие таджики и узбеки бежали в Афганистан в 20-х и 30-х годах, когда в Средней Азии утвердился большевистский режим. Таджики говорят на дари — афганском варианте персидского языка, втором государственном языке.

Хазарейцы (9 %) живут в центральных горах и, как принято считать, происходят от монголов. По вероисповеданию они шииты, и поэтому остальное население считает их неверными. Им часто достается самая тяжелая и неквалифицированная работа, они нередко подвергались преследованиям. Тем не менее, они отличные воины.



В новой истории Афганистана оставили свой след три выдающихся правителя: Ахмад-шах Дуррани (ок. 1722–1773), Дост-

Мухаммед (1793–1863) и Абдурахман (ок. 1840–1901). Им и их преемникам постоянно приходилось решать четыре задачи. Первое — сохранить хотя бы видимость национального единства, несмотря на этнические расколы, беззаконие и насилие, высокомерие провинциальных наместников и стремление большинства афганцев сохранить независимый образ жизни, игнорируя планы и намерения правительства в Кабуле. Каждому афганскому правительству приходится идти на компромиссы, а когда компромисс невозможен — прибегать к силе. Преуспеть в такой ситуации могут лишь незаурядные лидеры.

Второй задачей было сохранить независимость государства в условиях постоянной угрозы. Во внешней политике Афганистан то пытался удержать шаткий нейтралитет, то проявлял готовность дистанцироваться от одного захватчика в обмен на гарантию безопасности и крупные взятки со стороны других. Эта политика нередко терпела крах, и тогда Афганистан покорялся внешним силам. Однако пришельцам было еще труднее управлять страной, чем местным лидерам. Рано или поздно им приходилось смириться с потерями и уносить ноги.

В XX веке правители Афганистана поставили перед собой третью, не менее сложную задачу: модернизировать страну — ее армию, средства сообщения, экономику, правительственный аппарат, систему образования. Большинство из них пыталось улучшить положение женщин, которое всегда было зависимым. Но усилия реформаторов неизменно наталкивались на консерватизм народа, его религиозных и племенных лидеров — и сходили на нет. Реформы в Афганистане всегда выглядели как два шага вперед и один (а то и два-три) шага назад.

Четвертой задачей афганского правителя (и необходимым условием выполнения первых трех задач) было остаться в живых. Лидеры сменяли друг друга с ошеломляющей скоростью. С 1842 по 1995 год семеро из них пали жертвами семейных распрей, дворцовых переворотов, гнева толпы или внешнего вмешательства. Еще четверо с 1878 по 2001 год были изгнаны из страны. Другие предусмотрительно отреклись от престола.



Ахмад-шах Дуррани (Абдали), пуштун, был провозглашен шахом в 1747 году на собрании старейшин (Лойя-джирга) в Кандагаре. Он совершил символический жест, представ, как говорят, перед народом в плаще Пророка, который благоговейно хранили в особой мечети в этом городе. С этого момента и ведет свою историю государство Афганистан приблизительно в нынешних границах.

“Отец афганского народа” Ахмад-шах (умер в 1772 году) объединил беспокойные пуштунские племена, подчинил почти всю территорию сегодняшнего Афганистана, расширил государство до Дели и Персии. Однако при его преемниках многие завоевания были потеряны. Распри пуштунских племен возобновились, империя рухнула. В 1775 году сын Ахмад-шаха перенес столицу из Кандагара в Кабул. Его внук Шуджа-шах (1785–1842) в 1809 году подписал первый мирный договор с иностранной державой: Афганистан и Британия договорились о взаимной поддержке в случае агрессии персов или французов. Через несколько недель Шуджу свергли, и он бежал в Индию. Во время Первой англо-афганской войны Шуджа вернулся в Кабул в багажном вагоне британского военного поезда, а когда англичане оставили страну, он был убит.

Дост-Мухаммед пришел к власти в 1823 году. Британцы заменили его Шуджой. После их ухода он успешно правил Афганистаном еще девятнадцать лет. Большую часть этого времени Дост-Мухаммед поддерживал хорошие отношения с Британией. Но после его смерти в 1863 году в стране снова вспыхнула гражданская война.

После одного проигранного сражения той войны Абдурахман, один из претендентов на афганский престол, остался без армии и без средств. Он был вынужден бежать и одиннадцать лет провел под защитой России в Ташкенте. Но после Второй англо-афганской войны он снискал популярность на родине и стал правителем Афганистана. Мрачный, язви-

тельный, практически неграмотный, но очень умный, Абдурахман был твердо намерен обеспечить своей стране выживание в современном мире. Его жестокие методы принесли ему прозвище “Железный эмир”. Его власть, как и власть многих его преемников, опиралась на безжалостную и вездесущую секретную полицию. Методы Абдурахмана принесли успех. Он искусно маневрировал между Британией и Россией, заложил основы современного государственного аппарата и с английской помощью модернизировал армию.



Преемники Абдурахмана пытались вести Афганистан по пути модернизации. Его сына Хабибуллу, убитого в 1919 году, сменил Аманулла-хан (1892–1960), который в конце Первой мировой войны воспользовался слабостью Британии и вторгся в Индию. Британцы подвергли Кабул и Джелалабад бомбардировке и отбросили захватчиков. Обе стороны не были настроены воевать, так что война через месяц утасла. Британцы прекратили выдавать афганцам субсидии и перестали оказывать влияние на внешнюю политику Афганистана. Аманулла-хан быстро выстроил плодотворные отношения с большевистским правительством России. Он стал первым иностранным правителем, пошедшим на это.

Затем король предпринял масштабные реформы, пытаясь повторить светские преобразования Ататюрка. Он учредил Совет министров, даровал стране Конституцию и предпринял ряд административных, экономических и социальных реформ, а также снял паранджу с королевы. Планы Амануллы-хана — эмансипация женщин, введение минимального возраста вступления в брак и обязательное всеобщее образование — разгневали религиозных консерваторов и спровоцировали мятеж. Бунтовщики сожгли королевский дворец в Джелалабаде и пошли на Кабул. В 1929 году Аманулла-хан бежал в Италию.

Трон в итоге захватил Надир-шах, дальний родственник Амануллы. Он восстановил порядок в стране, но позволил верным войскам разграбить Кабул, так как ему нечем было с ними расплатиться. Он построил первую дорогу из Кабула на север через перевал Саланг и проводил осторожные реформы. В 1933 году его убили.

Его сын Захир-шах (1914–2007) правил с 1933 по 1973 год. Это был самый долгий период стабильности в последние несколько столетий афганской истории, и сейчас его вспоминают как золотой век. В 1949 году был создан парламент, пресса стала более независимой и начала критиковать правящую олигархию и консервативных религиозных лидеров.

В 1953 году Захир-шах назначил премьер-министром своего двоюродного брата Мухаммеда Дауда (1909–1978). Дауд был консервативен, однако не был противником экономических и социальных реформ. В следующие десять лет его влияние на короля было определяющим. Он строил заводы, ирригационные сооружения, аэродромы и дороги при поддержке СССР, США и ФРГ. Советское оружие, техника и система военной подготовки помогли ему модернизировать армию.

В 1963 году Захир-шах снял Дауда, идя навстречу консерваторам, взбешенным его заигрываниям с левыми и Советским Союзом. Но король продолжал реформы. Он построил своего рода конституционную монархию, где существовала свобода слова, допускалась деятельность политических партий, женщины пользовались правом голоса, а девочки и мальчики получали обязательное начальное образование. Женщины могли учиться в университете, и там преподавали иностранки. В авиакомпании “Ариана афган эрлайнс” женщины без паранджи работали стюардессами и администраторами, на кабульском радио появились женщины-дикторы, женщина стала представителем Афганистана в ООН.

Все эти годы систематически развивалась система образования — по крайней мере в столице. В 1904 году в Кабуле открылся лицей “Хабибия”, созданный по модели элитарной

мусульманской школы в Британской Индии. Многих его студентов Аманулла-хан отправлял учиться во Францию и другие европейские страны. В 1932 году была открыта медицинская школа, а вслед за ней юридический, инженерный, сельскохозяйственный, педагогический, естественнонаучный факультеты. В 1947 году их объединили в университет. Учебники в основном были английскими, французскими и немецкими, на этих же языках зачастую и велось преподавание. В 1951 году был открыт факультет теологии, сотрудничавший с исламским Университетом Аль-Азхар (Каир). В 1967 году при поддержке СССР был открыт Политехнический институт, в котором преподавали в основном русские. При толерантном режиме Захир-шаха в Кабуле и Кандагаре возникли студенческие организации.

Быстро развивалась система народного образования. С 1950 по 1978 год число учащихся начальных школ выросло в десять раз, средних — в 21 раз, университетов — в 45 раз. Но экономика развивалась недостаточно быстро, чтобы обеспечить всех выпускников рабочими местами. Многим удалось найти работу лишь в быстро разрастающемся госаппарате. Зарплаты, и без того крошечные, в 60-х — 70-х годах упали вдвое в реальном выражении. Положительным — правда, не для консерваторов — было то, что около 10 % растущей бюрократии составляли женщины.

Американский ученый Луи Дюпре называл Кабульский университет “идеальной питательной средой для политического недовольства”. Именно в университетах возникли первые политические движения Афганистана. Народно-демократическую партию Афганистана создали в 1965 году Нур Мухаммед Тараки, Бабрак Кармаль и Хафизулла Амин. Все трое сыграли важную роль в событиях, предшествовавших советскому вторжению. В том же Кабульском университете учились люди, позднее ставшие крупными фигурами антикоммунистического движения: Бурхануддин Раббани (1940–2011), Гульбеддин Хекматияр (р. 1946), Абдул Расул Сайяф (р. 1946) и Ахмад Шах

Масуд (1953–2001). В 1968 году студенты бунтовали против попыток консерваторов ограничить образование для женщин. В 1969 году произошли новые беспорядки, закончившиеся гибелью нескольких человек: учащиеся школ протестовали против руководства. Университет на некоторое время закрыли.

Социальная и политическая неудовлетворенность росла по мере возвращения на родину молодых афганцев, которых отправляли за границу для получения военного или технического образования. С 1956 по 1978 год почти семь тысяч афганских студентов прошли обучение в советских научных и технических институтах. Соглашение между Афганистаном и Советским Союзом (1955) предусматривало военное обучение, и каждый год около сотни молодых афганцев отправлялись на учебу в СССР и Чехословакию³.

Все эти институциональные перемены, какими бы достойными восхищения они ни были, не получили особой поддержки у народа. Число образованных афганцев, сторонников реформы, росло в Кабуле и некоторых других городах. Но их влияние в сельской местности было очень слабым: кишлаки оставались во власти племенных вождей, местных землевладельцев и мулл. Снова и снова реформы и программа эмансипации женщин, инициированные либералами, наткнулись на религиозный консерватизм. В конечном счете верх над городом брало село, и усилия реформаторов пропадали впустую.

Имперская Россия идет на юг

В XVIII веке над афганским государством начали кружить новые хищники. Как только русские укрепили свои европейские границы и защитили восточные и южные границы от кочевников и татар, имперская логика — стремление к безопасности и к расширению торговли — привела их в сибирские леса, а затем в обширные, но малонаселенные южные степи и пустыни⁴.

Российская экспансия наталкивалась на сопротивление. Россия сражалась с турками и персами, а вскоре увидела в менее развитых государствах Средней Азии и угрозу, и возможности, и преграду всем амбициозным планам, которые она питала в отношении Афганистана и лежащих за ним сокровищ Индии.

Воображение Петра I разжигали доклады о золотом песке в устье Амударьи — реки, впоследствии ставшей границей между Афганистаном и Россией. До него дошли слухи, что хивинский хан готов стать вассалом Петра в обмен на защиту от своих бунтующих подданных. Петр приказал капитану лейб-гвардии Преображенского полка Александру Бековичу-Черкасскому, бывшему кавказскому князю, принявшему православие, узнать подробности. Он выделил Бековичу крупный отряд — казаки и пехота, а также купцы, — с помощью которых тот должен был построить вдоль Амударьи крепости, убедить хивинского хана помочь найти золото и открыть торговый путь в Индию. Бекович добрался до Хивы летом 1717 года. Хан сперва принял его радушно, но затем устроил резню и предательски убил его и его людей, набил голову Бековича соломой и отправил ее бухарскому хану. В 1728 году русские впервые столкнулись с афганцами: их войска встретились с афганской армией, вторгшейся в Персию. Русские победили⁵.

К середине XVIII века русские осознали, что столкнулись с еще одним противником, чьи имперские амбиции не уступали их собственным. В дни Петра британцы в Индии были простыми торговцами. Но русские стали относиться к ним серьезнее, когда Ост-Индская компания после битвы при Плесси (1757) укрепилась в Индии, начала аннексировать туземные княжества, навязала свою гегемонию формально независимым индийским правителям и выдавила из страны французских, голландских и португальских соперников.

В следующие десятилетия Франция, горевшая желанием отомстить за поражение в Индии, предлагала России ряд плохо обдуманных планов вторжения в Индию через Персию или Афганистан⁶. В 1791 году французский советник Екатери-

ны II предложил отправить российские войска в наступление на Индию через Бухару и Хиву, “провозглашая, что они намерены восстановить мусульманское правление Моголов во всей их былой славе. Он утверждал, что это привлечет под штандарты Екатерины армии расположенных на пути вторжения мусульманских ханств и побудит массы в Индии подняться против Британии”⁷. Фаворит Екатерины князь Григорий Потемкин отговорил ее от этого безрассудного плана.

Еще один франко-русский план возник в 1801 году. Хотя две страны формально находились в состоянии войны, Павел I предложил Наполеону совместно напасть на Индию. Не дожидаясь ответа, царь велел Василию Орлову, атаману Донского казачьего войска, отправить тринадцать полков “любою из трех дорог или всеми вместе... прямо через Бухару и Хиву на реку Инд и на заведения англицкие на ней лежащие”. В качестве награды Орлов мог заполучить все богатство Индии. Но беспокоило легкомысленное замечание Павла: “Карты мои идут только до Хивы и до Амурской реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов индийских, им подвластных”.

Орлов выступил посреди зимы, имея в распоряжении более двадцати тысяч человек. За первый месяц его войско, оголовшее, не имевшее достаточных запасов провизии, потеряло пятую часть лошадей и неизвестное число людей. Он не успел даже покинуть пределы империи, когда получил приказ повернуть назад — 11 марта Павел был убит: задушен министрами при попустительстве его сына и, как уверены русские, при соучастии британского посла⁸.

Горячие головы в Петербурге строили подобные безрассудные планы еще несколько десятилетий. Но трезвомыслящие люди соглашались с генералом Леонтием Беннигсеном, немецким аристократом на русской службе, стоявшим во главе русской армии в 1807 году. Британцы, объяснял он, создали в Индии военную систему европейского типа на деньги местных налогоплательщиков. Эта армия, “сформированная

на тех же принципах, что и наши европейские полки, находящаяся под командованием британских офицеров и прекрасно вооруженная, маневрирует с той же точностью, что наши гренадеры". Прежде азиатской коннице удавалось вторгнуться в Индию через северо-восток и покорить субконтинент, но у нее не было ни единого шанса перед лицом англо-индийской пехоты и артиллерии. В то же время ни одна европейская армия не могла достичь Индии, поскольку Британия правила морями, а переброска армии европейского типа через Персию и Афганистан сталкивалась с непреодолимыми препятствиями. Беннигсен мог утверждать это, поскольку участвовал в боях на севере Персии⁹.

К началу XIX века захватнические планы британцев в северной Индии стали вызывать все больше подозрения у русских. Британские купцы все успешнее конкурировали с ними на среднеазиатских рынках. Вся Средняя Азия была наводнена английскими агентами. Все это, заключали русские, прямо противоречит их собственным законным интересам. Поэтому они вновь принялись систематически готовиться к южному походу.

На сей раз никто и не думал отправлять войска, не имея карт и основываясь лишь на слухах. Главным ведомством, отвечавшим за отношения с соседями России в Средней Азии и за сбор информации о них, была Оренбургская пограничная комиссия. С 1825 по 1845 год комиссию возглавлял генерал Григорий Генс (1787–1845), выдающийся ученый-востоковед. В 1834 году Генс послал одного из своих молодых офицеров, натурализованного француза Пьера Демезона, нарядившегося муллой, выяснить все, что возможно, о Бухарском эмирате. На следующий год он отправил Яна (Ивана) Виткевича (1798–1839) с более значительной миссией. Виткевич родился в польской семье в Литве, тогда входившей в состав Российской империи. В возрасте шестнадцати лет его сдали в солдаты в Оренбург за участие в подпольной антиправительственной организации. Виткевича, одаренного лингвиста, заметило на-

чальство, он заслужил повышение и был назначен в Пограничную комиссию.

В отличие от Демезона, Виткевич даже не пытался притворяться, что он не русский офицер, и путешествовал в форме. К своему огорчению, он обнаружил, что британский офицер Александр Бернс (1805–1841) добрался до Кабула прежде него. Однако Виткевич пробыл там четыре месяца, пытаясь договориться о подписании торгового соглашения с эмиром Дост-Мухаммедом, и вернулся в Оренбург вместе с афганским посланцем, который передал просьбу эмира о финансовой и дипломатической поддержке против британского вмешательства в дела Афганистана.

Оренбургский губернатор генерал Василий Перовский одобрил это предложение. Он стал доказывать начальству, что если британцам удастся закрепиться в Кабуле, то до Бухары им “останется один шаг; Средняя Азия подчинится их влиянию, азиатская торговля наша рухнет; они могут вооружить против нас... соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами”¹⁰. Российское правительство согласилось с его доводами и снова отправило Виткевича в Кабул с дарами и секретными инструкциями о сборе информации. Прибыв в Кабул, он обнаружил, что Бернс снова опередил его. Впрочем, усилия Бернса пропали впустую: генерал-губернатор Индии лорд Окленд (1784–1849) направил Дост-Мухаммеду высокомерный и необдуманый ультиматум, угрожая сместить того силой, если он вступит в союз с русскими или с кем-либо еще.

Ничего удивительного, что Дост-Мухаммед оказал Виткевичу всевозможные почести. Виткевич предложил ему союз с Россией, гарантию независимости и территориальной целостности Афганистана. Но по его возвращении в Петербург царское правительство отозвало свои предложения, вероятно, чтобы не злить британцев. Виткевич покончил с собой, а документы, которые он привез из Афганистана, исчезли. Эти удивительные события не получили удовлетворительного объяснения¹¹.

К этому моменту британские шпионы и агенты продвинулись еще дальше на север и проникли вглубь Средней Азии, достигнув Бухары, Хивы и Коканда — центров, которые вызывали у России особый интерес уже более сотни лет. Правительство в Петербурге согласилось с генералом Перовским, что ценный торговый канал в Средней Азии можно защитить только силой оружия.

В 1839 году, в разгар Первой англо-афганской войны, генерал Перовский получил приказ поставить хивинского хана на колени. Отряд Перовского состоял из трех батальонов пехоты, трех казачьих полков, двадцати пушек и десяти тысяч вьючных верблюдов. Снабжение было налажено хорошо. Для выступления выбрали зиму, чтобы не столкнуться с жарой пустыни. К сожалению, зима оказалась необычно суровой, температура упала ниже минус тридцати. Отряд начал таять. Его остатки вернулись в Оренбург в июне 1840 года.

Русские не отступились. Англо-французское вторжение в Крым (1853–1856) закончилось поражением России, и ее позиции в Европе оказались подорваны, так что русские решили обратить внимание на восток и юг. В 1854 году в Санкт-Петербургском университете открылся Восточный факультет, что положило начало солидной традиции востоковедения в России. Теперь, согласно слухам и донесениям агентов, Британия вынашивала планы продвижения через Персию или Афганистан к Каспийскому морю и дальше. В 1857 году князь Александр Барятинский, командующий русскими войсками на Кавказе, предупреждал, что “англичане деятельно готовятся к войне и ведут атаку с двух сторон: с юга — от берегов Персидского залива, и с востока — через Афганистан... Появление британского флага над Каспийским морем будет смертельным ударом: не только нашему влиянию на востоке, не только нашей торговле внешней, но ударом для политической самостоятельности империи”. Российские чиновники вновь начали спорить о вариантах вторжения в Индию, но не решились на это¹². Более трезвый доклад “О возможности неприязненного столкновения России с Англией в Средней Азии”, подготовленный двумя

высокопоставленными офицерами, завершился разумным выводом, что Британия едва ли станет рисковать армией в такой дали от океанов, где она господствует. Однако британцы могли попытаться нанести политический удар посредством “тайных происков в мусульманских наших провинциях и между кавказскими горами”, а также вмешиваться в дела “пограничных с нами областей”. Авторы категорически отвергали какие-либо идеи индийской кампании: обходной маршрут через Герат был слишком сложным в плане снабжения, а прямой путь через Афганистан было слишком легко укрепить против вторжения русской армии. На обозримую перспективу Россия должна руководствоваться исключительно соображениями обороны. Эти выводы, отчасти обусловленные побуждением не провоцировать британцев без нужды на фоне поражения в Крымской войне, твердо поддержал и министр иностранных дел Горчаков¹³.

Оборонительная политика не исключала дальнейшего продвижения на юг ради защиты торговли и выдавливания британцев, а в глазах некоторых военных и политиков и прямо оправдывала его. После 1857 года русские чиновники, прежде всего хорошо осведомленные сотрудники Азиатского департамента Министерства иностранных дел, стали все энергичнее собирать информацию о регионе через агентов, научные экспедиции и дипломатические миссии. Одной из самых важных миссий руководил Николай Игнатьев, честолюбивый молодой офицер, служивший военным атташе в Лондоне. По возвращении он возглавил Азиатский департамент. У него были хорошие отношения с решительно настроенным военным министром Дмитрием Милютиным, и он, как и Милютин, был убежден, что Горчаков недостаточно тверд в отстаивании интересов России. С годами влияние Игнатьева росло, и российская политика на востоке становилась более активной¹⁴.

В свете новых данных чиновники один за другим утверждали в конфиденциальных докладах, что британцы намерены установить контроль над Средней Азией и вытеснить оттуда российских купцов и что для России чрезвычайно важно это

предотвратить. Были ли действительно у Британии такие планы, не так важно. Важно, что представление об этом влияло на политику в Санкт-Петербурге и Оренбурге и извращало ее, подобно тому, как политика в Лондоне и Дели менялась и извращалась под влиянием соображения, будто русские стремятся через Афганистан в Индию. Паранойя вела политиков во всех четырех названных городах.

В конце концов Россия заключила, что для защиты ее интересов в Средней Азии дипломатии недостаточно. В последующие годы она аннексировала либо установила протекторат над всеми независимыми государствами Средней Азии: Ташкентом (1865), Самаркандом (1868), Хивой (1873) и землями к востоку от Каспийского моря (1881–1885).

Русские, по мнению современного британского историка, были менее обременительны для Средней Азии, чем англичане для Индии: русские чиновники были более коррумпированы и менее эффективны, британцы же облагали местное население тяжкими налогами и были более склонны навязывать свою волю насилуем¹⁵. Самое жестокое событие в истории русского завоевания Средней Азии — захват генералом Скобелевым в 1881 году города Геок-Тепе и расправа с его жителями — бледнеет в сравнении с бойней, которую учинили британцы в Индии после восстания сипаев в 1857 году.

Ситуация изменилась после Первой мировой войны. Британцы начали нехотя готовиться к уходу из Индии, желая оставить после себя работоспособные институты. Это было относительно мирное отступление, хотя Британия не вправе снимать с себя ответственность за ужасы раздела Индии 1947 года. Советские власти, руководствуясь собственными соображениями, тоже пытались создать в Средней Азии современные социальные и экономические институты. Однако в результате погибли сотни тысяч, и еще больше людей бежали от насильственного насаждения нового режима и коллективизации. В 1991 году, через сорок лет после британцев, русские тоже распрощались со своей империей. Имперский дух выветрился.

Имперская Британия идет на север

Тем временем британцы продолжали продвигаться на север, опираясь на такие же аргументы, что и русские, и на подобное же сочетание вооруженной силы, дипломатии, коварства, взяток, обмана и предательства. Они так же стремились расширить торговлю и обеспечить безопасность своих имперских границ. Они так же заключали, что одной дипломатии будет недостаточно, и сметали все препятствия по пути на север, прибегая к насилию. К 1801 году Британия была близка к установлению контроля над всей северной Индией и достигла границ Афганистана. Вскоре она начала прибирать к рукам приграничные афганские территории. Особенно болезненной для афганцев оказалась потеря Пешавара, который британцы сначала порекомендовали своему союзнику, предводителю сикхов Ранджиту Сингху (1780–1839), а затем забрали себе после аннексии сикхских территорий в 1849 году.

Прежде британцев беспокоило возможное вторжение Франции при поддержке Персии. Когда Наполеон был окончательно побежден, они пришли к выводу, что главная угроза их расширяющейся индийской империи исходит от России. Между собой они спорили, как лучше противостоять этой угрозе: подкупать афганских правителей, чтобы держать Россию на расстоянии, или же поставить собственного представителя в Кабуле (если придется, то силой) и ввести прямое управление, как в Индии.

Дважды верх брала партия войны. Перед Первой англо-афганской войной (1838–1842) британцы сфабриковали доказательства, оправдывающие свержение афганского правителя Дост-Мухаммеда: они переписали и опубликовали отчеты своих кабульских агентов в таком виде, чтобы представить афганского лидера явным врагом Британии¹⁶. Вторая англо-афганская война (1878–1880) запомнилась не менее циничными и жестокими действиями, хотя на сей раз обошлось без под-

делок. Убийства британских представителей в Кабуле Александра Бернса (1841) и Луи Каваньяри (1879) — следствие запугивания со стороны Британии — в обоих случаях явились предлогом к войне.

Британскому продвижению в Афганистан противостояла не только местная армия, с которой Британия могла справиться, но и широкомасштабное повстанческое движение, которого она не ожидала и которому не смогла дать отпор. Британия терпела провалы: уничтожение целой армии в 1842 году и поражение части кандагарского гарнизона в битве при Майванде в июне 1880 года. Тем не менее обе войны формально закончились победой Британии, за которой в обоих случаях последовала поучительная месть.

Осенью 1842 года британская “армия возмездия” повесила представителей городской знати Кабула в центре города и сожгла базар, построенный еще в XVII веке, “один из великих перекрестков Центральной Азии, где можно было купить шелк и бумагу с севера, из Китая; специи, жемчуг и экзотическое дерево с востока, из Индии; стекло, керамику и вино с запада, из Персии и Турции, и рабов, поступавших с обоих направлений... Говорили, что спустя два дня, когда войска покинули город, пламя все еще озаряло небеса”¹⁷. Среди поселений, преданных огню и мечу, оказались прекрасный кишлак Исталиф, знаменитый своими гончарными изделиями, и провинциальная столица Чарикар, где за год до этого повстанцы уничтожили отряд гуркхских стрелков. Британский офицер, побывавший там, писал матери: “Я вернулся домой к завтраку, испытывая отвращение к себе, к миру, а прежде всего к своей бессердечной профессии. По сути, мы лишь патентованные убийцы”¹⁸. Разорение Кабула в 1879 году было не столь страшным, хотя британцы разрушили часть исторической крепости Бала-Хиссар и повесили в руинах резиденции Каваньяри сорок девять афганцев за предполагаемое участие в его убийстве¹⁹.

Это была пиррова победа. Британия в конце концов осознала, что не сможет реализовать изначальные устремления —

присоединить Афганистан к Британской Индии. Британцы не смогли оставить на троне Кабула своего кандидата: после Первой англо-афганской войны им пришлось смириться с возвращением Дост-Мухаммеда, а после Второй — с воцарением неизвестного и, возможно, пророссийски настроенного Абдуррахмана. Но, пролив немало крови и сильно потратившись, британцы добились главного: удержали Афганистан от попадания в орбиту России и сохранили его в зоне влияния Индии. Посредством взяток, угроз и гарантий поддержки в войне с соседями они смогли убедить правителей Афганистана оставаться — хотя, возможно, и с нежеланием — на стороне Британии. Они взяли на себя ответственность за афганскую внешнюю политику на семьдесят лет, до заключения соглашения, положившего конец краткой Третьей англо-афганской войне (1919).

Этот относительный успех не избавил британцев от преувеличенного страха перед российской угрозой. Чарльз Марвин, корреспондент “Ньюкасл дейли кроникл”, в конце 80-х XIX века проинтервьюировал немало высокопоставленных российских чиновников и военных. Он высказывал сожаление, что “большинство англичан, пишущих о Центральной Азии, лично не знакомы с Россией, не знают русского языка... Они ничего не знают о российском подходе к проблеме, за исключением того, что черпают из преувеличенной и искаженной информации, появляющейся в газетах”. Некоторые британские политики высказывались столь же несдержанно, и им столь же не хватало понимания реалий, сколь и горячим головам в России. Беспokoясь, что русские могут захватить Константинополь в ходе войны с Турцией, Бенджамин Дизраэли советовал королеве Виктории 22 июня 1877 года “в таком случае Россию атаковать из Азии; войска следует отправить в Персидский залив, а императрице Индии следует послать свою армию в Центральную Азию, очистить ее от москвитов и отбросить их к Каспийскому морю. Мы располагаем достойным орудием в лице лорда Литтона [вице-король Индии в 1876–1880 годах],

и, в сущности, он был отправлен туда из этих соображений”²⁰. Однако здравомыслящие британские чиновники осознавали, что современной армии будет трудно сохранить боеспособность при проходе по опасным горным перевалам и пустыням Средней Азии. Существовала и еще более реалистичная угроза: вмешательство в иностранные дела могло вызвать мятеж в самой Индии. Британцы еще помнили индийское восстание 1857 года.

Предметом стратегического интереса Британии стал Герат. Этот город, который контролировали то персы, то афганцы, в глазах британских чиновников являлся “воротами в Индию”. Здесь побывали, двигаясь на юг, Александр Македонский, Чингисхан и Бабур, основатель династии Великих Моголов, и британцы опасались, что следующими по этому пути пойдут русские. Британия и Россия дважды оказывались на грани войны за Герат. В 1837 году Россия поддержала попытку Персии захватить город. Осада, длившаяся четыре месяца, велась, по словам историка того времени, “с бесчеловечной ненавистью и безжалостным варварством”²¹. Осада была снята, когда британские войска в Персидском заливе стали грозить шаху.

В 1885 году к войне чуть не привели споры по поводу отдаленного Пендинского оазиса, лежащего между Мервом (Мары) и Гератом у реки Амударья. Русские называли его Кушкой, теперь это туркменский город Серхетабад. Афганцы настаивали, что Пендинский оазис принадлежит им. Русские, тем не менее, захватили оазис, и афганцы понесли большие потери. Британия предупредила: дальнейшее движение в сторону Герата будет означать войну. По совету британцев афганские защитники Герата снесли несколько чудесных зданий XV столетия, чтобы увеличить сектор обстрела. В конечном счете Россия воздержалась от нападения, и кризис сошел на нет, прежде всего благодаря здравомыслию Абдурахмана.

Англо-русское соперничество в высокогорных районах к востоку от Афганистана продолжалось и в 90-х годах

ХІХ века. Вооруженные столкновения между русскими и афганцами случались вплоть до 1894 года. Но в Европе в связи с усилением Германии начала расти напряженность, и обе стороны решили, что стоит умерить свои амбиции в Азии²². Англо-русская пограничная комиссия постановила, что граница между Афганистаном и Российской империей должна проходить по Амударье. В 1891 году британцы настояли на том, чтобы между Индией и Россией возник буфер: чтобы Абдуррахман принял под свою власть Ваханский коридор — узкую высокогорную полосу, местами менее пятнадцати километров в ширину, граничившую с Китаем, Афганистаном и Российской империей. Обе эти границы имели стратегическое значение во время советской войны.

Однако самые серьезные последствия для внешнеполитического и стратегического положения Афганистана имеет так называемая линия Дюранда, проведенная в 1893 году британским чиновником из правительства Индии. Она шла по территории пуштунских племен, по пограничной земле между Пенджабом и южным Афганистаном. Последующие правительства Афганистана негодовали по поводу потери этой территории, в том числе Пешавара, который по праву считали своим. Афганистан был единственной страной, голосовавшей против принятия Пакистана в ООН после провозглашения им независимости в 1947 году. Премьер-министр, позднее президент Дауд поддерживал идею создания Пуштунистана — возвращения афганцам их земель, оказавшихся с пакистанской стороны “линии Дюранда”. Пакистанцы, в свою очередь, делали все возможное для дестабилизации обстановки у соседей. Вражда между двумя государствами оказала крайне негативное влияние на ситуацию в Афганистане в ХХІ веке.

Местные жители не замечали “линии Дюранда”, кроме тех случаев, когда их к этому вынуждали: они враждовали друг с другом, провозили контрабанду, торговали и дрались в равной мере по обе стороны границы. Британцы пытались контролировать границу в 20-х и 30-х годах. Они предпринимали

карательные рейды против кочевых племен и бомбили деревни с воздуха. Попытки СССР укрепить границу во время войны 1979–1989 годов закончились провалом.

СССР — лучший друг Афганистана

В августе 1907 года Россия и Британия заключили соглашение о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете. Русские воспользовались этим затишьем, чтобы пополнить свои знания о стране. Андрей Снесарев, профессор Академии Генерального штаба, провел большую часть своей жизни в поездках по Средней Азии, в ее изучении и в раздумьях о роли Афганистана в региональной политике. Он заключил, что Афганистан — настоящий кошмар завоевателей, что страна не оправдает тех ресурсов, которые будут затрачены на овладение ею, но что это действительно ворота в Индию, как были убеждены некоторые его британские предшественники. В 1921 году была опубликована книга Снесарева о географических, этнических, культурных и военных особенностях Афганистана. В 1930 году Снесарева арестовали, приговорили к расстрелу, а затем выпустили на свободу. Он умер дома в 1937 году, и об его книге быстро забыли. Однако после ухода СССР из Афганистана ее переиздали, и с тех пор Снесарев стал своего рода культовой фигурой для русских, испытывающих интерес к этой стране.

Как только британцы отказались от контроля над внешней политикой Афганистана, Аманулла-хан в 1921 году подписал договор об установлении отношений с молодым Советским Союзом. По этому договору Россия обещала выделить Афганистану финансовую поддержку, построить телеграфную линию между Москвой и Кабулом и предоставить военных специалистов, оружие и самолеты. За ним в 1926 году последовал договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В 1928 году было открыто регулярное авиасообщение между Москвой и Кабулом, а в Герате и Мазари-Шарифе появились советские консульства.

К 30-м годам Советский Союз стал для Афганистана важнейшим торговым и политическим партнером, хотя отношения между двумя странами временами осложнялись. Беженцы из среднеазиатских республик СССР пытались найти убежище в Афганистане, и их преследовали отряды Красной армии. Весной 1929 года Россия вторглась в Афганистан, пытаясь вернуть Аманулла-хана на пошатнувшийся трон. Сталин отправил около тысячи солдат, одетых в афганскую военную форму, под командованием бывшего советского военного атташе в Кабуле генерала Виталия Примакова (1897–1937), который, в свою очередь, маскировался под турецкого офицера. В ходе тяжелых боев русские взяли Мазари-Шариф, Балх и другие города. Но они быстро утратили симпатии местного населения, и Сталин, узнав, что Аманулла-хан бежал из страны, отозвал войска. В 1937 году Примакова расстреляли. В целом то был расцвет двусторонних отношений.

Перед самой Второй мировой войной немцы пытались расширить свое влияние в Афганистане посредством экономической и военной помощи. Они добились некоторых успехов. К моменту советского вторжения президентская гвардия по-прежнему носила немецкие каски. Во время мировой войны Захир-шах умело маневрировал между британцами и русскими, которым пришлось сотрудничать друг с другом, чтобы расстроить немецкие планы. В 1943 году Захир-шах выслал из Афганистана немецких агентов, на которых указала разведка союзников²³.

Когда началась холодная война, Захир-шах и его премьер-министр Дауд столь же умело играли на противоречиях Востока и Запада. В 1953 году американский госсекретарь Джон Фостер Даллес выдвинул идею “северного яруса” мусульманских государств на Ближнем Востоке, включавшего и Афганистан. Эти страны должны были стать барьером против коммунизма. Он безуспешно убеждал Афганистан вступить в Багдадский пакт, подписанный в 1955 году. Президент Дуайт Д. Эйзенхауэр побывал в Кабуле в 1959 году. Американцы построили

бетонное шоссе, соединяющее Герат с Кабулом через Кандагар, и поддержали ряд образовательных и экономических программ, в том числе крупный ирригационный проект в провинции Гильменд. Но в 60-х американцев отвлекла война во Вьетнаме, и их интерес к Афганистану стал угасать.

Впрочем, они не опустили руки. Госсекретарь Генри Киссинджер побывал в Кабуле в 1974 и 1976 годах, и, учитывая резкое снижение британского влияния после 1945 года, советское руководство теперь опасалось уже не британского, а американского вмешательства. В 1955 году Никита Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС, нанес в Кабул визит. Он заключил, что американцы делают все возможное, чтобы привлечь Афганистан в лагерь своих союзников и разместить в стране военные базы²⁴. Подобные представления сыграли свою роль в решении советского правительства ввести войска в Афганистан в 1979 году.

После визита Хрущева СССР объявил о выделении Афганистану кредита на развитие в размере ста миллионов долларов²⁵ и в дальнейшем продолжал предоставлять кредиты, субсидии, техническую и военную помощь, а также обучать специалистов. СССР наладил контакты с маленькой, но сварливой коммунистической партией — Народно-демократической партией Афганистана (НДПА). Вскоре она разделилась на две враждующие фракции: “Парчам” (“Знамя”), пользовавшуюся поддержкой в основном в городах, и “Хальк” (“Народ”), в основном опиравшуюся на село. В 70-х годах советские власти положили немало сил на то, чтобы две эти фракции не уничтожили друг друга. Они не слишком преуспели, и вражда отравляла афганскую политику еще двадцать лет.



Яростные столкновения, которые вот-вот должны были сотрясти внутреннюю политику Афганистана, предоставили

России огромные возможности и вместе с тем обеспечили ей еще более серьезную головную боль.

Дауд, отправленный Захир-шахом в отставку в 1963 году, ждал. Наконец, в июле 1973 года, когда Захир отдыхал в Италии, Дауд совершил бескровный переворот и сместил короля при поддержке лидеров НДПА и группы офицеров-коммунистов, чьи имена еще всплывут в нашей истории: Кадыр, Ватанджар и Гулябзой. Родственников Захира, которые еще оставались в Кабуле — одна из принцесс вовсю готовилась к свадьбе, — бесцеремонно выдворили из страны. Два дня спустя Советский Союз признал новый режим. Несмотря на связи с коммунистами, русские утверждали, причем довольно убедительно, что не имели отношения к перевороту.

Конституция Захир-шаха запрещала членам королевской семьи занимать министерские позиции. Так что Дауд упразднил монархию и провозгласил себя президентом и премьер-министром. Он назвал предшествующее десятилетие периодом “ложной демократии” и пообещал провести “революционные реформы”. В новое правительство вошли члены НДПА.

Дауд, более волевой, чем Захир, держал страну в ежовых рукавицах. Свобода партий и студенчества была урезана. Бывший премьер-министр загадочным образом умер в тюрьме. Сотни людей были арестованы, а пятеро казнены за политические преступления — впервые более чем за сорок лет. В 1977 году Дауд продавил принятие новой конституции. Она превращала Афганистан в президентское однопартийное государство, в котором было позволено действовать только Партии национальной революции Дауда.

Вскоре шпионы стали доносить Дауду, что исламские молодежные организации и радикальные коммунистические группировки замышляют его свержение. Дауд начал принимать меры против тех и других. Москва приложила все усилия к тому, чтобы убедить коммунистов поддержать Дауда, и предупредила его, что с репрессиями не стоит заходить слишком

далеко. Ни коммунисты, ни Дауд не обратили на эти призывы практически никакого внимания.

Летом 1975 года Хекматияр и другие исламские лидеры Афганистана при поддержке премьер-министра Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто устроили серию восстаний, которые правительство без труда подавило. Их руководители были казнены, помещены в тюрьму или бежали в Пакистан, где их взяла под крыло пакистанская военная разведка. Многие из тех, кто выжил — Раббани, Хекматияр, Ахмад Шах Масуд, — учились вместе в Кабульском университете, а потом сыграли серьезную роль в борьбе против русских. Это, впрочем, не помешало им и далее интриговать друг против друга, а порой и вступать в яростные схватки. После ухода России из Афганистана в 1989 году конфликт между ними развернулся с такой силой и жестокостью, что практически разрушил страну и убедил измученный народ: что угодно предпочтительней этой страшной смертоубийственной войны. В данном случае “чем угодно” оказался “Талибан” — радикальное движение молодых исламских фундаменталистов, возникшее в начале 90-х годов.

Главной целью Дауда было усиление позиций государства во внутренней политике и на международной арене. В обоих отношениях основным инструментом для него была армия, и он изо всех сил старался ее укрепить. Американцы отказывали ему в помощи, так что он, как встарь, обратился к русским. Тысячи афганских офицеров и военных специалистов учились в заведениях в семидесяти советских городах.

Но Дауд прекрасно понимал, что его маленькой стране не следует слишком полагаться на один источник помощи: по слухам, он заявлял, что намерен “зажечь американскую сигарету русской спичкой”²⁶. Дауд стал укреплять отношения с шахом Ирана, который предложил Афганистану два миллиарда долларов на выгодных условиях. Саудовцы сказали, что помогут ему, только если он пересмотрит отношения с Советским Союзом. Дауд усилил надзор за левыми партиями, закрыл несколько принадлежавших им издательств, изгнал из правительства

чиновников левых взглядов и выпустил из тюрьмы некоторых консервативных политиков, томившихся там после переворота 1973 года. Тем не менее в нескольких провинциях по-прежнему происходили вооруженные выступления правой оппозиции, которую не всегда можно было отличить от обычных бандитов.

Тем временем СССР продолжал наращивать поддержку Дауда. Объемы советско-афганской торговли утроились. Активизировалось общение на высшем уровне. Никита Хрущев снова нанес визит в Афганистан в 1960 году, а его преемник Леонид Брежнев — в 1964 году. Договор о нейтралитете и ненападении пролонгировали еще на десять лет.

В апреле 1977 года в Москве Дауд подписал соглашение о развитии двусторонних советско-афганских экономических и торговых отношений сроком на двенадцать лет. Однако его встреча с Брежневым закончилась ссорой. Брежнев потребовал от Дауда прекратить сближение с Западом и выслать многочисленных западных советников. Дауд вспылил: он президент независимой страны и расстанется со своими советниками, только когда сам решит, что в них больше нет необходимости.

Он начал думать над тем, как бы избавиться от советской зависимости. Госсекретарь США Сайрус Вэнс встретился с Даудом в Вене в октябре 1977 года и пригласил его посетить Соединенные Штаты. Американцы увеличили объем кредитов и субсидий Афганистану. В январе 1978 года посольство США в Кабуле доложило, что отношения с Афганистаном — превосходные. Дауд принял приглашение Вэнса. Средства, выделяемые на американскую программу военной подготовки, были удвоены, чтобы обеспечить противовес — хотя бы отчасти — советской военной помощи. Правительство Афганистана также сотрудничало, по утверждению посольства, в борьбе с оборотом наркотиков.

Это сотрудничество полностью прекратилось после коммунистического переворота 1978 года. Новое правительство намеревалось в считанные годы превратить Афганистан в современное социалистическое государство, опираясь на мето-

ды, доведенные до совершенства Сталиным в России и Пол Потом в Камбодже.

Потерянный рай

К началу 70-х годов в Афганистане сложились многие элементы современного государства. В стране было относительно безопасно: можно было путешествовать, устраивать пикники, осматривать достопримечательности. Иностранцы, которые жили в Кабуле в последние дни перед коммунистическим переворотом — дипломаты, ученые, бизнесмены, инженеры, учителя, сотрудники неправительственных организаций, хиппи, — потом вспоминали то время как золотой век. Так же считали многие представители очень тонкой прослойки афганского среднего класса, жившие в Кабуле и нескольких других крупных городах.

В 70-х годах большая часть старого Кабула сохранялась — муравейник улиц, базары, мечети, над которыми возвышалась величественная крепость Бала-Хиссар. Это место, по мнению императора Бабура, отличалось “самым приятным климатом в мире... за день здесь можно доскакать до места, где снега никогда не бывает. Но за два часа можно добраться туда, где снега никогда не таяли”²⁷.

В центре города стоял хорошо укрепленный дворец Арк, построенный Абдуррахманом и ставший свидетелем массы крутых поворотов афганской политики. Аманулла-хан, внук Абдуррахмана, заказал европейским архитекторам план новой, монументальной столицы — громадного дворца Дар уль-Аман на юго-западной окраине города, а также летнего пансионата в деревушке Пагман на близлежащей возвышенности, где нашлось место коттеджам в швейцарском стиле, театру, Триумфальной арке, полю для гольфа и треку для гонок на слонах.

Через дорогу от дворца Дар уль-Аман стоял Кабульский музей, открытый в 1924 году. Там хранилась одна из богатейших коллекций среднеазиатского искусства: каменные ин-

струменты из Бадахшана возрастом около сорока тысяч лет, золотой клад из Баграма, стекло из Александрии, греко-римские статуэтки, индийские панели из слоновой кости, исламские и доисламские предметы обихода из самого Афганистана, одно из крупнейших в мире нумизматических собраний и более двух тысяч редких книг. На северной окраине Кабула находилось грандиозное британское посольство, символ английской мощи, построенное в 20-х годах. Не менее масштабное советское посольство располагалось в юго-западной части города, по дороге к Дар уль-Аману.

“Кабул, — говорилось в путеводителе, выпущенном при поддержке Туристического бюро Афганистана, — это быстро растущий город, где высокие современные здания поднимаются посреди оживленных базаров и широких проспектов, заполненных потоком блестящих тюрбанов и расписных чапанов в полоску, школьниц в мини-юбках, привлекательных лиц и несущегося транспорта”²⁸.

В те дни Кабул стоял на краю “тропы хиппи”, и тысячи романтически настроенных, зачастую легкомысленных молодых искателей приключений хлынули в Индию по дороге из Ирана, идущей через Герат и Кабул. Они водили разбитые автомобили, которые часто ломались и попадали в заботливые руки изобретательных местных механиков. Хиппи искали просветления, наркотиков и секса, не имели ни гроша и порой расставались на этой дороге с жизнью.

Но за этим хрупким фасадом скрывался подлинный Афганистан, страна набожных простых людей. Страна, где споры между соседями, семьями, кланами и племенами по-прежнему разрешались насилием, где женщины все еще полностью находились под властью мужчин, где предписания кабульского правительства редко когда выполнялись и где понятие принадлежности к нации, а не только к семье или племени, не было популярным.

Эндрю Эбрам побывал в Кабуле в 1975 году и так описывал увиденное: “Целые самолеты молодых американских

и европейских туристов с тщательно вымытыми волосами до пояса, в 'этнических' афганских костюмах (каких я не видел ни на одном афганце), сшитых на заказ афганских ботинках, в расшитых блестками безрукавках и со сделанными на заказ кожаными мешочками для денег на сделанном на заказ кожаном ремне. Все выглядят практически идентично и бродят по Чикен-стрит [рынок для туристов] в поисках дорогих сувениров, которые потом продемонстрируют маме и папе в загородном клубе, прежде чем улететь в очередное стерильное путешествие. Вечером они возвращаются в свои хипповые гостиницы, чтобы поужинать западной едой из обширного западного меню, отпечатанного с ошибками, и курить гашиш, купленный у улыбчивого персонала... Сколько же они теряют возможностей увидеть, как по-настоящему живут люди другой культуры. Если бы они прошли дальше, оставив позади километры магазинов с экспортными коврами и лотки, где торгуют верблюжьими бургерами, то попали бы в старый город на берегах реки Кабул, увидели бы часть настоящего Афганистана. Старая часть, которая поднимается до половины высоты окружающих город холмов, подобна Герату: базары и грязь, всюду люди. Магазины, торгующие чем угодно и всем, что только возможно, фабрики, изготавливающие обувь и ведра из старых автомобильных шин, лотки с настоящей дешевой и хорошей афганской едой"²⁹.

С появлением советских войск в 1979 году хиппи покинули страну. Но если забыть о нашествии и некотором ущербе, причиненном во время боев, жизнь в Кабуле во многих отношениях оставалась неизменной. "Даже тогда, — вспоминала одна женщина, — мы по-прежнему ходили в школу. Женщины работали преподавателями, врачами, чиновницами. Мы ездили на пикники и вечеринки, носили джинсы и короткие юбки, и я думала, что поступлю в университет, как моя мать, и буду зарабатывать себе на жизнь"³⁰. Джонатан Стил, британский журналист, который оказался в Кабуле в то время, писал: "В 1981 году в двух кабульских университетах были

толпы студенток — как, впрочем, и студентов. Большинство ходило по кампусу даже без платка. Сотни людей ездили в советские университеты изучать инженерное дело, агрономию и медицину. Банкетный зал кабульского отеля по вечерам пульсировал волнением свадебных торжеств. Рынки кипели. Из Пакистана шли караваны раскрашенных грузовиков, доставлявших японские телевизоры, видеомагнитофоны, камеры и музыкальные центры. Русские не предприняли ничего, чтобы положить конец этому динамичному частному предпринимательству»³¹.

Как писала одна журналистка, через несколько месяцев после ухода русских в Кабуле, «хотя он все еще и находился на военном положении, царила праздничная атмосфера. Это был июнь, месяц свадеб, когда цветы наполняют воздух ароматами, река Кабул набухает от талого снега, и я сидела на солнце, облизывая мороженое в университетском кафе вместе с бойкими молодыми женщинами на высоких каблуках. Среди них были крашенные блондинки, и заметная грудь одной из них была обтянута футболкой с надписью 'Этот идиот не со мной'. Я танцевала на вечеринке в квартире одного знакомого чиновника. Известная певица по имени Ваджиха брэнчала на гитаре, постоянно затягиваясь сигаретой. Единственными реальными признаками войны, если не считать множество мужчин и женщин в военной форме и гул самолетов, были очереди на рассвете у пекарен: люди ждали дневных рационов, по пять лепешек наан на семью, — а также музыка и идеологические лозунги из динамиков, висевших на деревьях по всему городу. Порой эти трансляции, как ни странно, перемежались утренней зарядкой и музыкальной темой из 'Истории любви'³².

Но рай был уже утрачен. Гражданская война, разразившаяся после ухода русских, превратила Кабул в руины, а "Талибан", положивший этой войне конец, покончил и со старой жизнью. Дворцы и гостиницы были разрушены, музей разграблен, а музыка, танцы и образование для женщин канули в Лету

Глава 2

Начало трагедии

Двадцать седьмого апреля 1978 года афганские коммунисты, избравшие для своей партии невинное название Народно-демократической, устроили кровавый переворот и свергли президента Дауда. Победители назвали происшедшее Апрельской революцией, началом новой эпохи, которая преобразит Афганистан. Спустя десять с лишним лет русские все еще спорили, была ли это действительно революция или просто путч. Генерал Ляховский, летописец войны в Афганистане, в которой он участвовал пять лет, высказывался более резко. По его мнению, апрельский переворот был началом трагедии не только для Афганистана, но и для Советского Союза¹.

Ряд источников утверждал, что лидеры НДПА были с самого начала тесно связаны с КГБ и что большинство их напрямую контролировалось из СССР². Впрочем, надежных доказательств причастности советских властей к перевороту нет. В то время за операции КГБ за границами СССР отвечал Владимир Крючков. Он играл ключевую роль в советской политике в отношении Афганистана вплоть до своего ареста в 1991 году после попытки смещения Михаила Горбачева. Крючков утверждал, что КГБ не имел отношения к свержению Дауда³. Наверное, его не назовешь самым надежным свидетелем, но другие советские чиновники, в силу своего положения осведомленные о ситуации, подтверждают его слова.

Как бы то ни было (а пока архивы КГБ не будут раскрыты, ничего нельзя утверждать однозначно), афганские коммунисты сразу стали для русских настоящим кошмаром. Хотя в 1968 году в партии состояли всего полторы тысячи человек⁴, советские коммунисты не могли их игнорировать. НДПА объявила о своей приверженности марксизму и Советскому Союзу, и, учитывая всю сложность внутренней политики Афганистана, партия должна была стать ценным активом. Однако политические взгляды лидеров НДПА были грубы и безыскусны. Исповедуемый ими вариант марксизма был малоприменим в стране, ситуация в которой предельно далеко отстояла от классической революционной и где отсутствовал ключевой, в теории, атрибут революции — городской пролетариат. Но у них был ответ и на это: отставить теорию и сосредоточиться на захвате власти и управлении.

Что еще хуже, с самого начала партию раздирала губительная вражда между двумя фракциями — “Парчам” и “Хальк”. Крыло “Парчам” объединяло в основном городских интеллектуалов, и руководил им Бабрак Кармаль, пуштун и генеральский сын. Кармаль изучал право в Кабульском университете и несколько лет отсидел в тюрьме за участие в студенческой политической деятельности. Потом он работал в Министерстве образования и Министерстве планирования. Он участвовал в создании НДПА в 1965 году, позднее стал депутатом парламента. Советские военные, собиравшие досье на афганских лидеров, указывали, что Кармаль “эмоционален, склонен к абстракции в ущерб конкретному анализу. Вопросы экономики знает слабо и интересуется ими в общем плане. Свободно владеет английским языком, немного знает немецкий”⁵.

“Хальк” черпала поддержку в сельской местности и среди пуштунских племен. Ее лидерами были Нур Мухаммед Тараки и Хафизулла Амин. Тараки выучил английский, в молодости поработав клерком в Бомбее, и изучал политэкономия в Кабульском университете. Амин тоже учился в Кабульском университете, затем в аспирантуре Колумбийского универ-

ситета в Нью-Йорке, а по возвращении на родину работал учителем.

Внутрипартийный раскол имел и теоретическое измерение. Обе фракции верили в идею социалистического Афганистана. Однако приверженцы “Парчам” считали, что Афганистан еще не созрел для социализма. Этой цели следовало добиваться постепенно, в союзе — хотя бы на первых порах — с националистическими и прогрессивными силами. Лидеры “Хальк”, напротив, полагали, что первоочередная задача — взять власть силой, и, следовательно, социализм мог утвердиться в Афганистане в кратчайшие сроки, с помощью методов, которые Сталин и Мао успешно применили в своих отсталых странах.

Каждая фракция создала отдельную организацию для работы с армией. В 1974 году полковник Кадыр, который сыграл важную роль в смещении короля годом ранее и был твердым сторонником “Хальк”, организовал в армии секретный “Объединенный фронт коммунистов Афганистана”. “Хальк” стал влиятельной силой среди военных.

Поскольку советское правительство ценило отношения с правительством Дауда, послу СССР и главному военному советнику было запрещено вести дела с лидерами НДПА. Отношения с ними выстраивались через представителя КГБ в Кабуле. В январе 1974 года он получил инструкции встретиться с Тараки и Кармалем по отдельности и выразить “глубокую озабоченность” советского правительства продолжающейся внутренней борьбой “Парчам” и “Хальк”. Вражда, должен был передать он, играла на руку внутренним и внешним врагам. НДПА следовало “объединить усилия и оказать всестороннюю поддержку республиканскому режиму” президента Дауда⁶.

Сам Дауд тоже был встревожен интригами НДПА в армии и бюрократическом аппарате. В апреле 1977 года он сообщил русским о своей обеспокоенности информацией о планах отстранения его от власти, которые предположительно вынашивают левые. Начались аресты как левых, так и правых

активистов. Их помещали в печально известную тюрьму Пули-Чархи на восточной окраине Кабула. Ее построили немцы по чешским чертежам. Тюрьма была выстроена в форме подснежника: восемь блоков исходили из центра. Концы этих “спиц” были соединены каменной стеной. В местах, где спицы соединялись со стеной, стояли сторожевые вышки. С воздуха тюрьма выглядела как тележное колесо. Крыши “спиц” были покрыты медью, на закате приобретающей зловещий красный цвет. Тюрьму охранял специальный батальон — триста солдат и четыре танка. Казни происходили на небольшой площади в центральной части тюрьмы. Жертв укладывали лицом вниз и стреляли им в голову, так что на стенах не оставалось следов от пуль. В тюрьме, рассчитанной на пять тысяч заключенных, к моменту советского вторжения содержались минимум двенадцать тысяч человек⁷.

Под давлением СССР фракции НДПА наконец согласились воссоединиться. В июле 1977 года лидеры “Парчам” и “Хальк” собрались в Джелалабаде. Это была их первая встреча за десять лет. Они выбрали новый ЦК и Политбюро, назначили Тараки генеральным секретарем, Бабрака Кармаля — его заместителем. А вот кандидатура еще одного из лидеров “Хальк”, Амина, была поставлена под сомнение. Некоторые оппоненты обвинили его в связях с ЦРУ во время учебы в Нью-Йорке. Амин ответил, что тогда ему не хватало денег и он лишь водил ЦРУ за нос. (Русские заполучили стенограмму того заседания и раздули это обвинение через два года, когда решили выступить против Амина⁸.)

Тревога Дауда была оправданной: НДПА действительно планировала переворот, и полковник Кадыр был одним из главных сторонников этой идеи. Семнадцатого апреля ведущий идеолог “Парчам” Мир Акбар Хайбар был убит при подозрительных обстоятельствах: некоторые говорили, что правительственными агентами, другие — что это была провокация, устроенная Амином. В любом случае это послужило сигналом. Похороны Хайбара закончились масштабной

демонстрацией с участием десятков тысяч человек. Полиция грубо разогнала митинг, а Дауд приказал арестовать ряд лидеров НДПА. Вечером 25 апреля взяли Тараки, Кармаля и других. Амину удалось оттянуть арест и подать сигнал к перевороту своим людям в армии через Саида Мухаммеда Гулябзоя, молодого лейтенанта ВВС, сыгравшего важную роль в афганской политике перед советским вторжением и в течение многих лет после него.

Коммунисты берут власть

На следующий день начали действовать сторонники “Хальк” в армии. Первой выступила 4-я танковая бригада, размещенная у тюрьмы Пули-Чархи. Бригадой командовал безусловно верный Дауду офицер. Однако начальник его штаба Мухаммед Рафи и двое командиров батальонов — Мухаммед Аслам Ватанджар и Ширьян Маздурьяр — были членами НДПА и ключевыми участниками заговора. Ватанджар убедил своего командира, что, поскольку в городе беспорядки, следует приготовить к бою десять танков, чтобы их можно было в случае необходимости отправить Дауду на вырубку.

Около полудня первая колонна приблизилась к президентскому дворцу Арк в центре города. Дворец был настоящей крепостью, и его охраняли две тысячи солдат с танками. Ровно в двенадцать Ватанджар приказал совершить первый выстрел в сторону дворца. Дауд в это время проводил заседание кабинета. Он велел министрам спасаться бегством. Министры обороны и внутренних дел выскользнули с черного хода, пытаясь организовать сопротивление. Но войска, лояльные “Хальк”, уже захватывали ключевые объекты по всему городу, а вечером к 4-й бригаде присоединились десантники. Войска, верные Дауду, были нейтрализованы, арестованные лидеры НДПА освобождены, а самолеты, вылетевшие с базы в Баграме, начали бомбить дворец.

Советское посольство на южной окраине города попало под перекрестный огонь. Женщины и дети укрылись в подвале. Пули уже летали вокруг зданий посольства, а один противотанковый снаряд попал в дерево. Никто, однако, не пострадал⁹.

Вечером группа десантников ворвалась во дворец и потребовала от Дауда сложить оружие. Дауд выстрелил и ранил их командира, но в последовавшей перестрелке погиб, как и все члены его семьи (по данным некоторых источников, их убили хладнокровно, когда бой уже закончился). Министр обороны погиб, когда дивизия, которую он вел к городу, попала под бомбы. На следующее утро, после интенсивных боев по всему Кабулу, сопротивление прекратилось. НДПА заполучила власть ценой жизни сорока трех военных и ряда гражданских лиц. Среди раненых был Гулябзой. На тот момент это был самый кровавый случай смены власти в Афганистане.

Хотя многие обвиняли СССР в причастности к перевороту, не ясно, знали ли о нем вообще советские власти. Несмотря на тревогу, вызванную заигрываниями Дауда с Западом, советская политика — дружить с тем афганским правительством, которое в данный момент у власти, — в прошлом оправдывала себя, и не было никаких оснований полагать, что она не даст удовлетворительных результатов в дальнейшем. Для советских чиновников в Кабуле, в том числе для представителя КГБ, переворот явился громом среди ясного неба. Лидеры НДПА не предупреждали их и не советовались, будучи уверенными, что Москва план не одобрит¹⁰. Дипломатический советник Брежнева, Андрей Александров-Агентов, позднее утверждал, что Брежнев узнал о перевороте из иностранной прессы. Генерал-лейтенант Горелов, главный военный советник, говорил, что узнал о путче, когда пришел в свой кабинет в Кабуле и услышал стрельбу. Он позвонил советнику из СССР при 4-й танковой бригаде, чтобы выяснить, что случилось¹¹. Другие источники утверждают, что КГБ сотрудничал с людьми из НДПА и участвовал в подготовке переворота, но его

не предполагалось устраивать раньше августа. Возможно, в очередной раз правая рука советских властей не знала, чем занимается левая. Но это оказалось неважно. Как только переворот произошел, у советского правительства не было иного выбора, кроме как оказать новому правительству поддержку.

Новые лидеры немедленно созвали Революционный совет — высший орган политической власти Демократической Республики Афганистан. Тараки был назначен главой государства и премьер-министром, Кармаль стал его заместителем, Амин — министром иностранных дел. Ватанджар, Рафи и Кадыр также получили государственные посты. Хотя министерские портфели были поровну разделены между “Хальк” и “Парчам”, Амин сохранил связи в армии.

Девятого мая новое правительство опубликовало программу радикальных социальных, политических и экономических реформ. “Основные направления революционных задач” провозглашали ликвидацию безграмотности, равенство для женщин, конец этнической дискриминации, более значимую роль государства в национальной экономике и упразднение “феодалных и дофеодалных отношений”, под которыми подразумевалась власть землевладельцев, племенных лидеров и мулл, особенно в сельской местности. Что касается ислама, то когда в июле 1978 года Крючков приехал в Кабул с заданием прояснить ситуацию, Тараки посоветовал ему вернуться через год: тогда, по его словам, мечети будут пустовать¹². Это показывало, насколько новый режим оторвался от реальности.

Впервые за современную историю Афганистана на один из высших политических постов была назначена женщина. Анахита Ратебзад (р. 1930), по образованию врач, стала одной из четырех женщин-депутатов афганского парламента в 1965 году, была в числе основателей НДПА и поддерживала “Парчам”. Ее первый муж был личным врачом Захир-шаха. Теперь она жила с Бабраком Кармалем. Двадцать восьмого мая она заявила в интервью газете “Кабул таймс”: “Среди привилегий, которые принадлежат женщинам по праву — равное пра-

во на образование, безопасность труда, медицинская помощь и досуг, чтобы выращивать здоровое поколение, создавая будущее для нашей страны. . . Образование и просвещение женщин стали предметом пристального внимания правительства”. Раттебад, яркая личность, смогла очаровать некоторых советских чиновников в Кабуле, и они старались поддерживать с ней хорошие отношения, пока Кармаль оставался у власти.

Советские власти были встревожены. Посол в Кабуле Александр Пузанов в конце мая попытался связать концы с концами. В донесении в Москву он утверждал, что неудачная политика Дауда привела к “резкому обострению противоречий между режимом Дауда и его классовыми сторонниками и фундаментальными интересами рабочих масс, голосом которых выступает НДПА”. Действия НДПА были, по его словам, “встречены одобрением народных масс”. Этот грубый анализ — характерный пример тогдашних представлений Москвы об Афганистане, почти неприменимых на практике к этой стране и обусловивших ряд последующих политических ошибок.

Тем не менее Пузанов допускал, что трения между “Хальк” и “Парчам” подрывают эффективность нового режима. Это была фундаментальная слабость, и он со своими партийными советниками передал новому афганскому руководству, что противоречия следует устранить. Этого, признавал Пузанов, пока не произошло. И все же он оптимистически заключал, что ситуация стабилизируется по мере принятия мер против внутренних сил реакции¹³.

Оптимизм Пузанова не имел под собой оснований. Программа нового правительства представляла собой гибрид традиционной коммунистической панацеи и отдельных достойных восхищения устремлений. Новые лидеры имели мало опыта в государственном управлении, а то и не имели вообще. Какой бы привлекательной программа ни казалась, она была непродуманной, и люди, особенно в сельских районах, где жило большинство афганцев, были не подготовлены к ней.

Эмансипация женщин и предоставление девочкам образования в принципе было идеей, достойной похвалы, но ее воплощение столкнулось с теми же свирепыми предрассудками, которые досаждали еще королям-реформаторам. Тут же и в городах, и в сельских районах начались восстания против нового режима.

Однако новое правительство нельзя было назвать нерешительным, и когда оказалось, что методы убеждения не работают, оно начало безжалостно подавлять сопротивление. Целью стали не только известные оппозиционеры, но и местные лидеры и муллы, не совершившие никаких преступлений. Нескольких генералов, двух бывших премьер-министров и других приближенных Дауда (всего около сорока человек) казнили немедленно. Спустя девять месяцев после переворота были казнены 97 представителей влиятельного клана Моджаддеди. Исламистов, заключенных Даудом в Пули-Чархи, казнили в июне 1979 года¹⁴.

Своим фанатизмом и убежденностью, что глубоко консервативную и гордящуюся своей независимостью страну можно силком вести в современность, афганские коммунисты напоминали Пол Пота. Однако народ Афганистана, в отличие от Кампучии (Камбоджи), не был готов к такому обращению. Правители прошлого, например Абдурахман, весьма решительно навязывали афганцам свою волю. Однако они могли апеллировать к тому, что они, до известной степени, правоверные мусульмане. Афганские коммунисты совершили роковую ошибку, недооценив власть ислама над умами.

Советские лидеры разрабатывают новую политику

Шокирующие новости о восстании в Герате 15 марта 1979 года достигли посольства в Кабуле и Кремля во фрагментарном виде, и еще больше запутывали дело своекорыстные донесе-

ния, которые скармливали представителям СССР афганские власти. Валерий Иванов, ведущий советский экономический советник в Кабуле, большую часть дня потратил на попытки связаться с советскими специалистами в Герате. Ему удалось переговорить с шефом двадцати пяти работавших там советских строителей. Это был грузин по фамилии (вроде бы) Маградзе. Связь все время прерывалась, но Иванов смог получить довольно ясное представление о том, что происходит. Толпа, вооруженная копьями, дубинами и ножами, бесновалась. Она жаждала крови, и, слыша ее приближение, Маградзе повторял: “Помогите нам”.

Иванов мало что мог сделать. Этих людей и их семьи выручили старший советский военный советник в Кабуле Станислав Катичев и Шахнаваз Танай, афганский офицер, который потом стал министром обороны. Они отправили отряд афганского спецназа, старый танк Т-34, грузовик и автобус для эвакуации. По дороге в аэропорт танк сломался. Но к тому моменту толпа уже осталась позади, и беглецы улетели в Кабул в той одежде, в какой встали утром. До отправки домой их поселили в школе при посольстве. Жена Иванова, Галина, помогала собрать для них одежду¹⁵.

Не всем так повезло. Советский закупщик шерсти Юрий Богданов жил в особняке со своей беременной женой Алевтиной. При приближении толпы Богданов перебросил жену через стену к своим афганским соседям. Она сломала ногу, но выжила: афганцы спрятали ее. Самого Богданова жестоко убили. Военного советника 17-й афганской дивизии Николая Бизюкова растерзали солдаты: дивизия взбунтовалась. Один советский эксперт по нефти погиб от шальной пули, выйдя на улицу посмотреть, что происходит. Хотя западная пресса и некоторые западные историки продолжали утверждать, что погибло до сотни советских граждан, общее число жертв среди советских специалистов в Герате, похоже, не превысило трех. И судя по всему, эти жертвы никак не повлияли на решения, принятые затем советским правительством¹⁶.

Услышав новости о восстании, Андрей Громыко, советский министр иностранных дел (ему было семьдесят, и он находился на своем посту с 1957 года), позвонил Амину, чтобы узнать, что происходит. Тот заявил, что ситуация в Афганистане нормальная, что армия под контролем, что все губернаторы лояльны. Советская помощь была бы полезна, сказал он, но режим вне опасности. Громыко счел это “олимпийское спокойствие” раздражающим. Спустя три часа советский поверенный в делах в Кабуле и главный военный советник Горелов дозвонились в Москву и представили совсем другую, куда менее оптимистическую картину. Правительственные силы в Герате, сказали они, судя по всему, потерпели поражение или перешли на сторону бунтующих. Последних теперь, по слухам, поддерживали тысячи фанатиков-мусульман, а также саботажники и террористы, подготовленные и получившие оружие в Пакистане, Иране, Китае и США.

Семнадцатого марта Политбюро собралось на заседание. Ни Советский Союз, ни его престарелые руководители не были в состоянии достойно справиться с надвигавшимся кризисом. К 70-м годам СССР уже разлагался изнутри. Его институты оставались, по сути, в том же виде, какими их строил Сталин, и были плохо приспособлены к постоянно усложняющемуся миру. Проницательные наблюдатели, даже советские чиновники, чрезвычайно ясно видели всю глубину этого разложения. Но немногие были способны на сколько-нибудь далеко идущие выводы. В 1979 году Западу казалось, что СССР еще долго будет оставаться серьезной военной и идеологической угрозой.

Советские руководители были настороже. Им мешало то, что они имели весьма слабое представление о происходящем. Основные позиции озвучили Громыко, премьер-министр Алексей Косыгин, министр обороны Дмитрий Устинов и председатель КГБ Юрий Андропов. Все они были людьми компетентными, но относились к тому же поколению, что и Громыко. Они начали карьеру еще при Сталине, и их мышление

так же упиралось в стереотипы ортодоксального марксизма-ленинизма. От них не стоило ждать неожиданных решений.

Леонид Брежнев, генеральный секретарь ЦК КПСС, не участвовал в первоначальной дискуссии, хотя некоторые советовались с ним индивидуально. Он находился у власти больше пятнадцати лет. Его здоровье уже ослабло, и к концу своего правления он превратился в объект насмешек (конечно, в частном порядке) для острословов из числа московской интеллигенции. Но до какого бы состояния Брежнев ни дошел в последний год или два своей жизни, в тот момент он все еще сохранял авторитет, и последнее слово оставалось за ним.

Четыре долгих дня советские руководители терзались почти неразрешимыми вопросами. Каковы подлинные интересы СССР в Афганистане? Как реагировать на неискренность, жестокость и некомпетентность союзников в Кабуле? Как следует действовать в ответ на мольбы Кабула ввести войска и помочь подавить беспорядки?

При этом они держали в уме общий контекст холодной войны, который во многих отношениях определял и извращал политический процесс как в Москве, так и в западных столицах. Брежнев надеялся, что разрядка — ослабление напряжения между СССР и Западом — станет одним из его величайших достижений и его историческим завещанием. Все начиналось неплохо. Хельсинкские соглашения 1975 года вроде бы давали шанс снизить напряжение и урегулировать отношения Востока и Запада в Европе. Переговоры по договору ОСВ-2 об ограничении США и СССР стратегических вооружений близились к завершению. Но затем начались неприятности. Вероятность ратификации ОСВ-2 в Сенате стала сокращаться. Споры из-за размещения в Европе советских ракет средней дальности “Пионер” нарастали: американцы все успешнее убеждали своих европейских союзников разрешить размещение ракет “Першинг-2”.

И, главное, американцы определенно не были готовы безропотно принять понесенное в Иране унижение: шаха, их со-

юзника, недавно свергли. Не покажется ли американцам Афганистан заменой Ирану — базой, с которой можно угрожать Советскому Союзу? Не двинутся ли они на Афганистан, если оттуда уйдут советские войска? США отправили в западную часть Индийского океана авианосную ударную группу, будто бы на случай новых неприятностей в Иране. Но не окажутся ли корабли пригодны и для отстаивания американских интересов в Афганистане? Русские, конечно, не знали, что американцы еще до мятежа в Герате обдумывали, как поддержать афганское восстание против коммунистов. Но логика холодной войны в любом случае побуждала СССР реагировать на активность американцев в районе своей уязвимой южной границы, подобно тому, как сами американцы не могли не отреагировать на размещение советских ракет на Кубе. Русские не могли оставить Афганистан, как и американцы не чувствовали себя вправе покинуть Вьетнам в 50-х и 60-х годах. Эти болезненные параллели не способствовали принятию взвешенного решения: ситуация грозила кончиться плохо, к какому бы выводу советские лидеры ни пришли.

Политбюро не сомневалось, что Советскому Союзу следует держаться за Афганистан во что бы то ни стало. Две страны имели тесные контакты на протяжении шестидесяти лет, и потеря Афганистана стала бы мощным ударом по советской внешней политике. Но проблема была в том, что в тот мартовский день, когда члены Политбюро приступили к дискуссии, они еще слабо представляли, что же происходит. Афганское руководство не стремится искренне рассказывать об истинном состоянии дел, сетовал Косыгин. Он потребовал уволить посла Пузанова и предложил Устинову или начальнику Генштаба Огаркову немедленно отправиться в Кабул и прояснить ситуацию.

Устинов уклонился от этого предложения. Амин, по его словам, уже не испытывал прежнего оптимизма и теперь требовал от Советского Союза спасти режим. Но почему до этого вообще дошло? Большинство солдат в афганской армии были

набожными мусульманами, и именно поэтому они присоединились к повстанцам. Так почему же афганское правительство не уделило в свое время достаточного внимания религиозному фактору?

Андропов тоже высказался, и его выводы были совершенно безрадостными. Главной проблемой, по его словам, была слабость афганского руководства. Оно по-прежнему расстреливало своих оппонентов и при этом имело наглость заявлять, что при Ленине советские власти делали то же самое. Они не имели понятия, на кого могут положиться. Они не смогли объяснить свою позицию ни армии, ни народу. Было совершенно ясно, что Афганистан еще не созрел для социализма: религия играла в стране колоссальную роль, крестьяне были практически безграмотными, экономика — отсталой. Ленин выделил необходимые элементы революционной ситуации, и ни один из них не имел места в Афганистане. Танками невозможно было разрешить политическую проблему. Если революцию в Афганистане можно сохранить лишь с помощью советских штыков, то это ошибочный путь, по которому СССР не следует идти.

Громыко негодовал. То, насколько несерьезно афганские лидеры относятся к сложным вопросам, напоминает сюжетный ход из дурного детектива. Настроения в афганской армии по-прежнему неясны. А что если афганская армия выступит и против легитимного правительства, и против советских войск? Тогда, как он деликатно выразился, ситуация станет чрезвычайно сложной. Даже если афганская армия сохранит нейтралитет, советским войскам придется оккупировать страну. Это будет катастрофой для советской внешней политики. Все, чего добился Советский Союз в последние годы в деле снижения международной напряженности и содействия контролю над вооружениями, будет утрачено. Китайцы получают великолепный подарок. Все страны Движения неприсоединения выступят против СССР. Встреча Брежнева и президента Картера, на которую давно надеялись, и грядущий визит

французского президента Жискара д'Эстена окажутся под вопросом. И все, что СССР получит взамен — это Афганистан с его неадекватным и непопулярным правительством, отсталой экономикой и незначительным влиянием в международных делах.

Более того, признавал Громыко, достаточных юридических оснований для военного вмешательства нет. Согласно Уставу ООН, страна могла просить о внешней помощи, если стала жертвой агрессии. Но агрессии как таковой не было: имела место внутренняя борьба, распри внутри революционного движения.

Андропов высказался решительно. Если СССР введет войска, придется сражаться с народом, подавлять народ, стрелять в народ. Советский Союз будет выглядеть агрессором. Это неприемлемо. Косыгин и Устинов согласились. Устинов затем доложил, что армия уже готовит планы действий в чрезвычайных обстоятельствах. Две дивизии формируются в Туркестанском военном округе, и еще одна — в Среднеазиатском военном округе. Три полка можно отправить в Афганистан незамедлительно. 105-я воздушно-десантная дивизия и полк мотопехоты находятся в состоянии 24-часовой готовности. Устинов запросил разрешения разместить войска у границы Афганистана и провести тактические учения, чтобы подчеркнуть, что советские силы находятся в высокой боеготовности. Устинов заверил присутствующих, что не больше остальных поддерживает идею отправки войск. И в любом случае афганцы располагают десятью дивизиями. Этого более чем достаточно, чтобы разобраться с мятежниками.

Чем дольше советские лидеры обдумывали требование афганцев прислать войска, тем меньше оно им нравилось, хотя никто не мог полностью исключать этого варианта. Когда с основными аргументами ознакомили Брежнева, он ясно дал понять, что против вмешательства, и кисло заметил: афганская армия разваливается, и афганцы ждут, что СССР будет воевать вместо них.

В итоге было решено, что Советский Союз отправит военные припасы и несколько частей, чтобы помочь “афганской армии в преодолении трудностей”. Пятьсот специалистов Министерства обороны и КГБ должны были присоединиться к 550 сотрудникам, уже работавшим в Афганистане. Советские власти планировали поставить сто тысяч тонн зерна, повысить закупочную цену на афганский газ и снять вопрос о выплате процентов по долгам Афганистана. Кроме того, следовало высказать протест пакистанскому правительству в связи с его вмешательством во внутренние дела Афганистана. Две дивизии надлежало отправить к границе, но в Афганистан не вводить¹⁷.



На следующий день Косыгин позвонил Тараки и сообщил ему о решении Политбюро. К тому моменту самонадеянность афганского руководства сменилась паникой. Пять тысяч солдат из дивизии, стоявшей в Герате, перешли на сторону мятежников, с оружием и боеприпасами. Правительственные силы в городе теперь насчитывали всего пятьсот человек, удерживавших аэродром. Если советские войска и оружие не придут в течение суток, Герат падет, и мятежники начнут наступление на Кандагар, а после на Кабул.

Наивно апеллируя к постулатам марксизма, Косыгин предложил Тараки вооружить рабочих, представителей мелкой буржуазии и служащих в Герате: вышвырнули же иранцы из своей страны американцев безо всякой внешней помощи. Разве афганское правительство не сможет поднять на борьбу пятьдесят тысяч студентов, крестьян и рабочих Кабула, дав им оружие, дополнительно поставленное Москвой?

Тараки сухо заметил, что рабочих мало даже в Кабуле. Остальные находятся под влиянием исламской пропаганды, которая объявила членов правительства неверными. У аф-

ганской армии просто нет обученных людей, чтобы укомплектовать танки и самолеты, которые обещает СССР. Тараки предложил советским властям нанести на собственные танки и самолеты опознавательные знаки афганской армии, а экипажи составить из солдат среднеазиатских национальностей, знающих языки Афганистана, перебросить их в Кабул и оттуда двинуться на Герат. Косыгин возразил, что такие трюки немедленно разоблачат и что Политбюро нужно это обсудить. Тараки ответил, что пока Политбюро будет думать, Герат падет.



Тараки вызвали в Москву на переговоры. Он прибыл в понедельник 20 марта. Тем утром афганские правительственные силы восстановили контроль над Гератом, так что непосредственная угроза была устранена. В первую очередь Тараки встретился с Косыгиным, Устиновым, Громыко и Пономаревым, многолетним главой Международного отдела ЦК. Косыгин подчеркнул глубокий, длительный и безусловный характер отношений между СССР и Афганистаном. Однако афганское правительство не должно давать поводов для мысли, будто оно может справиться со своими проблемами, лишь призвав советские войска. Это подорвет его авторитет в глазах народа, испортит отношения с соседними странами и ударит по престижу государства. Если советские солдаты окажутся в Афганистане, им придется сражаться с афганцами, чего афганский народ никогда им не простит. Вьетнамцы защитили свою страну от американского и китайского вторжения, не полагаясь на иностранных солдат, и Афганистан должен действовать так же. Советские власти помогут военными припасами и окажут масштабную политическую поддержку в борьбе с внешними врагами страны: Пакистаном, Ираном, Китаем и США.

Тараки согласился, что ключевые вопросы — политические. Он безапелляционно заявил, что народные массы поддерживают правительство и реформы. Все дело, мол, в том, что реакционеры в Иране и Пакистане пришли в ярость, обвинили афганское правительство в предательстве интересов ислама и спровоцировали подрывную кампанию против него.

Афганской армии, по словам Тараки, срочно требовались боевые вертолеты, бронемашины, средства связи, а также люди, способные справиться со всем этим. Устинов ответил, что русские предоставят двенадцать вертолетов, но без экипажей. Косыгин указал, что вьетнамцы смогли сами освоить полученную технику. К сожалению, возразил Тараки, многие офицеры, прошедшие советскую подготовку, ненадежны — это “братья-мусульмане” или люди, симпатизирующие Китаю.

С этим, сказал Косыгин, Тараки должен разбираться сам. Он дал Тараки дружеский совет: афганскому правительству следует расширить свою политическую базу. Намекая на массовые расстрелы и пытки, которые так встревожили Политбюро, он прибавил: “Мы это испытали на себе. При Сталине, вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был их направить на фронт. Эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли в крупных военачальников. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, но хотим высказать наше мнение насчет необходимости бережного отношения к кадрам”.

Тараки не уловил намек и кисло заключил: похоже, русские готовы оказать ему любое содействие, кроме защиты от агрессии. Вооруженное вторжение в Афганистан — совершенно другое дело, возразил Косыгин. Затем он спешно отвез Тараки на встречу с Брежневым¹⁸.

Спустя два дня Брежнев так описывал эту встречу своим коллегам: Тараки прибыл в Москву “несколько взволнованным, но в ходе бесед он постепенно приободрился и вел себя к концу спокойно и рассудительно”. Брежнев твердо сказал, что правительство должно расширить политическую базу

и перестать расстреливать людей. Затем он еще раз подчеркнул, что в текущих обстоятельствах СССР не станет отправлять войска. Политбюро эти доводы одобрило¹⁹.



Первого апреля Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев представили записку о ситуации в Афганистане. По большей части она просто подытоживала уже одобренные выводы и аргументы. Несмотря на перегруженность марксистской лексикой, документ содержал вполне трезвый, реалистический анализ ситуации. Проблема, говорилось там, в первую очередь имеет политический характер. Прежде всего, Афганистан не созрел для полномасштабной социалистической революции. Руководители нового режима не подходили для руководства страной в силу своей неопытности и невоздержанности. Они враждовали друг с другом и своей безжалостностью в отношении реального и воображаемого несогласия оттолкнули от себя духовенство, партию, армию и госаппарат. Они слишком быстро пытались продать полусырые социалистические реформы, ударившие по тем самым людям, которые должны были от них выиграть. Теперь афганским властям следует расширить свою политическую базу: они должны обеспечить свободу вероисповедания для всех, кроме тех, кто действовал против правительства, соблюдать законность даже при подавлении диверсионной деятельности, разработать конституцию, чтобы укрепить демократические права и урегулировать деятельность государственных органов. Эти соображения еще долго оставались существенной частью советской политики. Горбачев подхватил их в 1985 году, и последний коммунистический правитель Афганистана Наджибулла пытался реализовать их в рамках политики национального примирения, которую провозгласил в январе 1987 года. Но тогда было уже поздно.

В записке рекомендовалось продолжать поставки в Афганистан оружия и военной техники, а также обучить афганскую армию и правоохранные органы обращению с ними. СССР должен помочь афганцам создать жизнеспособную экономику. Но правительству следует твердо воздерживаться от посылки советских военных подразделений в Афганистан, даже если в стране будут продолжаться беспорядки (чего исключать было нельзя).



Это была неплохая временная политика. Но летом 1979 года следовать ей становилось все сложнее. Правительство в Кабуле не изменило тактику. Партию разрывала междоусобная вражда, чистки продолжались, причем в серьезных масштабах. В июне Тараки и Амин решительно выступили против “Парчама” и отправили ряд ее лидеров в почетную ссылку в качестве послов: Нур оказался в Вашингтоне, Вакиль — в Лондоне, Анахита Ратебзад — в Белграде, Наджибулла — в Тегеране. Более мелкие фигуры, такие как Кештманд, Рафи и Кадыр, были арестованы. Их подвергли пыткам и приговорили к казни, хотя после протестов СССР заменили ее тюремными сроками²⁰.

И хотя ничего сравнимого по масштабам с гератским восстанием не происходило, волнения продолжались. В конце апреля афганские солдаты, лояльные правительству, устроили резню в деревне Керала в провинции Кунар и убили несколько сотен мужчин после того, как в том районе произошли несколько нападений партизан. Стали распространяться малоубедительные слухи, что солдатами командовали советские представители в афганской военной форме. Девятого мая произошли серьезные волнения в шести провинциях, в том числе в окрестностях Кабула. Двадцать третьего июня беспорядки впервые начались и в столице. Несколько тысяч человек вышли на антиправительственную демон-

страцию. Среди них было много хазарейцев, вооруженных ножами, винтовками и пулеметами. Двадцатого июля бунтовщики попытались занять Гардез, столицу провинции Пактия. Погибли двое советников из СССР. Пятого августа взбунтовался батальон десантников в Бала-Хиссар, древней крепости на окраине Кабула. Бунтовщиков смогли остановить лояльные правительству силы²¹. Одиннадцатого августа правительственная мотострелковая дивизия была атакована и понесла тяжелые потери. Некоторые из выживших перешли на сторону мятежников.

Эти мятежи были более или менее успешно подавлены правительственными силами. Но к середине лета правительство контролировало, вероятно, не более половины территории страны²².



Едва Тараки вернулся домой, в Москву хлынул поток просьб: штурмовые вертолеты, бронетехника, оружие и боеприпасы. Все эти запросы укладывались в рамки утвержденной политики, и советские власти приложили все усилия, чтобы их выполнить.

Но возникали и требования, выходящие за эти рамки. Афганцы умоляли советское правительство прислать войска, переодев их, при необходимости, в афганскую форму. Четырнадцатого апреля они запросили до двадцати вертолетов с экипажами. Пятнадцатого июня — танки для охраны правительственных зданий и аэродромов в Баграме и Шинданде. Одиннадцатого июля они попросили, чтобы несколько батальонов советского спецназа прибыли в Кабул, а девятнадцатого — уже пару дивизий. В течение августа звучали все новые и новые просьбы²³.

Советские военные не могли прийти к единому мнению. Некоторые высокопоставленные офицеры выступали против

вторжения, другие же, в том числе Устинов, не были столь категоричны. Генеральный штаб занимался тем, чем занимаются все штабы в подобных обстоятельствах: строил планы, занимался комплектованием войск и боевой подготовкой к условиям, с которыми они столкнулись бы при отправке в Афганистан. Ресурсы начали подтягивать к границе. В мае генерал Богданов, один из высших штабных офицеров, попробовал составить план введения войск в Афганистан. Он заключил, что понадобится шесть дивизий. Коллега, увидевший его план, посоветовал спрятать его подальше: “А то нас обвинят в нарушении суверенитета соседей”. В начале декабря план извлекли из сейфа, но вместо шести дивизий отправили три, а потом еще одну²⁴.

Впрочем, кое-какие советские войска и так уже находились в Афганистане. В феврале 1979 года террористы похитили американского посла Адольфа Дабса и удерживали его в отеле “Кабул”. Во время неуклюжей попытки правительственных сил освободить Дабса посол погиб. Тогда советские власти направили в Кабул спецотряды КГБ для защиты высокопоставленных чиновников²⁵.

После апрельского решения Политбюро некоторые части 5-й гвардейской мотострелковой дивизии и 108-й мотострелковой дивизии под предлогом проведения учений начали движение к афганской границе. Генерал Епишев, начальник Главного политического управления Советской армии, участвовавший в подготовке советского вторжения в Чехословакию в 1968 году, приехал в Кабул, помог афганским властям советами и пообещал поставить военные припасы. Тараки и Амин вновь попросили о вводе советских войск и вновь получили отказ. Число советских транспортных самолетов, отправлявшихся в Баграм и из Баграма, резко выросло. Советские военные и гражданские советники по-прежнему в большом количестве прибывали в Афганистан. Ходили упорные слухи, что советские военнослужащие управляют вертолетами и танками в боевых миссиях. Совет-

ские пограничники все чаще вступали в бой с группами мятежников на афганской границе²⁶.

В августе прибыла еще одна военная делегация, под началом генерала Павловского, который командовал вторжением в Чехословакию. Основной задачей была оценка состояния афганской армии и ее действий против мятежников, а также рекомендации Амину. Перед отъездом Павловский спросил министра обороны Устинова, планируется ли ввести советские войска в Афганистан. “Ни в коем случае!” — ответил министр²⁷. Павловский оставался в Кабуле до 22 октября и стал непосредственным свидетелем событий, предшествующих смещению Тараки.

Многие запросы афганских властей о вводе войск поступали через советских представителей в Кабуле — посла Пузанова, главного военного советника Горелова и представителя КГБ Иванова. Как это часто случается, советские чиновники на местах порой больше сочувствовали затруднениям принимающей стороны, чем взглядам своего начальства, и нередко поддерживали запросы афганцев или хотя бы передавали их без особых замечаний. Через неделю после визита Епишева Амин переправил через Горелова запрос на вертолеты с экипажами. Огарков, начальник Генштаба, пометил на сообщении Горелова: “Этого делать не следует”. Политбюро согласилось, и от Горелова потребовали напомнить афганцам о том, почему такие просьбы отклоняются. По прибытии Павловского Амин спросил его, могут ли русские отправить дивизию в Кабул: она не будет принимать участия в боях, но это высвободит одну афганскую дивизию для борьбы с мятежниками. Этот запрос тоже был отклонен. Спустя месяц Горелов, Пузанов и Иванов выступили с собственной идеей: СССР должен организовать центр военной подготовки неподалеку от Кабула в духе учреждения, созданного на Кубе. Предложение было довольно лицемерным: все понимали, что “учебный центр” на Кубе представлял собой боевую бригаду²⁸.

Военные приготовления

Советское Министерство обороны, со своей стороны, без лишнего шума начало принимать меры, связанные с возможностью боевых действий в Афганистане. В апреле 1979 года Главное разведывательное управление министерства (ГРУ) потребовало создать специальный батальон, базирующийся в Ташкенте, из таджикских, узбекских и туркменских солдат, говоривших на тех же языках, что и люди по другую сторону афганской границы. Командующим был назначен майор Хабиб Халбаев. Он получил два месяца на то, чтобы завершить формирование батальона.

“Мусульманский” батальон — примерно пятьсот человек — состоял из уроженцев среднеазиатских республик СССР. Главным требованием было знание соответствующих языков, а также хорошее физическое состояние. Каждый должен был иметь две какие-либо военные специальности: радист и минометчик, санитар и водитель, и так далее. Батальону придали две самоходных зенитных установки “Шилка”, которые могли стрелять и по наземным целям. Управляли ими славяне, поскольку специалистов родом из Средней Азии не нашлось²⁹.

КГБ выделил два небольших отряда спецназа из подразделения, позднее названного “Альфой”. Создал его Андропов в июле 1974 года для борьбы с террористами и освобождения заложников, а за образец, в числе прочих, была взята британская спецслужба САС. Все сотрудники “Альфы” были офицерами, отобранными за высокий уровень физической подготовки и интеллекта.

Первый отряд из сорока человек получил кодовое имя “Зенит”. Его отправили в Кабул под командованием полковника Григория Бояринова, сражавшегося во Второй мировой войне, а с 1961 года читавшего лекции по локальным войнам в Высшей школе КГБ. Вначале “Зенит” размещался в школе при советском посольстве в Кабуле. Его непосредственной задачей

была защита диппредставительства и высокопоставленных лиц. По просьбе Амина группа также организовала контртеррористическую подготовку афганских коллег.

Отряд Бояринова вернулся в Москву в сентябре. Его сменила аналогичная группа “Зенит-2” под командованием полковника Полякова. Он и его офицеры провели рекогносцировку и нанесли на карту ключевые административные и военные здания в Кабуле. Это знание оказалось бесценным, когда пришло время взять Кабул.

В июне Устинов отправил батальон десантников под командованием полковника Василия Ломакина для защиты советских транспортных самолетов и их экипажей в Баграме, а при необходимости и для обеспечения эвакуации советников. Членам отряда следовало прибыть под видом “технических советников”, а офицерам пользоваться сержантскими нашивками, чтобы скрыть принадлежность и структуру отряда. Десантники прилетели в Баграм в начале июля³⁰. Это перемещение заметили американцы, заключившие, что солдаты действительно переброшены для защиты Баграма и что русские не собираются отправлять их в бой в других районах Афганистана³¹.

Таким образом, летом 1979 года несколько военных подразделений, которым было суждено сыграть серьезную роль в первые дни советского вторжения в Афганистан, уже находились там. Стремительно приближалась развязка, причем приближали ее драматические события в самом Кабуле. Постепенно, с большим нежеланием русские шли к военному вмешательству. Они подозревали, что это будет большой ошибкой, но лучшей альтернативы не видели.

Глава 3

Вторжение

Наступило время заговоров. Летом и осенью 1979 года Тараки и Амин интриговали друг против друга. Закончилось это взаимным предательством и, в конечном счете, трагедией. Роль СССР в этих событиях по-прежнему неясна, и даже их участники расходятся в том, кто несет ответственность и за что. Как бы то ни было, к тому моменту советские ведомства уже глубоко увязли в Афганистане, обстановку в котором они в полной мере не понимали и на которую так и не смогли повлиять¹.

По мере обострения ситуации в Афганистане и роста сопротивления коммунистическому режиму споры внутри правящей фракции “Хальк” приобрели особенно скверный характер. Амин сосредоточил в своих руках еще больше власти. К началу лета он занимал ключевые должности и в партии, и в государстве. Он был членом Политбюро и секретарем ЦК, премьер-министром и заместителем председателя Высшего совета обороны. Он отдал своим родственникам и доверенным людям ключевые посты в армии и спецслужбах. Интригами он добился назначения своего зятя полковника Мухаммеда Якуба начальником Генштаба. И он делал все возможное, чтобы подорвать позиции своего номинального руководителя, президента Тараки, открыто обвинив его на Политбюро в пренебрежении обязанностями.

Двадцать восьмого июля Амин сместил с должности нескольких членов кабинета, которых считал препятствиями к удовлетворению своих амбиций, в том числе министра обороны полковника Ватанджара и министра внутренних дел майора Маздурьяра. Он сам возглавил Министерство обороны и начал отсылать офицеров и подразделения, которым не доверял, подальше от столицы.

Тогда и сформировалась оппозиция Амину (позднее он окрестил ее “бандой четырех”): Ватанджар, Маздурьяр, бывший главы секретной службы Асадулла Сарвари и министр связи Гулябзой. Все — бывшие офицеры, участвовавшие в заговорах против короля в 1973 году и против Дауда в 1978 году. Они обратились к Тараки за поддержкой, но не получили ее. Амин пожаловался на них Тараки: они, мол, распространяют ложные слухи о нем и дискредитируют его в глазах иностранцев. Глава Управления по защите интересов Афганистана (АГСА) Ахмад Акбари, кузен Амина, рассказал ему в конце августа, что Тараки готовит против него террористический акт.

Первого сентября КГБ направил в ЦК записку с некоторыми вариантами действий. Правительство Амина и Тараки, писали аналитики, теряет свой авторитет. Вражда афганского народа к Советскому Союзу растет. Тараки и Амин игнорируют рекомендации советских представителей по расширению политической и социальной базы режима и по-прежнему уверены, что внутренние проблемы можно решить с помощью военной силы и масштабного террора. Поскольку движущей силой этой политики является Амин, следует найти способ отстранить его от власти. Вероятно, идея смещения Амина тогда впервые формально прозвучала на высшем уровне.

В записке КГБ говорилось, что Тараки нужно убедить создать демократическое коалиционное правительство. НДПА (и “парчамисты”, ныне снятые с государственных постов) должна сохранить свою ведущую роль. В то же время “патриотически настроенное” духовенство, представителей национальных меньшинств и интеллигенцию тоже следует привлечь к руко-

водству страной. Несправедливо осужденных людей, в том числе представителей фракции “Парчам”, следует освободить. Кроме того, необходимо подготовить и держать в резерве альтернативное правительство с членами НДПА. К планированию целесообразно привлечь Бабрака Кармаля, находившегося в изгнании. Примерно такой план Советы и начали воплощать в жизнь в декабре.

Кризис

С этого момента главным органом, принимающим решения по афганским вопросам, стал комитет Политбюро по Афганистану: Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев. Они регулярно проводили совещания, нередко с участием советских представителей в Кабуле. Скорость принятия решений сильно выросла². Аналитические документы и рекомендации МИД, КГБ, Минобороны и Международным отделом ЦК КПСС передавались в комитет, а тот выносил предложения на рассмотрение Политбюро. Нечего и говорить, что процедуры координации между ведомствами, как и в правительствах других стран, в теории были четкими, но работали не так уж здорово. Ведомства были на ножах друг с другом, а тщательные, хотя порой и противоречащие друг другу выводы и рекомендации, выдвигаемые осторожными чиновниками, нередко оставались без внимания или отвергались: у руководства были свои соображения.

У КГБ имелись: долгий опыт работы в Афганистане, множество тайных контактов в стране и собственные представления о ситуации. Во многих отношениях комитет был ведущим советским ведомством. КГБ ставил на “Парчам” и зачастую выражал взгляды этой фракции, хотя она объединяла всего полторы тысячи из пятнадцати тысяч членов НДПА. Остальные партийцы, а также большинство афганских офицеров-коммунистов, дружбы с которыми искал Амин, принад-

лежали к фракции “Хальк”³. Стали расти противоречия между КГБ, который в итоге пришел к выводу, что Амина следует заменить своим человеком — лидером “Парчам” Бабраком Кармалем, и советскими военными, готовыми сосуществовать с Амином и уверенными, что главное — это сохранение поддержки “Хальк” в армейской среде. Многие из афганских офицеров обучались в СССР и наладили хорошие контакты с русскими коллегами. Разногласия усугублялись плохими личными отношениями между высшими офицерами КГБ и армии и давним соперничеством КГБ и армейской разведки — ГРУ. Из-за этой вражды страдал процесс разработки и исполнения политических решений в СССР (в том числе решения о вторжении в Афганистан и координации последующих действий). Афганские руководители, естественно, пользовались этими разногласиями.

Артем Боровик, один из первых журналистов, рассказавших советскому народу о том, что происходит в Афганистане, объяснял: “Одна из проблем, которую мы так и не смогли решить во время войны в Афганистане, заключалась, на мой взгляд, в том, что там не было единого центра управления представительствами наших суперминистерств — КГБ, МИД, МВД и Минобороны. Шефы этих представительств зачастую действовали сепаратно, слали в Москву разношерстную информацию, получали оттуда директивы, которые иной раз противоречили друг другу. По идее, именно наш посол должен был объединить под своим руководством все четыре представительства. Однако этого не произошло по той, видимо, причине, что послы СССР в Кабуле менялись слишком часто, не успевая толком войти в курс дела. После Табеева приехал Можаев, за ним Егорычев, дальше — Воронцов. И все это — за два года. Из них лишь Юлий Воронцов был профессиональным дипломатом, имевшим значительный опыт работы на Востоке. Остальные же сделали карьеру в партийном аппарате и не имели востоковедческого образования”⁴.

Подобная дезорганизация не была чем-то уникальным: в 1966 году американская миссия в Сайгоне провалилась вследствие слишком быстрого наращивания, давления, частых кадровых перестановок, отсутствия сильных лидеров и усталости войск. Американцы взяли на себя бессрочное обязательство, которое, как выразился один чиновник, могло “невольнo, против нашего желания, втянуть нас в странного рода ‘революционный колониализм’ — наши цели ‘революционны’, наши средства квази-колониальны”⁵. (Примерно то же можно сказать о силах коалиции, вступивших в Кабул сорок лет спустя.)

В стране разразился полномасштабный кризис. Тараки планировал вылететь из Кабула в Гавану, на встречу глав Движения неприсоединения. КГБ предупредил его, что в это время покидать Кабул нельзя — в его отсутствие Амин может сделать свой ход. Тараки проигнорировал предупреждения и улетел 1 сентября. Его делегация почти целиком состояла из людей, имевших конфиденциальные связи с Амином. Особенно стоит отметить майора С. Д. Таруна, личного адъютанта Тараки, который сыграл неоднозначную (и роковую для себя) роль в событиях следующих двух недель.

В отсутствие Тараки отношения между Амином и “бандой четырех” еще ухудшились. Четверо оппозиционеров перестали спать дома, опасаясь ареста, и принялись распространять листовки с призывами выступить против Амина и восстановить единство враждующих партийных фракций. Сарвари позвонил Тараки в Гавану и предупредил, что Амин готовится захватить власть.

По дороге из Гаваны в Кабул Тараки остановился в Москве, чтобы встретиться с Брежневым и Громыко. Это было 10 сентября. Брежнев очень серьезно говорил о ситуации в афганском руководстве, “которая вызывает особую озабоченность не только у советских товарищей, но, по имеющимся у нас данным, и в рядах партактива НДПА... Сосредоточение чрезмерной власти в руках других лиц, даже ваших ближайших помощников, может оказаться опасным для судеб революции.

Вряд ли целесообразно, чтобы кто-то занимал исключительное положение в непосредственном руководстве страной, вооруженными силами, органами государственной безопасности”. Брежнев, очевидно, имел в виду Амина, но если это и был намек на то, что Москва поддержит устранение Амина, Тараки его не уловил⁶. Напротив, он вновь попросил о прямой военной поддержке и вновь получил отказ. Он также встретился с Бабраком Кармалем, которого привез в Москву КГБ. Они обсудили пути восстановления партийного единства и то, как можно избавиться от Амина. Судя по всему, новость об этой встрече достигла ушей Амина. Возможно, информацию передал майор Тарун.

Вечером Тараки в своих апартаментах на Ленинских горах с видом на Москву встретился с Александром Петровым, офицером КГБ, который раньше работал в Афганистане. Петров предупредил Тараки, что Амин готовит заговор. Тот ответил: “Не беспокойтесь, передайте руководству СССР, я контролирую обстановку пока полностью и ничего там без моего ведома не случится”⁷. Он продемонстрировал эту оптимистичную уверенность и Брежневу перед посадкой на рейс в Кабул.

Русские такой уверенности совсем не испытывали. Тем самым вечером полковник Колесник (кодовое имя; его настоящая фамилия — Козлов), офицер штаба ГРУ, которому потом предстояло планировать штурм дворца Амина в Кабуле и руководить этим штурмом, приказал майору Халбаеву, командиру “мусульманского” батальона, присоединиться к своим людям в Ташкенте и подготовить их к вылету в Кабул для защиты Тараки. Он показал Халбаеву фотографию Тараки и заметил: “Приказ защищать этого человека исходит напрямую от Брежнева. Что бы ни случилось там, куда вы летите, мы пойдем тебя лишь в одном случае: если этот человек погибнет, то значит, ни твоего батальона, ни тебя самого уже нет в живых”. Бойцам “мусульманского” батальона было приказано сдать все документы, надеть афганскую военную форму и быть готовыми выдвигаться в любой момент. Но Андропов уже обдумывал

различные тайные операции по отстранению Амина, включая его похищение и вывоз в СССР. Он убедил Брежнева и Тараки, что “мусульманский” батальон пока должен оставаться на месте.

Одиннадцатого сентября Тараки вылетел в Кабул. Амин уже начал действовать. Самолет Тараки заставили кружить над Кабулом целый час, пока начальник Генштаба полковник Якуб полностью не пересмотрел процедуры безопасности, чтобы гарантировать, что все под контролем людей Амина⁸. Сразу после приземления Тараки потребовал от Амина информации о том, что случилось с “бандой четырех”. “Не волнуйся, они все в безопасности и в порядке”, — отвечал Амин. Затем они поехали в ЦК, где Тараки доложил о своем визите в Гавану.

На следующее утро скандал с четырьмя министрами продолжался. Амин заявил, что они стояли за попыткой его убийства во время отсутствия Тараки. Их следовало снять с постов и наказать. Тараки попросил Амина принять их извинения, а затем восстановить в должности. Амин резко возразил: если они не уйдут, он откажется следовать каким-либо указаниям Тараки.

Тем временем смещенные министры обустроились в президентском дворце — крепости Арк, построенной Абдурахманом, которую коммунисты переименовали в Дом народа. Ватанджар обзвонил кабульских командиров, чтобы выяснить, кто из них еще верен Тараки. Те доложили о его обращении полковнику Якубу, а тот — Амину. Гулябзой предложил Тараки попросить у СССР дополнительную охрану — размещенный в Баграме батальон. Тараки ответил, что в этом нет необходимости: ссора урегулирована, да и в любом случае неприемлемо прятаться за советскими штыками⁹. Гулябзой сообщил ему, что утром, когда люди Амина пришли арестовать Сарвари, произошла перестрелка. Два человека погибли. Гулябзой опять попросил Тараки действовать. И снова Тараки успокоил его и сказал, что все идет по плану. Тарун доложил обо всем Амину.

К этому моменту русские увязли в Афганистане куда глубже, чем намеревались, но все так же не могли повлиять на события. Вечером 13 сентября четыре министра пришли в советское посольство и от имени Тараки попросили от СССР помощи в аресте Амина. Меньше чем через два часа Тарун позвонил из дворца со словами, что Амин прибыл туда и что они с Тараки просят русских присоединиться.

Советские чиновники решили, что ситуация критическая. «Не исключаем, что Х. Амин может поднять против Тараки верные ему воинские части, — телеграфировали они в Москву. — Обе группировки пытаются заручиться нашей поддержкой. Мы, со своей стороны, твердо проводим линию на то, чтобы обстановка в руководстве ДРА была нормализована в партийном, то есть в коллегиальном порядке. Одновременно пытаемся удерживать членов обеих группировок от непродуманных, поспешных действий»¹⁰.

Пузанов и трое его коллег в надежде примирить стороны направились во дворец. Тараки и Амин ждали их. Русские зачитали очередное обращение Брежнева, призывающее к единению. Тараки встретил это обращение полнейшим одобрением. Амин последовал его примеру, заверив еще более льстиво, что для него честь служить стране под руководством Тараки, а если служба Тараки и революции потребует от него отдать жизнь, он будет счастлив принести себя в жертву¹¹. Русские покинули дворец, удовлетворенные видимым примирением.

Потом до них дошла информация (которую они по ошибке передали в Москву), что Амин и Тараки достигли компромисса. Подробности они не знали, но поздравили себя с тем, что их визит и обращение товарища Брежнева привели к смягчению обстановки: «Амин не пошел на крайние меры, так как убедился в отсутствии поддержки советской стороной любых действий, которые бы обострили положение в афганском руководстве и не содействовали сохранению единства НДПА»¹². Это ошибочное суждение показывало, насколько советские представители были оторваны от реальности.

На следующее утро Пузанов и трое его коллег снова обратились к Тараки. Он, наконец, открыто заговорил о трудностях в отношениях с Амином. Советский дипломат Дмитрий Рюриков, личный помощник и переводчик Пузанова, записал беседу в дневник, который вел для посла.

“Тенденцию к концентрации власти в своих руках я замечал у Х. Амина давно, но не придавал ей особенного значения, — заявил Тараки русским. — Однако в последнее время эта тенденция приобрела опасный характер”. Он пожаловался на отказ Амина воспринимать критику, на то, как он выстраивает собственную публичную позицию, на его авторитарное обращение с министрами и на то, что он расставил своих родственников на ключевые государственные и партийные посты: “Страной, как и во времена короля и Дауда, фактически правит одна семья”.

Опровергая собственные слова, произнесенные в беседе с Брежневым, Тараки признался, что усомнился в Амине еще до своего отъезда в Гавану. После его возвращения Сарвари проинформировал его о трех заговорах, устроенных против него Амином. Тот отказался от этих планов, как только понял, что их раскрыли.

Тараки рассказал, что его переговоры с Амином предыдущим вечером не привели (как они думали) к соглашению. Амин снова потребовал отправить четырех министров в отставку, Тараки обвинил Амина в том, что тот преследовал их и вынудил скрываться. Он, Тараки — главнокомандующий, и Амин должен подчиняться его приказам. Амин улыбнулся и сказал, что, напротив, это он командует войсками. Теперь, по словам Тараки, открытого конфликта исключать было нельзя. Он был готов работать с Амином дальше, но только если Амин откажется от своей репрессивной политики.

Русские предложили пригласить Амина для обсуждения ситуации, и Тараки позвонил ему. Пока они ждали, представитель КГБ генерал Борис Иванов заметил, что ходят устойчивые слухи о заговоре с целью убить Амина, как только он доберется до дворца. Тараки с презрением отверг эту мысль.

Затем Тарун, адъютант Тараки, вышел встретить Амина. Через несколько минут с другой стороны двери донеслись автоматные очереди. Горелов подошел к окну и увидел, как Амин бежит к своей машине. Рукав его рубашки был в крови.

Рюрикова отправили на улицу выяснить, что случилось. Тарун лежал поперек лестницы. Его голова и грудь были прострелены. На полу лежал автомат. В лестничном пролете все еще стоял дым от выстрелов. Жена Тараки выбежала из спальни посмотреть, в чем дело.

Вошел телохранитель Тараки и, четко отдав честь, доложил, что когда Амин начал подниматься по лестнице, Тарун приказал охранникам Тараки удалиться и начал угрожать им пистолетом. Услышав отказ, он выстрелил в одного из них и тут же был убит.

Затем Тараки позвонил Амину и объяснил, что случившееся — результат непонимания между охранниками. Но, положив трубку, он сказал советским чиновникам, что это провокация. Он согласился, что русские должны немедленно отправиться к Амину.

Все афганцы, участвовавшие в перестрелке на лестнице, погибли тогда же или вскоре после этого. Никто из русских не видел, что произошло. Возможны два варианта. Первый — все подстроил Амин, чтобы получить повод арестовать Тараки. Второй: Амина попытались — безуспешно — убрать. Рюриков склонялся к первой версии: заговоры с целью убийства были не в стиле Тараки, тогда как Амин происходил из семьи, известной своей склонностью к политическим интригам и жестокости¹³.

Как бы то ни было, Амин бросился в Министерство обороны и приказал окружить дворец, обезоружить охрану и арестовать Тараки. Два часа спустя по радио сообщили, что Тараки и четверо министров освобождены от занимаемых постов. Той ночью арестовали множество людей Тараки, а некоторых, включая двух охранников, открывших огонь по Амину, застрелили. Тараки сказал жене, что Амин и пальцем его не тро-

нет: советские товарищи не позволят ему совершить глупость. Но вскоре пару взяли под стражу и поместили в одно из небольших зданий дворцового комплекса. Этой комнатой давно не пользовались, и на вещах лежал толстый слой пыли. Тараки успокаивал жену: “Все будет хорошо. Я знаю эту комнату. Здесь размещали солдат. Теперь наша очередь”. Она тут же взялась за уборку, но потом ее перевели в другое здание¹⁴. Остальных членов семьи Тараки и сотрудников его администрации перевели из дворца в Пули-Чархи через пару дней после того, как Амин захватил власть.

Вечером советские чиновники позвонили Амину выразить свои сожаления по поводу перестрелки и глубокие соболезнования в связи со смертью Таруна, которого они “знали как большого друга Советского Союза”. Амин изложил свою версию истории и заключил: “Я уверен, что убить хотели меня. По мне произведено до этого более ста выстрелов. Теперь вы сами увидели, чего хотел Тараки. Я знал, что на меня готовится покушение, ожидал этого еще в аэропорту, когда встречал Тараки, прибывшего из Гаваны. Сегодня Тараки хотел убить меня. Очевидно, он не думал делать этого в присутствии советских товарищей, но, скорее всего, забыл отменить указание своим людям, и те начали стрелять”.

Русские вновь выразили соболезнования, подчеркнули, как важна сдержанность, и повторили брежневский призыв к единению: раскол в партии похоронит афганскую революцию. Амин сказал, что революция сможет развиваться и без него, если она будет иметь поддержку СССР. Но в реальности армия теперь слушалась только его, а не Тараки. За день до того Ватанджар попытался перетянуть армию на сторону Тараки, но ничего не вышло. Тем не менее Амин в порядке предостережения уволил командующих 4-й и 5-й танковых бригад.

Амин сказал, что на пленуме ЦК Тараки снимут со всех постов, хотя сам Амин будет противиться этому. Русские ответили, что советское руководство твердо уверено: Тараки дол-

жен оставаться главой государства, Амин — сохранить свои посты. Если Амин сместит Тараки, они этого не поймут.

Амин заявил, что сам он был полностью готов последовать совету представителей СССР. Но дело зашло слишком далеко. Кровь пролилась (он показал им пятна на своей рубашке). Его товарищи в армии разгневаны и требуют мести. Русские твердо повторили: следует сохранить единство руководства, единство Тараки и Амина. Они призвали Амина предотвратить демонстрации против Тараки, намеченные на следующий день.

Всю ночь десантники советского батальона в Баграме сидели в самолетах с оружием в руках, ожидая приказа вылететь в Кабул, на спасение Тараки. Но ни десантники, ни “мусульманский” батальон так и не получили приказа. Тем временем Амин отдал приказ сбивать любой самолет, садящийся или взлетающий с аэродрома¹⁵. Утром следующего дня, 15 сентября, Москва приказала привести отряд спецназа “Зенит” в боевую готовность для операции против Амина. Бойцы собрались во дворе посольства, и там для них провели подробный инструктаж. Примерно в одиннадцать утра полковник Бахтурин, руководитель службы безопасности посольства, приказал быть готовыми выдвигаться в течение пятнадцати минут. Но приказ не был отдан: русские благоразумно рассудили, что баланс сил в Кабуле совсем не в их пользу¹⁶.

Четыре министра бросились в бега. Маздурьяр нашел отдельное убежище, а Ватанджар, Гулябзой и Сарвари отправились на виллу одного из своих связных в КГБ. Жена офицера обнаружила их в гостиной, когда вернулась с работы. Полковник Богданов, глава КГБ в Кабуле, под свою ответственность выделил им убежище и потребовал у Москвы указаний. К его облегчению, Москва подтвердила правильность его действий. Трех мужчин переодели в форму спецназа и разместили на втором этаже особняка.

Шестнадцатого сентября в здании, окруженном танками и солдатами, собрались Пленум ЦК и Революционный совет. В том же здании находился офис советского военного совет-

ника. Советские офицеры слышали аплодисменты, которыми сопровождалось принятие резолюции об исключении Тараки и четверых министров из партии и об избрании Амина на посты, которые прежде занимал Тараки: генерального секретаря партии и председателя Революционного совета¹⁷. Официально было заявлено, что Тараки попросил снять с него обязанности ввиду слабого здоровья и что Амин избран ему на смену. В радиопередаче на следующий день Амин раскритиковал злоупотребления в секретной полиции и пообещал гарантировать верховенство права. Он ни слова не сказал о Тараки. Посол Пузанов, впоследствии рассказывая эту историю, горько заметил: “Амин всех нас оставил в дураках”¹⁸.

Через день после перестрелки, 15 сентября, советское Политбюро собралось, чтобы решить, что делать. В записке, подготовленной Громыко, Устиновым и КГБ, достаточно точно описывался ход событий в Кабуле. Тараки не смог действовать решительно, Амин беспощадно воспользовался ситуацией. Теперь все органы власти в его руках. Доводы советского Политбюро были проигнорированы.

Громыко рекомендовал смириться с фактами и работать с Амином, пытаясь между тем отговорить его от наказания Тараки и сторонников последнего. Советские чиновники и военные советники должны выполнять свои обязанности, как обычно, но им не следует участвовать в репрессиях. Поставки вооружений правительству Амина необходимо сократить, за исключением запчастей и боеприпасов, необходимых для операций против повстанцев. В официальных заявлениях советскому правительству следует излагать только факты и избегать каких-либо оценок.

Политбюро согласилось с этими предложениями, и Громыко передал соответствующие инструкции в Кабул¹⁹. В то же время русские не собирались совсем уж покорно принимать новые условия игры. Восемнадцатого сентября они провели операцию “Радуга” по спасению трех афганских министров, скрывавшихся в особняке КГБ в Кабуле. В Баграме приземли-

лись самолеты Ил-76 и Ан-12 с грузовиком и тремя специальными ящиками на борту. Приехал и гример, который должен был сделать троих беглецов похожими на фото в подготовленных для них советских паспортах. Ответственным за операцию назначили полковника Богданова.

Лейтенант Валерий Курилов из отряда “Зенит” так описывал события: “На нашем объекте в подмосковной Балашихе подготовили три контейнера для министров — длинные деревянные ящики, похожие на те, в которых хранится стрелковое оружие. На дно ящиков постелили матрасы. В крышках и по бокам просверлили отверстия, чтобы узники не задохнулись. Ящики были доставлены в Афганистан транспортным самолетом на авиабазу Баграм 18 сентября.

Во двор виллы мы загнали крытый тентом грузовик с местными номерами, который только что прибыл из Баграма и привез выгруженные с самолета контейнеры. Ворота подперли автобусом. Контейнеры споро перетаскивали в дом. Опальные министры залезли в них, прихватив с собой по автомату и фляге с водой. Крышки ящиков наглухо заколотили гвоздями.

Мы подхватили ставшие тяжеленными ящики, вынесли их из дома и загрузили в кузов. Сверху накидали картонные коробки, перевязанные бечевками... В кузов грузовика под тент сели наши ребята во главе с [Александром] Долматовым. У каждого был автомат, пистолет, гранаты и двойной боекомплект.

На всякий случай мы подстраховались, и где-то рядом с нами идут еще две наши машины: ‘Жигули’ и УАЗ. Там семь наших бойцов. Да и мы все вооружены. В автобусе шесть человек, и нас в грузовике шестеро. В случае чего, конечно, отпор мы им дадим и народу кучу покрошим. Да только этого нам не надо. Нам нужно добраться без всяких приключений до Баграма и загрузить три ящика в самолет.

На выезде из Кабула на КПП афганцы попытались произвести досмотр наших машин... Долматов приказал не стрелять

без его команды. Офицер, высокий и сухощавый молодой парень с ухоженными усами, сначала подошел к кабине нашего грузовика и о чем-то заговорил с водителем... Потом лейтенант подошел к заднему борту грузовика и попытался отогнуть прихваченный веревкой край брезентового тента.

Послышался голос вышедшего из кабины переводчика, который, видимо, говорил офицеру, что в кузове только ящики — личные вещи советских специалистов. Лейтенант, однако, развязал веревку, оттянул тент, поставил левую ногу на буксировочный крюк грузовика, а правой рукой ухватился за борт.

Вот на правую кисть руки лейтенанта и поставил ногу в тяжелом спецназовском ботинке Долматов. Афганец поднял глаза и увидел глядящий ему прямо в лоб автоматный ствол. Лейтенант сделал выбор. Несколько секунд постоял у грузовика, а потом, ходульно передвигая ноги, пыля, пошел прочь, что-то злобно крикнул солдатам у шлагбаума и махнул рукой. До Баграма оставалось около семидесяти километров, и мы доехали за полтора часа с небольшим, без особых приключений.

Огромный транспортный Ан-12 с эмблемами 'Аэрофлота' ждал нас. Бойцы спецназа заняли круговую оборону, рампа полностью открылась, и наш грузовик медленно заехал по направляющим прямо в самолет. После взлета я вытянул из ножен штык-нож и вскрыл ящики. Все трое были живы, только совершенно мокрые”.

Министров тайно перевезли в Болгарию и спрятали на вилле у Черного моря. Чтобы сбить афганцев со следа, КГБ распространил слухи, что они нашли убежище в Иране. Гулябзой впоследствии утверждал, что не покидал Афганистан и никогда не путешествовал в ящике. Все советские участники операции настаивали, что дело было именно так²⁰.

Теперь советское правительство все больше тревожили донесения КГБ, что Амин склоняется на сторону американцев. Эти подозрения имели под собой почву. Двадцать седьмого сентября Амин заявил Брюсу Амштутцу, американскому поверенному в делах, что надеется на улучшение отношений.

Новый министр иностранных дел Шах Вали повторил примерно то же самое в беседе с Дэвидом Ньюсомом, заместителем госсекретаря США, в Нью-Йорке. Тридцатого сентября Амштутц доложил в Вашингтоне, что высокопоставленный чиновник афганского МИДа выразил интерес к улучшению отношений с США²¹.

Люди Амина также начали открыто критиковать Советский Союз. Шестого октября, на совещании послов социалистических стран, куда посол СССР приглашен не был, Шах Вали обвинил Советский Союз и конкретно посла Пузанова в участии в попытке покушения на Амина 14 сентября. По утверждению Вали, Пузанов заверил Амина по телефону, что тот может приехать в резиденцию Тараки и что с ним ничего не случится. Вали также отметил, что Пузанов находился там же во время перестрелки.

Обвинения привели Москву в бешенство. Три дня спустя Пузанов и его коллеги передали Амину ноту протеста советского правительства. Реакция Амина, как они докладывали потом, была “наглой и вызывающей. Иногда он с трудом сдерживал ярость”. Большую часть встречи он не давал русским вставить ни слова, крича, что Шах Вали лишь повторил слова самого Амина и что его версию могут подтвердить переводчик, работавший с Пузановым, а также другие афганские чиновники.

Русские возразили, что они позвонили ему лишь после перестрелки, чтобы спросить, можно ли с ним повидаться. Тогда Амин успокоился и смягчил тон. Он явно не хотел окончательно портить отношения с русскими, однако наотрез отказался публично отречься от своей версии событий или хотя бы признать, что шок мог повлиять на его восприятие. Партия и народ, по словам Амина, восприняли бы опровержение как знак того, что он поддался давлению Советов.

Когда русские собрались уходить, он попытался извиниться: “Возможно, я говорил сейчас с вами слишком громко и быстро, но, знаете, я вырос в горах, а в горах у нас разговаривают именно так”.

На самом деле Амин не собирался ни с кем мириться. Людям из своего окружения он в ярких красках расписывал, как Пузанов соврал ему: “Я с ним не желаю встречаться и разговаривать. Трудно понять, как такой лживый и бестактный человек так долго служит здесь послом”. Обо всем этом русские узнали²².

Гибель Тараки

Тараки к моменту встречи советских представителей с Амином был уже мертв, хотя Амин не считал нужным известить их об этом. Его убили, и это была интрига, достойная шекспировского “Ричарда III”. Ключевую роль в ней сыграл начальник президентской гвардии майор Джандад, который учился в Советском Союзе и неплохо говорил по-русски. Хотя его задачей было защищать президента, к тому моменту он уже перешел на сторону Амина.

Вечером 8 октября Джандад вызвал троих подчиненных: главу контрразведки президентской гвардии лейтенанта Экбаль, офицера связи капитана Вадуда и начальника политического отдела старшего лейтенанта Рузи.

“Надвигается беда”, — начал Джандад. Экбаль подумал, что речь идет о некоем империалистическом заговоре. Но Джандад продолжал: “ЦК и Революционный совет приняли решение, что Нур Мухаммад Тараки должен быть казнен. Выполнение этого приказа поручено вам”. Экбаль заметил: “Насколько мне известно, решения ЦК и Революционного совета находят отражение на бумаге. В связи с этим считаю, что для выполнения этого приказа нам следует располагать соответствующим документом”. Джандад заявил: “Не будьте глупцом! Какой еще документ? Состоялся Пленум Центрального комитета, Тараки исключили из Революционного совета и ЦК. Он уже не жилец. Это решение не секретное”. Экбаль и Вадуд заметили, что, по слухам, Тараки должны были отправить в СССР. Джандад ответил, что русские отказались

его принимать. Тогда офицеры сказали: если Тараки совершил преступление, то об этом должны были сообщить по радио. Джандад заверил, что все так и произойдет — в свое время: “У партии есть секреты, и это не вашего ума дело. Делайте, что приказано”. Затем Джандад отправил Экдаля купить девять метров белой хлопковой ткани для савана.

Якуб приказал похоронить Тараки рядом с братом. Экбаль и Рузи после некоторых затруднений нашли могилу, сделали все необходимые приготовления, а потом встретились с Вадудом во дворце.

Когда трое мужчин пришли за Тараки, он был в домашнем халате. Рузи заявил: “Нам приказано доставить вас в другое место”. Тараки попытался дать ему немного денег и драгоценности, чтобы тот передал их своей жене. Рузи велел Тараки оставить вещи при себе.

Группа спустилась в маленькую комнату, где стояла ветхая кровать. Тараки вручил офицерам свое партийное удостоверение и часы и попросил передать их Амину. Рузи велел Экбалью связать руки Тараки простыней и приказал тому лечь на кровать. Тараки подчинился. Рузи закрыл рот Тараки и приказал Вадуду связать ему ноги, пока Экбаль сидит на них. Затем Рузи закрыл лицо Тараки подушкой. Когда он убрал ее, Тараки был мертв. Все это заняло около пятнадцати минут. Не тратя времени на саван, они завернули тело Тараки в одеяло, перенесли в свой “Лендровер” и отвезли на кладбище. Докладывая об этом Джандаду, они плакали²³.

Вечером власти объявили: Тараки скончался после “непродолжительной тяжелой болезни”²⁴.

Настроения Москвы меняются

Убийство Тараки явилось поворотным пунктом. Брежнев принял эту новость особенно тяжело. Он обещал защитить Тараки: “Какой же это подонок — Амин: задушить человека, с ко-

торым вместе делал революцию... Разве можно верить моему слову, если все мои заверения в поддержке и защите остаются словами?"²⁵ Андропов, подавленный неспособностью своего ведомства контролировать события, теперь намеревался замечать Амина на политика поговорчивее.

Но эта катастрофа стала не только личным провалом. Несмотря на то, что к афганским военным и гражданским организациям была прикомандирована масса советников, несмотря на всю экономическую, военную и политическую помощь, которую выделил Советский Союз, правительство СССР и его представители в Кабуле оказались бессильны повлиять на ситуацию в столице Афганистана, они выглядели беспомощными. Их человека, Тараки, переиграли, и он заплатил за это жизнью. Советское влияние в Кабуле практически сошло на нет. Амин, победивший в борьбе за власть, вел дела ужасно и с удивительной жестокостью. Едва ли СССР мог оставить этот вызов без внимания. Одной из главных движущих сил советской политики в следующие три месяца стало намерение поквитаться за унижение и восстановить контроль над ситуацией.

Настроение Москвы изменилось, и смещение Амина — при необходимости военным путем — теперь казалось вполне вероятным. В срочном порядке подняли прежние чрезвычайные планы. Главного военного советника в Кабуле генерал-лейтенанта Горелова вызвали в Москву в сентябре для обсуждения ситуации, а потом в октябре — на встречу с Огарковым, Устиновым, Андроповым, Громыко и Пономаревым. Во время второго визита Горелова сопровождал генерал-майор Василий Заплатин, который с 1978 года работал советником начальника главного политуправления афганской армии. Горелов охарактеризовал Амина как человека волевого, трудолюбивого работника, исключительно умелого организатора и, по собственному утверждению, друга Советского Союза. Амин, по словам Горелова, действительно был хитрым, живым и склонным беспощадно подавлять любую оппозицию. Но и Горелов, и Заплатин полагали, что советские власти

смогли бы работать с Амином. Что касается афганской армии, то она, по мнению Горелова, была способна справиться с мятежниками, хотя и не дотягивала до современных стандартов. На вопрос о том, будет ли афганская армия сражаться с советской армией, он ответил, что никогда, и эта оценка оказалась верной. Но истинный смысл этого вопроса Горелов понял только потом.

Естественно, Москва теперь искала козлов отпущения, на которых можно было бы свалить крах своей афганской политики. На эту роль напрашивались советские представители в Кабуле. В ноябре Горелова сменил генерал-лейтенант Султан Магомедов, а главного советника министра внутренних дел генерала Веселкова — генерал Косооговский. Пользы от посла Пузанова в любом случае уже не было, учитывая, насколько враждебно к нему относился Амин. Пузанова, “учитывая его неоднократные просьбы”, отозвали в Москву и отправили на пенсию. Хотя Пузанов был высокопоставленным членом партии, имел за плечами выдающуюся дипломатическую карьеру и провел в Афганистане семь лет — дольше, чем какой-либо другой советский посол до или после него, — никто не удосужился выслушать его отчет или узнать его мнение. На замену Пузанову пришел Фикрят Табеев — первый секретарь обкома КПСС Татарской АССР, который прибыл в Кабул 26 ноября. Его назначили в такой спешке, что он практически ничего не знал о ситуации в Афганистане и даже не слышал о расколе в компартии Афганистана. Первые дни в Кабуле Табеев посвятил подготовке визита Амина в Москву. Никто не предупредил его, что Москва уже обдумывает решение вопроса с Амином. Сам Амин еще праздновал победу над Пузановым, этим “парчамистом”, как он его называл, и во время одной из первых встреч с новым послом заявил Табееву: “Надеюсь, вы учли судьбу своего предшественника”.

Генерала Заплатаина отозвали 10 декабря, когда уже принималось окончательное решение. Он вновь заверил Огаркова и Устинова, что афганская армия справится с задачей. Ляль-

ность Амина Советскому Союзу, по его словам, ни в малейшей степени не должна подвергаться сомнению. Устинов раздраженно заметил: “У вас у всех там разные оценки, а нам здесь решение принимать”. Об отправке войск ничего не говорилось, только Огарков что-то буркнул о возможности военных действий. Заплатин прямо заявил, что не видит в этом никакой необходимости²⁶.

Таким образом, советских чиновников, сомневавшихся в целесообразности применения силы, вывели из игры или проигнорировали. И, похоже, лишь сотрудники КГБ в Кабуле имели согласованную и последовательную позицию: от Амина следует избавиться. В разгар кризиса высшие советские чиновники в Кабуле имели слабое представление об Афганистане, а то и вообще никакого.

Решение

Ситуация в Афганистане ухудшалась. В ноябре Амин, пытаясь возложить вину за эксцессы на своего предшественника, опубликовал официальный список ликвидированных после апрельского переворота 1978 года. В нем значилось двенадцать тысяч человек. Амин усиливал террор против своих оппонентов. На столе он держал портрет Сталина, а от советских упреков отмахивался: “Товарищ Сталин научил нас, как строить социализм в отсталой стране... Сначала будет больно, а потом будет очень хорошо!” По данным одного иностранного ученого, в период между коммунистическим переворотом и советским вторжением в одной только тюрьме Пули-Чархи могло быть казнено до двадцати семи тысяч человек. После прихода советских войск были обнаружены массовые захоронения в Герате и Бамиане. По другим оценкам, за 1979 год могли быть убиты пятьдесят тысяч человек, а то и больше. Многие афганцы бежали в Пакистан и Иран. Как обычно, точную статистику получить не удастся²⁷.

Несмотря на репрессии, волнения продолжались. В середине октября взбунтовались части 7-й стрелковой дивизии, базировавшейся на окраинах Кабула. Амин использовал войска и авиацию для усмирения непокорных племен. Этих мер было недостаточно. Амин держал под контролем всего 20 % территории страны, и с каждым днем управляемая им территория сокращалась.

Советское руководство все еще не было уверено в необходимости крупной войсковой операции. Не произошло ничего такого, что изменило бы тезис восьмимесячной давности: военное вмешательство в Афганистане повредит советским интересам. Однако теперь события стремительно выходили из-под контроля, и подготовка к насильственной смене власти в Кабуле стала приобретать конкретные очертания.

В начале ноября КГБ привез в Москву Бабрака Кармала и других потенциальных членов альтернативного афганского правительства.

Первая переброска войск, напрямую связанная с возможной операцией против Амина, была санкционирована только 6 декабря. В тот день Политбюро одобрило предложение Андропова и Огаркова отправить в Кабул пятьсот человек, не пытаясь скрыть их принадлежность к советским Вооруженным силам. В конце концов, Амин неоднократно донимал русских своими требованиями прислать мотострелковый батальон для защиты его резиденции.

Восьмого декабря Брежнев встретился с Андроповым, Громыко, Сусловым и Устиновым, чтобы детально обсудить ситуацию и взвесить все за и против ввода советских войск. Стенограмма этого совещания пока не опубликована.

Десятого декабря Устинов вызвал Огаркова и сообщил, что Политбюро приняло предварительное решение отправить войска в Афганистан на временной основе. Он приказал Огаркову составить план переброски 75–80 тысяч солдат. Огарков был изумлен и разозлен: он в принципе выступал против отправки войск, так как это не имело никакого смыс-

ла. К тому же 75 тысяч в любом случае недостаточно. Устинов бросил сердито: не дело Огаркова поучать Политбюро, его задача — выполнять приказы.

В тот же день Огаркова вызвали в кабинет Брежнева. Там уже находились Андропов, Громыко и Устинов. Огарков повторил свои аргументы: афганскую проблему следует регулировать политическими средствами; афганцы всегда нетерпимо относились к присутствию иностранцев на своей земле; советские войска, скорее всего, будут втянуты в военные операции даже против своего желания. Участники совещания остались глухи к его аргументам, хотя сообщили, что принципиальное решение об отправке войск пока не принято.

Вечером, на совещании высших офицеров Министерства обороны, Устинов доложил, что решение об использовании военной силы в Афганистане будет принято в самом скором времени. Затем он начал отдавать устные распоряжения, которые Генштаб превращал в письменные приказы²⁸. Началась мобилизация войск на афганской границе. Десантные и другие элитные части начали прибывать в Туркменистан со всего СССР.



Решающее заседание Политбюро состоялось 12 декабря. Присутствовали Брежнев, Суслов, Андропов, Устинов и Громыко. Были там и другие, хотя потом утверждалось, что заседание было закрытым²⁹. Совещанию была представлен меморандум Андропова, в котором говорилось, что после убийства Тараки в результате массовых репрессий, проводимых Амином, ситуация в партии, армии и государственном аппарате резко обострилась.

Андропов особенно выделял сообщения об участившихся контактах Амина с Западом. Есть доказательства, писал он, что у Амина есть контакты в ЦРУ: они, возможно, завербовали его, когда он учился в США в 60-х годах. ЦРУ пытается создать “нео-Оттоманскую империю”, в которую могли бы, кроме Аф-

ганистана, войти южные республики СССР. Советская система ПВО не сможет защитить цели в южных республиках — скажем, космодром Байконур, — если американцы разместят ракеты в Афганистане. Афганские запасы урана станут доступны иранцам и пакистанцам. Пакистану, возможно, удастся приобрести южные провинции Афганистана. Если Амин действительно собирается переориентировать внешнюю политику страны на Запад, это сорвет советские усилия по сохранению Афганистана как дружественной стабильной страны, буферной зоны на южной границе СССР. Между тем антисоветские настроения в Афганистане росли. Бабрак Кармаль и другие эмигранты просили СССР повлиять на политическую ситуацию в Афганистане, пусть даже силой оружия. Советский Союз должен действовать решительно: сместить Амина и упрочить афганский режим.

Эти аргументы были не такими уж надуманными. В 1979 году эксперты ЦРУ рассматривали возможность перенесения из Ирана в Афганистан станций радиотехнической разведки, которые закрыл Хомейни³⁰. В начале ноября в Тегеране взяли в заложники американских дипломатов, и политика США стала менее предсказуемой. Советские опасения по поводу безопасности республик Средней Азии имели некоторое основание. Они подтвердились впоследствии, когда моджахеды, а затем и “Талибан” начали действовать в Таджикистане и Узбекистане вместе с исламской оппозицией³¹.

Западные и даже некоторые российские историки склонялись к тому, что советскими политиками завладела паранойя, что они просто выдумывали обоснования для вторжения. Возможно, это тоже имело место. Но в атмосфере холодной войны каждая сторона имела склонность преувеличивать угрозу, исходящую от другой стороны, и исходить из самых негативных сценариев: это было гораздо надежнее, чем надеяться на лучшее. Позже аналитики обращали внимание на совпадение: решение НАТО разместить в Европе ракеты “Першинг-2” было принято в тот же день, когда Политбюро вынесло свое судьбоносное решение по Афганистану. Но учитывая, на-

сколько сложны и запутанны процедуры принятия решений в большинстве правительств, маловероятно, что новости о ракетах серьезно повлияли бы на мнение членов Политбюро, даже если бы они достигли их ушей к этому моменту.

Был ли Амин завербован ЦРУ и вступало ли оно в контакты с ним, до сих пор неясно. Возможно, это был отвлекающий маневр. В начале 1979 года посол Дабс спросил шефа местного отделения ЦРУ: правда ли, что Амин — агент ЦРУ? Тот заверил его, что это не так³². Русские знали, что с февраля 1979 года Амин пять раз встречался с Амштутцем — исполняющим обязанности главы посольства США после убийства Дабса. Они не смогли выяснить, что происходило на этих встречах. Но для Амина было бы естественно последовать примеру Дауда и перестраховаться, сделав ставку сразу на обе стороны.

Возможно, как доказывали потом некоторые американцы, у США и не было в отношении Афганистана планов такого рода, какие им приписывали советские власти. Но тогда русские не могли быть в этом уверены. Так что, видимо, неизбежна была ориентация на самый худший вариант: укрепление позиций врага прямо на южной границе СССР.

Андропов при поддержке Устинова доказывал, что эти соображения сами по себе оправдывают военное вмешательство. Он заметил, что в Кабуле уже есть два советских батальона, и этого хватит для проведения успешной операции. Суждение Андропова было чрезвычайно оптимистичным, военные с ним принципиально не согласились. Однако Андропов добавил, что будет разумно разместить ближе к границе дополнительные силы, которые можно использовать, скажем, против мятежников³³.

Собравшиеся единодушно решили ввести войска. Никаких официальных записей совещания не велось. Черненко зафиксировал решение в коротком рукописном документе, скромно озаглавленном “К положению в ‘А’”. Там говорилось:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.т. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А. Разрешить

в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить т.т. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф. и Громыко А.А. информировать о ходе выполнения намеченных мероприятий³⁴.

Единственным человеком из этого узкого круга, поделившимся впечатлениями, был Громыко. В мемуарах он писал:

Этот кровавый акт [убийство Тараки] произвел потрясающее впечатление на советское руководство. Л.И. Брежнев особенно тяжело переживал его гибель. В конце концов в такой обстановке и было принято решение о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

После того как это решение было принято на Политбюро, я зашел в кабинет Брежнева и сказал:

— Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?

Брежнев не стал отвечать сразу. Он взял телефонную трубку:

— Михаил Андреевич [Суслов], не зайдешь ли ко мне? Есть потребность посоветоваться...

Брежнев проинформировал его о нашем разговоре. От себя добавил:

— В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Суслов сказал:

— У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уж так решили. А на ЦК обсудим позднее.

Состоявшийся затем в июне 1980 года Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро.

Еще во время рабочих совещаний перед принятием окончательного решения о вводе наших войск начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Н. В. Огарков высказывал мнение о том, что отдельные части афганской армии могут оказать сопротивление.

Первоначально предполагалось, что наши войска будут только помогать местным жителям защищаться от вторгшихся извне банд, оказывать населению содействие продовольствием и предметами первой необходимости — горючим, тканями, мылом и т. д. Мы не хотели ни увеличивать численность своего контингента, ни втягиваться в серьезные боевые действия. Да и разместились наши войска в основном гарнизонами в городах³⁵.

Советские власти видели все аргументы против силового вмешательства: участие в кровавой гражданской войне, колоссальные человеческие жертвы и материальные затраты, превращение СССР в страну-изгоя. Они беспокоились, что военное вмешательство в Афганистане серьезно повлияет на отношения Востока и Запада. Но к концу 1979 года последнее соображение уже не играло роли. Крючков описал сложившуюся обстановку на Съезде народных депутатов в конце 1989 года³⁶. Разрядка сворачивалась, а гонка вооружений ускорялась, говорил он. Сенат США уклонялся от ратификации договора об ограничении стратегических вооружений, а это был ключевой элемент в налаживании доверия между двумя сверхдержавами. Американцы разрабатывали новые вооружения (в том числе бомбардировщик Би-1 и новые ракеты Эм-икс) и усиливали стратегическую блокаду Советского Союза. Крючков признавал, что некоторые шаги американцев были реакцией на действия советской стороны. Но русским казалось, что американцы пытаются подорвать паритет, который уже много лет обеспечивал довольно стабильные рамки конфронтации сверхдержав. Советские власти посчитали, что им почти нечего терять.

После смерти Тараки вариантов в любом случае оставалось все меньше. Решение вторгнуться в Афганистан, прикрытое разговорами о самозащите и помощи дружественной стране, было, несомненно, серьезнейшей политической ошибкой. Но эта политика не была иррациональной, и к моменту принятия окончательного решения в декабре 1979 года такой исход был практически неизбежен. Версия о том, что это лишь безответственный шаг, принятый в секрете небольшой группой геронтократов, может быть удобна для всех остальных членов тогдашнего Политбюро, а также для бесчисленных гражданских и военных чиновников и сотрудников спецслужб, участвовавших в афганской операции, но критики она не выдерживает.

В любом случае механизмы достижения консенсуса внутри советской машины еще работали. В июне 1980 года прошел специальный партийный пленум, на котором Громыко представил обоснование советской политики в Афганистане. Эту политическую линию поддержали все присутствующие. Горячими аплодисментами были встречены и слова Эдуарда Шеварднадзе, будущего министра иностранных дел при Горбачеве: “В мире знают, что Советский Союз и его руководитель не оставляют друзей на произвол судьбы, что его слово не расходится с делом”³⁷.

Глава 4

Штурм дворца

Удивительно, но Амин и не подозревал, что Москва повернулась к нему спиной. До последнего момента он продолжал просить у СССР войска, чтобы помочь ему справиться с усиливавшейся оппозицией. Приготовления к его свержению начались еще до того, как в Москве было принято окончательное политическое решение. Армия отправила разведывательную роту для усиления 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, размещенного в Баграме. Туда же прибыла небольшая группа бойцов “Зенита” под командованием полковника Голубева. Они были замаскированы под технический персонал и прикомандированы к “мусульманскому” батальону. Теперь “Зенит” в Афганистане насчитывал 130 человек. В Кабуле советский контингент размещался в трех особняках, арендованных советским посольством.

Четвертого декабря генерал КГБ Вадим Кирпиченко и группа офицеров ВДВ во главе с генералом Гуськовым отправились в Кабул, чтобы спланировать устранение Амина. Одиннадцатого декабря Гуськов поставил предварительную задачу: захватить “объект ‘Дуб’” (кодовое название дворца Арк, где теперь находилась резиденция Амина). Операцию должны были провести бойцы “Зенита” и рота “мусульманского” батальона. У русских не было плана здания, и все, что они знали об его охране — это то, что президентская гвардия насчитывала

до двух тысяч человек. Небольшие отряды должны были также захватить здания телерадиоцентра и другие объекты в Кабуле.

На этом этапе планировалось, что парчамисты под руководством Кармаля организуют переворот против Амина, а советская поддержка ограничится теми силами, которые уже введены в страну. Бабрак Кармаль в сопровождении Анахиты Ратебзад тайно прилетел в Баграм, куда несколькими днями ранее доставили Ватанджара, Гулябзоя и Сарвари. Прибывших поселили в плохо отапливаемых землянках и кормили тоже неважно: кашей, сыром, колбасой и консервами, которые купили им сопровождающие перед вылетом из Москвы.

В четверг 13 декабря советских командиров проинструктировали. Им сообщили, что местные жители будут рады им и восстанут против Амина, так что солдатам было приказано демонстрировать дружелюбие. Бойцы, размещенные в Баграме, получили приказ находиться в боевой готовности для выступления на Кабул¹.

Тем вечером военный переводчик Евгений Киселев (позднее известный телеведущий) был на дежурстве в Кабуле. С ним дежурили еще два офицера — полковник и младший лейтенант. Примерно в семь начальник штаба генерала Магометова, нового главного военного советника, зашел в комнату дежурных, чтобы поговорить с полковником наедине. После этого озадаченный полковник велел Киселеву и его коллеге обойти дома всех старших военных советников (их было более тридцати) и передать: им следует собраться в штаб-квартире к девяти часам и ждать приказа. Приказ так и не был отдан, и офицерам разрешили разойтись по домам. Несколько дней спустя молодой офицер КГБ рассказал Киселеву, что планировался переворот, но в последний момент его перенесли².

Случилось вот что: генерал Магометов и другие советские представители узнали, что происходит, и пришли в ужас. КГБ не обсуждал с ними план, а план этот, как они доложили в Москву, был никчемным и с имеющимися ограниченными силами просто невыполнимым. Без дополнительных войск план

мог провалиться, и советские позиции в Афганистане были бы серьезно подорваны.

Таким образом, операцию отложили до момента, пока не будут собраны более крупные силы. Между советскими военными и политиками вспыхнули споры по поводу того, насколько серьезные силы понадобятся. В 1968 году СССР выделил восемнадцать дивизий при поддержке еще восьми дивизий стран Варшавского договора (всего около полумиллиона человек) для вторжения в Чехословакию, страну с куда более приветливым ландшафтом, не имевшую традиций вооруженного сопротивления захватчикам. Более того, в Афганистане, в отличие от Чехословакии, бушевала гражданская война³. Правительство и КГБ изначально считали, что задачу можно решить с помощью 35–40 тысяч солдат. Генералы, естественно, просили больше. На этапе планирования под давлением Магомедова и других военных контингент был увеличен, и силы, пересекшие границу в конце декабря, насчитывали около восьмидесяти тысяч солдат⁴. Но и эти силы не дотягивали до величины, которую военные считали необходимой. Позднее военные эксперты подсчитали: для стабилизации ситуации в Афганистане, закрытия границ, зачистки городов, дорожной сети и перевалов, а также устранения вероятности вооруженного сопротивления понадобилось бы 30–35 дивизий⁵.

40-я армия

Теперь приготовления пошли быстрее. Четырнадцатого декабря была создана Оперативная группа Министерства обороны СССР под руководством маршала Сергея Соколова — первого замминистра, человека уже за семьдесят, высокого, с глубоким басом и спокойной, покровительственной манерой⁶. Группа начала работать в Термезе, ближайшем к афганской границе советском городе, но вскоре переместилась в Кабул, где и оста-

лась. Группа постановила создать новую армию — 40-ю — в Туркестанском военном округе, под командованием генерала Тухаринова, который в сентябре занял пост заместителя командующего округом. Поскольку предполагалось, что задачи и размеры этих сил будут ограниченными, как и время, которое они проведут в Афганистане, их официально назвали “Ограниченный контингент советских войск в Афганистане” (ОКСВА). Это скромное название в пропагандистских целях сохранялось в течение всей войны, и по его поводу иронизировали и иностранные, и советские противники войны.

Созданная таким образом система военного командования была пронизана противоречиями. 40-я армия действовала в Афганистане, но формально подчинялась командующему Туркестанским военным округом в Ташкенте, который, в свою очередь, подчинялся начальнику Генштаба в Москве. Во многом военным планированием операций в Афганистане занимались штабы трех этих организаций, но самым высокопоставленным офицером в Афганистане был глава Оперативной группы Министерства обороны. Он также мог (и принимал на себя ответственность) командовать операциями и общался напрямую с Москвой, не обращая особого внимания на Ташкент. К тому же главный военный советник при правительстве Афганистана руководил большим количеством советников, прикомандированных к афганской армии, отвечал за координацию операций этой армии с операциями 40-й армии и считал, что тоже отвечает за оперативное командование. Все это усиливало путаницу, и без того сопровождавшую процесс выработки советской политики в отношении Афганистана и возникавшую из-за раскола во мнениях в Москве и среди различных советских представителей в Кабуле. Волевые политики (Михаил Горбачев; генерал Валентин Варенников, в 1984–1989 годах глава Оперативной группы Министерства обороны и старший по званию в Афганистане; Юлий Воронцов, посол в последние месяцы советского военного присутствия) время от времени принимали решительные меры, чтобы всех прими-

речь. Но в целом проблемы так и не удалось решить, и они усугублялись давним соперничеством армии и КГБ.

Благодаря героическим усилиям к концу дня 24 декабря 40-я армия была более или менее готова выступить. В приказе командующим Устинов обосновал необходимость действий следующим образом: «С учетом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспреещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств»⁷. Эта аргументация превратилась в официальное обоснование войны.

В полдень 25 декабря Устинов отдал приказ к выступлению: «Переход и перелет государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиацией ВВС начать в 15.00 25 декабря»⁸.

Вторжение началось.



Удивительно не то, что все это (само собой) вызвало изрядный хаос, а то, что громадные административные и транспортные трудности были преодолены и армия прибыла в Афганистан к намеченному времени. Советский Генштаб всегда очень умело организовывал переброску и снабжение армий в весьма сложных ситуациях, зачастую опираясь на предельно грубые методы и ценой страданий солдат. Но эти методы сработали во время Второй мировой войны. В Афганистане, несмотря на необходимость импровизировать в последний момент и внушительные препятствия — особенности местности и климата, — они

сработали снова, хотя некоторым солдатам из-за сбоя системы пришлось поголодать⁹.

Главным маршрутом вторжения была дорога, идущая по периферии Афганистана. Она огибает горы и соединяет крупнейшие города страны, от Балха, разрушенного Чингисханом в 1220 году, до Мазари-Шарифа (где стоит Голубая мечеть, посвященная Али, двоюродному брату и зятю пророка Мухаммеда), и дальше против часовой стрелки до Герата, Кандагара и Кабула. Она была частью Великого шелкового пути — дороги, по которой тысячи лет шли торговцы и армии и по которой, как боялись британцы, ворвутся в Индию русские, персы или французы. В те давние дни восточной дуги этого кольца не существовало, и пока Надир-шах в начале 30-х годов не построил новую трассу через Саланг, нормальной дороги от Кабула к Мазари-Шарифу через горы Гиндукуш не было. В 50-х годах русские и американцы соревновались за право перестроить дорогу. Американцы построили южный участок от Кабула до Кандагара, а СССР — северный. Теперь по этой дороге могли ездить автомобили, грузовики, а при необходимости и танки. Советские солдаты называли ее “бетонкой”.

План был таков: 5-я гвардейская мотострелковая дивизия войдет в Афганистан через Герат и Шинданд, 108-я мотострелковая дивизия перейдет Амударью в Термезе, а 103-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию и оставшиеся батальоны 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка перебросят по воздуху в Кабул и Баграм. Сопровождали эти три дивизии 860-й отдельный мотострелковый полк, 56-я гвардейская отдельная десантно-штурмовая бригада и ряд других частей¹⁰. В течение полутора месяцев к ним должны были присоединиться 201-я мотострелковая дивизия и другие, более мелкие подразделения. Войска должны были достичь шоссе и войти по нему в главные административные центры. Советский посол Табеев уже предупредил Амина о приближении войск. Командующий 40-й армией генерал Тухаринов встретился в Кундузе — первом афганском городе по дороге

от Термеза — с командующим оперативным подразделением афганского Генштаба генералом Бабаджаном, чтобы скоординировать перемещение войск и обсудить детали.

Операция началась в ночь с 24 на 25 декабря. Советские самолеты почти безостановочно садились в Кабуле и Баграме, доставляя бойцов 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии из Витебска и 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. За сорок восемь часов в Кабул было доставлено по воздуху 7700 солдат, девятьсот единиц военной техники и больше тысячи тонн припасов. Один Ил-76 под командованием капитана Виталия Головчина с тридцатью семью десантниками при подлете к кабульскому аэропорту врезался в гору. В аэропорту у британского посольства имелись свои люди, и англичане были удивлены тем, что советские военные не предприняли ни малейшей попытки скрыть приготовления. Аэропорт работал как обычно. Британцы увидели там шесть вертолетов с советскими опознавательными знаками¹¹.

На следующий день войска в Таджикистане приступили к переходу через быструю и коварную Амударью по мосту, который с некоторыми трудностями построили военные инженеры. Солдатам сообщили, что они будут помогать афганскому народу бороться с контрреволюционерами и что Советы должны войти в Афганистан прежде американцев. Хотя некоторые солдаты-срочники возмутились тем, что демобилизация откладывается, большинство были рады предстоящему приключению. Несмотря на то, что миссия предстояла мирная, замполит одного из батальонов сообщил солдатам, что они пройдут по Афганистану огнем и мечом, а комбат прибавил: “Если в вас хоть раз выстрелят, открывайте огонь из всего, что есть”. Маршал Соколов, глава Оперативной группы Министерства обороны, тогда базировавшейся в Термезе, пришел посмотреть, как солдаты отправляются в поход под звуки маршей и женский плач¹².

Четвертый батальон 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады выдвинулся вперед для захвата невероят-

но важного стратегически перевала Саланг, лежащего на пути к пункту назначения. Среди бойцов четвертого батальона находился сержант-призывник Сергей Морозов. Он и его товарищи обнаружили, что никаких боев не предвидится. Пострадали лишь двое солдат, да и те получили ранения случайно. Солдаты разместились в домах без окон, предназначенных для рабочих, строивших дорогу на перевале Саланг¹³. В середине зимы на такой высоте было очень холодно, но солдаты взяли с собой печки и выпрашивали топливо у проходящих мимо колонн. Других занятий у них практически не было¹⁴.

Следующей двигалась 108-я мотострелковая дивизия под командованием полковника Валерия Миронова. Офицеры дивизии уже пересекали границу на вертолетах для рекогносцировки¹⁵. Утром 28 декабря, после неприятного момента, когда колонна застряла в туннеле Саланг¹⁶, дивизия достигла намеченной позиции неподалеку от Кабула. Местное население радушно встретило советских солдат, однако отношения между ними резко ухудшились, когда стало ясно, что солдаты пришли надолго. В начале февраля произошел скверный инцидент: в окрестностях Кабула напали на патруль, и офицер с одиннадцатью солдатами — все резервисты — были убиты. Но в целом первые месяцы были самыми спокойными за все время пребывания дивизии в Афганистане.

В середине января в дивизию прибыл новый начальник штаба, полковник Борис Громов. Он был не слишком доволен новым назначением, поскольку рассчитывал на повышение. В Ташкенте, где Громов остановился по пути на юг, офицеры уже рассуждали о том, что в Афганистане начнутся бои, хотя атаки на советские войска еще не начались. Он вылетел в Кабул на санитарном самолете, смущенный тем, что носил форму мирного времени, тогда как остальные офицеры были уже в форме военного времени. В Кабуле Громову пришлось спать в холодном самолете: не нашлось другого места. На следующий день самолет не смог взлететь: колеса шасси примерзли к полосе¹⁷.

Планирование переворота

Ситуация в Афганистане продолжала запутываться. Двадцатого декабря Амин перенес свою резиденцию из дворца Арк в центре Кабула во дворец Таж-Бек, где прежде находилась штаб-квартира Центрального корпуса афганской армии¹⁸. Дворец находился на юго-западной окраине города, и Амин, должно быть, решил, что его оборону будет проще организовать. Некоторые специалисты из советского КГБ, консультировавшие Амина по поводу безопасности, тоже размещались во дворце.

Таж-Бек был очень прочным зданием: его стены могли выдержать попадание артиллерийских снарядов. Оборону дворца тщательно продумали. Все подъездные дороги, кроме одной, были заминированы, и эту единственную дорогу прикрывали тяжелые пулеметы и артиллерия. Сам дворец защищала рота личной охраны Амина, включавшая его родственников и доверенных людей. Они носили особую униформу, отличавшую их от других афганских солдат: фуражки с белым кантом, белые ремни и кобуры, белые нарукавники. Вторая линия охраны состояла из семи постов. На каждом находились четверо солдат, вооруженных пулеметом, минометом и автоматами. Часовых сменяли каждые два часа. Внешнее кольцо обороны составляли бойцы президентской гвардии: три мотострелковых батальона и один танковый (общая численность — около двух с половиной тысяч человек). На одной из командных высот были закопаны три Т-54, которые могли обстреливать окрестности дворца из орудий и пулеметов. Кроме того, неподалеку базировался зенитный полк, располагавший двенадцатью 100-миллиметровыми зенитными пушками и шестнадцатью пулеметными установками, а также строительный батальон, насчитывавший около тысячи человек. В самом Кабуле были расквартированы две дивизии и танковая бригада афганской армии¹⁹.

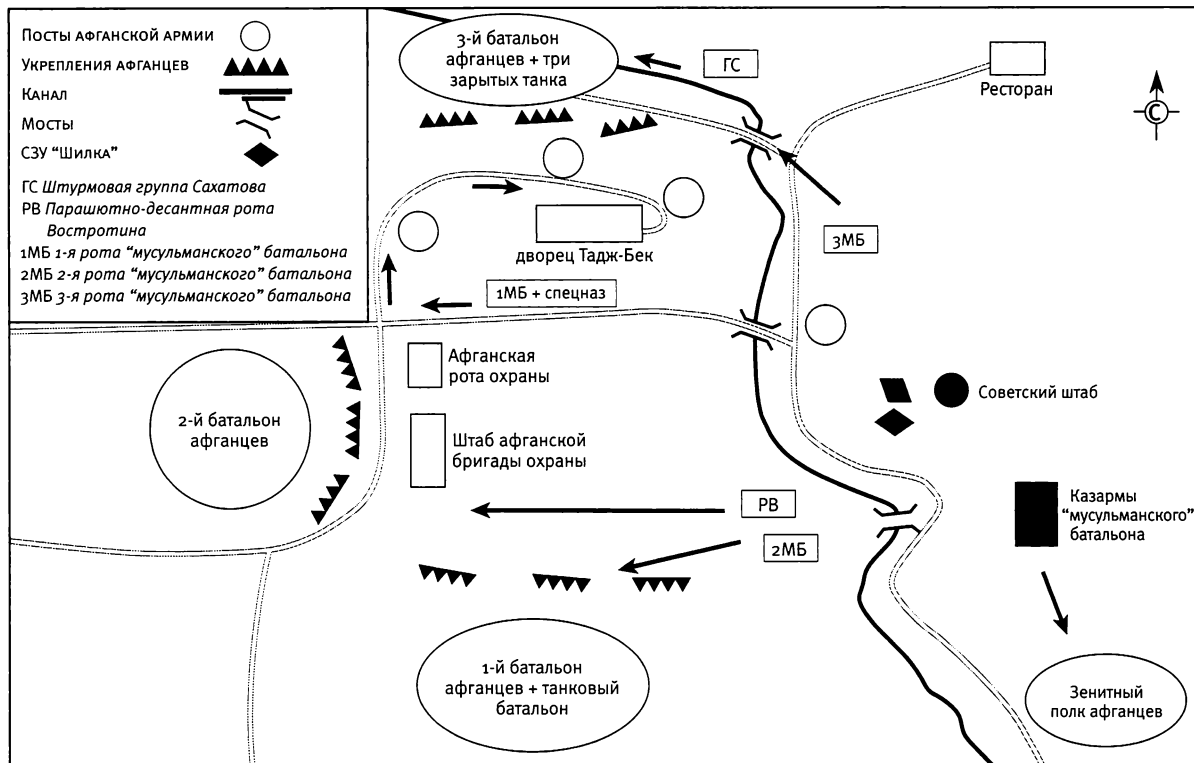
Итак, русские имели дело с грозной силой. Даже с учетом прибывающих подкреплений уничтожение Амина и его режима выглядело сложной задачей: советским силам противостоял хорошо вооруженный, многократно превосходящий численно противник.

Главной целью были дворец Тадж-Бек и Амин. Но чтобы взять Кабул, нужно было взять еще и телерадиоцентр, здания Генштаба, телеграфа и МВД, штаб народной милиции (Царандой), штаб Центрального корпуса во дворце Арк и здание военной контрразведки. Занять их было проще, чем Тадж-Бек, но и это требовало значительных сил и правильного выбора момента²⁰.

Восемнадцатого декабря Крючков отправил в Афганистан генерала Юрия Дроздова, главу управления нелегальной разведки КГБ, ветерана войны, лингвиста по образованию и бывшего агента-нелегала в Западной Германии. Дроздов должен был обсудить на месте ситуацию с офицерами КГБ, посмотреть, что происходит, и вернуться с докладом²¹. Дроздов предупредил встревоженную жену, что его не будет несколько дней, и рано утром уехал с полковником Колесником из ГРУ, который ненадолго возвращался в Москву. Помощник Дроздова взял с собой “дипломат” для встречавшего их офицера КГБ. В “дипломате” была кассета с обращением Бабрака Кармаля к народу, которую следовало передать после свержения Амина. Группа случайно оставила эту запись в Баграме после приземления, но, к счастью, на следующий день ее нашли.

В тот же день “мусульманский” батальон перевели из Баграма в Кабул и разместили в окрестностях города, в километре от Тадж-Бека, в недостроенном здании с незастекленными окнами. Температура упала до минус двадцати. Солдаты завесили оконные проемы плащ-палатками, поставили печки-буржуйки и соорудили двухъярусные кровати. Афганцы снабдили их одеялами из верблюжьей шерсти. Еду можно было купить на базаре.

Двадцать первого декабря Магометов вызвал Колесника и Халбаева, командира “мусульманского” батальона, и прика-



Штурм дворца Амина (1979)

зал им вместе с гвардией Амина подготовить план обороны дворца Тадж-Бек. О других планах он ничего не сказал. Колесник и Халбаев отправились к майору Джандаду, командиру гвардии Амина. Они быстро договорились о том, где следует разместить отдельные роты “мусульманского” батальона, и о возведении моста через оросительный канал шириной четыре с половиной метра — еще одно препятствие на подступах к Тадж-Беку. Джандад дал русским небольшую японскую рацию “уоки-токи”, чтобы они могли связаться с ним напрямую. Два советских офицера осмотрели подходы к дворцу и позиции афганских подразделений вокруг него и засели за план.

В Кабул продолжали прибывать советские войска, в том числе еще одно спецподразделение — “Гром” под командованием майора Михаила Романова. В него вошли тридцать человек из “Альфы”, антитеррористической группы КГБ. Бойцы сказали родным, что поедут на учения в Ярославль и поэтому пропустят празднование Нового года. Они и не представляли, что их ждет бой. Они должны были вылететь из Москвы на личном Ту-134 Андропова, и кто-то сфотографировал их в момент посадки на борт. Фотографа заставили засветить пленку.

В Кабуле спецназовцев разместили сначала в посольстве, а потом перевели к солдатам “мусульманского” батальона неподалеку от дворца Тадж-Бек. Там они занялись пристрелкой оружия и получили афганскую униформу — слишком тесную. Они пришили карманы для дополнительных гранат и магазинов и опознавательные знаки — белые нарукавники.

Однако сценарий развертывания советских сил в Кабуле вот-вот должен был кардинально поменяться. Двадцать третьего декабря Колесник и Халбаев отправились в посольство, чтобы рассказать о своем плане защиты дворца генералу Магометову и генералу Иванову. Внезапно Иванов предложил рассмотреть альтернативный план — не защиты дворца, а его силового захвата. Для этого Колеснику должны были придать два спецотряда, “Гром” и “Зенит”, а также роту “мусульманского” батальона и роту десантников 345-го гвардейского отдель-

ного парашютно-десантного полка (Баграм) под командованием старшего лейтенанта Востротина. В атаке должны были участвовать и трое участников “банды четырех” — Ватанджар, Гулябзой и Сарвари, — чтобы она не выглядела как исключительно советская военная операция²².

Учитывая, сколько афганских солдат защищали дворец, даже расширенный советский контингент едва ли мог одержать верх только за счет силы. Нужен был элемент неожиданности и обмана. Всю ночь Колесник с коллегами просидели над планом. Наутро Колесник доложил Магометову, что успех операции можно гарантировать только в случае, если в ней примет участие “мусульманский” батальон целиком.

План Колесника, в том числе выделение дополнительных сил, одобрили. Его назначили командующим операцией, получившей кодовое название “Шторм-333”. Планировалось, что две “Шилки” начнут обстреливать дворец. Десантники Востротина и две роты “мусульманского” батальона помешают афганским частям прийти на помощь защитникам дворца. Противотанковый взвод капитана Анвара Сахатова должен был вывести из строя три закопанных афганских танка. Затем еще одна рота “мусульманского” батальона и группы “Зенит” и “Гром” поведут атаку на дворец. Изначально операцию планировалось провести 25 декабря, но потом ее перенесли на 27-е.

По просьбе генерала Иванова в состав участников операции в последний момент включили полковника Бояринова, который должен был координировать действия двух спецотрядов КГБ. Он вернулся в Кабул лишь за день до того и был не знаком ни с ситуацией, ни с людьми²³.

Чтобы усыпить бдительность афганцев, советские подразделения в окрестностях дворца начали “маневры”: они пускали осветительные ракеты, стреляли и заводили двигатели. Впервые увидев вспышки, афганцы, естественно, заподозрили неладное. Они осветили советские позиции прожекторами, и майор Джандад отправился выяснять, что происходит. Русские объяснили, что это учения: ракеты освещают подхо-

ды к дворцу, а двигатели нужно прогревать, чтобы не встали. Постепенно подозрения афганцев утихли, хотя они пожаловались, что шум не дает Амину спать. Эти мероприятия продолжались еще три дня.

Двадцать шестого декабря офицеры “мусульманского” батальона пригласили своих коллег из гвардии афганского президента на вечеринку. Повара приготовили плов, а КГБ выделил водку, коньяк, икру и прочие деликатесы. Явились пятнадцать афганских офицеров, в том числе командир гвардии майор Джандад и старший лейтенант Рузи, по его приказу убивший Тараки. Было поднято много тостов за советско-афганскую дружбу. Официанты щедро поили гостей водкой, наливая русским только воду. В порыве откровенности Рузи рассказал одному из русских, что Тараки задушили по приказу Амина. Джандад приказал увести его и объяснил русским, что тот выпил лишнего и несет чепуху. Остаток вечера прошел без инцидентов.

У советских командиров по-прежнему не было надежной информации о плане дворца. Поэтому на следующий день, на который был намечен штурм, Дроздов убедил Юрия Кутепова, главного советника КГБ в личной охране Амина, взять с собой его, а также Колесника и Халбаева, чтобы осмотреть здание. Потом Дроздов смог начертить примерный план каждого этажа. Русские спросили Джандада, могут ли его советники из КГБ вечером взять отгул, чтобы сходить на день рождения одного из советских офицеров. Он согласился. Это, вероятно, спасло им жизнь.

Майоры Михаил Романов и Яков Семенов отправились ознакомиться с местностью, по которой им предстояло вести своих людей. Их экспедиция закончилась фарсом и чуть не погубила все дело. Неподалеку от дворца имелся ресторан, где часто бывали афганские офицеры. Оттуда открывался отличный вид на Тадж-Бек, подходы к нему и на систему обороны. Ресторан был закрыт, но они нашли владельца и рассказали ему, что ищут место, где бы отпраздновать Новый год со своими офицерами. Увидев все, что им требовалось, офицеры отпра-

вились на базу и по дороге столкнулись с афганскими постовыми. Те сочли документы советских офицеров подозрительными и попытались их обезоружить. Четыре часа спустя, когда было выпито изрядное количество чая, русские наконец убедили афганцев отпустить их. Но в какой-то момент, казалось, солдатам придется отправиться в бой без командиров.

Несмотря на все эти маневры, пережившие штурм афганцы потом утверждали, что не подозревали о готовящемся нападении.

Чтобы упростить захват дворца и других объектов в Кабуле, а также парализовать коммуникации противника, русские решили подорвать правительственную систему связи. Основные кабели проходили через одну коробку прямо рядом с узлом связи в центре Кабула. Коробку накрывал толстый слой бетона. Специалисты “Зенита” осмотрели окрестности и заложили взрывчатку. Звук взрыва должен был стать сигналом к началу нападения.

Дроздов и Колесник собрали командиров для инструктажа на втором этаже казарм “мусульманского” батальона. Они сообщили, что Амин предал революцию. По его приказу были убиты тысячи невинных людей. Он поддерживал контакты с ЦРУ. Следовательно, его необходимо устранить.

Каждый отряд получил задачу, позывные и опознавательные сигналы. Все солдаты по соображениям безопасности сдали документы и получили традиционные сто грамм водки на человека, колбасу и хлеб. Многие были слишком взвинчены, чтобы есть.

Никто не подвергал приказ сомнению. Но некоторые проникательные — или циничные — солдаты задумались: если Амин действительно перешел на сторону американцев, то почему он пригласил для защиты советские, а не американские войска? Другие говорили, что план безумен и все они погибнут. Бояринов еще недостаточно вник в оперативные планы и явно нервничал²⁴. Из остальных почти никто еще не был в бою. Одни, чтобы успокоить нервы, выпили водки, другие —

валерьянку, но это не помогло. Некоторые оставили тяжелые бронезилеты, чтобы легче было передвигаться.

Яд

Руководство КГБ грезило об альтернативном решении проблемы: убийстве Амина. Такие попытки предпринимались, но ни одна не была доведена до конца. Снайперы КГБ планировали убить Амина, пока он ехал на работу, но план сорвался, когда афганцы усилили меры безопасности. Тринадцатого декабря КГБ попытался отравить Амина, подмешав яд в кока-колу. Амин не пострадал²⁵, но заболел его племянник Асадулла, глава контрразведки. Врачи заподозрили у него тяжелую форму гепатита и отправили на лечение в Москву. Там Асадуллу поместили в “Матросскую тишину”. После свержения Амина его вернули в Кабул, какое-то время допрашивали, пытали, а потом казнили.

КГБ до последнего момента не оставлял попыток тихо избавиться от Амина. За несколько часов до штурма Амин организовал торжественный ужин для членов афганского Политбюро, министров и членов их семей, чтобы продемонстрировать свой великолепный новый дворец и отпраздновать возвращение члена афганского Политбюро Панджшири из Москвы. Амин пребывал в эйфории. Он сообщил коллегам, что СССР решил наконец прислать войска, что Москва приняла его версию смерти Тараки и смирилась со сменой руководства Афганистана, что визит Панджшири еще больше укрепил отношения между странами. “Советские дивизии уже на пути сюда, — хвастался он. — Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи”²⁶.

На банкете Амин и несколько его гостей потеряли сознание. Джандад позвонил в центральный военный госпиталь

и в поликлинику советского посольства. Пищу отправили на анализ, а поваров-афганцев арестовали.

В то время в Кабуле находилась делегация опытных советских военных врачей во главе с полковником Алексеевым. Его, а также полковника Кузнеченкова, врача из поликлиники посольства, пригласили во дворец, чтобы, в числе прочего, осмотреть дочь Амина, которая только что родила²⁷. Они прибыли около двух часов дня в сопровождении женщины-врача и медсестры из Кабула. По прибытии их подвергли необычно строгому обыску, и они поняли, почему, когда увидели сидящих и лежащих в вестибюле, на лестницах и в комнатах людей. Те, кто пришел в сознание, корчились от боли. Было очевидно, что их отравили. Предположительно это было дело рук опытного агента КГБ Михаила Талыбова, который внедрился в окружение Амина под видом повара. Крючков впоследствии утверждал, что в пищу лишь добавили сильное снотворное. Если так, то агенты ошиблись с дозой²⁸.

Советских врачей вызвали к Амину. Он лежал в трусах, с отвисшей челюстью и закатившимися глазами. Он был в глубокой коме, и пульс почти не прощупывался. Казалось, он умирает. Врачи немедленно принялись за его спасение и к шести часам преуспели в этом. Открыв глаза, Амин спросил: “Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?”

Александр Шкирандо, работавший военным переводчиком в Афганистане с сентября 1978 года, тоже был во дворце в тот день и тоже отравился. Он пролежал полтора месяца в афганском военном госпитале, а затем его эвакуировали в Москву и положили в больницу. Шкирандо так и не вернулся на службу, но впоследствии много раз бывал в Афганистане как журналист²⁹.

Врачи поняли, что происходит нечто странное, и отправили медсестру и женщину-врача в Кабул, от греха подальше. Конечно, они не знали, что сорвали план, который позволил бы упростить всю советскую военную операцию — вывести Амина из строя еще до ее начала.

Штурм

Джандад был чрезвычайно обеспокоен случившимся. Он выставил дополнительную охрану внутри и снаружи дворца и привел афганскую танковую бригаду в боевую готовность.

Время нападения несколько раз за день менялось. Около шести вечера Магометов приказал Колеснику начать операцию как можно скорее, не дожидаясь взрыва, который должен был уничтожить узел связи. Через двадцать минут штурмовая группа капитана Сахатова выдвинулась, чтобы нейтрализовать три афганских танка, державших под прицелом подходы к дворцу. Последнюю часть пути бойцы прошли пешком, по пояс в снегу. Снайперы сняли афганских часовых. Танковые экипажи находились в казармах, слишком далеко от своих машин, и бронетехника скоро вышла из игры.

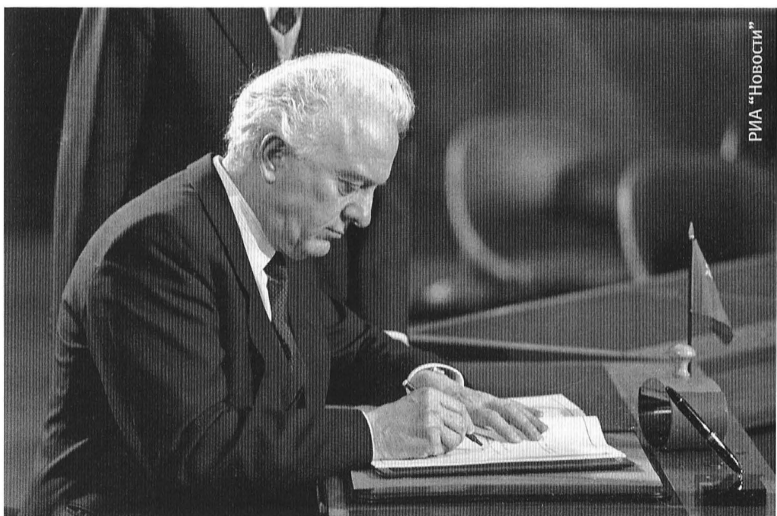
Взлетели две красные ракеты — сигнал к началу атаки. Было 7.15 вечера. Дворец был хорошо освещен внутри и снаружи: окрестности обшаривали прожекторы. “Шилки” открыли огонь. Стены дворца были столь прочными, что большинство снарядов просто отскакивало от них, кроша гранит и не причиняя серьезного ущерба.

Затем выдвинулась в бронетранспортерах 1-я рота “мусульманского” батальона. Спецназ КГБ под командованием Бояринова ехал с ними. Бойцам приказали не брать пленных и не останавливаться для помощи раненым коллегам: надо было захватить здание любой ценой.

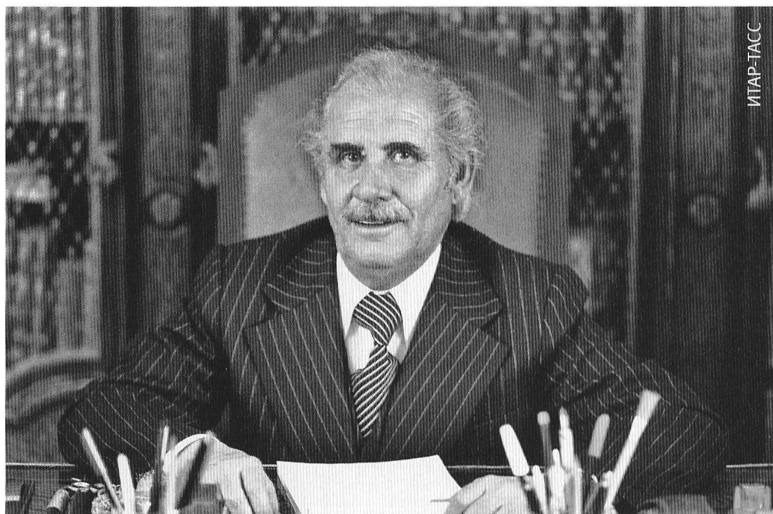
Почти сразу же один из БМП “мусульманского” батальона остановился. У водителя сдали нервы, он выпрыгнул из машины и побежал. Но тут же вернулся: снаружи было еще страшнее³⁰. Машины прорвались через первый барьер, смятая афганские посты. Они продвигались вперед под сильным огнем, и впервые экипажи услышали незнакомый, почти нереальный звук пуль, гремящих по броне. Они стреляли в ответ из всего, что было, и вскоре пороховой дым внутри машин стал



Мухаммед Наджибулла, последний афганский президент-коммунист, и Михаил Горбачев.



Эдуард Шеварднадзе, советский министр иностранных дел, подписывает Женевские соглашения (1988), касающиеся Афганистана.



Нур Мухаммед Тараки, основатель Народно-демократической партии и первый президент-коммунист Афганистана. Убийство Тараки, организованное его соратником Амином, привело к советскому вторжению.



Леонид Брежнев приветствует Бабрака Кармала, поставленного Советами у руля Афганистана после свержения Амина.

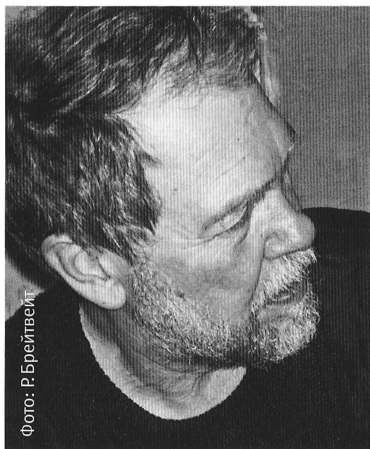


Активистки НДПА. При коммунистах положение женщин заметно улучшилось — по крайней мере в крупных городах.



Студенты Кабульского политехнического института, построенного при содействии СССР. Во время войны ректор и большинство его преподавателей были советскими гражданами.

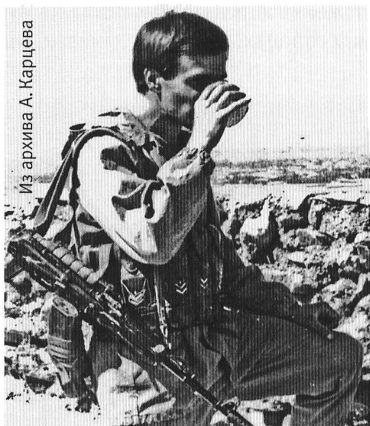
СОЛДАТЫ



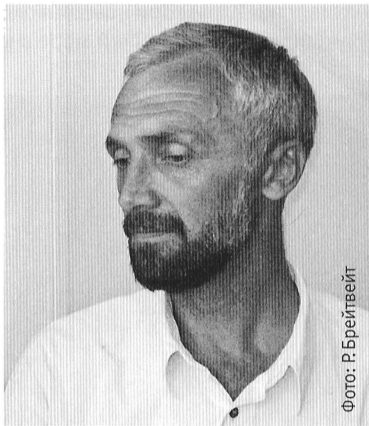
Игорь Морозов, офицер спецназа КГБ, знаменитый бард.



Сержант 860-го отдельного мотострелкового полка Александр Гергель.

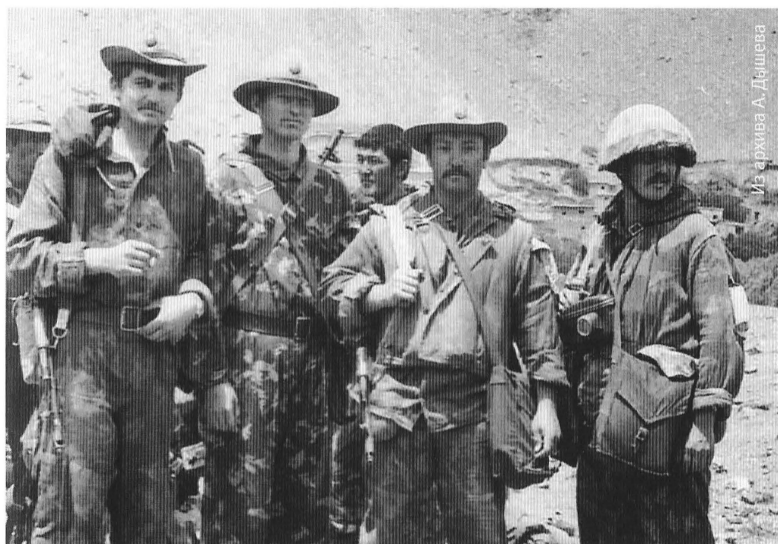


Александр Карцев, лейтенант 180-го мотострелкового полка, стоявшего около Кабула, оказывал местным жителям медпомощь: отличный способ ведения разведки.



Рядовой Николай Быстров попал в плен к моджахедам, обратился в ислам и служил телохранителем Масуда. Вернулся в Россию с женой-афганкой. Ездит в Афганистан искать тела пропавших без вести солдат.

СОЛДАТЫ



Из архива А. Дышева

Идущие в бой солдаты отборных частей — десантники, разведчики и спецназовцы — были похожи на экипаж пиратского парусника.



Из архива А. Дышева

Дембеля, приготовившиеся к отъезду.



Личный состав медицинской службы.



Две свадьбы.

БОЙ В ГОРАХ



Из архива А. Делшова



Из архива А. Делшова

ВЫВОД ВОЙСК



Фото: Р. Эллис

Лето 1988 года. Советские войска уходят из Джелалабада в Кабул по той же дороге, на которой в 1842 году погибла Индская армия. Местность эта идеальна для засад, однако теперь солдат прикрывают вертолеты.

настолько густым, что дышать было невозможно. Триплексы в машинах были прострелены. Одну машину подбили, и она загорелась. Несколько бойцов получили ранения, выбираясь из нее. Один прыгнул, поскользнулся, и машина раздавила ему ноги. Еще один бронетранспортер упал с моста, который русские перекинули через арык, и его экипаж оказался в ловушке. Их командир звал о помощи по радио, но в процессе умудрился заблокировать радиосвязь, парализовав коммуникации всего батальона.

Атакующие подъехали как можно ближе к стенам дворца и бросились к дверям и окнам первого этажа. Смятение нарастало с каждой минутой. Объединенное командование уже не функционировало, и бойцам приходилось действовать самостоятельно, малыми группами. Их прижал к земле огонь, открытый защитниками дворца. Наступил момент паники, и минут, наверное, на пять они замерли. Затем “Шилке” удалось уничтожить пулемет, размещенный в одном из окон. Бойцы двинулись вперед с штурмовыми лестницами.

Они ворвались во дворец поодиночке и попарно. Бояринов оказался в числе первых. Вестибюль был ярко освещен, защитники стреляли и бросали гранаты с балкона первого этажа. Русские расстреляли все лампы, какие смогли. Они пробились вверх по лестнице и начали зачищать комнаты на первом этаже гранатами и автоматным огнем. Они слышали крики женщин и детей. Одна из женщин звала Амина. Взрыв гранаты повредил электрические провода, и оставшиеся светильники тоже выключились. Многие советские бойцы, в том числе Бояринов, были уже ранены.

Теперь белые нарукавники русских были едва заметны под слоем копоти и грязи. Что еще хуже, личная охрана Амина тоже носила белые нарукавники. Но возбужденные советские бойцы сыпали матом, что и позволяло им узнавать друг друга в темноте. А защитники, многие из которых учились в Рязанском воздушно-десантном училище, наконец поняли, что сражаются не с афганскими мятежниками. Они начали сдаваться,

и, несмотря на приказ не брать пленных, большинству русские оставили жизнь.

“Внезапно стрельба прекратилась, — вспоминал один офицер “Зенита”, — я доложил по радиостанции генералу Дроздову, что дворец взят, много убитых и раненых, главному конюху”³¹.

Во время боя врачи полковник Алексеев и полковник Кузнецов нашли себе укрытие в зале. Там они заметили Амина, бредущего в одиночестве по коридору в белых трусах и футболке, держа в высоко поднятых, обвитых трубками руках, словно гранаты, флаконы с физраствором. Его фигуру освещал начавшийся во дворце пожар. Алексеев вышел из укрытия и снял трубки и бутылки, прижав руками вены, чтобы не шла кровь. Затем он отвел Амина к бару. В дверях показался ребенок, трущий кулачками глаза — пятилетний сын Амина. Амин с мальчиком сели у стены.

Амин все еще не понимал, что происходит. Он велел адъютанту позвонить советским военным советникам: “Советские помогут”. Адъютант ответил, что советские и устроили стрельбу. Амин в гневе швырнул в него пепельницу: “Врешь! Не может быть”. Но после безуспешной попытки дозвониться до начальника своего Генштаба он пробормотал: “Я об этом догадывался, все верно”³².

Есть несколько версий его смерти. Возможно, он был убит преднамеренно, а возможно — случайной очередью. По одной версии, его застрелил Гулябзой, перед которым была специально поставлена такая задача³³. Когда дым от выстрелов рассеялся, тело Амина лежало у стойки бара. Его маленький сын был смертельно ранен в грудь³⁴. Его дочь получила ранение в ногу. Ватанджар и Гулябзой подтвердили, что он мертв. Люди из “Грома” ушли. Их ботинки хлюпали, когда они шли по залитым кровью коврам. Тело Амина завернули в ковер и вынесли, чтобы похоронить в могиле без надгробия.

Бой от начала до конца продолжался сорок три минуты, если не считать нескольких столкновений с размещенными

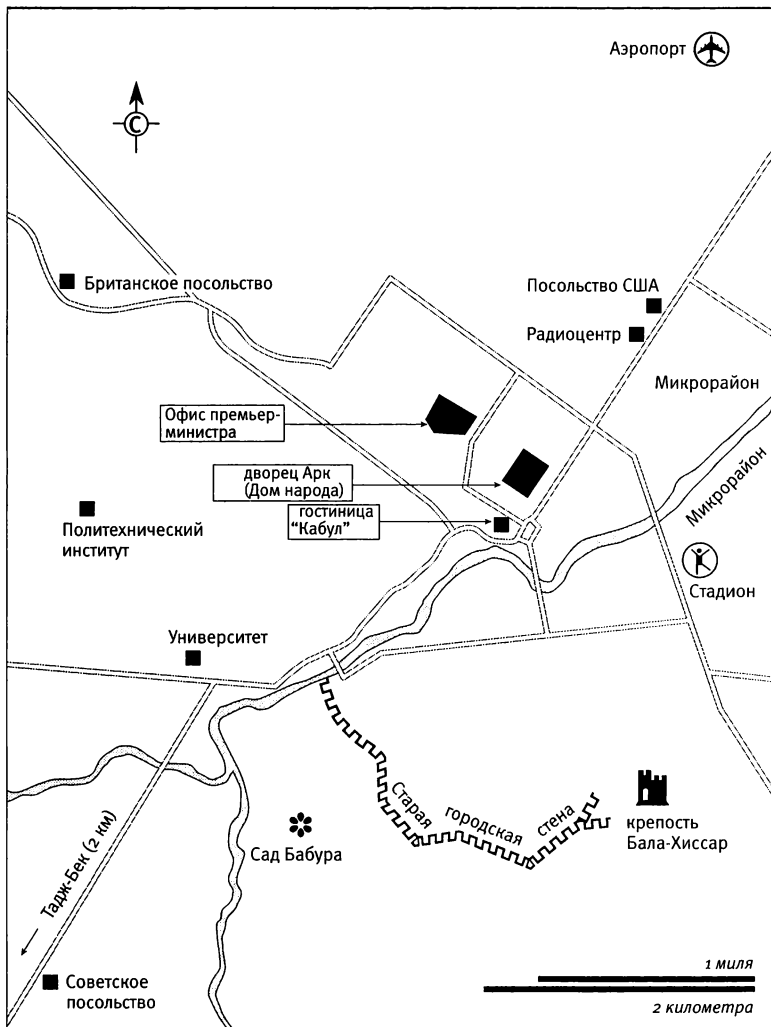
неподалеку частями президентской гвардии. С ними быстро и безжалостно расправились. Погибли пять солдат “мусульманского” батальона и 9-й роты десантников, 35 человек получили серьезные ранения³⁵. Спецподразделения КГБ потеряли пятерых убитыми. Среди них был полковник Бояринов, погибший ближе к концу штурма. Похоже, его убили свои, получившие приказ стрелять в любого, кто выбегал из дворца до его полной зачистки³⁶.

Полковник Кузнеченков, военврач, помогавший лечить Амина от отравления, тоже погиб — был убит очередь, направленной в зал. Когда его коллега полковник Алексеев пытался погрузить его тело в один из БТР, экипаж грубо сообщил ему, что берут только раненых. Все же Алексеев смог убедить их забрать тело полковника.

Советские солдаты взяли в плен сто пятьдесят человек из личной охраны Амина. Трупы не считали. Вероятно, около двух с половиной сотен афганцев, охранявших дворец, были убиты прежними товарищами по оружию.

Советских раненых отправили в поликлинику советского посольства. Галина Иванова, жена экономического советника Валерия Иванова, естественно, ничего не знала о происходящем, пока от дворца, стоявшего дальше по дороге, не донеслись звуки стрельбы. Затем стали подъезжать машины с мертвыми и ранеными. Охрана посольства, которая еще не поняла, что случилось, обстреляла одну из них.

Все посольские врачи жили в микрорайоне на другом конце города и не могли добраться до посольства. Галина во время учебы в университете прошла курсы медсестер, и ее позвали на помощь. Она трудилась с восьми утра до одиннадцати вечера. Кроме Галины, помочь было почти некому: на месте оказались только стоматолог и несколько женщин, одна из которых работала медсестрой во время Второй мировой. В посольстве был еще один квалифицированный врач — жена одного из советников-востоковедов, по специальности нейрохирург. Но, увидев происходящее, она развернулась и ушла.



Кабул (1980)

Сперва маленькая команда отделила живых от мертвых. Затем стоматологу пришлось применить все свои — имевшие мало отношения к делу — навыки, а Галина с другими женщинами перевязывали раны. Галине тот день запомнился своим кромешным ужасом, и, вернувшись в Москву вскоре после этого, она не могла понять, как это люди ходят по улицам, будто ничего не случилось³⁷.



В это время советские бойцы, услышав взрыв на узле связи, выдвинулись на другие объекты в городе, нанося сосредоточенные удары.

Самой важной и сложной целью было здание Генштаба. Его должны были взять четырнадцать бойцов спецназа вместе с будущим министром иностранных дел Афганистана Абдулом Вакилем. Чтобы облегчить дело, они составили план отвлечения противника. Вечером генерал Костенко, советник начальника штаба Якуба, отправился к нему с формальным визитом вместе с группой советских офицеров. Среди них был генерал Иван Рябченко, командующий только что прибывшей 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Они обсудили взаимные интересы с ничего не подозревающим Якубом — влиятельным человеком, который учился в воздушно-десантном училище в Рязани и хорошо говорил по-русски. Рябченко вел себя совершенно естественно: он не знал, что вот-вот должно было произойти. Советские спецназовцы рассредоточились по зданию. Они делились сигаретами с афганскими офицерами и болтали с ними. Когда прогремел взрыв, спецназовцы ворвались в кабинет Якуба. После стычки, в которой был убит его помощник, Якуб бросился в другую комнату, но затем решил сдаться. Его связали и приставили к нему охрану. Рябченко, застигнутый врасплох, все это время сидел неподвижно. Костенко едва не застрелили. Бой продол-

жался около часа. Потом в кабинете Якуба появился Абдул Вакиль. Он долго разговаривал с полковником на пушту, а потом застрелил его. Погибли двадцать афганцев, еще сто попали в плен. Поскольку их было во много раз больше, чем нападавших, их согнали в большую комнату и связали электрическими проводами.

Во время захвата случился неприятный инцидент: рота советских десантников на БМД, прибывшая к Генштабу на срок минут позже, двинулась на здание и открыла интенсивный огонь. Бойцам “Зенита” пришлось искать укрытие: трассирующие пули летали по залу, как красные светлячки. В конце концов порядок был восстановлен, и десантники помогли занять здание.

Нужно было захватить телерадиоцентр, чтобы как можно раньше распространить обращение Кармая к народу. Обстановку тщательно разведали 27 декабря: несколько советских солдат притворились техническими специалистами, чтобы проникнуть в здание. Во время штурма погибли семь афганцев, двадцать девять были ранены, более ста попали в плен. Один советский солдат получил легкое ранение.

При захвате телеграфа погибших не было, а защитники центрального штаба армии и здания военной контрразведки сдались вовсе без боя. В здании МВД нападавшие тоже не встретили серьезного сопротивления, хотя один из них был ранен и позднее умер. У штурмующих был приказ арестовать министра внутренних дел Али Шаха Паймана, но он сбежал в одном белье и скрылся у своих советников из СССР.

К утру стрельба стихла, но не везде. Когда офицеры, руководившие нападением на дворец, въезжали в город на правительственном “мерседесе”, в них выстрелил занервничавший молодой десантник. Пули попали в машину, не задев пассажиров. Полковник выпрыгнул из автомобиля и отвесил солдату крепкий подзатыльник. Генерал Дроздов заметил лейтенанту: “Твой солдат? Спасибо, что не научил его стрелять”³⁸.

Как только бой в дворце Тадж-Бек прекратился, полковник Колесник оборудовал там свой штаб. Победители вали-

лись с ног от усталости, однако, поскольку казалось вероятным, что афганцы могут попытаться отбить дворец, советские солдаты, все еще сильно нервничающие, заняли круговую оборону. Услышав в шахте лифта шорох, они решили, что люди Амина начали контратаку через подземный ход. Они схватили оружие, начали стрелять и забросали шахту гранатами.

Это был дворцовый кот³⁹.

Глава 5

Последствия

Жители Кабула обратили мало внимания на случившееся в ту ночь. Они слишком привыкли к стрельбе на улицах, и большинство спало крепким сном. Когда они проснулись, у Афганистана было новое правительство, и мальчишки вновь торговали сигаретами у разрушенного правительственного узла связи, как будто ничего не произошло.

Как только город был взят, по радио передали обращение Бабрака Кармаля к народам Афганистана: “Сегодня сломана машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, детей и стариков”.

Самого Кармаля в студии не было: он оставался в Баграме под защитой КГБ. Вечером 27 декабря — еще до окончания боев — Андропов позвонил ему, чтобы поздравить с победой “второго этапа революции” и “назначением” на пост председателя Революционного комитета Демократической Республики Афганистан, хотя ни один официальный орган афганской власти этого решения еще не принял. На следующее утро Кармаль отправился в Кабул с колонной бронетранспортеров, в сопровождении трех танков, и первое время жил в загородном особняке под охраной КГБ. Первого января пришла телеграмма от Брежнева и Косыгина. Советские лидеры поздравляли Кар-

мая с “избраением” на высшие партийные и государственные посты¹.

Ворота кабульских тюрем были открыты, и тысячи заключенных хлынули на улицы. Среди них был доктор Лутфулла Латиф, парчамист, работавший в Министерстве здравоохранения. В ноябре 1978 года его арестовали, десять дней допрашивали и пытали, а потом отправили в Пули-Чархи. За три дня до переворота он и другие заключенные видели и слышали, как в аэропорту один за другим приземляются советские самолеты. Затем однажды вечером около получаса слышалась стрельба, после которой наступила тишина. Дверь в тюремный блок сломали, появились афганские и советские офицеры, взяли охранников в плен и затем снова уехали, забрав ключи от камер. Заключенным понадобился день, чтобы взломать замки. В тюремном дворе шли политические митинги. Еще ночь заключенные провели в камерах, а на следующий день прибыли автобусы, чтобы отправить их домой. Освободили всех, невзирая на их политические убеждения².

Но репрессии не прекратились: люди Кармалья начали сводить счеты. “Революционные тройки” арестовывали людей, выносили приговоры и казнили на месте пулей в затылок. В числе первых жертв оказались гвардейцы Амина. Командиры подразделений, сохранивших верность Амину, были арестованы, и вскоре тюрьмы снова переполнились. СССР выразил протест, но Кармаль ответил: “Пока вы не дадите мне размежеваться с хальковцами, единства в НДПА не будет, и правительство эффективно укрепляться не сможет... Они нас пытали и убивали, они нас ненавидят и сейчас. Они — враги единства”³.

Жена Тараки была заключена в Пули-Чархи, в отдельном маленьком здании, окруженном стеной с колючей проволокой. Теперь ее место заняли женщины из семьи Амина (мужчины были перебиты). Старшей дочери Амина, раненной во время штурма дворца, сделали операцию и отправили с грудным ребенком в тюрьму. Наджибулла освободил женщин спустя две-

надцать лет, через два года после официального окончания советской войны в Афганистане, когда его режиму уже приходил конец⁴.

Масса советских граждан, проживавших в Кабуле, конечно, не имела ни малейшего представления о том, что происходит. Не предупредили даже нового посла Фикрята Табеева. Взрыв узла связи и отключение света в посольстве застали его врасплох. Его жена пришла в бешенство из-за того, что мужа оставили в неведении — и во тьме⁵. Табеев позвонил генералу Вадиму Кирпиченко, чтобы прояснить ситуацию. Тот ответил, что у него нет возможности беседовать и что он подробно доложит обо всем утром.

Андрей Грешнов, военный переводчик 4-й афганской танковой бригады, срубил маленькую пихту, поставил ее в своей квартире в новом микрорайоне и украсил к Новому году елочными игрушками, которые раздобыл в посольстве. На стене написали “С Новым, 1980-м”. Когда Грешнов вернулся в эту квартиру девять лет спустя, надпись все еще была там. Несколько дней подряд он слышал далекий шум взлетающих и садящихся в Баграме самолетов. Как и остальные, он полагал, что самолеты перебрасывают полк, обещанный Амину советскими властями. На самом деле они доставили не полк, а целую 103-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, а также оставшихся бойцов 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка.

Вечером 27 декабря после работы Грешнов взял бутылку “Аиста” и отправился к своему другу, азербайджанцу Мамеду Алиеву, в старый микрорайон. У Алиева был японский телевизор со встроенным радиоприемником, выменянный в городе на бесхозный пистолет. Они включили радио. В эфире происходило что-то странное. Работали сразу несколько станций, называвших себя “Радио Кабула”. Дикторы одной на пушту осуждали врагов Амина и революции, другой, вещавшей на языке дари, еле слышно из-за помех объясняли, что власть переходит “к здоровым силам партии”.

Грешнов с Алиевым жарили картошку и спорили, сколько класть соли, и тут началась стрельба. На улице стало светло, как днем. Они выскочили на балкон и тут же спрятались: вокруг свистели трассирующие пули. Загрохотали танки.

Грешнов отправился домой — военные советники, должно быть, искали его. Но как только он выскользнул во двор, его схватила в охапку огромная фигура в темной “аляске” и с коротким иностранным автоматом. Грешнов забормотал на дари, что идет на работу, помогать защищать режим от предателей и контрреволюционеров. “Работа отменяется на сегодня, парень, — тихо ответили ему на чистейшем русском. — Скажи спасибо, что мама родила тебя белобрысым, а то бы шлепнули тебя ни за что. Вали-ка обратно, откуда пришел”. Грешнов начал барабанить в дверь Алиева, но тот долго не открывал, боясь, что его примут за афганца и застрелят. Они провели ночь, наблюдая, как военных и гражданских сгоняют и увозят и как советские бронемашины грохочут по улицам. По всему городу отдавалась эхом стрельба.

Рано утром Грешнов вернулся к себе. На месте клумбы рядом с домом стояло противотанковое орудие со стволом, наведенным на здание, где он работал. Жены некоторых советников из СССР раздавали советским солдатам домашнюю еду. На улице Грешнов встретил Латифа, водителя из 4-й афганской танковой бригады, который сказал ему: “Наши танки подбиты у телевидения из гранатометов. Все ребята погибли”. Грешнов хотел спросить: “Кто?” Но понял, что вопрос глупый: конечно, советские. Он грубо выругался и не сразу осознал, на чьей он стороне: когда Латиф сказал ему, что один афганский танк успел подбить советскую БМД, прежде чем был уничтожен, Грешнов на миг обрадовался⁶.

Александр Сухопаров работал советником при НДПА с августа 1979 года. Той ночью он тоже не мог понять, что происходит, так что пришлось слушать новости Би-би-си и других иностранных станций. Утром 28 декабря советские десантники прибыли защищать гостиницу, где он остановился. Они

были сильно взволнованы, но тоже не представляли толком, что случилось и почему они здесь. Они расспрашивали Сухопарова об афганских обычаях, о плане города, о том, как люди относятся к их появлению. Стоял холодный солнечный день, и люди бродили по улицам, поздравляя друг друга со свержением Амина. “Наших солдат тепло приветствовали, — писал потом Сухопаров, — дарили им цветы и конфеты, называли друзьями и освободителями”⁷.

Комсомольский работник Николай Захаров приехал в Афганистан в мае 1979 года, чтобы помочь создать местную молодежную организацию. Двадцать пятого декабря он оказался в аэропорту и видел, как из транспортного самолета выгружают военные машины, а рядом строятся солдаты.

— Наши, Николай Игоревич! — приглядевшись, воскликнул его переводчик Абрамов.

— Ты с ума сошел! — отмахнулся Захаров. — Откуда им здесь взяться?

— Ей-богу, наши! Смотрите: красные звезды на ушанках.

В тот день они так ничего и не поняли.

Три дня спустя Захаров записал в дневнике: “Вчера вечером, 27 декабря, примерно в 18.30, началась стрельба из автоматов и орудий, которая нарастала и к 19.30 достигла максимума. Звуки стрельбы доносились со стороны аэропорта, Дома народа, временами совсем близко от микрорайона. Перестрелка длилась примерно до 20.30–21.00”. И перечислил официальные мотивы свержения Амина⁸.



Это была поразительно дерзкая, успешная и, учитывая все обстоятельства, недорогая операция. Двадцать девять советских солдат погибли в бою, сорок четыре — в результате несчастных случаев (в том числе десантники в самолете, врезавшемся в гору), семьдесят четыре получили ранения. Противник, ко-

нечно, потерял гораздо больше — около трехсот солдат убитыми. Жертв среди мирного населения не было, поскольку авиация не применялась. Десять лет спустя, в декабре 1989 года, американцы вторглись в Панаму, чтобы свергнуть генерала Норьегу. Потери военных с обеих сторон были сопоставимы с потерями в Кабуле. Но поскольку американцы задействовали авиацию, мирное население тоже пострадало, хотя число жертв до сих пор вызывает споры⁹.

Операция в Кабуле казалась успешной и с политической точки зрения. Деспота устранили, и его место занял приемлемый для СССР политик. Дмитрия Рюрикова и его коллег из советского посольства отправили провести опрос среди местного населения. Все доложили, что их афганские знакомые довольны устранением Амина. Хотя некоторые прибавляли: “Мы рады вас видеть. Но очень советуем вам уходить скорее”¹⁰. Продвигаясь по Афганистану, советские солдаты слышали примерно то же: их встречали радушно, иногда даже цветами, но напоминали, что еще приятнее будет, если они поскорее покинут страну.

Протесты и сомнения

В СССР протесты зазвучали практически сразу. Гюрстка диссидентов — жена Андрея Сахарова Елена Боннэр и другие — 29 января 1980 года распространила заявление, в котором отвергала официальную версию событий и утверждение властей, что советские люди всецело поддерживают их действия: “В Афганистане идет война, гибнут афганцы, гибнут и наши ребята — сыновья и внуки тех, кто прошел Вторую мировую, и тех, кто с нее не вернулся”. Они призывали всех, кто помнил предыдущую войну, всех, кто воевал во Вьетнаме, всех людей доброй воли добиваться вывода советских войск в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, которую только что поддержало подавляющее большинство стран на чрезвычайном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

Лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров, участвовавший в создании советской водородной бомбы, также потребовал вывода советских войск и их замены на силы ООН или на нейтральные мусульманские силы. Он призвал к максимально широкому бойкоту Олимпийских игр, которые вскоре должны были состояться в Москве, и обрушился с критикой на милитаристское мышление, которое сперва привело к вторжению в Чехословакию, а теперь — в Афганистан¹¹. Сахарова отправили в ссылку в Горький (ныне Нижний Новгород). Летом из Советского Союза выслали Татьяну Горичеву и Наталью Малаховскую: они призывали военнообязанных ни за что не служить в Афганистане, даже если за это придется пойти в тюрьму¹².

Даже те, кто был частью государственной машины, с самого начала питали мрачные предчувствия не только относительно вторжения в Афганистан, но и относительно судьбы самого Советского Союза. Двадцатого января академик Олег Богомолов, директор Института экономики мировой социалистической системы, направил ЦК и председателю КГБ Андропову резкую докладную записку. Она называлась “Некоторые соображения о внешнеполитических итогах 70-х годов (Тезисы)” и включала внушительный раздел о последствиях афганской авантюры. В докладе отмечалось, что теперь мятежники могут призвать афганский народ сражаться не только с безбожниками-коммунистами из Кабула, но и с неверными-иностранцами. Советский Союз позволил втянуть себя еще в одну конфронтацию, теперь на уязвимой южной границе. Американцы, арабы и китайцы наращивают помощь мятежникам. Авторитет СССР в Движении неприсоединения уже пострадал. Разрядка и переговоры о контроле над вооружениями остановились. Недовольны были даже некоторые страны Варшавского договора. Более того, вторжение могло стать толчком к примирению США и Ирана¹³.

Все эти негативные последствия, естественно, уже упоминались при обсуждении решения о вторжении. Записка

была представлена слишком поздно, чтобы повлиять на события, и не вызвала никакой реакции со стороны адресатов. Но, во всяком случае, ее авторы не были наказаны.

В Институте востоковедения в Москве, в отделе, занимавшемся Афганистаном, работало довольно много исследователей, изучавших политическую, экономическую и социальную жизнь этой страны во всех ее аспектах. Многих лингвистов в начале войны отправили в Афганистан в качестве переводчиков и советников. От сотрудников института невозможно было скрыть происходящее, и почти все они были против войны. Но политики к ним не прислушались¹⁴.

Британский МИД передал замминистра иностранных дел СССР, приехавшему с визитом в январе 1980 года, исторический доклад о провалах англичан в Афганистане. Тот ответил: “На этот раз все будет иначе”. Так обычно и говорят, когда намереваются повторить чужие ошибки¹⁵.

Многие хорошо осведомленные советские чиновники пришли в смятение. Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Анатолий Черняев 30 декабря заметил в своем дневнике, что мир единогласно осудил советские действия. Утверждения, что Советский Союз выступает за разрядку, превратились в труху. “Кому это было нужно? Афганскому народу? Возможно. Амин, пожалуй, довел бы страну до второй Кампучии. Но неужели мы только ради революционной филантропии и человеколюбия учинили акцию, которая встанет в ряд с Финляндией 1939 года, с Чехословакией 1968 года в общественном сознании. Аргумент — мол, нам надо было обезопасить границу, просто смешно... Думаю, что в истории России, даже при Сталине, не было еще такого периода, когда столь важные акции предпринимались без намека на малейшее согласование с кем-нибудь, совета, обсуждения, взвешивания — пусть в очень узком кругу”.

Несколько недель спустя, пытаясь разобраться, как и почему было принято это решение, Черняев записал в дневнике: “Словом, маразм всей структуры, механизма верхотуры власти,

в связи с маразмом ее верхушки и почти 75-летним средним возрастом всех остальных элементов верхотуры — становится опасным уже для существования государства, а не только для его престижа. А выхода нет никакого”. Чиновники в Москве продолжали дискутировать о том, кто стоял за решением о вторжении. Черняев пришел, как ему казалось, к очевидному ответу: это КГБ воспользовался неспособностью Брежнева к действию и организовал это “преступление”¹⁶.

В начале нового года Анатолий Адамишин, подающий надежды чиновник МИДа, сделал в дневнике еще более резкую запись: “Не о Новом годе буду писать. За пару дней до него ввели мы войска в Афганистан. На редкость неудачное решение! О чем они думают? Видимо, друг перед другом упражняются в твердости. Мол, мускулы показываем. На деле же это — акт слабости, отчаяния. Гори он синим огнем, Афганистан, на кой хрен ввязываться в совершенно проигрышную ситуацию? Растрачиваем свой моральный капитал, перестанут нам верить совсем. Со времен Крымской войны прошлого века не были мы в такой замаске: все враги, союзники слабые и малонадежные. Если уж они сами не могут управлять своей страной, то не научим мы их ничему, с нашей дырявой экономикой, неумением вести политические дела, организовывать и т. д. Тем более, что ввязываемся, судя по всему, в гражданскую войну, хотя и питаемую извне. Неужели урок Вьетнама ничему не научил? Ну куда нам играть роль мирового спасителя, определиться бы как следует, что мы все-таки хотим во внешних (как и внутренних) делах. Но страшно то, что вроде не этим заняты руководители. Их забота — удержаться у власти, внутренние комбинации, демонстрация идеологической принципиальности, в которой мы, кстати, тоже запутались... Акция с Афганистаном — квинтэссенция наших внутренних порядков. Экономические неурядицы, боязнь среднеазиатских республик, приближающийся съезд, привычка решать проблемы силой, догматизм в идеологии — какая там социалистическая революция, какие революционеры, темень та же,

что и все. Какая им помощь! С королем-то было лучше всего, слушался”¹⁷.

Реакция мирового сообщества

Американцы, конечно, пристально следили за тем, что затеяли русские в Афганистане. Самым надежным их источником была спутниковая разведка, позволявшая отслеживать изменения дислокации советских войск. Однако американцы осознавали, что очень слабо представляют себе причины этих перемещений. Семнадцатого сентября 1978 года помощник президента по вопросам национальной безопасности Томас Томсон направил своему шефу Збигневу Бжезинскому меморандум “Что Советский Союз делает в Афганистане”. Отвечал он на этот вопрос так: “Мы не знаем”¹⁸.

После восстания в Герате американцы верно заключили, что русские едва ли пошлют армию на помощь непопулярному правительству¹⁹. К осени, по их оценке, советских сил в Афганистане по-прежнему хватало только для защиты советских граждан, но не для покорения страны. Тем не менее американцы начали готовить резервные планы на случай, если русские все же вторгнутся в Афганистан²⁰. Позднее аналитиков обвиняли в некомпетентности: они якобы не смогли предсказать вторжение. Анализ развединформации, проведенный позднее ЦРУ, показал, что у этого провала есть простое объяснение: советские власти сами до последней минуты были не уверены, стоит ли вводить войска, когда и в каком количестве, так что для прогноза просто не было надежной основы.

Британцы не располагали такими разведывательными ресурсами, как американцы, но тоже следили за событиями. Убийство Тараки, по их мнению, повышало вероятность ввода войск СССР в Афганистан. Один британский чиновник ближе к концу ноября 1979 года задумался (возможно, он был наделен даром предвидения): “Не лучше ли для нас было бы установление

социалистического режима, чем реакционного, основанного на исламе, и так повсюду доставляющего нам неприятности?»²¹

Когда вторжение все-таки произошло, большинство британских и американских аналитиков склонялись к тому, что СССР предпринял его помимо своего желания, чтобы предотвратить ущерб своим интересам в стране, входящей в законную сферу советского влияния. И до, и после вторжения британские аналитики однозначно отвергали идею, популярную в то время в прессе, что русские нацелились на незамерзающий порт в Индийском океане. И действительно, серьезных доказательств этой версии с тех пор не было. Не считать же таковыми пару замечаний в воспоминаниях одного советского военного, что советское вторжение могло стать первым шагом к захвату незамерзающего порта или же — еще одна тема западной пропаганды — к включению Афганистана в состав Советского Союза²².



Обе эти версии, однако, стали существенным элементом масштабной обличительной кампании, которую развязали американцы и британцы. СССР, по их словам, нарушил нормы международного права: предпринял неспровоцированное нападение на своего крохотного соседа. Заявление о том, что советские войска были приглашены афганцами, представляло собой очевидный вымысел, точно так же, как перед вторжением в Чехословакию. Это, по утверждению Запада, был еще один пример ненасытных имперских амбиций СССР и убежденности советских лидеров, что «доктрина Брежнева» дает им право удерживать страны на своей орбите*.

Сформулированная западными политиками концепция внешней политики СССР в 60-х — 80-е годы. Суть доктрины заключалась в том, что Советский Союз может вмешиваться во внутреннюю политику стран социалистического блока при необходимости сохранить их лояльность СССР. — Примечания переводчика выделены звездочками, авторские — цифрами и собраны в конце книги.

Возмущение было искренним, но в нем была и доля позерства. Американцы были оскорблены ситуацией в Иране, где дипломатов только что взяли в заложники. Президент Картер рвался в бой. Он заметил своему советнику: “Из-за того, как я повел себя в иранской истории, люди думают, что у меня кишка тонка хоть что-то сделать. Вы удивитесь, когда узнаете, каким жестким я намерен быть”²³. Двадцать восьмого декабря он публично осудил Советский Союз, заявив на заседании правительства, что вторжение — “величайшая угроза миру во всем мире со времен Второй мировой войны” (забыв про куда более опасные Кубинский и Берлинский кризисы в хрущевскую эпоху), призвал к бойкоту Олимпийских игр в Москве и наложил на СССР экономические санкции. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер с энтузиазмом последовала его примеру²⁴. Двадцать третьего января в ежегодном послании Конгрессу президент обвинил Советский Союз в попытке угрожать поставкам нефти на Запад и заявил: “Наша позиция абсолютно ясна.. Попытка любой внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как угроза насущным интересам Соединенных Штатов Америки, и такая угроза будет отведена любыми средствами, какие потребуются, включая военную силу”²⁵. Эти бескомпромиссные заявления, вскоре названные “доктриной Картера”, были ничем не лучше вариантов, которые рассматривали советские лидеры, обсуждая вторжение. С надеждой на разрядку можно было проститься.



Как и предполагали в Москве, в Движении неприсоединения поднялся страшный шум. Четырнадцатого января сто четыре государства поддержали американский проект резолюции Совета Безопасности ООН, осуждающей вторжение. Подобные резолюции вносились несколько лет подряд, и с каждым годом они приобретали все новую поддержку²⁶.

Идея бойкота Олимпийских игр вызвала более прохладную реакцию. Британские атлеты отказались делать то, что велела Тэтчер, и только Китай, Япония, ФРГ и Канада вслед за США пошли на полный бойкот. Картеру пришлось откупаться от американских производителей зерна, чтобы компенсировать им потерю советского рынка. Союзники США тоже не горели желанием поддерживать санкции, если они затрагивали их собственные интересы. Но в любом случае было немислимо, чтобы СССР отступил перед бойкотом и экономическими санкциями. Советскую политику в Афганистане они никак не затронули.

Американцы и британцы обратились к более практичным мерам. 26 декабря, на следующий день после того, как советские солдаты пересекли границу, Збигнев Бжезинский, советник Картера по национальной безопасности, заявил, что русские вот-вот достигнут своей давней цели — получить доступ к Индийскому океану. Возможно, этот миф родился именно в тот момент. Бжезинский рассудил, что Афганистан вряд ли станет для Советского Союза тем, чем для Америки был Вьетнам, потому что афганские повстанцы, в отличие от вьетнамцев, были плохо организованы, не имели эффективного руководства, регулярной армии, центрального правительства и практически не пользовались внешней поддержкой. Но параллель с Вьетнамом побуждала американцев — как, впрочем, и русских — мыслить пристрастно. Нужно найти способ заставить СССР заплатить, говорил Бжезинский²⁷.

Впрочем, нельзя сказать, что американцы сидели сложа руки. Еще до восстания в Герате в марте 1979 года, задолго до того, как встал вопрос о вводе советских войск в Афганистан, ЦРУ выдвинуло предложения о помощи разрастающемуся антикоммунистическому восстанию. В конце марта президент Картер решил, что советскому вмешательству в дела Афганистана следует дать отпор. Американским чиновникам уже виделся новый Вьетнам. Летом Картер разрешил ЦРУ потратить пятьсот тысяч долларов на помощь афганским мятеж-

никам. Позднее Бжезинский утверждал, что ЦРУ не пыталось спровоцировать СССР на введение войск, однако “сознательно увеличивало шансы, что русские это сделают”²⁸.

Саудовцы и китайцы вроде бы тоже были готовы помочь, но ключевую роль должен был сыграть Пакистан. Перед американцами возникла проблема. Они требовали, чтобы Пакистан свернул ядерную программу, но в таком случае им не стоило ждать сотрудничества в отношении Афганистана. Бжезинский убедил президента предоставить афганскому проекту приоритет, а нераспространение ядерного оружия отодвинуть на второй план. В считанные недели спецслужбы США организовали встречи со своими коллегами из Британии, Германии и Франции, чтобы обсудить практические способы поддержки моджахедов.

Сначала американская помощь моджахедам была довольно скромной. Рейган, пришедший на смену Картеру, назначил Уильяма Кейси директором ЦРУ. Кейси, человек религиозный, был уверен, что христиане и мусульмане могут объединиться против советских безбожников. Чарли Уилсон — конгрессмен, который выбивал деньги на помощь моджахедам, — говорил: “Во Вьетнаме погибли пятьдесят восемь тысяч, и мы кое-что задолжали русским”²⁹. Кейси изменил задачу: нужно не пустить русским кровь, а выдавить их из Афганистана. Американская программа помощи быстро расширялась. С 1985 года поставки американского оружия в Афганистан выросли в десять раз. Пакистанцы направляли основную массу этих запасов более радикальным организациям. К моменту закрытия проекта в конце 1991 года американцы передали повстанцам помощь на сумму до девяти миллиардов долларов. Кроме того, очень крупные суммы вложили саудовцы³⁰.

Тема моджахедов вышла за пределы исполнительной власти: у них появились покровители в Конгрессе, в обеих партиях, и их поддержка стала одним из важных вопросов внутренней политики США. Это помешало американскому правительству в свое время более гибко вести переговоры

с СССР. Вследствие этого даже самые недостойные лидеры моджахедов превратились в героев. Ситуация ослепила американцев, помешала им понять природу тех сил, которые они выпустили на волю³¹.

Советские власти, конечно, знали, что перемещения войск легко заметить благодаря спутникам-шпионам и другой разведтехнике. Впоследствии советские генералы спрашивали себя, почему американцы никак не прокомментировали это, не высказали протеста, не выступили с выразительными предупреждениями. Они решили, что американцы с самого начала планировали заманить СССР в эту трясиину³². Но это неубедительное оправдание. Американцы неоднократно предупреждали русских: они не останутся равнодушными к тому, что СССР задумывает в Афганистане. И если американцы и поставили ловушку, то советским властям должно было хватить ума не попасться в нее.

Герои возвращаются домой

Для людей, захвативших Тадж-Бек, все это не имело особого значения. Они знали, что совершили удивительный подвиг. Но операция оказалась во многом неясной, и позднее многие из ее участников с трудом вспоминали, что именно произошло. “У меня многое стерлось из памяти, — отмечал Владимир Гришин из ‘мусульманского’ батальона. — Когда сейчас ветераны Отечественной войны рассказывают, я удивляюсь их хорошей памяти. У меня выключены некоторые эпизоды. Что-то из ряда вон выходящее у меня осталось в памяти, например довольно долго — месяц или два — я ощущал запах паленого мяса и крови”³³. Один из участников операции впоследствии вспоминал, что бой на лестнице казался чем-то вроде штурма Рейхстага. Другой, несколько лет спустя побывав в разрушенном дворце, изумился тому, насколько узкими были ступеньки: они запомнились ему столь же широкими, как одесская лестница

из фильма “Броненосец ‘Потемкин’”. Еще один задумывался, не расценят ли обман афганцев — вроде бы товарищей по оружию — как предательство. Он успокаивал себя мыслью, что у русских не оставалось выбора, они были обязаны победить, и победа могла быть достигнута только таким путем.

Спустя годы этих людей стали считать героями, перевернувшими славную страницу русской военной истории. Но почти десять лет Кремль стремился держать подробности штурма в секрете. Солдаты поклялись хранить молчание, их героизм отметили, но с минимумом церемоний, и дисциплина по отношению к ним не была смягчена. Лейтенанта Востротина и его 9-ю роту 345-го десантно-парашютного полка отправили к оставшимся солдатам полка в Баграме лишь после Нового года. Они не тратили времени зря и набрали во дворце всякой всячины: немецкие каски, которые носила гвардия Амина, телевизоры, большой магнитофон, пистолеты, ковры и швейную машинку. Уложив все это в грузовик, они отправили машину в Баграм, надеясь внести некоторое разнообразие в жизнь гарнизона. Увы, командир полка Николай Сердюков счел их действия мародерством. Трофеи у солдат отобрали, Востротину грозил трибунал. Его поступок стоил ему и медали, и повышения, на которое он так надеялся³⁴.

Четвертого января бойцов “Грома” и “Зенита” посадили в медленный винтовой самолет, и они полетели в Душанбе, столицу Таджикистана. Полет показался им бесконечным. У них не было ни документов, ни копейки денег. В аэропорту их встретил полковник пограничной службы, которого об их прибытии никто не предупредил. Момент был неприятным, хотя в конце концов солдатам удалось объяснить, кто они такие. Затем раненых отправили в госпиталь в Ташкенте, остальные отправились в Москву. Там их встретили с почестями, но объяснили, что они ни при каких обстоятельствах не должны рассказывать о том, чем занимались, и заставили подписать обязательство о неразглашении. Все происходило в условиях такой секретности, что даже медали — их было

меньше, чем бойцы надеялись, — вручали тайком и в суматохе. Полковника Бояринова, погибшего под советскими пулями, посмертно признали Героем Советского Союза. Крючков неофициально приехал в его московскую квартиру и лично вручил медаль его жене и сыну³⁵.

После этого солдат отправили на две недели в санаторий и лечили от стресса. Некоторые сбрасывали напряжение традиционным способом: топили кошмары в водке. Леониду Гуменному было трудно вернуться к обычной жизни: “Меня мучила страшная бессонница. Спал не более двух часов. Мне снились цветные сны, а также долго во сне ощущал запах дерьма, порохового дыма и крови — запах смерти. Только спустя полгода, после лечения в сочинском санатории смог как-то восстановиться”.

Бойцы “мусульманского” батальона отправились домой 9 января. Перед отлетом у них изъяли все сувениры: кинжалы, пару пистолетов, транзисторный радиоприемник и магнитофон. Потом ходили слухи, что бойцы привезли из дворца драгоценности. На самом деле у них не было с собой ничего, кроме личного оружия — даже документов. Они знали, что добились чего-то выдающегося. Но они также знали, что их правительство намерено сохранить подробности свержения Амина в тайне. Один молодой офицер был даже уверен, что их самолет собьют, чтобы замести следы. Возможно, эта дикая, иррациональная мысль была симптомом стресса. Или свидетельством того, как солдаты относились к государству, которому служили³⁶.

Часть II
Бедствия войны

Мы пытались учить афганцев, как строить новое общество, зная, что нам самим это не удалось...

Перед нашей армией были поставлены задачи, которые она не в состоянии была выполнить, так как ни одна регулярная армия радикально не может решить проблему мятежной территории.

Иван Чернобровкин¹

Глава 6

Сороковая армия идет на войну

Формирование 40-й армии стало триумфом импровизации. Но оно сопровождалось множеством серьезных недочетов, возможно, и не сыгравших бы особой роли, если бы армия смогла избежать тяжелых боев и покинуть страну через год с небольшим, как изначально планировалось. Но когда войска обосновались в Афганистане, промахи — неадекватное жилье, дефицит запасного обмундирования, безвкусная и нездоровая пища, примитивные санитарные условия — дали о себе знать. Выделенные на исправление недостатков средства не пришли. Практически полный крах армейской системы медицинского обслуживания причинил войскам больший вред, чем действия противника.

Сначала 40-я армия по большей части состояла из недоукомплектованных частей из пограничных военных округов. В этих “кадрированных” частях служили только ключевые офицеры и прапорщики, и в случае мобилизации их состав необходимо было пополнить за счет призванных из запаса офицеров, сержантов и рядовых — более пятидесяти тысяч человек. Среди них было много узбеков и таджиков, и, вопреки мнению многих западных экспертов, солдаты из Средней Азии вполне

Элемент мобилизационного подхода советского времени. “Кадрированные” части представляли собой, по сути, склады вооружения и техники, где служило в несколько раз меньше людей, чем полагалось по штату, и которые в военное время должны были пополняться до штатной численности.

успешно выступали против своих афганских братьев по вере. Армия реквизировала у местных заводов и колхозов около восьмидесяти тысяч единиц транспорта. Для доставки солдат задействовали даже такси¹.

Ответственность за мобилизацию легла на Среднеазиатский военный округ, штаб которого находился в Алма-Ате, и на Туркестанский, со штабом в Ташкенте². Эти два округа прежде не предпринимали столь масштабных операций, так что местные власти, военкоматы и сами военные части оказались не готовы к выполнению поставленной задачи. В интересах безопасности им сообщили, что речь идет об учебной мобилизации и что их главная забота — показать, насколько быстро они способны укомплектовать части. Вопросы качества отошли на второй план. Мобилизация натолкнулась на серьезный дефицит специалистов (водителей бронемашин, артиллеристов и так далее), поскольку местные резервисты, как и большинство солдат в Средней Азии, служили в строительных или мотострелковых частях, где необходимые навыки освоить было невозможно. Многих служащих запаса не удалось найти: их имена или адреса были записаны неверно. Другие приносили поддельные медицинские справки или уклонялись от получения повестки. Среди солдат запаса было много студентов, не служивших в армии и не имевших практических военных навыков.

К весне 1980 года численность 40-й армии достигла примерно 81 тысячи человек, из которых 62 тысячи попали в части первого эшелона. Им были приданы шестьсот танков, полторы тысячи БМП, почти триста БТР, девятьсот орудий, пятьсот самолетов и вертолетов. Разношерстный реквизируемый транспорт скоро вернули владельцам, а резервистов заменили кадровые офицеры и призывники. Присутствие этих солдат в Афганистане регулировало двустороннее межправительственное соглашение, в котором оговаривались материальная база, предоставляемая советским войскам, места их дислокации (шестнадцать городов) и пять выделенных для их нужд аэропортов³.

В конечном счете 40-ю армию составили три мотострелковых дивизии, воздушно-десантная дивизия, четыре отдельных мотострелковых полка и бригады, отдельная десантно-штурмовая бригада и отдельный парашютно-десантный полк, две бригады специального назначения, подразделения связи, разведки и тыла и инженерно-ремонтные части, а также — уникальный случай — собственные ВВС: истребители-бомбардировщики, вертолеты, транспортные самолеты, авиаремонтные части и части охраны. В лучшие дни армия насчитывала 109 тысяч мужчин и женщин. Кроме того, в поддержку ей были выделены пограничные войска КГБ и внутренние войска МВД (см. Приложение 2).

Задача

Задача 40-й армии и ее командующих в момент вторжения в Афганистан казалась ясной и достижимой. Русские вмешались, чтобы положить конец ожесточенной вражде в НДПА и вынудить коммунистическое правительство к радикальной перемене чрезвычайно непродуктивной политики. Перед армией не ставилась цель захватить или оккупировать страну. Она должна была занять города и зачистить дороги, а затем покинуть Афганистан, как только правительство и его армия будут в состоянии принять ответственность на себя.

Вначале этот план выглядел внятной стратегией, но в итоге оказался лишь непрактичным пожеланием. Русские хорошо понимали, что проблемы Афганистана можно решить только политическими средствами, и Андропов с самого начала доказывал, что режим не удержится на советских штыках. Но СССР также надеялся, что афганский народ в итоге примет обещанные перемены: стабильное правительство, законность и правопорядок, улучшение здравоохранения, сельскохозяйственную реформу, экономическое развитие, образование для мужчин и женщин.

Однако обнаружилось, что большинство афганцев предпочитает жить своим умом и не намерено отказываться от тради-

ций под давлением кучки иностранцев-безбожников и доморощенных неверных. Русские не пытались, да и не могли разрешить этот фундаментальный стратегический вопрос. Ожесточенная гражданская война, с которой они столкнулись, началась задолго до их появления и продолжалась семь лет после их ухода, вплоть до победы “Талибана” в 1996 году. В этой войне верность была понятием изменчивым и многосложным. Отдельные люди и целые группы переходили с одной стороны на другую либо, при всякой возможности, договаривались друг с другом о прекращении огня или о ведении торговли. Между теми, кто занимал в войне одну сторону, также вспыхивала кровопролитная вражда: те или иные лидеры и группировки пытались добиться для себя преимуществ. Советским войскам выпало вести войну наихудшего свойства — с партизанами, которую они не предвидели, для которой не были достойно подготовлены и оснащены. Обе стороны вели себя чрезвычайно жестоко, каждая допускала казни, пытки и гибель мирных граждан, уничтожение их жилищ и средств к существованию. Советские войска, как и другие силы, вторгавшиеся в Афганистан до и после них, пришли в смятение от того, насколько жестоким и эффективным оказалось сопротивление. Они столкнулись с ним практически немедленно, и это была настоящая насмешка над их планами и надеждами.

Как русские, так и афганцы понимали, что однажды советские войска отправятся домой. Афганцам же придется жить в этой стране и друг с другом еще много лет после того, как последний русский солдат вернется домой. Даже тем афганцам, что поддерживали правительство в Кабуле, молчаливо соглашались с присутствием русских или даже приветствовали их приход, всегда приходилось прикидывать, что станет с ними после ухода советской армии.

Стратегическая доктрина советского правительства имела еще один изъян. Оно недооценило (а может, даже не принимало в расчет) потенциальную неготовность собственного народа терпеть долгую и явно бессмысленную войну в далекой стране. Конечно, советские власти не сталкивались с массовым

движением протеста, как правительство США во время войны во Вьетнаме. Но растущее разочарование войной в государственном аппарате и вне его подорвало решимость лидеров.

Этого хватило, чтобы свести на нет все военные успехи 40-й армии.

Командующие

За время существования 40-й армии во главе ее побывали семь командиров: Юрий Тухаринов, Борис Ткач, Виктор Ермаков, Леонид Генералов, Игорь Родионов, Виктор Дубынин и Борис Громов. Еще одиннадцать генералов служили советниками афганской армии с 1975 по 1991 год. Некоторые из этих офицеров, потрясенные унижениями, через которые прошли их армия и страна, сыграли существенную политическую роль в распаде Советского Союза и становлении новой России.

Военная верхушка СССР состояла из профессионалов. Они учились в Академии Генштаба. Они руководили крупными военными формированиями, командовали военными округами СССР и армиями за пределами страны. В 1979 году они еще помнили ту славу, в лучах которой купалась армия после победы во Второй мировой. Они получали больше остальных госслужащих (кроме офицеров КГБ). Они разделяли базовые цели политического руководства — сохранение стратегического паритета с США. И политики соглашались, что притязания армии при распределении экономических ресурсов страны имеют безусловный приоритет — при условии, что военные остаются в стороне от политики. Как и офицеры армий других стран, советские военные руководствовались чувством долга, соображениями чести и патриотизмом. Они чтит славные подвиги русской армии. Они держались в стороне от гражданских и были уверены, что и гражданские не должны никоим образом вмешиваться в их дела. Даже министр обороны Дмитрий Устинов

в их глазах не вполне отвечал высоким требованиям: несмотря на большой опыт работы в оборонном секторе, он был партийным бюрократом, а не профессиональным офицером.

Некоторые из этих генералов участвовали во Второй мировой, будучи младшими офицерами. Многие из них служили на Дальнем Востоке, Ближнем Востоке и в Африке: СССР оказывал активную военную поддержку своим коммунистическим союзникам, “прогрессивным” правительствам “третьего мира” и народам, стремящимся к независимости от колониальных хозяев⁴. В этих кампаниях ряд советских офицеров погиб.

Советские генералы успешно развернули семнадцать дивизий в Венгрии в 1956 году и восемнадцать дивизий (при поддержке восьми дивизий стран Варшавского договора) — в Чехословакии в 1968 году. Во время операции против венгерских повстанцев погибли 87 офицеров и 633 солдата. В Чехословакии настоящих боев не было. Там погибли один офицер и одиннадцать солдат. Операции в Восточной Европе стали внушительными достижениями в плане логистики, но это была не война. В отличие от американских коллег, у советских генералов не было свежего опыта управления большими армиями в боевых условиях. И они не имели ни оснащения, ни специальной подготовки, ни теории, ни опыта ведения войны с мятежниками в горах Афганистана.

Хотя в боях пали четыре советских генерала⁵, главный удар приняли на себя полковники, майоры, капитаны, лейтенанты и рядовые. В Афганистан отправились менее 10 % офицеров мотострелковых войск — костяка армии. Остальные были разбросаны по Советскому Союзу и Восточной Европе: войска готовились к большой войне с НАТО и при этом должны еще были внимательно следить за китайцами.

Большинство советских офицеров считало выполнение приказов своим долгом. Даже если бы они узнали о сомнениях, терзавших советское руководство, то посчитали бы, что это не их дело. Они были уверены, что их отправили в Афганистан для защиты страны от внешнего вмешательства и мятежей.

Хотя к концу войны разочарование стало расти, идеалистические настроения играли важную роль до последнего момента. Анатолий Ермолин отправился в Афганистан молодым лейтенантом в 1987 году, и тогда необходимость советского вмешательства не вызывала у него никаких сомнений. Они возникли позднее, когда Ермолин вернулся домой. Он стал либеральным политиком и депутатом постсоветского парламента России⁶.

К моменту прибытия в Афганистан молодые люди, прошедшие советскую офицерскую школу, были в основном хорошо обучены или, во всяком случае, готовы впитывать опыт, который можно получить только на поле боя.

Специалистам обеспечили дополнительную подготовку. Закончив академию, Александр Карцев отправился еще на год в разведшколу. К тому моменту ГРУ решило, что в Афганистане нужно обеспечить местные источники информации: технические средства разведки оказались несовершенными, данные воздушной разведки поступали с задержкой, а станции радиотехнической разведки в горах работали неважно. Советские разведчики записали массу важных разговоров на древние магнитофоны, но им не хватало грамотных переводчиков, чтобы обрабатывать этот материал. ГРУ предложило новые методы. Избранных офицеров разведки обучали простейшим врачебным навыкам, подражая французской благотворительной организации «Врачи без границ». В кишлаках таких людей встречали бы с энтузиазмом, и они смогли бы собрать немало полезной информации.

Два месяца московские профессора обучали Карцева врачебному делу, а попутно он зубрил дари — русский разговорник. Потом его отправили в туркменский лагерь, где обучали альпинизму, стрельбе, вождению по горным дорогам и опять-таки местным языкам. После этого Карцеву выдали загранпаспорт, он вылетел в Ташкент, затем получил назначение в 180-й мотострелковый полк в Кабуле. Он служил в Афганистане с 1986 по 1988 год.

Его направили на маленькую заставу к западу от Баграма. Карцев участвовал в налетах, засадах и повальных обысках —

обычных занятиях подобных подразделений. Кроме того, опираясь на свои только что приобретенные медицинские познания, он оказывал селянам простую врачебную помощь, иначе недоступную им, и завоевывал доверие старейшин. Так Карцеву удавалось собирать слухи и наладить надежный контакт с Шафи, афганским агентом, учившимся в Оксфорде и Японии. Карцев полагал, что Шафи был связным Ахмада Шаха Масуда. У Шафи Карцев перенял глубокий интерес к восточной медицине, и полученные в Афганистане знания пошли ему на пользу: после увольнения из армии он открыл в Москве массажный кабинет⁷.

Что это за война?

Как и другие войны с повстанцами, афганская кампания была лишена детально спланированных сражений и масштабных наступательных операций, побед, поражений и стремительных отступлений. Не было даже линии фронта. Составить последовательную историю такой войны нелегко. Она не давала простора для полководческого искусства в обычном смысле. Дело не в том, что генералы все еще мыслили категориями Второй мировой (хотя бывало и такое). Они долго и упорно осмысливали условия современных войн и были уверены, что скорректировали свою стратегию и тактику для сражений и победы в такой войне. Однако они ошибочно полагали, что если армия хорошо подготовлена к полномасштабной войне, она сможет без серьезной адаптации успешно вести и локальную войну. Американцы мыслили так же в начале войны во Вьетнаме. Они адаптировали тактику, но проблему так и не решили. И хотя у советских командиров был перед глазами американский опыт, они не проработали заранее столкновения с малыми, легковооруженными и чрезвычайно мобильными группами целеустремленных бойцов, знакомых со сложной местностью. Офицеры и солдаты 40-й армии не слишком успешно вели такую войну, пока не на-

брались опыта. Но хотя многие из них смогли адаптироваться к этим условиям, в конечном счете они не больше американцев преуспели в борьбе с неуловимым врагом.



Страна, в которой оказалась 40-я армия, разительно отличалась от европейских равнин, к боям на которых готовили советских солдат. Она как будто создана для партизанской войны: стычек в горах, кишлаках и на окраинах городов, придорожных засад и карательных экспедиций, разовых крупных операций. Афганистан как будто предназначен для разрушения, возмездия и невероятной жестокости.

Горы, покрывающие четыре пятых территории страны, тянутся с востока на запад: от Памира, где сходятся Таджикистан, Индия, Пакистан и Китай, практически до иранской границы, лежащей за Гератом. Горы рассекают Афганистан с севера на юг и делят афганцев на нередко враждебные друг к другу группы, говорящие на разных языках, имеющие разную культуру, а на протяжении большей части своей истории — еще и разные религии. Местность разрезают долины и ущелья, которые под силу преодолеть только пешком: крестьянам и пастухам, торговцам, контрабандистам, путешественникам, туристам, хиппи и партизанам со своими караванами оружия. Дороги здесь — роскошь. До XX века в стране практически не было транспортных путей — лишь тропы, пригодные для пешеходов и выюнных животных, но не колесного транспорта.

В этих горах сражаться трудно — и это еще мягко сказано. Местные знают все тропы и тропинки, зачастую опоясывающие отвесные горы: на них легко устроить засаду, их легко оборонять и трудно найти. Но это далеко не все. Противники нередко встречались друг с другом на высоте пять тысяч метров, где высотная болезнь могла вывести человека из строя до тех пор, пока он не пройдет акклиматизацию. А чтобы спу-

стить раненого вниз, требовалось до шести его товарищей, которым приходилось делать это под обстрелом.

Здесь даже небольшая группа решительных бойцов может сдерживать мощную колонну противника: занимаешь обзорные высоты, блокируешь начало и конец вражеской колонны и не спеши уничтожаешь ее. Именно это случилось с Индской армией по пути из Кабула и Джелалабада к Хайберскому проходу в январе 1842 года. Сто с лишним лет спустя моджахеды действовали так же. Они занимали высоты, удобные для атаки на советские колонны перегруженных машин, танков сопровождения и БМП, подбивали первую и последнюю машину ракетами или подрывали минами, а затем методично уничтожали остальные.

Партизанская тактика была простой, но и ответ был простым, по крайней мере в теории. Британцы освоили «тактический прием, тогда новый для военной науки в Азии, а именно: выставление охраны на горных склонах для защиты колонны, совершавшей марш через ущелья... Африди [пуштуны] еще помнят то время; [генерал] Поллок добился успеха лишь тогда, когда заимствовал... их собственную тактику и применил ее к перемещениям своих войск»⁸. Русские, пробиваясь сквозь горные перевалы и по пустынным дорогам, приняли примерно такую же тактику: они отправляли спецназовцев и десантников форсированным маршем или на вертолетах, чтобы захватить высоты прежде моджахедов и перекрыть им пути к отступлению.

Большинство афганцев живут не в горах и не в древних городах, а в кишлаках на длинной полосе низинной земли, которая проходит по северу страны, сворачивает на юг у Герата, идет через пустыню к востоку и упирается в горы в районе Кандагара. На эту полосу приходится около 15 % территории страны, но только 6 % используется в сельском хозяйстве: животноводство, пшеница и хлопок, фрукты, орехи, дыни, изюм и, конечно, мак⁹.

Бесплодная земля перемежается пятнами буйной зелени. «Цветущая плодотворная равнина, — живописал афганский ландшафт Александр Проханов, — где в садах, виноградниках

тянулись золотистые гончарные селения, в рукотворных колодцах копилась прохладная влага, на крохотных аккуратных полях зеленел молодой рис, пламенел цветущий мак, горели желтые чаши подсолнечника”¹⁰. Двадцать лет спустя журналист, сопровождавший британские войска в южной провинции Гильменд, изрек: “Узкая полоса плодородных лугов, оросительных канав и глинобитных строений, выстроившихся вдоль реки Гильменд, наводят на мысль о спокойствии, не тронутым временем. Кажется, перед тобой Тоскана”¹¹.

Сами кишлаки зачастую устроены по схожей схеме: узкие улочки, дома с плоскими крышами, с глухими стенами, обращенными к миру. Глинобитные дома быстро стареют, и часто трудно определить их возраст. Обратившись в пыль под влиянием времени (или бомбы), они сливаются с землей, из которой были построены, будто их вовсе не существовало. И если вы окажетесь там сегодня, то можете и не заметить разрушений.

Вот как Александр Карцев описывал типичное селение по соседству со своим постом: “Кишлак совсем небольшой — с десятков укрепленных зданий да несколько глинобитных построек. Крепости поражают своими размерами. Для жителей кишлака Калашахи это такие же обычные дома, как и любые другие. Но, в отличие от афганских городов с их теснотой и грязью, здесь совсем другая планета... Высокие, до шести метров, глинобитные стены. Толщина их более метра. Даже из танковой пушки пробить такую стену не всегда удастся. По углам крепости трех-четырёхэтажные сторожевые башни. По внутренней стороне стены одно-двухэтажные жилые постройки из необожженного кирпича. Как правило, расположены буквой ‘П’. На северной стороне крепости построек нет — северная стена самая холодная. Отапливать зимой постройки с северной стороны невыгодно: с топливом здесь большие проблемы. Только в одной из комнат может быть построено подобие камина из сырцового кирпича. В качестве топлива используют кизяк — прессованный и высушенный коровий или верблюжий навоз. Дровами топят только самые богатые.

На первом этаже обычно располагаются подсобные помещения, кухня и подобие гостиной. Нечто среднее между столовой и залом для приема гостей. Пол в этой комнате устлан циновками, иногда коврами. К гостиной примыкает несколько помещений. В них живут летом, когда глинобитные стены не дают проникнуть в дом изнурительному зною.

На втором этаже — спальни и комнаты для зимнего проживания. Как правило, они расположены прямо над кухней. В кухне — открытая печь для приготовления пищи. Вытяжной трубы нет. Вместо нее множество небольших дымоходов. Ими пронизаны все внутренние стены крепости. Они распределяют теплый воздух по комнатам и одновременно являются мощным теплоносителем. Дом похож на большой организм. Ничего удивительного в том, что афганцы к нему так и относятся. В дальнем углу крепости расположен загон для скота. Недалеко от кухни — большой колодец. Он называется кяризом... Общая площадь крепости не менее четырехсот квадратных метров. Живет в ней, как правило, одна семья”¹².

Советские солдаты (и после них британские) называли возделанную землю вокруг кишлаков “зеленкой”. Несмотря на обманчивую внешность, “зеленка” была еще менее удобна для боя, чем горы. Вдоль дороги слонялись вооруженные до зубов мужчины в длинных рубашках и накидках, в чалмах и пакулях, и невозможно было понять, кто это: бойцы местной самообороны, моджахеды, поджидающие лакомую добычу, или те и другие одновременно¹³.

Эти деревни, куда боевикам было легко внедриться и где они могли застать врага врасплох, а затем скрыться от возмездия, где каждый дом и дорога могли быть заминированы, где мирные жители внезапно могли оказаться замаскированными врагами, были для русских кошмаром. Один разведбатальон неосторожно вошел в кишлак в зеленой зоне. Солдаты выбрались оттуда два часа спустя, потеряв 25 человек убитыми и 49 ранеными. Подобных инцидентов почти всегда можно было избежать. Они были следствием глупого и недисциплинированного поведения¹⁴.



Главная задача каждой стороны была довольно простой: перерезать каналы снабжения противника. Все топливо, технику, боеприпасы и большую часть провианта советским войскам доставляли грузовики из СССР. Моджахеды же получали большую часть оружия, боеприпасов и прочего через горы из Пакистана.

Поскольку сражения шли за дороги, тропы и горные тропинки, и русские, и повстанцы охотно использовали мины. (В асимметричных войнах бомбы, мины-ловушки и фугасы — лучшее оружие слабой стороны, способное оказать разрушительное влияние на боевой дух сильной стороны. Американцы столкнулись с этим во Вьетнаме.) Мины поступали к афганским мятежникам из Америки, Британии, Италии, Китая. Кроме того, они сами собирали взрывные устройства. Самая крупная мина могли уничтожить танк или БМП, самая маленькая — оторвать солдату ногу. Для очистки дорог русские направляли танки-тральщики. Саперы использовали обученных собак и прощупывали дорогу вручную: от детекторов металла толку не было, потому что моджахеды часто пользовались пластиковой взрывчаткой. Автоколонны и поисковые группы следовали за саперами с черепашной скоростью. Как говорится, сапер ошибается только один раз.

Русские, в свою очередь, окружали защитным поясом из мин собственные позиции, а также перекрывали тропы, которыми пользовались мятежники. В теории, нужно тщательно наносить места закладки мин на карту. На практике карты оказывались неточными, их теряли или вообще забывали составить, так что порой советские солдаты подрывались на собственных минах. Повстанцы записей вообще не вели.

Русские называли ту кампанию “минной войной”. Земля Афганистана до сих пор утыкана минами, которые закладывали участники как советской войны, так и последующей гражданской. Люди гибнут и сегодня: дети подрываются во время игр, крестьяне — обрабатывая поля.



Моджахеды избегали сражений и наносили удары из засады, когда преимущество было на их стороне. Иногда они заходили дальше и нападали на военные гарнизоны и авиабазы, а к концу войны пытались даже захватывать города. Но пока в Афганистане оставались советские войска, по стране перемещались автоколонны, главные дороги оставались открытыми и ни один сколько-нибудь крупный город не попал в руки моджахедов.

Русские, в свою очередь, устраивали налеты на кишлаки, чьих жителей подозревали в помощи мятежникам, наносили удары по горам, чтобы разрушить их базы и разогнать боевиков, да и сами устраивали засады и минировали тропы. Поддержку обеспечивали транспортные и боевые вертолеты, артиллерия, истребители-бомбардировщики 40-й армии и стратегические бомбардировщики из СССР. Даже младшие офицеры — лейтенанты и капитаны, командовавшие заставами, — могли запросить артиллерийскую поддержку. Результатом неизбежно становились потери среди мирного населения и уничтожение их жилищ.

Но чтобы эффективно сражаться с моджахедами, требовались особые навыки, особая тактика и особые войска. Хотя в таких операциях регулярно принимали участие обычные мотострелковые отряды, главное бремя неизбежно ложилось на части спецназа и десанта и на разведывательные батальоны и роты в составе мотострелковых дивизий и полков. Эти части сражались очень эффективно как в высокогорной местности, так и в “зеленке”. Они составляли около 20 % общей численности войск 40-й армии: по некоторым подсчетам, только 51 из 133 ее батальонов регулярно принимал участие в операциях. Остальные проводили основную массу времени в лагере или сопровождая автоколонны¹⁵.

Помимо частей регулярной армии, в Афганистане действовал ряд подразделений спецназа ГРУ, КГБ и МВД. Важнейшими были силы спецназа ГРУ. В 1985 году была организована “группа войск специального назначения”, в которую со временем вошли

две бригады (восемь батальонов в каждой), отдельная рота, отдельный разведывательный батальон, четыре отдельных разведывательных роты, девять разведывательных взводов и еще тринадцать подразделений, в общей сложности три тысячи человек. 15-я бригада базировалась в Джелалабаде, 22-я — в Асадабаде, столице провинции Кунар, граничащей с Пакистаном. 22-ю бригаду вывели из страны летом 1988 года, когда начался отход 40-й армии. 15-я бригада прикрывала вывод войск в феврале 1989 года¹⁶.

Главной целью спецназа ГРУ было заблокировать маршруты снабжения моджахедов через горы. Со временем бойцы спецназа приобрели грозную репутацию. Они выдерживали экстремальную жару и холод, страдали от высотной болезни в горах, устраивали засады при поддержке вертолетов и самолетов-штурмовиков и попадали в засады сами, делали все возможное, чтобы остановить караваны с военными припасами, идущие с приграничных баз ЦРУ и пакистанской разведки. Спецназовцы добивались впечатляющих результатов: в мае 1987 года в ходе одной из операций они уничтожили крупный караван, убили 187 моджахедов и захватили изрядное количество техники и боеприпасов. Но, несмотря на усилия советских спецподразделений, удавалось перехватывать всего 15–20 % караванов моджахедов¹⁷. Мятежники тоже не преуспели в решении своей главной задачи — заблокировать пути снабжения врага.

Проблема разведки

Силы спецназа КГБ и МВД были значительно меньше и в основном должны были заниматься разведкой. Они создавали агентурные сети среди моджахедов, изучали взаимоотношения племен и кланов в зоне своей ответственности, раскрывали местонахождение баз, маршрутов снабжения и схронов, принадлежавших моджахедам. Они должны были выслеживать и брать живыми (или мертвыми) иностранных советников, работавших с моджахедами, склонять командиров моджахедов к переходу на сторо-

ну правительства и сеять раздоры между бандформированиями, чтобы они сражались друг с другом, а не с русскими (этой тактикой пользовался в Хайберском проходе герой Киплинга в последней главе книги “Сталки и компания”) ¹⁸. Афганцы вели такую же игру и сливали русским ложную информацию, чтобы подставить личных врагов или врагов своего племени.

Группы спецназа КГБ входили в формирование “Каскад”, которое Андропов создал летом 1980 года¹⁹. К нему были приписаны около тысячи сотрудников спецназа КГБ, работавших на восьми базах по всему Афганистану. Их участие в повседневных военных операциях не допускалось: это были слишком ценные кадры. Они называли себя “каскадерами”. “Каскад” действовал в Афганистане около трех лет, затем его сменила аналогичная группа “Омега”, которая спустя год тоже прекратила работу. Однако многие сотрудники этих групп оставались в стране до конца войны, будучи приписанными к различным спецподразделениям.

Отряды спецназа МВД работали под кодовым именем “Кобальт”. В “Кобальт” в основном набирали сотрудников угрозыска. Их задачей было помогать ХАД (ХадаMAT-э амниййат-э давлати — Служба государственной безопасности) выслеживать лидеров моджахедов. Офицеры “Кобальта” тоже не должны были участвовать в регулярных военных операциях. В Афганистане работали 23 группы “Кобальта”. В каждой было до семи человек, БТР и радиостанция²⁰.

Поразительно то, что довольно многие сотрудники этих небольших отрядов очень плохо знали местные языки и были вынуждены полагаться на переводчиков, которыми зачастую выступали солдаты среднеазиатского происхождения из ближайшей советской части. Как говорил один из спецназовцев, это было неудобно при допросе пленных. Некоторых затем отозвали для двухлетнего интенсивного курса языковой подготовки, после чего вернули в Афганистан. Команды были малочисленными, учитывая ситуацию, в которой им приходилось работать.

Через провинцию Забуль, имеющую около шестидесяти километров совместной границы с Пакистаном, проходили семь маршрутов снабжения моджахедов. Даже когда две тысячи человек покинули провинцию и стали беженцами, в ней оставалось 150 тысяч жителей, относящихся к семнадцати племенам и этническим группам, в основном пуштунским. В провинции действовали 145 банд моджахедов — две-три тысячи человек. Они нападали на лояльные кишлаки, собирали с местных жителей дань, минировали трассу Кабул — Кандагар и совершали теракты. У КГБ на всю провинцию приходилось двадцать восемь офицеров. Группа “Кобальт” в этой провинции состояла из пяти офицеров и трех пограничников. В поддержку им были выделены всего 27 сотрудников ХАД из номинальных пяти сотен. Здесь также работали семьдесят милиционеров Царандоя, но все это были местные, и их верность правительству оставалась под вопросом²¹.

Проблемы разведки и безопасности терзали 40-ю армию на протяжении всей войны. Разведчики добивались сотрудничества от вождей местных племен, обещали им защиту от военных операций, выплачивали субсидии, выдавали продовольствие, лекарства, технику и делились военными советами в обмен на обещания препятствовать устройству засад, закладке мин и проходу караванов моджахедов на территории племени. Они успешно вербовали агентов из числа крестьян, которые докладывали о перемещениях и намерениях моджахедов. Но на вождей точно так же давили моджахеды, и договоренности срывались. Агенты зачастую были людьми неграмотными, не умели пользоваться картами и выдавали слухи за факты. Кураторам приходилось встречаться с ними лично (а это было опасно), вместо того, чтобы общаться тайно²². Страна была наводнена двойными и тройными агентами. Не была чем-то из ряда вон выходящим ситуация, когда конкурирующие советские ведомства — КГБ и ГРУ, — сами того не желая, нанимали одного и того же агента и платили ему дважды за одну и ту же сомнительную информацию. Моджахеды держали вокруг советских

баз и вдоль маршрутов движения советских войск собственных агентов, которые немедленно докладывали о любых перемещениях. Поскольку афганская армия и полиция кишели агентами моджахедов, советские войска информировали своих союзников о целях совместных операций в последний момент или передавали им дезориентирующие планы, корректируя их уже после начала операции. Естественно, когда что-то шло не так, афганцы обвиняли в этом русских советников.

Союзники

Вместе с советской 40-й армией сражались афганские правительственные силы. На бумаге они выглядели внушительно. В 1979 году у афганцев было десять дивизий, вооруженных современным, пусть и не новейшим, советским оружием: самолетами, танками, артиллерией²³. К концу войны армия выросла до двенадцати дивизий, которые поддерживал ряд специализированных бригад или более мелких подразделений. ВВС насчитывали семь воздушных полков, 30 истребителей, более 70 истребителей-бомбардировщиков, 50 бомбардировщиков, 76 вертолетов и 40 транспортных самолетов. Многие офицеры прошли подготовку в СССР и владели русским²⁴.

Но эта армия имела немало слабостей. Зачастую войска шли в бой неохотно, хотя справлялись лучше, если их поддерживали советские отряды. Фактический состав большинства подразделений был куда ниже номинального: дивизия могла насчитывать не более тысячи человек — в десять раз меньше нужного. Лояльность офицеров оставалась под вопросом: и Кармаль, и Амин устраивали чистки, переводили офицеров, в чьей верности они сомневались, или избавлялись от них. Многие перебежали к моджахедам. Солдаты тоже дезертировали: большинство возвращалось в свои деревни, некоторые шли к повстанцам. Им мало платили и практически не обучали, так что у них не было особых причин хранить верность кабульскому правительству. Сначала

они дезертировали целыми частями: например, на сторону противника перешли две бригады 9-й дивизии в провинции Кунар, три батальона 11-й дивизии в Джелалабаде, бригада в Бадахшане.

К 1980 году численность армии упала до двадцати пяти тысяч человек. Правительство снизило призывной возраст, загоняло молодежь в армию, увеличило срок службы по призыву до трех лет и мобилизовало резервистов младше 39 лет. После 1980 года уже немногие отряды дезертировали целиком, число дезертиров-одиночек несколько сократилось, а численность армии (по крайней мере номинальная) к 1982 году выросла до 40 тысяч и к началу 1989 года — до 150 тысяч²⁵. Практика показала, что если уровень дезертирства не превышает 30 % в год, то все в порядке. Если он выше — это проблема, а если превышает 60 %, то дела совсем плохи²⁶.

Чтобы удержать численность войск союзника на разумном уровне, 40-я армия проводила так называемые “оперативные мероприятия в поддержку комплектования Народной армии Демократической Республики Афганистан добровольческими силами”. Русские солдаты обожали эти операции: они передвигались на машинах вместо того, чтобы идти пешком, обходились практически без стрельбы, не поднимались в горы. Операции проходили в сравнительно мирных районах: в армию не завербуешь жителей кишлака, контролируемого моджахедами. По пути можно было лакомиться свежими фруктами и овощами, реквизировать скот, набрать конопли и целый месяц провести вдали от армейской рутины. В таких случаях пехотинцев сопровождали подразделения Царандоя и местные “офицерские батальоны” ХАД, большинство служащих которого обучались в СССР.

Насильственная вербовка проходила дважды в год, через месяц после весеннего сева и через месяц после августовского сбора урожая. Афганские призывники обязаны были служить дважды: после трех лет службы они получали отпуск на два года, а затем, если не успевали создать семью (для этого требовалось собрать выкуп за невесту, что не каждый мог себе позволить), отправлялись в армию еще на четыре года.

“Добровольцев” набирали так: колонна бронемашин блокировала кишлак. Затем в него входила пехота в сопровождении афганского спецназа, и жителей стогнали на главную площадь, к мечети. Затем всех мужчин, подлежащих призыву — а иногда и не подлежащих, — вели в казарму. На следующий день процедура повторялась в другом кишлаке.

Призывникам брили головы (что противоречило религиозным убеждениям многих из них), они проходили элементарную подготовку в обращении с оружием, и им зачитывали суровые предупреждения о том, что будет, если они ослушаются приказа. В течение полугода две трети из них дезертировали (нередко к моджахедам) с оружием. Иногда беглецы возвращались: некоторые афганские солдаты по семь раз переходили с одной стороны на другую. К весне 1984 года сельские жители поняли, что весной и осенью нужно скрываться в горах хотя бы на месяц. Набор солдат упал до угрожающе низкого уровня, вербовка сталкивалась с все большим сопротивлением, и участие в ней по большей части утратило былую привлекательность²⁷.

Неудивительно, что афганская армия оказывалась ненадежной: в случае возникновения проблем солдаты правительственных войск просто уходили. Положиться можно было только на бойцов ХАД: им не стоило ждать пощады от моджахедов.

Большинство советских военных презирало своих союзников и изумлялось, почему они воюют так плохо: ведь те же самые афганцы прекрасно сражались, перейдя на сторону моджахедов. Генерал Куценко, служивший с сентября 1984 по сентябрь 1987 года советником в афганской армии, считал, что ее недооценивают:

Когда я приехал в Афганистан, строительство этой армии уже было, по сути, завершено. Афганцы имели неплохой офицерский состав, хорошее вооружение. Вот и надо было им дать полную свободу действий. В конце концов, наши военные служили в Афганистане только два года и потом заменя-

лись. Мало кто из них изучал обычаи местных племен. А афганские командиры воевали по пять — восемь лет и хорошо знали психологию своего народа. Но наши стратеги решили, что воевать должны бок о бок и советские, и афганские войска. И что из этого получилось? Когда случались неудачи, советские и афганские генералы обвиняли друг друга. Кому это было на пользу? Вот почему я застал среди нашего офицерского корпуса сильное брожение. Офицеры прямо говорили: если афганская армия практически не воюет против моджахедов, то зачем это нам надо?

Куценко был бардом, одним из многих военнослужащих 40-й армии, сочинявших песни о войне. Он задумывался: «Может, поэтому в 1984–1987 годах в Афганистане широкое распространение получили не только боевые, brave, но и упаднические песни, особенно у солдат»²⁸.

ХАД отличалась пугающей эффективностью. Спецслужба тесно сотрудничала с советниками из КГБ и армии как в Кабуле, так и в полевой обстановке. С 1980 по 1989 год СССР обучил в Кабуле, а также в Москве и других советских городах около тридцати тысяч сотрудников афганских спецслужб. Они либо проходили короткие курсы продолжительностью от двух месяцев до полугода, либо учились в специальных институтах до двух лет²⁹. ХАД действовала в Афганистане под разными названиями вплоть до 1996 года, когда талибы взяли Кабул. Президент Карзай воссоздал ее под другим названием в 2001 году.

ХАД успешно внедряла своих агентов в банды моджахедов в Афганистане и в их организации в Пакистане. Но моджахеды тоже с немалым успехом внедрялись в ХАД и в армию. В мае 1985 года арестовали главу разведывательного управления афганского Генштаба генерала Халилия, десять его подчиненных и еще восемь человек. Халилия обвинили в руководстве агентурной сетью в интересах Масуда. Последний утверждал, что не было ни одной армейской операции против него, о которой бы его не предупредили агенты³⁰.

Этапы войны

Афганскую войну обычно делят на четыре этапа. Первый длился с декабря 1979 года до февраля 1980 года — это была первоначальная переброска советских сил в Афганистан и развертывание их в стране.

Изначально инструкции по ведению боевых действий разрешали советским солдатам открывать огонь только в ответ на нападение или ради освобождения советников из СССР, захваченных повстанцами. Но число жертв росло. Первое столкновение произошло вскоре после ввода войск. В середине января взбунтовалась афганская артиллерийская часть, и три советских советника были зверски убиты. Афганские власти обратились к русским за помощью. Погибло больше сотни афганцев и два советских солдата³¹.

Двадцать первого февраля в Кабуле грянула крупная демонстрация. На улицы вышли, как потом рассказывали, около трехсот тысяч человек, выкрикивавших антиправительственные и антисоветские лозунги. Демонстрации продолжились на следующий день. Русские считали, что этот крупнейший за всю историю протест в столице был устроен с подачи иностранных агентов, в том числе Роберта Ли, которого подозревали в работе на ЦРУ. Демонстранты заполнили главные улицы и площади и пошли на Арк, где находилась резиденция Кармаля. Они осадили административные здания, обстреляли из минометов советское посольство и убили несколько советских граждан. Митингующие грабили магазины, громили машины и подожгли гостиницу. Появились жертвы и среди мирного населения. Командир 40-й армии генерал Тухаринов получил приказ заблокировать подходы к городу. Ситуацию взяли под контроль.

Этот момент стал поворотным. Москва приказала 40-й армии “начать совместно с армией ДРА активные действия по разгрому отрядов вооруженной оппозиции”³². Первую

операцию русские организовали в марте в провинции Кунар, у границы с Пакистаном. Даже за этот период 40-я армия потеряла 245 солдат, в среднем 123 в месяц.

Советские автоколонны уже подвергались атакам на главных путях из СССР. В ответ русские устроили систему поддерживающих друг друга застав, размещенных с равными интервалами вдоль главных дорог, вокруг крупных городов и аэропортов. Так они следили за перемещениями моджахедов, охраняли электростанции и трубопроводы, сопровождали колонны, а при необходимости вызывали авиа- и артиллерийскую поддержку. По всей стране были построены 862 заставы, на них служило больше двадцати тысяч человек — существенная доля сил 40-й армии.

Заставы были одним из характерных феноменов той войны. Некоторые были совсем маленькими, не больше дюжины солдат. В этих крохотных гарнизонах люди могли сидеть бесценно полтора года. Некоторые из них были устроены в недоступных местах, на высотах с видом на афганские деревни или пути подвоза припасов, и снабжать такие заставы получалось только по воздуху. На заставы регулярно нападали: с января по август 1987 года погибли три командира застав и 73 солдата, еще 283 были ранены³⁴. Но мятежникам не удалось захватить ни одну из них. Заставы выживали не столько благодаря силовому превосходству, которое невозможно было поддерживать долгое время, сколько благодаря договоренностям с соседними кишлаками.

Жизнь на заставе была однообразной. Некачественная пища и вода, почти никаких развлечений, если не считать обязательной ленинской комнаты, иногда телевизора, и постоянная угроза болезни или нападения изматывали людей³⁵. Некоторые говорили, что им удавалось выживать в условиях, которые западным солдатам показались бы невыносимыми, потому что на родине, в СССР, они жили тоже неважно. Теснота заставы была не хуже тесноты коммунальной квартиры.

К этому моменту Соколова в роли главы Оперативной группы Министерства обороны сменил ветеран Сталинграда

Валентин Варенников — безжалостный и упрямый человек, противоречивая фигура. Он побывал на заставе, угнездившейся на вершине горы по соседству с Кабулом: это была часть внешней линии обороны города.

Вертолет, пролетев минут 12–15, сделал один, затем второй круг над этой заставой и осторожно начал опускаться одним колесом шасси на кромку площадки, которая была приблизительно 1,5 на 4 метра. Когда колесо коснулось камня, мы выпрыгнули. Нас было трое. Вертолет тут же улетел..

Площадка имела форму неправильного прямоугольника и была с трех сторон обнесена полутораметровой толстой стенкой из мешков с песком — их сюда навозили вертолетами. Четвертую стенку не поставили, так как подлетающий вертолет опирался одной “ногой” о площадку.

От этой “большой”, около шести квадратных метров, площадки отходила малая — выступ с понижением, типа ступеньки. Здесь был установлен 120-мм миномет, рядом высилась гора мин к нему. Здесь же устроили и укрытие от непогоды. На основной площадке, в двух ее противоположных концах, установили крупнокалиберные пулеметы ДШК. От малой площадки вниз под углом 45–50° шла тропа, вырубленные в гранитной скале ступеньки, по обе стороны которых был протянут добротный канат вместо перил. В конце тропы находилась еще одна площадка — приблизительно такой же величины, как и верхняя. Здесь стоял крупнокалиберный пулемет. Здесь же был сосредоточен и весь быт небольшого, всего двенадцать человек, гарнизона: место для отдыха, кухня, умывальник и т. д. Мы устроились на снарядных ящиках, которые на большинстве застав являются главной составляющей “мебели”: они были и стульями, и столами, и лежаками для сна, и сундуками³⁶.

Второй этап войны длился с марта 1980 года по апрель 1985 года. Обе стороны совершенствовали тактику. После поражений в прямых столкновениях с советскими войсками моджахеды

приняли на вооружение классическую партизанскую тактику: наскок-отход, засады, мины-ловушки. Летом 1980 года отряду моджахедов, базировавшемуся в шести километрах от Кабула, удалось обстрелять из минометов штаб 40-й армии во дворце Амина, восстановленном после декабрьского штурма³⁷. Начав в апреле 1980 года первую крупномасштабную операцию в Панджшерском ущелье, СССР глубоко увяз в афганской трясине. За этой операцией последовали другие — в масштабах, с которыми советская армия не сталкивалась со Второй мировой войны. В августе разведывательный батальон 201-й мотострелковой дивизии попал в засаду у Кишима и потерял 45 человек. Из СССР прибывали делегации. Чиновники хотели собственными глазами увидеть, что происходит. Быт начал улучшаться. Стали приезжать музыканты, развлекавшие солдат. Но именно на этом этапе советская армия понесла самые крупные потери: 9175 убитых (в среднем 148 человек в месяц).

Третий этап продолжался с мая 1985 года до конца 1986 года. Михаил Горбачев вступил в активные переговоры о возвращении солдат на родину, и были предприняты усилия, чтобы сократить число жертв этой все более непопулярной войны. Советские силы стремились ограничиться воздушными и артиллерийскими операциями в помощь афганским войскам, а мотострелковые части в основном использовались для поддержки операций и повышения боевого духа афганских союзников. Спецназ и разведывательные части сосредоточились на предотвращении поставок оружия и боеприпасов для мятежников из-за границы. Но даже такие операции поддержки могли обернуться тяжелыми боями. В этот период погибли 2745 солдат (в среднем 137 в месяц). Смертность снизилась, но не существенно. На этом этапе начался вывод войск: летом 1986 года на родину отправили шесть полков, и численность армии сократилась на пятнадцать тысяч человек³⁸.

В тот период достигли пика одобряемые пакистанцами набеги моджахедов на территорию СССР. Ущерба они наносили немного, но американцы тревожились, что эти атаки могут

спровоцировать непропорционально резкую реакцию СССР. Когда в апреле 1987 года диверсионная группа моджахедов пересекла Амударью, прошла два десятка километров к северу и обстреляла ракетами завод, советский посол в Исламабаде ворвался в пакистанский МИД и предупредил: дальнейшие нападения приведут к суровым последствиям. Набеги прекратились³⁹.

Четвертый этап войны начался в ноябре 1986 года, когда СССР сменил Бабрака Кармая на нового президента — Мухаммеда Наджибуллу. При активной поддержке русских Наджибулла начал вести политику национального примирения, ориентированную на сотрудничество с политическими и религиозными лидерами некоммунистических взглядов, а также на наращивание афганской армии и правоохранительных органов, что позволило бы избавиться от зависимости от Советов.

Советские силы по-прежнему обеспечивали поддержку операций афганской армии. Но теперь советские командиры были намерены свести свои жертвы к минимуму и все чаще полагались на стратегические бомбардировщики, выполнявшие в Афганистане секретные задания (для прикрытия они приписывались афганским ВВС). Ближе к концу войны одна мощная бомба, сброшенная со стратегического бомбардировщика, упала рядом с афганским штабом, а другая убила несколько десятков мирных жителей. В обломках нашли фрагменты бомбы, афганцы пожаловались, и СССР создал следственную комиссию. Но инцидент замяли, никого не наказали. С помощью бомбардировщиков советское командование пыталось подавить позиции моджахедов в районе Файзабада, Желалабада и Кандагара, которые 40-я армия уже оставила. Они атаковали (без особого успеха) ракетные батареи моджахедов, которые теперь обстреливали Кабул. В последние недели войны советские ВВС разбомбили позиции Масуда в Панджшере. Эта операция, “Тайфун”, имела скорее политическое, чем военное значение⁴⁰.

Но основную энергию 40-я армия посвящала подготовке, а затем и выполнению плана окончательного ухода из страны. Вывод войск проходил в два этапа: с мая по август 1988 года

и с ноября 1988 по февраль 1989 года. Он был выполнен с тем же умением, которое русские продемонстрировали при вводе войск. За этот период погибло 2262 солдата (в среднем 87 в месяц).

Мятежники не вмешивались в процесс вывода войск: к этому моменту их гораздо больше волновала возможность пробить себе дорогу к власти в новом Афганистане. И последовавшая за этим гражданская война оказалась — по крайней мере для Кабула — более разрушительной, чем все случившееся за время присутствия русских⁴¹.



Генерал Ляховский, неутомимый летописец той войны, рисует уничтожительную картину боеспособности 40-й армии. По его словам, вплоть до середины 1980 года войска неколебимо придерживались ортодоксальных методов и, передвигаясь по ущельям, не отходили от бронетехники. Позднее боеспособность армии выросла, но множество проблем остались. Части были не полностью укомплектованы, и необходимость быть настороже и днем, и ночью на случай нападения моджахедов приводила к физическому истощению и падению боевого духа. Солдатам не хватало выносливости. Они прошли слабую подготовку. Их экипировка оставляла желать лучшего. Младшие офицеры пренебрегали правилами безопасности и разведкой, они не владели тактикой, так что даже когда преимущество оказывалось на их стороне, мятежникам часто удавалось уйти. Ляховский пришел к выводу: относительная неудача СССР в Афганистане, в первой войне со времен Второй мировой, продемонстрировала слабость страны, подорвала ее уверенность в своих силах и развеяла миф о неуязвимости⁴².

Это не совсем справедливо. Несмотря на критику солдат 40-й армии, лучшие из них стали грозными бойцами, которых уважали и боялись враги. Десантные войска и спецназ учились сражаться с неуловимым врагом. Эдуард Жирарде, который

провел много времени в лагерях моджахедов, сообщал: “Войска спецназа действуют быстро, тихо и смертоносно. За один рейд в декабре [1985 года] они вырезали 82 и ранили 60 партизан”⁴³. Командир моджахедов Амин Вардак так описывал засаду: “Они напали в узком ущелье. Сначала — из-за глушителей — мы даже не поняли, что в нас стреляют. Потом наши люди начали падать”⁴⁴.



Структура 40-й армии была уникальной. “За всю историю наших Вооруженных сил, — объяснял ее последний командующий генерал Громов, — не было такой армии, которая располагала бы собственными военно-воздушными силами. Особую мощь придавало большое количество батальонов специального назначения — их было восемь. И это наряду с десантниками и разведчиками — самыми подготовленными подразделениями”⁴⁵. Уникальными были и поставленные перед ней задачи. В отличие от некоторых западных армий, советская прежде не вела затяжную войну с партизанами в чужой стране. 40-я армия была расформирована, как только кончилась война. Она выиграла основные сражения, и это успокаивало командиров. Но она так и не смогла добиться политических успехов, на которые надеялось руководство страны.

Глава 7

Строители нации

Еще до того, как советские войска перешли Амударью, в Афганистане уже находилась другая армия — армия советников, пытающихся построить “социализм”. А после них пришли другие иностранцы, которые попытались строить “демократию”.

До войны помощь Афганистану оказывали Соединенные Штаты, Советский Союз, Германия, другие страны. Но у русских было преимущество, ясная модель, от которой можно было отталкиваться: советские республики Средней Азии. Россия за сто лет имперского правления принесла туда законность и правопорядок, обеспечила чистую воду, здравоохранение, всеобщее образование для мальчиков и девочек, экономическое развитие, а элите предоставила заманчивые перспективы. Прогресс обошелся дорого: продолжительная партизанская война в 20-е годы, до миллиона погибших во время коллективизации Казахстана в 30-е годы, повсеместная коррупция и политические репрессии, порой еще более жестокие, чем в других республиках СССР. Тем не менее, один американский ученый заключил в 1982 году: “Советское руководство может по праву заявлять, что создало модель развития, позволяющую обеспечить один из высочайших уровней грамотности, лучшую систему здравоохранения и более высокий общий уровень жизни, чем где бы то ни было еще в мусульманском мире”¹. И хотя чрезвычайные меры 20-х и 30-х годов были уже

неприменимы, серьезных причин полагать, что методы, сработавшие в Средней Азии, не сработают в Афганистане, было немного.

Проекты помощи

Согласно советским данным (их, впрочем, нельзя назвать ни систематическими, ни последовательными), помощь Афганистану в 1954–1980 годах составила полтора миллиарда рублей. Русские построили электростанции, ирригационные системы, фабрики, скважины для добычи природного газа и элеватор, который и после войны долго оставался одной из достопримечательностей Кабула. Многими из этих объектов помогали управлять советские специалисты. Помимо офицеров армии и ВВС, советские власти обучали афганских рабочих, технический персонал и инженеров. Согласно официальной советской статистике, такую подготовку к 1980 году прошли более семидесяти тысяч человек. В 1979–1980 годах СССР оказал Афганистану экономическую помощь на пятьсот миллионов рублей: кредиты, субсидии, транспорт, топливо, поддержка сельского хозяйства. В феврале 1987 года советские власти выделили безвозмездную помощь на 950 миллионов рублей, чтобы смягчить перспективу неизбежного вывода войск. Помощь Афганистану составляла в то время значительную, хотя и не подавляющую часть советской помощи странам третьего мира. Последняя в 1982–1986 годах, согласно некоторым оценкам, достигла 78 миллиардов долларов. Помощь афганским военным и расходы, связанные с советской военной операцией в Афганистане, составляли 1578,5 миллиона рублей в 1984 году, 2623,8 миллиона в 1985 году, 3197,4 миллиона в 1986 году и 4116 миллионов в 1987 году (то есть около 7,5 миллиарда долларов за четыре года). Для сравнения: весь советский военный бюджет только в 1989 году составлял 128 миллиардов долларов. Согласно официальной российской статистике, долг Афгани-

стана перед СССР к октябрю 1991 года достиг 4,7 миллиарда рублей: примерно десятая доля всей задолженности развивающихся стран перед СССР, вдвое меньше, чем задолженность Индии².

После начала войны СССР приложил все усилия, чтобы начатые проекты продолжали работать, и зачастую это создавало серьезную угрозу для советских специалистов. На крупном проекте оросительной системы в районе Джелалабада было занято около шести тысяч человек и созданы шесть больших хозяйств, занимавшихся производством цитрусовых, растительных масел, молочных продуктов и мяса. За это время построили дамбу и крупный канал, ГЭС и насосную станцию, ремонтную мастерскую, деревообрабатывающий и консервный заводы. Это был крупнейший в стране экономический проект. Утверждали даже, что он крупнейший из подобных проектов во всех развивающихся странах. Но он располагался в уязвимом месте: в часе езды от Пакистана, неподалеку от базы двух советских бригад и авиабазы. Фермы подвергались нападениям моджахедов, минировавших дороги. Главный эксперт комплекса Б.Н. Миханов и 77 его коллег (по большей части специалисты среднего возраста, семейные люди) регулярно сталкивались с угрозами, а их афганских сотрудников могли похитить и убить. Но они оставались на посту, а на работу ходили с гранатами, автоматами и запасом патронов, чтобы защитить себя. Проект существовал до тех пор, пока русские не покинули страну. Моджахеды разрушили комплекс во время неудачного наступления на Джелалабад весной 1989 года³.

Еще одним крупным проектом был Политехнический институт в Кабуле, построенный задолго до начала войны. Главным советником ректора там работал Александр Лунин. Он возглавлял коллектив из более чем ста советских преподавателей. Кроме трех факультетов (строительного, геологического и электромеханического), действовало подготовительное отделение, куда принимали студентов из бедных семей. Им помогали освоить русский язык и другие предметы. Институт

продолжал работать, несмотря на угрозы, обстрелы, мины-ловушки и гибель сотрудников⁴.

Какую пользу принесла вся эта помощь афганскому народу, не совсем ясно. До прихода к власти коммунистов к власти в Афганистане СССР выделял средства более или менее рачительно. Но идеологически обусловленное (и в итоге тщетное) стремление строить “социализм” исказило этот подход⁵. Многие программы помощи с самого начала слабо подходили для местных условий. А многие проекты за тридцать лет боевых действий пришли в упадок. Запасы гуманитарной помощи использовались для личной выгоды, или же их присваивали моджахеды.

И все эти усилия почти не принесли русским тех политических дивидендов, на которые они надеялись. Они не смогли предотвратить убийство Тараки. Они держали в узде преемника Амина — Кармала, но в результате возникли другие проблемы. Обилие советников из СССР и их постоянное вмешательство в повседневные дела лишили их афганских коллег всякого чувства ответственности и инициативы. Зачем идти на риск, если советские товарищи готовы принять этот риск на себя? Сталкиваясь с вмешательством на всех уровнях военной и гражданской бюрократии, афганцы зачастую пожимали плечами, оставляя все затруднения русским. Наджибулла, президент Афганистана с 1986 года, так описал заседание кабинета министров: “Мы сидим за столом. Каждый министр приходит с советником. Начинается заседание, разгорается дискуссия, и постепенно советники придвигаются все ближе и ближе к столу, а наши люди, соответственно, отодвигаются и в конце концов за столом остаются только советники”⁶.

Советники

Многие советники верили, что их миссия — помочь местным, и отдавали этому делу все силы. Советник по делам молодежи, журналист Владимир Снегирев по прибытии в страну

ликовал: “Возможно, мне посчастливилось стать свидетелем одной из самых яростных и трагических революций на исходе века”. В марте 1982 года он участвовал в праздновании афганского Нового года на кабульском стадионе: “Поразительный, только здесь возможный контраст. На трибунах многие женщины прячут свои лица под чадрой — дикость, средневековое мракобесие, а на поле стадиона с неба опускаются парашютистки — тоже афганки, выросшие на этой земле. Чадра и парашют. Не надо быть провидцем, чтобы предсказать победу парашюту”.

Однако вскоре Снегиреву пришлось поломать голову над неразрешимой проблемой: почему столь многие афганцы так ожесточенно сопротивляются этой по сути демократической революции, совершенной с благими намерениями? Более двадцати лет спустя — после гражданской войны, правления “Талибана” и американского вторжения — Снегирев с печалью осознал прежнюю свою наивность: он сам жил в разлагающемся оруэлловском государстве без будущего.

Но мечты оставались: свобода, равенство, братство. Социальная справедливость. Долой угнетателей трудового народа! “Весь мир насилья мы разрушим!” Коллективизм и братское сострадание. Интернациональная помощь. Эти мечты были впитаны с материнским молоком, заучены из букваря, вызубрены, они стали частью нас. И ведь еще была огромная и казавшаяся нам могучей родная страна. Да, в этой стране все жили одинаково бедновато, но зато там не было такой ужасающей нищеты, а были гиганты индустрии, каналы и гидростанции. И был Гагарин и Олимпиада в Москве. Нам бы не таких заскорузлых вождей, как Брежнев и его окружение, тогда все сложилось бы по-другому. Так думал я, так думали многие мои сверстники. Попав в Афганистан, еще не успев как следует осмотреться, мы начинали делать то, к чему готовились всю предыдущую жизнь... А здесь время словно вернулось вспять... Тогда что же получается? Если в этой стране нашлась сила, которая захотела вытащить свой народ из мрака, дать детям возможность ходить в школу, крестьянам

пахать не на быках, а тракторами, девчонкам смотреть на мир не сквозь сетку чадры, то разве это не революция? Не борьба грядущего с обреченным? И я к этому причастен⁷.

Все лето 1979 года прибывали специалисты: партийные, военные, технические, комсомольские, профсоюзные (хотя в Афганистане не было рабочего класса), даже из Минречфлота (хотя навигация на афганских реках едва ли возможна)⁸. Советники теперь присутствовали во всех афганских министерствах, на заводах, в транспортных компаниях, банках и образовательных учреждениях. Число советников в МИДе и МВД, вероятно, исчислялось сотнями⁹. До войны услуги советских экспертов в Афганистане оплачивались неважно даже по сравнению с экспертами из других соцстран: тем платили до тысячи долларов в месяц. После вторжения зарплата советников из СССР выросла примерно до семисот долларов: значительно больше, чем они могли получать на родине. Прибавку прозвали “гробовыми деньгами”¹⁰.

Многие из советских граждан, отправившихся в Афганистан, были квалифицированными специалистами, но некоторые — любителями, энтузиастами. Многие приехали туда добровольно в силу своего идеализма или жажды приключений, или же потому, что это был единственный способ попасть за границу, или потому, что надеялись сами измениться к лучшему. Но у многих (может, и у большинства) людей, оказавшихся советниками в Афганистане, выбора не было. Военным и партийным специалистам приказали ехать. Другим предлагали поехать добровольно, что большинство и сделало более или менее охотно: отказ отрицательно сказался бы на их карьере.

К концу 1980 года в Афганистане работали 1600–1800 советских военных советников. От шестидесяти до восьмидесяти из них носили генеральское звание. К каждому батальону афганской армии были прикреплены три-четыре офицера, к полку — четыре-пять, дивизии — одиннадцать-двенадцать, а также сопоставимое число переводчиков¹¹. Они носили афганскую военную форму и получали зарплату выше, чем слу-

жащие 40-й армии. Советники могли за год накопить на машину, за два — на первый взнос за квартиру в кооперативном доме на родине. Обычному советскому офицеру на это требовалось куда больше времени. Неудивительно, что военные, по словам Валерия Ширяева, служившего переводчиком в афганской дивизии, ненавидели советников. У входа на территорию некоторых советских частей висели таблички: “С собаками и советниками вход воспрещен”.

Отношение армейских офицеров изменилось, когда стало ясно, что сотрудничать с афганской армией может быть очень опасно. В боях погибли генерал Николай Власов и генерал-лейтенант Петр Шкидченко, чей вертолет рухнул, когда он руководил операцией афганской армии у города Хост в январе 1982 года. В 1983–1984 годах каждый третий советник в дивизии Ширяева погиб. И все равно были случаи, когда советские отряды отказывались выделить раненым советникам место в вертолете: раз работают на афганцев, пусть афганцы их и эвакуируют¹².

Среди гражданских специалистов самыми многочисленными были партийные советники. В 1983 году при ЦК НДПА работали восемьдесят советников и пятьдесят переводчиков. Они участвовали в работе партийных и государственных механизмов и нередко сочиняли для афганских политиков речи, которые переводились на дари или пушту¹³. Эти люди перед отправкой в Афганистан не проходили специальной подготовки, кроме недельного вводного курса. Похоже, предполагалось, что ортодоксальные идеологические схемы, которые якобы работали в Советском Союзе, должны сработать и в Афганистане. На деле они работали так же плохо, если не хуже. Многие партийные советники были сомнительными экспертами, особенно в первые годы, когда Афганистан считался свалкой для людей, ничего не добившихся на родине, в СССР. За некоторыми достойными исключениями очень немногие из них имели хоть какое-то представление о стране. Они просто пытались применить в Афганистане политические и организационные схемы, которые уже исчерпали себя в Советском Союзе.

Вскоре после переворота 1978 года в СССР стали обсуждать возможность отправки в Афганистан комсомольских советников. С мая 1979 по ноябрь 1988 года в Афганистане работали около ста пятидесяти работников комсомола. Перед ними стояла задача организовать молодежное движение в городах и кишлаках¹⁴. Все они были добровольцами, по крайней мере в теории. Их вербовали по всему Советскому Союзу. Внезапно им могли позвонить: “Предложено рекомендовать вас для поездки ‘за речку’”¹⁵ для работы с Демократической организацией молодежи Афганистана (ДОМА). Они проходили полуторамесячный курс истории, культуры, традиций и языков Афганистана, а затем отправлялись на задание. Сначала они попадали в Кабул.



Комсомольских советников направляли в группы по работе с детьми и подростками, по идеологическим и международным вопросам, издательской работе и для работы в провинции. Но изначально их главным делом было обеспечить ДОМА всеми церемониальными атрибутами: создать ЦК, секретариат, орготдел, отделы по политическому просвещению масс, военно-патриотическим вопросам, по работе с пионерами, по международным, финансовым и административным вопросам. Они организовали комитеты в провинциях и открыли Центральный дворец пионеров в 1981 году в присутствии подруги Кармая Анахиты Ратебзад. Комсомольцы распространили десять тысяч экземпляров классического произведения соцреализма — “Как закалялась сталь” в переводе на афганские языки. Надо думать, счастливые обладатели этого перевода были сильно озадачены. По утверждениям комсомольцев, в конце 1988 года, когда их стали отправлять на родину, в ДОМА было 220 тысяч членов. Скептик мог бы предположить, что тут немалую роль сыграл двойной счет.

Николай Захаров прибыл в страну одним из первых. Он приземлился в аэропорту Кабула в самый разгар перестрелки, и все иллюзии, какие у него еще могли остаться, вскоре рассеялись. Было совершенно ясно, что его новые афганские коллеги намерены работать по-своему. Он отметил в дневнике, что заместитель главы ДОМА Абдуррахман, изрядно выпив, заявил: «Для полной победы мы не допустим никаких оппозиционных выступлений, даже если придется идти по трупам»¹⁶. Молодые люди, с которыми работала ДОМА, не подавали особых надежд, они находились под сильным влиянием исламских, маоистских и националистических идей. У советников не было средств на продвижение собственной идеологии. Ни афганские власти, ни местные жители практически не обращали внимания на их рекомендации. И методы, которые могли бы дать результат в Советском Союзе, совершенно не подходили для Афганистана. Уже в декабре 1981 года один советник с сожалением признавал: «Скопированная с ВЛКСМ система учета кадров совершенно не учитывает реального положения дел. Несмотря на принятую инструкцию по этому вопросу, в стране нет единой системы учета кадров. Одна из причин — ее нежизненность»¹⁷. Неудивительно, что большинство их усилий оказались тщетными.

Естественно, большинству советников требовались переводчики. Некоторых набрали в Таджикистане и Узбекистане. Другие прибыли из элитарных академических институтов Москвы и Ленинграда, которые по уровню изучения Афганистана, его истории, его народов, языков и культуры могли соперничать с кем угодно в мире.

В июне 1979 года Евгений Киселев готовился сдавать госэкзамены в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ. После университета советских студентов обычно трудоустроивали туда, куда указывали власти. Киселев рассчитывал получить работу в ТАСС в Кабуле. Однако его вызвали в кабинет декана, где его и пару других студентов ждали двое в штатском. Киселеву и товарищам сообщили, что все распределения от-

менены и что выпускников этого года, изучавших персидский и пушту, отправят в Афганистан. Затем с ними провели беседу два полковника: лощеные, с хорошими манерами, вежливые, типичные штабные. Студентам напомнили, что они — военнообязанные: поэтому их призывают в армию. Двенадцатого июля они вылетели в Кабул и были прикреплены к афганским военным частям для работы вместе с военными советниками. Они носили афганскую форму, и им, как и советникам, платили больше, чем советским офицерам того же ранга. Киселева и еще пятерых переводчиков поселили в трехкомнатной квартире в новом микрорайоне, только что сданной и еще не обустроенной. В комнатах были бетонные полы и стояли железные кровати — ни матрасов, ни подушек, ни простыней. Киселеву удалось разыскать в городе несколько одеял и матрасов. Мебель тоже пришлось добывать самим¹⁸.

Среди новичков был Андрей Грешнов. Он надеялся закончить обучение в Кабуле, однако еще не сдал экзамен по истории КПСС — необходимое требование для зарубежной поездки. С грехом пополам Грешнов все-таки сдал экзамен и прослушал в ИСАА краткий курс поведения советского гражданина за границей. Но учебу продолжить не удалось: Грешнову заявили, что он будет переводчиком в афганской армии, а если откажется, его исключат из университета. Две недели спустя, так и не сдав госэкзамены, Грешнов улетел в Кабул. После приземления он понял, что фарси, который он изучал в университете, имеет мало общего с дари, звучащем на улицах Кабула. Его поселили в той же квартире, что и Киселева¹⁹.

Женщины

Женщины оказывались в Афганистане по разным причинам. Если они служили в армии, они ехали туда по назначению, нравилось им это или нет. К началу 80-х годов женщины составляли 1,5 % советских военнослужащих²⁰. Во время Второй

мировой войны женщины входили в экипажи бомбардировщиков и истребителей, были командирами танков и снайперами. Теперь же они служили архивариусами, шифровальщицами и переводчицами в штабном аппарате, работали на базе материально-технического обеспечения в Пули-Хумри или Кабуле, а также врачами и медсестрами в госпиталях и фронтовых медчастях. Гражданские специалисты стали появляться в Афганистане с 1984 года. Они работали в штабах, в полковых библиотеках, в военных магазинах и прачечных, в “Военторге”, были секретарями. Командующему 66-й отдельной мотострелковой бригадой в Джелалабаде удалось найти машинистку, которая могла выполнять еще и обязанности парикмахера²¹.

Мотивы тех, кто приехал добровольно, разнились. Врачи и медсестры отправлялись на работу в госпиталях и медпунктах из чувства профессионального долга. Некоторым приходилось ухаживать за ранеными под обстрелом, как их предшественницам во время Второй мировой, и уже в первые дни после прибытия в Афганистан они сталкивались с ужасными ранами²². Некоторыми женщинами двигали личные мотивы: неудачи в личной жизни или деньги. В Афганистане платили двойную зарплату²³. Другие искали приключений: для одиноких женщин, не имевших связей в верхах, гражданская служба при советских силах за границей была одним из немногих способов увидеть мир. В отличие от женщин-военных, гражданские служащие всегда могли разорвать контракт и через неделю оказаться дома.

Елене Мальцевой хотелось внести свой вклад в ту помощь, которую ее страна оказывает афганскому народу. Ей было девятнадцать, и она училась в Таганрогском мединституте. В 1983 году она написала в “Комсомольскую правду”, что ее одноклассники — не только юноши, но и девушки — хотят испытать себя, закалить:

И, кроме того, мы все время ощущали в себе потребность готовить себя к защите Родины (извините за громкие слова, ина-

че выразиться не могу) и защищать ее... Почему я рвусь уехать сейчас? Может, глупо это звучит, но просто боюсь не успеть. Ведь именно сейчас там трудно, там идет необъявленная война. И еще. Я буду учить детей, воспитывать их. Но, честно сказать, я к этому еще не готова. Учить, воспитывать можно, когда есть какой-то жизненный опыт, жизненная закалка... Там трудно, и я хочу быть там. Неужели мои руки не нужны? (Снова громкие слова, но разве скажешь иначе?) Я хочу помочь народу этой страны, нашим людям советским, которые там сейчас²⁴.

Женщины-контрактники, как и призывники, должны были пройти через военкомат. Многие надеялись попасть в Германию, но там вакантных мест было мало, а работникам военкоматов нужно было выполнять квоту по Афганистану. Поэтому они уговаривали или даже заставляли женщин подать заявление туда.

Женщины в боях не участвовали, но и они время от времени оказывались под огнем. За время войны погибли сорок восемь гражданских сотрудниц и четыре женщины-прапорщика: одни в результате вражеских действий, другие вследствие несчастного случая или от болезни²⁵. Двадцать девятого ноября 1986 года в самолете Ан-12, сбитом над кабульским аэропортом, погибли три женщины. Две из них ехали на свою первую работу в Джелалабаде; одну завербовали шестнадцатью днями ранее, другую — менее чем за неделю до катастрофы²⁶. В общей сложности 1350 женщин получили за службу в Афганистане государственные награды²⁷.

Как и солдат, женщин сначала отправляли во временный лагерь в Кабуле, и они находились там, пока начальство не определяло их дальнейшую судьбу. Некоторые предприимчивые девушки ждать не желали и брали дело в свои руки. Двадцатилетняя Светлана Рыкова напросилась на самолет из Кабула в Кандагар, а потом уговорила вертолетчика отвезти ее в Шинданд, крупную авиабазу на западе Афганистана. Там ей предложили работу в офицерской столовой. Она отказалась

и решила подождать. Наконец, на базе открылась вакансия помощника начальника финансовой службы. Рыкова работала в Афганистане с апреля 1984 по февраль 1986 года.

Татьяна Кузьмина, мать-одиночка тридцати с лишним лет, сначала работала в Джелалабаде медсестрой. Потом ей удалось выпросить себе работу в боевом агитационно-пропагандистском отряде (БАПО). Татьяна была единственной женщиной в этом отряде, который доставлял в горные деревни вокруг Джелалабада продовольствие и лекарства, вел пропаганду, устраивал концерты, помогал больным и матерям с младенцами. Она уже должна была окончательно вернуться в СССР, но незадолго до этого отправилась с отрядом на задание и утонула в горной реке. Тело Татьяны нашли только через две недели²⁸.

Лилия, квалифицированная машинистка в штабе одного из советских военных округов, получала слишком мало, и чтобы дожить до зарплаты, ей приходилось собирать и сдавать бутылки. Она не могла даже купить нормальную зимнюю одежду. А в 40-й армии ее встретили дружелюбно и хорошо кормили. Она даже не представляла себе, что такое бывает²⁹.

Многие из этих женщин в Афганистане вышли замуж, хотя, возможно, изначально таких намерений у них не было. Одна говорила: “Здесь все женщины одинокие, ущемленные. Попробуйте прожить на сто двадцать рублей в месяц — моя зарплата, когда и одеться хочется, и отдохнуть интересно во время отпуска. Говорят, за женихами, мол, приехали? Ну а если и за женихами? Зачем скрывать? Мне тридцать два года, я одна”³⁰. Браки могли регистрировать только советские чиновники в Кабуле. Молодая пара из 66-й отдельной мотострелковой бригады в Джелалабаде отправилась в аэропорт и попала под гранатометный обстрел вскоре после выезда с базы. Оба погибли. Наталье Глушак и ее жениху, офицеру из роты связи той же бригады, удалось добраться до Кабула и зарегистрировать брак. Назад они решили не лететь, а поехали на БТР. На въезде в Джелалабад бронетранспортер подорвался на mine

с дистанционным управлением. Собрали только верхнюю половину Натальино тела³¹.

Мужчин было во много раз больше, чем женщин, и отношение к последним было сложным. Полковник Антоненко, командир 860-го отдельного мотострелкового полка, рассказывал: “В полку было сорок четыре женщины. Медсестры, лаборантки станции водоочистки, официантки, повара, заведующие столовой, продавцы магазинов. У нас не было запасов крови. Когда полк возвращался с боевых, если были раненые, то эти женщины иногда отдавали им кровь. Это было на самом деле. Удивительные у нас были женщины! Достойные самых лучших слов”³².

Роль медсестер и врачей вопросов не вызывала. Одна медсестра рассказывала, как солдаты принесли раненого, но не уходили: “Девочки, нам ничего не надо. Можно только посидеть у вас?” Другая вспоминала, как молодой парень, чьего друга разнесло в клочья, все рассказывал ей об этом и не был в силах остановиться³³. Телефонистка из кабульской гостиницы приехала на горную заставу, служащие которой месяцами могли не видеть посторонних людей. Командир заставы попросил: “Девушка, снимите фуражку. Я целый год не видел женщину”. Все солдаты высыпали из траншей, чтобы поглазеть на ее длинные волосы. “Здесь, дома, — вспоминала одна медсестра, — у них свои мамы, сестры. Жены. Здесь мы им не нужны. Там они нам доверяли то о себе, что в этой жизни никому не расскажут”³⁴.

У одного молодого офицера, выписавшегося из Центральной инфекционной больницы в Кабуле, где его лечили от тифа, холеры и гепатита, начался роман с медсестрой, которая за ним ухаживала. Его ревнивые товарищи рассказали ему, что она — ведьма. Мол, рисует портреты своих любовников и вешает их на стену, и трое его предшественников уже погибли в бою. А теперь она взялась за его портрет. Суеверные чувства овладели им. Однако медсестра так и не закончила рисунок, а офицер получил ранение, но не погиб. “На войне мы, солдаты, были

ужасно суеверны”, — вспоминал он с сожалением. После Афганистана он больше не виделся с той медсестрой, но сохранил о ней самые теплые воспоминания³⁵.

В конечном счете заслуги медсестер не получили официального признания. Александр Хорошавин, служивший в 860-м отдельном мотострелковом полку в Файзабаде, двадцать лет спустя с горечью узнал, что Людмила Михеева, работавшая медсестрой в его полку с 1983 по 1985 год, не получила никаких льгот, причитавшихся любому ветерану³⁶.

Женщины часто подвергались давлению со стороны мужчин, готовых прибегать как к лести, так и к угрозам. Многие ветераны говорили о них с обидой и презрением, называли их “чекистками” и намекали, что они продались за чеки — валюту, которой пользовались советские граждане в Афганистане. Некоторые признавали, что медсестры и врачи могли отправиться в Афганистан из лучших побуждений. Но мало у кого находились добрые слова в адрес остальных — секретарш, библиотекарей, кладовщиц или прачек. Их обвиняли в том, что они отправились в Афганистан за мужчинами и деньгами.

Женщины негодовали и изобретали защиту. Некоторые находили покровителя, чтобы держать других подальше от себя³⁷. У многих генералов Второй мировой войны, в том числе у Константина Рокоссовского и Георгия Жукова, были ППЖ, “походно-полевые жены”. На афганской войне этот институт возродился. Андрей Дышев сочувственно описывает его в романе “ППЖ”, где рассказывается история медсестры Гули Каримовой, добровольно отправившейся в Афганистан, и капитана Герасимова, ее возлюбленного³⁸.

Военный переводчик Валерий Ширяев полагал, что это отражает социальную реальность самой России: многие солдаты были родом из провинции и рассматривали женщин как добычу либо как объект избиения. Но в Афганистане хотя бы партийные работники вели себя разумно и не пытались вмешиваться в отношения между людьми, как на роди-

не. Напряженность была неизбежна: “Чем меньше гарнизон, тем меньше женщин и тем больше конкуренция, порой приводившая к дракам, дуэлям, самоубийствам и стремлению погибнуть в бою”³⁹.

Не все советские женщины в Афганистане работали на государство. Некоторые знакомились с афганцами (особенно студентами) на родине, в России, и вступали с ними в брак. Галина Маргоева вышла замуж за инженера Хаджи Хусейна. Она с мужем жила в Кабуле, в своей квартире в микрорайоне, неподалеку от аэропорта и рядом с комбинатом жилищного строительства. Галина стала свидетельницей всех изменений режима, всех ужасов гражданской войны и бесчинств “Талибана”. Одна женщина по имени Татьяна вышла замуж за афганского офицера Нигматуллу, который учился в СССР. Они поженились, несмотря на сопротивление ее родных и его начальства. Их первый ребенок родился в Минске. Пять лет спустя Нигматуллу назначили в Кабул, потом в Кандагар, а затем в Герат. Он служил при разных режимах: был политработником в дивизии при Наджибулле, в бригаде при моджахедах и снова в дивизии во время правления “Талибана”. Татьяна оставалась с ним. Она носила паранджу, выучила фарси, но все равно оставалась атеисткой. Когда троих братьев Нигматуллы убили, Таня приняла девять сирот в свою семью и вырастила их вместе с собственными детьми⁴⁰.

Жить и умереть в Кабуле

После восьми вечера в Кабуле начинался комендантский час. Большая часть территории города была небезопасна для прогулок, и по ночам шли перестрелки. Хотя в Кабуле стояли войска и по улицам постоянно сновали милицейские и военные патрули на бронемашинах, моджахеда все же устраивали атаки на город. В январе 1981 года они близко подобрались к особняку советского военного советника в посольском квартале и обстреляли его

из гранатомета. В тот же день они безуспешно пытались атаковать крупную электростанцию примерно в сорока километрах от Кабула. На следующий день моджахеды взорвали крупный кинотеатр и советский книжный магазин. За последующие несколько дней произошло больше двухсот терактов в других крупных городах⁴¹. В 1983 году взрыв бомбы в столовой Кабульского университета убил девятирех советских граждан, в том числе женщину-профессора⁴².

Люди постоянно носили с собой оружие, в каждом многоквартирном доме была охрана. Тем не менее столица считалась безопасной настолько, чтобы начальство и военные советники могли привезти туда семьи. Здесь уровень жизни нередко был выше, чем на родине. Большинство жило в советском микрорайоне, платили им хорошо, посылки и письма приходили регулярно. Дети учились в школе при посольстве. Она работала в три смены, и все равно классы были переполнены. В посольстве или в Доме культуры показывали новые советские фильмы.

Ассортимент посольского магазина был ограничен, и жены могли покупать только те товары, что соответствовали рангу их мужей. Поэтому они немало времени проводили на рынке в старом микрорайоне — “парванистке” (от *parwana*, “не волноваться”). На рынке торговали западными товарами и одеждой, какие на родине, в СССР, никто не видел. Некоторые из этих товаров попадали в Афганистан от западных гуманитарных организаций, передававших их в помощь афганским беднякам. Женщины беспощадно торговались за подержанные джинсы, куртки и платья, невзирая на угрозы начальства отправить их назад в Союз, если они не покончат с покупками. Не стоит и говорить, что угрозы эти не имели никакого влияния⁴³.

Когда обстановка ухудшилась, на женщин стали накладывать более жесткие ограничения. В Джелалабаде после гибели нескольких женщин остальным запретили выходить на улицу без вооруженного сопровождения. К 1986 году им нельзя было выходить без сопровождения даже в центр Кабула и других

крупных городов. Но искушениям афганских базаров было трудно противостоять. Самые смелые и безответственные выбирались за покупками, несмотря на любые препятствия. Некоторые надеялись, что если будут держать рот на замке во время прогулки по базару, то их примут за западных миссионеров, которых, как они оптимистично полагали, моджахеды не станут трогать⁴⁴.

Моджахеды никогда специально не избирали своей целью советников. Но гибли и они. Геолога Евгения Охримюка отправили в Афганистан в 1976 году, когда ему было уже шестьдесят три. В то время советников из СССР было немного. Группа Охримюка занималась разведкой полезных ископаемых, прежде всего природного газа. Когда началась война и работать в отдаленных провинциях стало сложно, он с коллегами переключился на поиск в окрестностях Кабула источников воды и материалов, используемых в строительстве. Восемнадцатого августа 1981 года Охримюк вышел из квартиры в советском микрорайоне и сел в служебную машину. Водитель повез его на работу. Ехать было всего полтора километра, но до места он так и не добрался. Потом русские выяснили, что Охримюк разрешил своему водителю подвезти двух родственников. Это была ловушка. Мужчины взяли Охримюка в заложники, чтобы обменять его на брата командира местных партизан, захваченного афганской армией. Охримюк написал сотрудникам, что его пять дней вели пешком в убежище в горах, и попросил прислать за ним вертолет, как только обмен можно будет совершить. К сожалению, к этому моменту брата того командира уже застрелили. Власти долго вели переговоры о выкупе, но они затухли. Охримюк провел год в плену, а потом французская коммунистическая газета "Юманите" сообщила, что его казнили. Жена Охримюка просила поставить ему памятник на московском кладбище. Власти не позволили⁴⁵.

Алексей и Марина Муратовы впервые побывали в Афганистане в 1970 году. Они очень нуждались в деньгах. В Москве они работали ассистентами в университете, у них было двое

сыновей, и им приходилось полагаться на помощь родителей Алексея. В Кабуле Алексей читал лекции в Политехническом институте, а Марина работала секретарем. Им понравилась страна и люди, и они остались в Афганистане на три года.

Потом началась война. “С первой минуты, — рассказывала потом Марина, — мы понимали, что вводить в ДРА войска — это преступление. И когда мы во второй раз попали в Афганистан, осенью 1981-го, нас постоянно преследовало чувство стыда. Стыда за страну, пославшую своих солдат убивать и гибнуть самим”. На этот раз уже оба они преподавали в Политехническом институте, и Марина помогала готовиться афганским студентам, собиравшимся учиться в СССР.

Они привыкли к войне — к постоянной стрельбе, отключениям электричества, необходимости спать с автоматом под кроватью — и к трудностям жизни в советском сообществе, где за любой шаг в сторону могли отправить домой. Их непосредственный начальник не любил афганцев и много пил.

Перемещения советников и их семей, живших в Политехническом институте, жестко контролировались. Выстрелы осветительных ракет, три длинных очереди из автомата или повторяющийся стук по перилам у комнаты охраны служили сигналами тревоги. Те, кого включили в местные силы самообороны, занимали свои позиции, остальные скрывались в убежище. Весь свет в квартирах нужно было выключить. Сигнал отбоя подавали с помощью отрывистых ударов по перилам, по радио или устно. Радио в квартирах выключать было нельзя.

Институт часто обстреливали, и следовало всегда быть настороже: бомбы и мины-ловушки могли оказаться под столом или в углу. Однажды Марина заметила взрывное устройство, замаскированное под электрический фонарь. К счастью, оно не сработало. С кровопролитием она сталкивалась редко, хотя однажды видела, как сотрудника посольства, только что забравшего сына из школы, застрелили около магазина. Мальчика забрали только через сорок минут. Все это время он сидел рядом с телом.

Однажды под конец своего третьего года в Афганистане Алексей и Марина отправились за покупками. На выходе из института Марина заметила, что молодой охранник-афганец смотрит на нее как-то странно. Ей показалось, что он под воздействием наркотиков. Когда они возвращались в институт, Марина упала. Только потом она осознала, что охранник выстрелил в нее. Алексей лежал позади. Он умирал. Марине пришлось сделать десять операций, чтобы спасти раненую ногу. Афганские студенты навещали ее каждый день, а один привез своего отца с севера, из Мазари-Шариф, чтобы тот молился за нее⁴⁶.

Жизнь и смерть в провинции

В провинциях работать было сложнее и опаснее, чем в Кабуле. Советникам регулярно приходилось ездить по заминированным дорогам. Группа комсомольцев из Кабула попала в засаду. Одна работница погибла. В Герате советникам позволялось перемещаться исключительно в бронемашинах. Но зачастую их не было под рукой, так что приходилось ездить на обычном транспорте. К тому же, хотя броня защищала от пуль, она не спасала от придорожных мин. Жизнь в Герате, впрочем, имела одно преимущество: когда кончалась водка, можно было отправить гонца на базу в Кушке, в трех часах езды⁴⁷.

Работа в регионах была не только опасной, но и очень тяжелой. Советники обнаружили, что в провинции Логар ни один кишлак не поддерживает кабульский режим. Лишь 2,5 % детей в этой провинции ходили в школу⁴⁸. С 1984 по 1986 год Александр Юрьев служил в Кандагаре: он попросился туда, когда его предшественник Григорий Семченко получил серьезные ранения. Юрьев писал в дневнике: «Кандагар — город очень красивый. Но он наполовину разрушен, целые улицы и кварталы в развалинах, а на сохранившихся зданиях много щербин от осколков и пуль. Ехать очень опасно: душманы стреляют

из зеленки, делают засады в городе. Поэтому у всех автоматы наготове. Тем более что из шести городских районов мы контролируем только два, а остальные четыре — душманы. И эти районы как раз делит дорога, по которой мы туда и назад ездим каждый день”⁴⁹.

Домой Юрьев слал бодрые письма: “У меня все хорошо. Живу на загородной вилле, которую строили американцы. Рабочий день — сокращенный, с 8–9 утра до 14.00. Бывает 2–3 выходных в неделю”. Это не было неправдой, но все же в реальности дело обстояло несколько иначе. Виллу действительно построили американцы, возводившие местный аэропорт. Но водоснабжение не работало, как и освещение с отоплением. Этот район обстреливали из минометов несколько раз в день. “Жизнь научила: при обстреле между тобой и улицей должно быть две стены. Лежишь в каске и бронежилете на полу и думаешь: только бы не в потолок”. От виллы до кандагарской штаб-квартиры ДОМА, где работал Юрьев, было несколько километров. Дорога всегда была заминирована, и каждую неделю кто-нибудь на ней подрывался. Каждое утро танк-тральщик очищал дорогу от мин, солдат расставляли вдоль дороги, и по ней можно было ездить. Затем солдат отзывали, и дорога вновь оказывалась в руках мятежников. Поэтому Юрьеву приходилось возвращаться домой к двум часам дня. А если шли серьезные бои, то из дома лучше было вообще не выходить — это и был “выходной”. Стрельба не прекращалась. “10 и 11 августа [1985 года] идут бои, — записал Юрьев в дневнике. — Много убитых и раненых. Открываем в Кандагаре филиал Института молодежных кадров ЦК ДОМА. На митинге выступил секретарь ПК НДПА товарищ Ханиф. Он говорил, что филиал открывается на войне. Но это необходимо, так как молодежь должна настойчиво изучать революционную теорию и использовать ее в революционной борьбе. На улице, под открытым небом я провел первое занятие со слушателями филиала ‘Место и роль ДОМА в политической системе афганского общества’”⁵⁰.

Советники могли неделями не слышать ни слова по-русски. Не каждый мог выдержать напряжение. Александр Гавря, который работал в Афганистане с октября 1982 по октябрь 1985 года и с апреля по ноябрь 1988 года, рассказывал:

Как бы получше условия нашей жизни описать? Ну вот, к примеру, есть такая провинция Гур, центр ее — Чагчаран. Глухое место, далеко в горах. Вертолетом не пролететь — сбивают, потому лишь два-три раза в год там планируются боевые действия и идет колонна. Как-то приехал с одной из таких колонн. Зашел к Саше Бабченко, нашему комсомольскому советнику. Вдруг слышу: рыдания за стеной, громкие и страшные, словно звериные. Вскочил, схватился за автомат: что такое? “Ничего, — пояснил Бабченко, — это советник одного из контрактов, он каждый вечер напивается и плачет, сейчас его наши ребята успокоят”⁵¹.

Даже если мятежники не контролировали сельскую местность днем, ночью она была в их руках. Эффективно работать с крестьянами было затруднительно. А пролетариата в Афганистане не было: в стране практически отсутствовала промышленность. Так что советники в основном занимались тем, что укрепляли местные партийные и молодежные организации, помогали школам и устраивали детские летние лагеря. Один гость из СССР необдуманно выступил в местной школе с лекцией о том, как советские дети помогали взрослым бороться с немцами, подсыпая песок в пулеметы и танки. Слушатели, само собой, наострили уши. Командир дивизии пришел в бешенство: “Чтобы таких болтунов вокруг меня на выстрел не было”⁵².

Еще один комсомольский советник, Юсуф Абдуллаев, так докладывал о поездке по провинциям в июне 1981 года: “Обстановка очень сложная. В руках народной власти только райцентры... Все силы брошены на борьбу с душманами. После попытки открыть школу четверым детям сломали руки и ноги. Сильный антисоветизм и страх перед русскими солдатами,

которые нередко сами дают для этого повод. Душманы подожгли автоколонну из восемнадцати машин с продовольствием, которые наши ‘присвоили’, чтобы продать. Афганской армии и Царандоя нет. Воюют в основном наши воинские подразделения и немногочисленные малиши (отряды защиты революции) из числа местного населения. Душманы терроризируют местное население — с тех семей, в которых есть люди, сотрудничающие с народной властью, берут ‘штраф’ от двадцати до сорока тысяч афгани”⁵³.

В феврале 1982 года Абдуллаев пришел в еще более мрачное настроение. В провинции Фарах было больше сотни школ, но работали, наверное, не более десяти. Учились лишь четыре тысячи из 21 тысячи детей школьного возраста. Из 51 кооператива не работал ни один. Местная комсомольская организация была в полном беспорядке, в ней состояло не более двухсот человек. В районе действовали более сорока отрядов мятежников, средний возраст которых составлял меньше тридцати лет. Тем не менее Абдуллаев был уверен: большинство населения согласно с тем, что правительственный террор и насилие пошли на убыль после назначения Кармаля и что банды моджахедов сами себя дискредитируют. Однако люди были чрезвычайно осторожны. Несколько месяцев спустя Абдуллаев докладывал из Хоста, что никто ни слова не говорит о Бабраке Кармале, разве что один афганский офицер прокричал “Смерть Кармалю!” на политическом совещании в своем артиллерийском полку.



Герат, где все началось, в течение всей войны был спорной территорией. Моджахеды контролировали старый город, а правительство и русские — пригороды и главную дорогу, их огибающую. Советские советники жили в популярном у туристов отеле “Герат”, построенном за несколько лет до того на окраи-

не, у дороги в аэропорт. К этому моменту он превратился в небольшую крепость: мешки с песком на балконах, БТР и группа минометчиков у входа, а вместо швейцара в ливрее — тяжеловооруженный солдат в бронезилете. Жильцам рекомендовали даже по городу ездить в сопровождении бронетехники.

В июне 1981 года один из комсомольских советников, Геннадий Кулаженко, должен был проехать короткий путь из аэропорта в гостиницу. Сопровождения в аэропорту он не встретил, так что сел в такси “Тойота”, но так и не доехал до места назначения. Его коллеги из Кабула не получили помощи от советских военных и гражданских властей и сами отправились в Герат выяснять, что случилось. Им удалось найти изрешеченную пулями “Тойоту”. Местный мулла сказал, что знает, где могила Кулаженко. Они отправились туда в сопровождении танка и двух БТР, которые вскоре застряли на узкой улице кишлака. Мулла отвел их к могиле пешком, однако тело, которое они выкопали, сильно разложилось и не принадлежало Кулаженко. После этого они попали в засаду. Позже один из местных повстанческих отрядов распространил листовку, в которой говорилось, что Кулаженко казнили и захоронили в тайном месте⁵⁴.

Он стал первой из четырех жертв среди комсомольских советников. Николай Серов умер в 1984 году от рака крови, Атор Абдукадыров погиб в ходе обстрела, а Александр Бабченко умер в 1987 году, незадолго до того, как вернуться домой.

Николая Комиссарова, комсомольского работника из Казани, отправили в Файзабад в 1982 году. Там работали еще восемнадцать советников (четверо военных, остальные гражданские). Все жили в квартирах, которые снимали в городе. Комиссаров отвечал за одиннадцать кишлаков и регулярно навещал их со своим переводчиком-таджиком, без оружия, проводя работу среди молодежи. Одной из своих побед комсомольские работники считали случай, когда убедили руководство местной школы для девочек отказаться от паранджи. Были у них и другие задачи: собирать разведанные и помогать в создании организаций местной самообороны⁵⁵.

Когда Комиссаров узнал, что старший класс в одной из подопечных школ собирается в полном составе перейти на сторону моджахедов, он взял солдата-водителя и отправился выяснять, что происходит. Кишлак находился в сельской местности, и ехать туда без сопровождения бронемашин было исключительно опасно. Два бронированных автомобиля были посланы на выручку, но оказалось, что в них нет нужды. «На полпути встретили ту машину, — вспоминал капитан Игорь Морозов. — Бледный солдатик вцепился в руль мертвой хваткой, а рядом с ним невозмутимый Комиссаров, еще шутить, черт, пытался. Что он говорил в том кишлаке, неизвестно, но в банду не ушел никто — факт. Комиссарову — совершенно справедливо — вlepили выговор за нарушение дисциплины»⁵⁶.

Вячеслав Некрасов приехал в Афганистан из Свердловска (Екатеринбург), где работал токарем и прорабом на оборонном заводе, служил в армии, учился в Высшей комсомольской школе. В 1982 году Некрасову исполнилось двадцать восемь лет, он был первым секретарем горкома комсомола, и его направили в Афганистан советником по делам молодежи. Как и остальные, он сказал родным, что едет в Монголию, проработает там год, а потом семья присоединится к нему. Чтобы подкрепить легенду, он купил русско-монгольский словарь.

Некрасов и его переводчик Додихудо Сайметдинов вылетели в Кабул в октябре 1982 года. Они сочли город куда более современным и вестернизированным, чем им представлялось. В ноябре их отправили в провинцию Фарьяб, на север Афганистана.

Тамошнее начальство предоставило Некрасову свободу действий. Он решил отправить группу молодых местных лидеров в Советский Союз, чтобы они посмотрели, как там живут мусульмане. Некрасову и Сайметдинову удалось, преодолев серьезные трудности, убедить местного муллу отправиться с ними. Оно того стоило: вскоре после возвращения муллы Некрасов услышал, как тот в красках описывает визит через свои муэдзинские репродукторы.

В Кабуле Некрасов заполучил передвижную киноустановку с набором индийских, советских и афганских фильмов и тремя операторами-афганцами. Он выпросил самолет, чтобы доставить команду в Фарьяб, и стал возить кино по провинции. Некрасов имел успех даже в тех кишлаках, что были настроены враждебно. Он показывал фильмы бесплатно, но при двух условиях: в течение недели перед показом в кишлаке не должно было быть стрельбы, а на время сеанса оружие следовало оставить снаружи. По иронии, наибольшую популярность у зрителей снискало “Белое солнце пустыни”, хотя изображенные в фильме мятежники были этнически близки самим афганцам.

Некрасова, как и других гражданских советников, время от времени впутывали в военные операции. Но его связи порой помогали ему договариваться о прекращении огня с местными лидерами партизан, спасая жизни и мирных граждан, и бойцов с обеих сторон⁵⁷.

С 1986 года специалистов и советников стали отзывать, поскольку модернизация афганского общества казалась все менее достижимой. Это вызвало горькое разочарование у всех, кто рисковал жизнью и здоровьем ради благой цели. И все же, когда на родине их спрашивали, как же им удалось пережить ужасы войны, многие поняли, что смогли полюбить Афганистан. Вячеслав Некрасов писал:

Мы не выживали. Мы жили. Жили полноценно, интересно, насыщено. Занимались серьезными мужскими делами. Конечно, были молоды, бесшабашны, быстро сходились с людьми. Прошел уже не один десяток лет, а мы до сих пор ощущаем себя единой братской семьей⁵⁸.

Глава 8

Солдатские будни

Даже во время кампании солдаты большинства армий мало времени проводят в боях. Они слоняются без дела, ругают своих офицеров и военную машину в целом, уклоняются от работы, тянут еду, ищут возможности напиться, непрерывно (но не в бою, конечно) думают и болтают о женщинах, хвастаются и затевают разнузданные, грубые игры, порой вырождающиеся в запугивание и физическое насилие. Вся эта на первый взгляд бессмысленная деятельность имеет один бесценный побочный эффект: она укрепляет чувство плеча, крайне нужное в бою!

Солдаты 40-й армии мало отличались от других солдат. Они жили в местности с нездоровым климатом, без особых удобств. Они мерзли зимой и изнывали от жары летом. Как правило, они были лишены женского общества. Их скверно кормили. Они становились жертвами эпидемий. Их третировали офицеры, сержанты и старослужащие. Им не давали отпуска, разве что на похороны близкого родственника. Но они переносили невзгоды со стоицизмом, издавна присущим русским солдатам, и были готовы драться за своих товарищей даже тогда, когда война сама по себе утратила всякий смысл.

Призывники

Большинство молодых мужчин в СССР, пусть неохотно, мирились со службой в армии как с неизбежным перевалочным пунктом на пути во взрослую жизнь. С детства им вдалбливали представления о патриотизме, о долге, о ведущей и направляющей роли КПСС и превосходстве советского образа жизни над всеми прочими. Некоторые из этих идей оседали в голове.

Призывники служили два года. Набор проводился в два этапа, весной и осенью. Новобранцам брили голову: так повелось еще с царских времен. После месяца базовой подготовки тех, кому было предназначено попасть в Афганистан, отправляли на три месяца в “карантин” — тренировочные лагеря в республиках Средней Азии, где условия были близки к афганским. Поэтому те, кого призвали весной, могли попасть в Афганистан только в августе. Там они служили примерно год и восемь месяцев, хотя командиры могли удерживать (и удерживали) солдат, подлежащих демобилизации, до прибытия новобранцев².

Призывники, уже имевшие специальность — высшее образование, медицинскую или другую квалификацию, — занимались соответствующим делом. Некоторых перед отправкой в Афганистан отбирали для полугодового обучения на сержанта-водителя или артиллериста, и тогда служить им оставалось только полтора года. Способные солдаты за год-полтора боевой службы могли получить повышение до сержанта. Это зависело от их командиров, которые также могли разжаловать сержанта в рядовые, если он не справлялся со своим делом³.

Несмотря на секретность, родители быстро поняли, что происходит. Те, кто располагал деньгами или связями (особенно жители Москвы, Ленинграда и прибалтийских республик), и прежде давали взятки сотрудникам военкоматов или нажимали на скрытые пружины, чтобы их сыновья не попали в армию⁴. После начала войны они утроили усилия.

Поэтому ребята, попавшие в армию, в основном происходили из сельской местности или из семей рабочих. Опрос полутора тысяч солдат, призванных в 1986 году, показал, что больше двух третей из них прибыли из сел или принадлежат к рабочему классу и не имеют полного среднего образования, тогда как почти две трети населения в то время жило в городах. Почти четверть новобранцев происходили из неполных семей. И среди них не было ни одного, чья семья принадлежала бы к партийной, бюрократической, академической или военной элите⁵. Военный историк генерал-полковник Кривошеев саркастически заметил, что пора бы уже вернуть “Вооруженным силам прежнее романтическое название — Рабоче-Крестьянская Красная Армия”⁶.

Порой призывникам даже не сообщали, куда их отправляют, а просто выпроваживали их с водкой, чтобы облегчить передислокацию⁷. Но и те, кому пункт назначения стал известен заранее, должны были сказать семье лишь то, что будут служить за границей. Со временем этот запрет сошел на нет, но многие солдаты, подобно комсомольскому советнику Вячеславу Некрасову, все еще пытались успокоить родных, объясняя, что отправляются в Монголию. Впрочем, большинство обмануть было невозможно. Отец Владислава Тамарова ответил на его первое письмо домой: пусть не думает, что его родители дураки, они прекрасно знают, где он оказался⁸.

Андрей Пономарев вспоминал, что прямо перед отправкой его и его товарищей построили и сказали: любой, кто не хочет служить в Афганистане, пусть сделает три шага вперед; его оставят служить в Союзе. При всем желании ни Пономарев, ни его товарищи не решились на это из стыда и боязни подвернуться остракизму. Пономарев служил в 860-м отдельном мотострелковом полку в Бадахшане, на северо-востоке Афганистана⁹.

В мае 1985 года Виталия Кривенко и его товарищей-новобранцев посадили на поезд, а потом в самолет. Они проехали две тысячи километров из Казахстана в тренировочный

лагерь под Ленинградом. Там их отправили в баню, дали два часа на то, чтобы надеть униформу и привести себя в порядок, и тут же начали тренировать. Стандартная подготовка пехотинца (учебные марш-броски, полевые учения, стрельба, построение, политзанятия и физподготовка) оказалась весьма суровой. Суровы были и сержанты-инструкторы. Но когда пришло время проверить свои навыки в бою, оказалось, что муштра сослужила Кривенко хорошую службу.

Проблемы

Солдат в советской армии, как и при царизме, третировали. Но в конце 60-х годов сложилась прочная система ритуалов — дедовщина.

Российские эксперты по-разному объясняют появление дедовщины. Армия, набираемая по призыву, была деморализована. Она была слишком крупной, и солдаты были недозагружены. Многие призывники не соответствовали требованиям. Некоторые призывники побывали в тюрьме и принесли с собой в армию обычаи преступного мира.

Солдат, служивших последние полгода, именовали “дедами”. Новобранцы должны были убирать в казармах, присматривать за обмундированием “дедов”, приносить им сигареты из магазина и еду из столовой. Их подвергали ритуальным унижениям, а иногда и побоям. Многие терпели и успокаивали себя тем, что однажды тоже станут “дедами”. Другие не выдерживали: дезертировали, наносили себе увечья или кончали самоубийством. Третьи, благодаря своей силе и выдержке, могли постоять за себя, и в конце концов их оставляли в покое. Кривенко был старше других призывников, потому что отсидел срок в тюрьме. Его возраст и опыт придавали ему авторитета в глазах других солдат, и “деды” вели себя с ним осторожно¹⁰. Сергей Никифоров был мастером дзюдо и дрался со своими учителями, пока они не отстали. Солдаты из од-

ного региона держались вместе. В одной части “дедов” предупредили, что если с их сослуживцами, двумя чеченскими парнями, что-нибудь случится, их родичи будут беспощадно мстить¹¹.

Ситуация зависела и от того, где оказался призывник. Армия не могла допустить недостойных в элитарные ракетные войска стратегического назначения, и проблема дедовщины там стояла куда менее остро. То же касалось пограничных войск КГБ, где всегда было чем заняться, и спецназа и десанта, где обычно поддерживался высокий моральный дух. Сержант 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады Сергей Морозов утверждал, что в его части вообще не было дедовщины: люди были слишком заняты делом или слишком уставали. Все, чего им хотелось после возвращения с задний — есть и спать¹².

В Афганистане дедовщина была не столь тяжелой даже в мотострелковых частях, потому что и там солдатам находилось дело. “Деды”, конечно, третировали младших, но в бою эти различия стирались. К тому же “деда” могла настичь не только вражеская пуля, и никто не стал бы расследовать это происшествие¹³. И все-таки 33 % преступлений, выявленных в 40-й армии в 1987 году, составляли неуставные отношения. За год пострадали более двух сотен солдат, некоторые погибли, некоторые получили серьезные ранения¹⁴.

Некоторые “афганцы” утверждали, что дедовщина, несмотря на очевидные негативные стороны, помогала поддерживать порядок и дисциплину¹⁵. Во фронтовых частях, по их словам, бывалые учили новичков содержать себя в чистоте, слушаться приказов и заботиться о своем обмундировании. Когда Андрей Пономарев был новобранцем, он с трудом переносил издевательства. Он не сломался, но после ритуальных избиваний часто убегал поплакать в уголке. Пономарев и его товарищи поклялись, что сами не будут прибегать к таким методам, однако не сдержались. Новобранцы переставали их уважать и не делали того, что им говорили. Тогда и Пономарев стал

прибегать к кулакам: это, по его словам, был единственный надежный способ донести до младших коллег свою мысль¹⁶. Он и другие люди, думавшие так же, понимали: в других армиях позитивные функции, которые они приписывали дедовщине, выполнялись профессиональными сержантами. Александр Гергель, служивший сержантом в 860-м отдельном мотострелковом полку, соглашался, что дедовщина разъедала военную систему. И ничего не изменится, считал он, пока в российской армии не появится институт профессиональных сержантов с многолетним опытом службы.



Сороковая армия определенно отличалась от других масштабными проблемами в области здоровья, с какими советская армия прежде не сталкивалась. Русские открыли в Афганистане семь военных госпиталей, но в силу хронической нехватки средств они были плохо оснащены, недоукомплектованы и едва справлялись с потоком пациентов¹⁷. Практически полный коллапс системы медицинского обслуживания 40-й армии стал одним из самых негативных следствий импровизации и недостатка финансирования при ее формировании. Один врач, работавший на бригадном пункте эвакуации раненых, высказался с горечью:

Опять идти и делать вид, что спасаешь людей. А как их спасти? Чем? Медикаментов нет, перевязочного материала нет, медиков нет. Мрут от инфекций, от заражения, от того, что помощь не оказали. Они думают, что один противошоковый укол спасет, но вот не спасает, и когда его действие прекращается, то пациент отдает богу душу, а мы ничем не можем ему помочь. Одно-единственное средство — спирт, но и он не всегда помогает. Если б снабжение было, то три четверти можно было бы спасти, а так...¹⁸

Может быть, он преувеличивал. Но ясно, что медики практически проиграли битву — не с ранениями, а с инфекциями. Статистика говорит за себя: более трех четвертей солдат, служивших в Афганистане, побывали в госпитале. Всего около 11 % оказались там с ранениями и травмами, и целых 69 % страдали от серьезных болезней (28 % от гепатита, 7,5 % — от брюшного тифа, остальные — от инфекционной дизентерии, малярии и других заболеваний)¹⁹.

Поскольку солдаты болели в столь массовом порядке, воинские части зачастую сильно не дотягивали до номинальной численности. Главной бедой был гепатит. Ходила шутка, что рядовые болеют желтухой, офицеры — болезнью Боткина, а генералы лечатся от гепатита. Рассказывали, что некоторые солдаты увиливали от службы, заставляя санитаров приносить мочу больных товарищей: выпьешь ее и сам заболеешь²⁰. К концу 1981 года болезнь подкосила каждого четвертого в 5-й гвардейской мотострелковой дивизии в Шинданде. Из строя вышли командующий Борис Громов, его заместители и командиры всех полков. Дивизия, по сути, оказалась небоеспособна²¹. В любой момент четверть, а то и треть солдат 40-й армии могли оказаться непригодны к службе по болезни. На пике эпидемии на три сотни солдат приходилась одна медсестра²².

Гепатит не был единственной проблемой. Летом 1985 года солдаты 66-й отдельной мотострелковой бригады в Джелалабаде, возвращавшиеся с патрулирования, выпили воды из придорожного источника. Несколько дней спустя трое из них рухнули без сознания во время построения: холера. Заболело более половины солдат бригады. Пошли слухи, что воду заразили «два европейца, переодетые в местных». Рассказывали, что ради предотвращения дальнейшего заражения тела кремировали: вещь практически неслыханная для по сути православной страны²³. Больных изолировали за забором с колючей проволокой, врачей и медсестер держали вместе с ними, из Москвы доставили дополнительный медицинский состав²⁴.

Ситуация в 40-й армии, таким образом, напоминала положение британской и французской армий во время Крымской войны, и главным образом по тем же причинам: грязная вода, ужасные санитарные условия, грязная посуда, грязные столовые, грязная одежда, плохое питание. Советские власти гордились тем, сколько больниц и приютов они построили в Афганистане. Однако они обеспечили пациентами еще больше больниц и приютов, и чем крупнее была больница, тем хуже были условия. Заболеваемость гепатитом оказывалась выше всего не в маленьких гарнизонах, а на крупных базах, где болезнь, по идее, проще всего было предотвратить. Советские медслужбы куда успешнее справлялись с болезнями во время Второй мировой войны, чем в ходе афганской кампании.

Однако тогда существовало одно важное преимущество: пострадавших можно было эвакуировать с поля боя вертолетами. По некоторым оптимистичным оценкам, девять из десяти солдат получали первую помощь в течение получаса и попадали к врачу в течение шести часов²⁵. Эвакуировать раненых и погибших, даже под огнем противника, с риском для жизни, было делом чести. Упадок этой традиции во время чеченской кампании был признаком деградации армии, рассказывал офицер, прошедший обе войны²⁶.

Повседневная жизнь

Сороковая армия располагала четырьмя главными базами. На каждой находились дивизия и ряд других частей. Пятая гвардейская мотострелковая дивизия была размещена в Шинданде, неподалеку от Гильманда, где находилась также крупная авиабаза. Двести первая мотострелковая дивизия располагалась в провинции Кундуз, к северу, 108-я мотострелковая дивизия — в Кабуле, а потом на авиабазе в Баграме, а 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия — в аэропорту Кабула. Бригады, отделенные от головных дивизий, отдельные полки

и батальоны, части спецназа и многочисленные заставы были разбросаны по стране. Заставы были сосредоточены на юге и востоке, ближе к уязвимой пакистанской границе протяженностью около двух тысяч километров, в районе Кандагара, Гардеза и Джелалабада. Все эти базы, даже в Кабуле, были защищены от нападений минными полями, колючей проволокой и сторожевыми постами.

На крупных базах офицеры, медицинский состав и магазины со временем стали располагаться в модулях — одноэтажных сборных фанерных бараках, выкрашенных в зеленый цвет, с выложенными кафелем ванными и уборными. Правда, сотрудники штаба 108-й мотострелковой дивизии, стоявшей на окраине Кабула, как и прежде жили в хибарах, сооруженных в кузовах грузовиков²⁷. Остальные — невезучие младшие офицеры, солдаты, работники столовых, кухонь и складов — обычно размещались в палатках. Женщинам, как правило, выделяли отдельные модули, но иногда им приходилось делить их с офицерами. Тогда ставили перегородки, которые, конечно, не останавливали целеустремленных мужчин.

На каждой базе работал военный госпиталь или пункт эвакуации, где ухаживали за пострадавшими в бою и за множеством больных солдат, а также морг, где мертвых готовили к возвращению на родину. Даже на самых маленьких базах открывали ленинские комнаты, где солдаты могли расслабиться. Там висели портреты Ленина и современного советского лидера, доска со свежими политическими лозунгами, лежали книги и журналы, и иногда хватало места, чтобы посидеть и сочинить письма.

Случалось, что советские части размещали в уже существующих зданиях. Третий батальон 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады базировался в зданиях бывшей миссии англиканской церкви у пакистанской границы. Горстка зданий и окружавшая их стена были возведены из саманного кирпича и цемента. Снаружи располагалась большая свалка, куда выбрасывали ненужное снаряжение и бытовой мусор. Однажды

свалка загорелась, и посещать местную уборную стало небезопасно: вокруг взрывались патроны и ракеты. Базу окружали пояса из мин, заложенных мотострелковой частью, которая прежде размещалась в этих зданиях. У ее солдат не хватило ума составить карты, так что пару раз в год кто-нибудь (обычно из местных жителей) подрывался на mine. Днем окрестные кишлаки контролировало правительство, ночью — повстанцы. Ежегодно против последних предпринимали крупную операцию, но если власть правительства и удавалось восстановить, то ненадолго²⁸.

Размещенный в Файзабаде (провинции Бадахшан на северо-востоке Афганистана) 860-й отдельный мотострелковый Псковский Краснознаменный полк занимал типичную базу средних размеров. Полк прибыл туда в конце января 1980 года с места дислокации в Киргизии. Поход через заснеженные горы и перевалы высотой до 4800 метров занял месяц и стал легендарным. Вскоре полк начал терпеть потери: одного солдата захватили в плен, и два дня спустя было обнаружено его изувеченное тело. Убийца по глупости оставил себе оружие жертвы. Его нашли и застрелили на месте²⁹.

Перед полком стояли две задачи: заблокировать караванный маршрут из Пакистана и Китая через Ваханский коридор, узкую полосу земли, которую британцы выделили за восемьдесят лет до того в качестве барьера между собой и Россией, и остановить экспорт лазурита, который повстанцы добывали высоко в горах и выгодно продавали за границу. Номинальная численность полка составляла 2198 человек, но из-за боевых потерь, болезней и откомандирования отдельных частей в нем обычно набиралось не больше полутора тысяч боеспособных солдат³⁰. База полка находилась в пяти километрах от Файзабада, в широкой долине, окруженной горами и холмами. На базе имелись госпиталь, магазин, пекарня, библиотека и прачечная. Купаться можно было в быстрой реке Кочка, текущей неподалеку, хотя это было небезопасно: за пять лет в ней утонули тридцать солдат. Такие несчастные случаи обычно списывали на боевые потери.

Офицеры жили в модульных домах, а солдаты в палатках на шестьдесят человек, которые зимой обогревали двумя дровяными печами. Лучшими были трехслойные палатки: внешний слой из водонепроницаемого брезента, средний — из плотного материала, обеспечивающего теплоизоляцию, а внутренний — из светлой ткани, чтобы оживить интерьер³¹. Солдаты часто обшивали стенки палаток досками от ящиков с боеприпасами. Это создавало внутри домашнюю атмосферу, защищало от сквозняков и ветра. У солдат не было нормальных ящиков для хранения вещей, так что письма, фотографии, подарки для родных, домашнее пиво, наркотики и прочие запрещенные вещи они прятали между стенками палаток.

Первому батальону повезло больше: его бойцы получили жилье в Бахараке, примерно в сорока километрах от Файзабада, в долине, окруженной высокими горами и питаемой тремя реками, берега которых заросли вишневыми деревьями. Деревни стояли на широких террасах, их окружали сады и маленькие поля. В батальон входили три стрелковых роты, минометная и ракетная батареи и батарея гаубиц, разведывательный взвод, взвод связистов и административный взвод — номинально пятьсот человек, а на практике порой вдвое меньше.

Сначала дорога из Бахарака в Файзабад была открыта. Снабжение шло без проблем, и командир батальона ездил на джипе на полковые совещания в Файзабад. Но к концу 1980 года повстанцы отрезали батальон от остальных частей полка. Каждое лето к нему пытались отправить колонну с припасами, и всякий раз колонну останавливал огонь, приходилось поворачивать. Поэтому батальон снабжали, если позволяла погода, вертолетами — дважды в день, кроме воскресений. Ми-8 летали парами и на большой высоте, пока не оказывались прямо над посадочной полосой, и выстреливали осветительные ракеты для защиты от зенитного обстрела. Солдаты мчались к вертолетам, разгружали их и забирали письма из дома.

Бойцы батальона жили в старой афганской крепости площадью шестьдесят на шестьдесят метров, с башнями по углам.

Бойцы дежурили с пяти утра до десяти вечера и спали в комнатах, пристроенных к трем глиняным стенам. Четвертая стена имела больше метра в толщину и четыре метра в высоту. Плоская крыша была изготовлена из переплетенных веток и глины. Под ней было прохладно летом и тепло зимой. Окна, затянутые полиэтиленом, выходили на галерею, огибающую внутренний дворик. Вокруг крепости солдаты построили еще одну невысокую стену, ограждающую некое подобие сада: там росли тенистые деревья, розы, трава. Посередине стояло большое абрикосовое дерево, а в углу — толстое тутовое. Даже внутри крепости проходили оросительные каналы, по которым бежала вода. Снаружи, за стеной, располагалась вертолетная площадка и парк бронетехники. Электрогенератор, бывало, работал лишь два часа за ночь, и солдаты вынуждены были обходиться керосиновыми лампами³².

Постепенно жизнь становилась удобнее. Вначале в крепости не было бани, и всю зиму солдаты ходили грязными, дожидаясь, когда сойдет лед на реке и можно будет искупаться³³. В комнатах сделали деревянные потолки, чтобы куски дерева и земля не падали на голову. Стены побелили. Поставили кирпичные печи. В память о погибших между внутренней и маленькой наружной стеной установили ряд бетонных блоков, который назвали Аллеей славы. Солдаты маршировали вдоль них, выдвигаясь утром на плац. В ленинской комнате появился телевизор, и когда генератор работал, можно было поймать два советских канала. Иногда кинооператор привозил из Файзабада фильмы. Но по большей части солдатам 1-го батальона приходилось развлекать себя самостоятельно. Женщин в Бахараке, конечно, не было. Заняв выгодные позиции на башнях, солдаты снимали оптические прицелы с винтовок и разглядывали местных женщин, суесящихся в своих дворах³⁴.

Неподалеку от крепости стоял беспорядочно устроенный кишлак, в котором жило около полутора тысяч человек. В 1982 году моджахеды несколько раз обстреляли крепость из минометов. Ближе к концу войны одного часового застре-

лил снайпер. Но, если не считать этих инцидентов, отношения между обитателями крепости и жителями кишлака были не такими уж враждебными. Без поддержки туда отправляться не следовало: могли обстрелять или похитить. Но им иногда разрешалось сходить на базар в составе вооруженной группы под началом офицера, а то и в сопровождении бронетехники. Там солдаты покупали сигареты и спички, сладости как заменитель сахара, чтобы сварить брагу, ягненка и рис, чтобы приготовить плов на день рождения, джинсы и магнитофоны, которые собирались взять домой, и свежие фрукты, которые в сезон не стоили почти ничего. Наркотики тоже обходились недорого — их можно было обменять на брикет мыла³⁵.



Несмотря на трудности, боевой дух солдат по большей части оставался довольно высок. Они выполняли свой долг и стойчески терпели до долгожданного дня демобилизации. Все упиралось в уровень подготовки офицеров. Советские офицеры досконально изучали принципы лидерства, то, как заботиться о своих людях и как управлять ими на поле боя³⁶. Но многие, оказавшись в Афганистане, еще не имели опыта. И не все — как и в других армиях — соответствовали своей должности.

Солдаты четко знали, чего им хочется от офицеров: компетентности и честности, личного мужества, тактических навыков и понимания, что жизнью подчиненных нельзя жертвовать без нужды. Чего им совсем не хотелось (но что им доставалось слишком часто) — так это командиров, больше озабоченных собственной карьерой, чем жизнями подчиненных. Это вечные поводы для солдатской тревоги: рядовой Уоррен Олни, участник Гражданской войны в США, думал практически так же³⁷.

Через много лет после службы в Бахараке Александр Гергель побывал в гостях у бывшего командира своей роты ка-

питана Евгения Коновалова, теперь вышедшего в отставку: “Бравый вид, казацкие усы, уверенность и жизнерадостность в каждом слове и движении... Теперь, охватывая мыслью те события, я ужасаюсь, насколько трудным было положение командира роты в том смысле, что с одной стороны на него давили приказы вышестоящего командования, а с другой стороны — приказы собственной совести, не дававшие ему права жертвовать своими солдатами (18-летними мальчишками) ради продвижения интересов неких карьеристов, расценивавших войну как способ резкого продвижения по службе. Я очень уважал своего командира тогда, будучи в армии, но еще больше стал уважать по прошествии нескольких лет, когда понял, сколько он реально делал для нас и для того, чтобы уберечь нас, вернуть родителям живыми и здоровыми... [Р] ота была одной из лучших. Но мне кажется, командир вскоре понял тщетность войны и занял вполне определенную позицию, выражавшуюся в том, чтобы не ‘водить на пулеметы’ своих людей и не усердствовать в выполнении дурацких задач”³⁸.

Александр Карцев вспоминал о том времени, когда был лейтенантом:

Личным составом нужно было заниматься. И чтобы личный состав занимался делом. Когда я попал на сторожевую заставу после госпиталя, там была традиция старослужащих солдат (и земляков заместителя командира взвода) ставить на посты в первую смену (вечер). “Молодых” — ночью и под утро, а это самое тяжелое. Если подписываешь караульную ведомость — обратить на это внимание было совсем не сложно. Если два раза за ночь ты проверяешь посты, а не спишь — тоже увидишь и узнаешь многое. Через неделю мы эту проблему решили.

Когда стали свободное время посвящать не только усилению инженерных оборонительных сооружений (очень важно, чтобы у солдат не было слишком много свободного времени), но и проводить ежедневную утреннюю физическую зарядку. У нас на заставе не было радио, телевидения, газеты привозили

нечасто — информационный голод был очень сильным, и тогда я придумал, что будет здорово, если по вечерам каждый солдат будет рассказывать нам о своем доме, о близких и т. д. К праздникам мы старались устраивать концерты художественной самодеятельности. Во взводе был свой баян, гитара...

Плюс с личным составом нужно было общаться. Ежедневно. Желательно со всеми. А не только со своим заместителем. Во взводе — четыре сержанта, с ними нужно обсудить учебные занятия или служебные вопросы. Секретарь комсомольской организации взвода. Санинструктор взвода. Механики-водители и наводчики-операторы. Вот уже и с половиной взвода общался. А ночью, пока проверяешь посты, переговоришь со второй половиной.

Я понимаю, что мне просто повезло — я попал в Афган не сразу после училища, а до этого целый год был на переподготовке. Молодым лейтенантам было сложнее — многие сержанты были их старше, сложившиеся негативные традиции было сложно переломить с наскока, вот и не у всех получалось. И очень мешала многим младшим офицерам обычная человеческая заносчивость — как это я, офицер, буду спать в одной казарме с солдатами?! А я спал в одной казарме со своими подчиненными (за небольшой перегородкой). И была другая крайность, когда офицеры разводили “панибратство” и теряли авторитет. Как и во всем, здесь была нужна золотая середина³⁹.

Русские и афганцы

Русские впоследствии утверждали, что несмотря на все ужасы войны, они неплохо ладили с афганским населением — лучше, чем солдаты НАТО, пришедшие после них.

Это сильное утверждение, однако оно не беспочвенно. Поскольку многие советские солдаты были родом из бедных сельских районов, они могли понять афганских крестьян. Андрей Пономарев, которого отправили в Бахарак, прежде жил

в деревне в Калужской области. Некоторое время он служил на заставе, охранявшей мост через реку. Там служили не только советские, но и афганские солдаты. Их землянки стояли попеременно с русскими. Пономарев нашел общий язык с афганскими призывниками, которых кормили лучше русских. Прежде они были крестьянами вроде него самого, только землю им приходилось возделывать гораздо более бедную, чем в Калуге. Они жаждали выучить русский, и он помогал им как мог⁴⁰.

Александр Гергель, товарищ Пономарева, высказывался так:

Не скажу за всех солдат, воевавших там, но о себе лично могу твердо сказать. Я не испытывал ненависти к афганскому народу. Напротив — сочувствие и жалость. Иногда, когда мои условия существования становились особенно невыносимыми, мне казалось, что всему виной именно они, местные жители. Меня охватывало раздражение и казалось, что хочется перестрелять всех и каждого. Но потом я видел людей, тяжело работающих на своей скудной земле, и снова во мне просыпалось сочувствие. Ярость и ненависть прорывались только в бою. А бои мы в основном вели с превосходящими силами противника. И помощи с воздуха ждать почти не приходилось. Так что можно считать, что мы воевали на равных. Мы имели преимущество в вооружении, они — в тактике. Дома же, в привычных условиях⁴¹.

Младшие советские командиры сами вырабатывали договоренности с кишлаками, командирами моджахедов, а прежде всего, конечно, с представителями режима — солдатами, милиционерами, руководителями сельских отрядов самообороны. Отношения были сложными. Бои перемежались сотрудничеством и компромиссами: прекращением огня, готовностью закрыть глаза на контрабанду (при условии, что речь идет не об оружии). У крохотных отрядов на заставах не было особого выбора, кроме как налаживать отношения с жителями деревень. Им

выделяли товары, которыми они могли пользоваться для бартера и взяток: консервы, сахар, сигареты, мыло, керосин, спички, подержанную одежду и обувь, и так далее.

Второй батальон 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка вел наблюдение за Панджшерским ущельем. Штаб батальона располагался в маленькой крепости в Анаве. Военные врачи, когда могли, оказывали местным жителям помощь. Солдаты показывали крестьянам фильмы и наносили визиты местным чиновникам. Они пытались выступать посредниками в непостижимых местных конфликтах. Они снабжали бедные семьи мукой, консервами, растительным маслом, солью, сахаром и стуженным молоком. Представитель ХАД в Анаве как-то пригласил офицеров батальона на ужин, где те встретились с местными “шишками”: секретарем комитета партии, главой местной администрации, врачом и учителем. На стене висели портреты Горбачева и Ленина. Гостей обильно кормили, подавали пакистанские сладости на изысканном фарфоре, мясо, рис, картофель, лук. Трапезу сопровождала афганская поп-музыка из магнитофона. Моджахеды обстреливали крепость довольно бессистемно, обычно по воскресеньям. Русские в ответ поливали огнем окрестные горы. Однажды моджахеды попытались взять штурмом одну из застав батальона, но то было исключением: они желали взять реванш за потерянный недавно караван⁴².

Многое зависело от командиров — как советских, так и моджахедов. Александр Карцев наладил хорошие отношения с местными жителями, а командир соседней заставы — нет, и на нее регулярно нападали, тогда как Карцева и его людей трогали редко.

Чтобы улучшить отношения с жителями кишлака, Карцев прибегал к своим ограниченным врачебным навыкам. Горцы не были знакомы с современными лекарствами и поэтому хорошо реагировали на аспирин, обычные антибиотики и так далее. Репутация Карцева укреплялась. Однажды, когда он навещал своих пациентов в кишлаке, его похитили. Он ждал

худшего, но оказалось, что брат местного командира моджахедов Анвара случайно ранил себя, и Карцева привели, чтобы его вылечить. К счастью, это удалось.

Несколько месяцев спустя на заставе появились две БМП с местными афганскими чиновниками. Они приехали заключить сделку с Анваром и попали в ловушку: тот захватил их в плен и угрожал убить. Командир местного отделения ХАД полковник Вахид попросил Карцева договориться об освобождении людей и возврате машин. Карцева доставили к Анвару, и тот заявил, что БМП отдаст, но пленников казнит, поскольку они в союзе с врагами ислама. И даже пойдет Карцеву навстречу: он не станет их пытать. Карцев возразил, что убивать посланцев неправильно: против кишлака и посевов примут ответные меры. Погибнет множество правоверных. Анвар подумал, посоветовался с соратниками, отпустил пленников и вернул машины⁴³.

Отношения афганцев с русскими были запутанными. В августе 1984 года афганский танковый полк участвовал в совместной операции в провинции Пактия. Один из танков подорвался на mine с дистанционным управлением, перевернулся и раздавил офицера ХАД. Через неделю к советскому военному советнику, прикрепленному к тому полку, пришел старик и четверо его сыновей. Братья были высокими, могучими и увешаны оружием, как новогодние елки. Они рассказали, что погибший офицер ХАД был их братом. Он учился в Советском Союзе. А они ушли к моджахедам. Советник налил им чаю, поболтал с ними о погоде, показал на карте место, где взорвалась мина, и назвал имя местного командира повстанцев. Они поблагодарили его и отправились мстить⁴⁴.

Панджшерский лев

При всей неоднозначности взаимодействия советских военных со своими врагами еще более замысловатые отношения

выстраивались у них с Ахмадом Шахом Масудом, который поразил воображение и русских, и афганцев своей лихой защитой Панджшерской долины. Масуд — это прозвище означало “счастливый” — был подлинным, харизматичным героем, самым компетентным и государственно мыслящим из всех командиров повстанцев. Название “Панджшер” переводилось как “пять львов”, так что Масуда повсеместно именовали Панджшерским львом. Генерал Норат Тер-Григорьянц, сражавшийся с ним, считал Масуда “очень достойным противником и искусным организатором боевых действий. Имея крайне ограниченные возможности в плане обеспечения вооружением и боеприпасами, значительно уступая советским и правительственным войскам в оснащённости своих отрядов техникой и вооружением, Масуд тем не менее сумел организовать в Панджшере такую оборону, что нам с большим трудом удавалось ее взламывать и ценой огромных усилий овладевать территорией”⁴⁵.

Масуд был родом из кишлака Джангалак в Панджшерском ущелье. Его отец происходил из влиятельной местной семьи и стал профессиональным офицером. Масуд изучал инженерное дело в Кабульском политехническом институте, где его привлекли исламские идеи, проповедуемые Гульбеждином Хекматияром и более умеренным Бурханудином Раббани. Он вступил в организацию “Мусульманская молодежь”, черпавшую вдохновение в опыте “Братьев-мусульман” с Ближнего Востока. “Мусульманская молодежь” была не просто группой студентов. Ее члены нападали на женщин, которых считали неподобающе одетыми, и дрались со своими оппонентами — коммунистами и маоистами. Весной 1973 года “Мусульманская молодежь” разделилась на “Исламскую партию Афганистана” (“Хезб е-ислами”) Хекматияра и “Исламское общество Афганистана” (“Хезб-е джамиат-е ислами”) Раббани. Масуд принял сторону умеренного Раббани. Но когда Хекматияр устроил неумелый и неудачный переворот против Дауда, Масуду пришлось бежать в Пакистан вместе с лидерами исламистов.

Вскоре Масуд вернулся в Панджшер, чтобы организовать восстание против Дауда. Его люди захватили главный административный центр в Рухе и другие важные населенные пункты. Однако политика ему не давалась: он не смог заручиться поддержкой местных жителей, а преступники, которых он выпустил из тюрем, устроили беспорядки. Масуд снова укрылся в Пакистане, усвоив урок: успех партизанской войны зависит от того, привлек ли ты на свою сторону местных жителей.

Во время войны с русскими он обеспечил своим людям минимально необходимые жилье и пищу и во время советских рейдов уводил их в соседние ущелья или высоко в горы. Он твердо придерживался принципа: нерегулярное войско должно избегать прямого столкновения с врагом. Пока война не закончилась, Масуд делал все, чтобы держаться подальше от усобиц, часто возникавших между соперничающими группами моджахедов. Он выстраивал институты местной власти и финансировал их за счет налогов на добычу драгоценных камней, на землю, на товары, а также дани, собираемой с панджшерцев, живших в Кабуле. Масуд планировал захватить в будущем власть в Кабуле и в 1984 году начал проводить операции за пределами долины. Ни у одного другого командира моджахедов не было таких амбиций и такого интереса к развитию институтов власти⁴⁶.

Ожесточенные бои в Панджшерском ущелье в первые годы войны принесли Масуду уважение русских, и в январе 1983 года они заключили с ним перемирие. Обе стороны более или менее соблюдали его до апреля 1984 года. С советской стороны на переговорах выступал полковник ГРУ Анатолий Ткачев, недовольный постоянными провалами в Панджшере. Сначала он поговорил с генералом Ахромеевым, в то время членом Оперативной группы Министерства обороны в Кабуле: «Сказал ему, что надо попытаться договориться с Ахмад Шахом о перемирии, так как от наших огневых и авиационных ударов гибнут мирные жители, а от огня моджахедов погибают наши солдаты. Он ответил, что все эти старики, женщи-

ны и дети являются родственниками душманов, а что погибают наши солдаты, так это их долг. Погибнет один, пришлют еще десяток. Ахмад Шаха надо поставить на колени и заставить его сложить оружие”.

Однако Ткачева поддержали глава отделения ГРУ в Афганистане и начальник Ахромеева маршал Соколов. В ответ на предложение о встрече, которое Ткачев передал через агентов, панджшерских беженцев в Кабуле, Масуд изложил свои условия. Встреча должна была произойти в канун нового, 1983 года в Панджшерском ущелье, на территории, контролируемой его людьми. Ткачеву следовало прийти ночью, без оружия и сопровождения.

На закате в новогоднюю ночь Ткачев вместе с переводчиком отправился к месту встречи. Добравшись туда, он выстрелил из ракетницы (таков был условленный сигнал), и из студеной тьмы показались мятежники под началом Таджмудина, главы контрразведки Масуда. Таджмудин спросил Ткачева, не хочет ли тот отдохнуть. “Нет, давайте двигаться, — ответил Ткачев. — Дело превыше всего”. Они шли около четырех часов, пока не достигли Базарака, где была намечена встреча с Масудом.

Моджахеды вели себя по отношению к нам довольно дружелюбно. В Базараке нас разместили в хорошо натопленном помещении. Электричества не было, но горела керосиновая лампа. Натоплено было тепло, буржуйка наша, советского производства. Когда стали раздеваться, моджахеды настороженно смотрели, думали, что под одеждой взрывчатка спрятана. Потом предложили чай. Затем принесли матрасы и свежее белье — все наше, армейское, даже с печатями. Легли мы около четырех часов утра. Спали в одной комнате с моджахедами.

Утром 1 января проснулись в восемь часов. За завтраком нам были оказаны традиционные почести: первыми вымыть из кувшина руки и вытереть свежим полотенцем, первыми надломить хлеб, первыми начать есть плов из общего блюда и т.д. Не скажу, что ожидание встречи не было для нас тревожным и довольно

напряженным, но одновременно охватывало любопытство, ведь до нас никто из советских военнослужащих Масуда не видел даже на фотографии.

Ровно в установленное время в комнату вошли три или четыре вооруженных человека. Это были телохранители Масуда. Вскоре вслед за ними появился молодой невысокий мужчина. Он был темноволос и худощав. Ничего звериного в его облике, как это преподносилось средствами нашей пропаганды, не было.

После секундного замешательства мы обменялись традиционными приветствиями по афганскому обычаю. Минут тридцать поговорили. Потом в комнате остались Ахмад Шах с одним из приближенных и мы с переводчиком Максом. Масуд предложил обсудить серьезные дела. Мы начали разговор с истории дружеских и традиционно добрососедских отношений между Афганистаном и Советским Союзом. Масуд с грустью сказал: “Очень жаль, что произошло вторжение советских войск в Афганистан. Руководители обеих стран допустили грубейшую ошибку, ее можно классифицировать как преступление перед афганским и советским народами”. В отношении кабульского руководства, власть которого, по его словам, в стране ограничивалась столицей и некоторыми крупными городами, он был непримиримым противником.

Когда мы изложили Ахмад Шаху вопросы, поставленные в задании нашим руководством, он был несколько удивлен, что в этих предложениях не было ультиматумов, требований капитулировать или немедленно сложить оружие. Ключевым же вопросом в наших предложениях было взаимное прекращение огневого противодействия в Панджшере и взаимные обязательства по созданию необходимых условий местному населению для нормальной жизнедеятельности. Результатом проведенных переговоров во время этой и последующих встреч стали реальное прекращение боевых действий. В Панджшер вернулись мирные жители, обстановка на трассе Саланг — Кабул стала намного спокойней. В течение 1983 года и до апреля 1984 года в Панджшере боевые действия не велись.

Однако такое положение не устраивало партийных функционеров НДПА, которые настаивали на проведении боевых действий в этом районе и постоянно подталкивали к этому советское руководство. В связи с этим перемирие неоднократно нарушалось по нашей вине. Например, на одной из встреч с Масудом мы беседовали с ним в доме одного из местных жителей. В это время послышался звук приближающихся вертолетов. Я сказал Масуду, что сейчас перемирие и вертолетов не надо опасаться, но он предложил на всякий случай пройти в укрытие. Едва мы это сделали, как вертолеты нанесли удар по дому, и от него осталась только половина. Масуд показал мне на развалины дома и сказал: “Интернациональная помощь в действии”.

Помню случай, когда я после очередной встречи с Ахмад Шахом приехал в Кабул, а на следующее утро был приглашен к главному военному советнику генералу М. И. Сорокину для доклада. Сорокин стал читать донесение, в котором сообщалось, что накануне в 13.00 по кишлаку, где проходило совещание главарей бандформирований, был нанесен бомбо-штурмовой удар. Все главари, в том числе Ахмад Шах, погибли. Сообщались даже подробности: у него оторваны обе ноги и расколот череп. Я сказал Михаилу Ивановичу, что это ахинея, так как я гораздо позже встречался с Ахмад Шахом. Если он погиб, то, похоже, в 19.00 я пил чай с покойником⁴⁷.

Солдатский досуг

Даже на крупных заставах и базах день солдата был настолько занят физической подготовкой, обязательными спортивными занятиями, обучением обращению с оружием, караульной службой и бытовой рутинной, что многие с нетерпением ждали боевых операций, чтобы развеять скуку. Впрочем, у них были некоторые другие возможности. На крупных базах, помимо ленинской комнаты, работали библиотеки, где можно было брать книги и болтать с библиотекаршей. В магазинах “Воен-

торга” солдаты могли потратить свои скудные заработки на сигареты, конфеты, иногда на японскую электронику.

Сержанту Федорову из 860-го отдельного мотострелкового полка в Файзабаде магазин на базе казался настоящей сокровищницей:

В нем было все и даже то, о чем мы в СССР даже и не подозревали. Но все равно, как и везде в СССР, существовал дефицит, например, одеколон, лосьон и другие спиртосодержащие продавались строго на подразделение по списочному составу, так как помимо того, что его пили, просто разбавляя водой, находились умельцы, которые его перегоняли. Такие вещи, как “дипломаты”, спортивные костюмы, распределялись политработниками для увольняющегося состава из числа отличников боевой и политической подготовки, а магнитофоны и другая электротехника — только для офицерского состава. Так что существование дефицита, а порой его искусственное создание рождало спекуляцию внутри гарнизонов. При желании и наличии чеков [военной валюты] можно было достать все, даже водку и шампанское⁴⁸.

Но подлинные сокровища обнаруживались на базарах: японская электроника, западная одежда, западные музыкальные записи (и даже советские, запрещенные на родине). Для торговцев советское вторжение предоставило коммерческие возможности, а солдаты в Афганистане впервые встретились с рыночной экономикой, которая стала “билетом в другую жизнь”⁴⁹.

Проблема была в том, что ни у солдат, ни у офицеров не хватало средств на удовлетворение своих желаний. Офицерам по советским меркам платили неплохо: лейтенант получал на руки 250 рублей по завершении обучения, а впоследствии его зарплата составляла четыреста рублей. Инженер, разрабатывавший системы ракетного наведения, получал 250 рублей в месяц⁵⁰. У рядовых все было значительно хуже. Часть их зарплаты переводилась в Сбербанк, и они могли снять ее только после окончания службы. Кроме того, им выплачива-

ли небольшие суммы за ранения. Во время полевой службы сержанты получали 12–19 рублей в месяц, специалисты рядового состава — снайперы или пулеметчики — девять рублей. Простым солдатам платили семь. В то время средняя (минимальная) зарплата в СССР составляла сто рублей.

Так что и офицеры, и рядовые участвовали в разного рода коррупционных схемах. В этом не было ничего удивительного: силы союзников вели себя примерно так же в Европе после 1945 года. Но коррупция в 40-й армии достигла эпических масштабов. Корреспондент “Комсомольской правды” Владимир Снегирев называл ее “грабьармией”, где каждый тащил все, что мог⁵¹. Отряды, охранявшие Саланг, “трясли” проезжавшие афганские машины. С лавочниками и водителями грузовиков можно было договориться о том, что они получат свою долю перевозимых грузов. Снегирев писал:

Какой-то расторопный боец спер с моей машины запасное колесо в те полчаса, что я беседовал с замполитом вертолетного полка. Кража произошла среди бела дня на территории образцовой части, прямо у штаба, сдва ли не на глазах у часового. Меня это и огорчило, и озадачило. Ого! Если наши воины-интернационалисты так лихо метут все, что плохо лежит, у своих, то можно себе представить, как не церемонятся они с афганцами.

Интенданты расквартированных повсюду воинских частей тайком сдавали лавочникам сгущенное молоко, муку, тушенку, масло, сахар, а на вырученные деньги тут же охотно приобретали товары, которые прежде видели только по телевизору. Гражданские специалисты тоже не дремали. Можно было привезти ящик водки, выменять его на три дубленки, эти дубленки отвезти в Союз и продать за сумму, которой хватало, чтобы купить подержанный автомобиль.

Солдатам возможности открывались не столь широкие: “Чтобы в жару выпить ‘колы’ или ‘фанты’ (в СССР этих напитков еще не знали), чтобы на дембель привезти сувениры — допу-

стим, складной зонтик, бусы или (о, предел мечтаний!) джинсы 'Монтана' — надо было исхитряться"⁵². Рядовой вспоминал:

Брали фарфор, драгоценные камни, украшения, ковры... Кто на боевых, когда ходили в кишлаки... Кто покупал, менял... Рожок патронов за косметический набор — тушь, пудра, тени для любимой девушки. Патроны продавали вареные... Пуля вареная не вылетает, а выплевывается из ствола. Убить ею нельзя. Ставили ведра или тазы, бросали патроны и кипятили два часа. Готово! Вечером несли на продажу. Бизнесом занимались командиры и солдаты, герои и трусы. В столовых исчезали ножи, миски, ложки, вилки. В казармах недосчитывались кружек, табуреток, молотков. Пропадали штыки от автоматов, зеркала с машин, запчасти, медали... В дуканах брали все, даже тот мусор, что вывозился из гарнизонного городка: консервные банки, старые газеты, ржавые гвозди, куски фанеры, целлофановые мешочки... Мусор продавался машинами⁵³.

По большей части воровство оставалось безнаказанным. Время от времени власти присылали военных прокуроров, и те наказывали виновных. Потом все продолжалось как прежде — в том числе потому, что высшие офицеры тоже были в деле.



В отсутствие других развлечений в 40-й армии, естественно, изрядно выпивали. Офицеры в основном пили водку и другие крепкие спиртные напитки, причем некоторые поглощали их в огромных количествах⁵⁴. Солдаты обычно не могли позволить себе водку, но философски относились к этому: офицерам позволялось пить, и это было вполне естественно — они профессионалы, служащие много лет, тогда как солдаты успевали вернуть родине "священный долг" за два года. Они могли приготовить брагу — на афганской жаре это было не-

трудно⁵⁵. Они прятали ее между деревянной обшивкой и брезентом палаток или во внешних топливных баках и цистернах с водой на своих бронемашинах. Употребляли и наркотики, в основном коноплю (“чарс”). Редким деликатесом был чай с гашишем. Солдаты выменивали наркотики и выпивку у служащих из других частей, брали их у афганцев за наличные или в обмен на военные припасы. Они делились “косяками” или утоляли жажду брагой по пути к месту боя, хотя большинству хватало ума воздерживаться.

Надежной статистики об употреблении солдатами наркотиков нет. Некоторые ветераны отрицают, что они были повсеместно распространены (по крайней мере в элитных частях). Стоит сделать скидку на тщеславие молодых, рвущихся продемонстрировать свою крутизну. Некоторые солдаты попали в наркотическую зависимость, но большинство отказались от этой привычки после демобилизации. Двоих солдат, не способных от нее избавиться, выручила в Пакистане в 1983 году Маша Слоним, работавшая на газету “Дейли мейл”. Олег и Игорь были родом с Украины. Олег — простой крестьянин, не слишком смывленный. Игорь был относительно образован, писал стихи. Они дезертировали, потому что Олег нечаянно убил своего товарища и находился под следствием, а Игорь узнал, что его девушка нашла себе другого парня. Они вломилась на склад своей части под Кандагаром, украли оружие и отправились пешком в Пакистан. У них не было карты и почти не оставалось воды, и вскоре их захватили моджахеды. Их привезли в Пешавар, поселили на вилле и неплохо с ними обращались. Но они уже подсели на наркотики, а похитители не давали им шприцы, так что они бежали в Афганистан. Их снова поймали, приковали к кроватям и держали в грязи, на голодном пайке, пока Маша Слоним не договорилась об их освобождении. К тому времени состояние обоих было ужасным.

Все трое полетели в Лондон, и на борту самолета у Олега с Игорем началась ломка. Маше еле-еле удалось удержать

их под контролем. Потом их отвезли на виллу в Суррее, где у них хотели взять интервью тележурналисты. Но их состояние не позволяло этого сделать, и их отправили в лондонскую клинику, где помогли избавиться от зависимости. Игоря с Олегом поселили в украинской семье, живущей в Лондоне. Они часто бывали в русском ресторане “Балалайка”. Посещал его и приятный мужчина из советского посольства, который регулярно угощал их выпивкой. В один прекрасный день Игорь с Олегом исчезли. Затем они появились на пресс-конференции в посольстве, заявили, что хотят поехать домой, и обвинили всех, с кем общались в Британии (кроме Маши), в работе на разведку. После того, как солдаты вернулись в СССР, “Дейли мейл” сообщила, что их расстреляли. Это не так⁵⁶.

Автомат и гитара

Солдаты брали в Афганистан гитары, импровизировали и сочиняли музыку и стихи, иногда очень хорошие. Эти песни и стихотворения отражают историю самой войны: от твердой уверенности в правоте своего дела, звуков боя и потери товарищей до разочарования и горечи поражения.

Некоторые популярные песни принадлежали перу известных артистов, время от времени навещавших советские базы. Песни Александра Розенбаума “Черный тюльпан” (о самолетах, на которых тела погибших отправляли в СССР) и “Мы вернемся” (о советских военнопленных) помнили еще много лет после того, как война закончилась. Предприимчивые афганские торговцы привозили с Запада записи, на которые власти СССР смотрели с неодобрением: “Битлз”, “АББА” и Булата Окуджавы, чьи произведения находились на грани диссидентства и не очень приветствовались.

Но профессиональные певцы вызывали у солдат двойственное отношение. Как бы красноречиво они ни пели, самым им не доводилось бывать в бою. Их музыка была искус-

ственной, созданной ради определенного эффекта, и над ней, казалось, витал дух коммерции. Когда солдатам хотелось испытать настоящие эмоции, они сочиняли собственную музыку или же слушали других солдат-бардов. Эти песни, к ужасу властей, становились очень популярными. Политическая цензура запрещала их, а таможенники на границе жестко пресекали попытки ввезти записи в Советский Союз. Это, однако, не мешало музыке покорить 40-ю армию.

“Афганцы” остро воспринимали опыт своих отцов и дедов, сражавшихся с Гитлером, и в первых их песнях заметны намеки на соперничество двух поколений. Они сочиняли свою музыку под влиянием Высоцкого, который не сражался в той войне, но уловил ее дух. Они опирались и на стихотворения Киплинга и нарисованную им картину Афганистана, его народа и сражений, проходивших в этой стране. Власти не испытывали по этому поводу особого энтузиазма, поскольку считали Киплинга апологетом британского империализма.

Была и еще одна тема: симпатия по отношению к белогвардейцам, которые сражались на проигравшей стороне, проявляли героизм и отстаивали честь русского оружия, даже когда их страна гибла. Барды подхватывали романсы тех лет о любви и войне, о воинской чести. “Почему в годы моей юности никто публично не говорил о жертвенности белых генералов? — задавался вопросом бард и военный переводчик Александр Карпенко. — А тут еще на эти мои мысли о роли Белой армии в судьбе России наложились афганские события. Ну и запреты, замалчивание ‘белой идеи’ — это тоже стимулировало творчество ‘афганцев’, в том числе и мое собственное”⁵⁷. Ближе к концу войны настроение песен изменилось. Ностальгия сменилась горечью поражения, когда страна, во имя которой сражалась 40-я армия, начала распадаться.

Большинство солдатских бардов были офицерами, многие служили в спецназе. Одну из первых песен, о взрыве на правительственном узле связи, с которого начиналась атака на Кабул в декабре 1979 года, написал Сергей Климов⁵⁸. Но своим ду-

айеном барды считают Юрия Кирсанова. Он служил в отряде спецназа “Карпаты”, созданном на основе “Каскада”. Кирсанов начал работать в КГБ в 1976 году, а в Афганистан попал в 1980 году, прихватив с собой гитару. Его база находилась в Шинданде. Он обнаружил, что поездки на БТР, как ни странно, стимулируют творчество.

Кирсанов с коллегой записывал на маленький магнитофон звуки Афганистана — призыв муэдзина, грохот БТР, шум битвы и вой шакалов, — а затем использовал их как вступление к песням. Их он записывал в “студийных” условиях — в полковой бане, где работал по ночам, когда электропитание было более или менее стабильным, а шум войны стихал. Он сочинял музыку, чтобы выразить эмоции, возникающие на войне, и надежды солдат на возвращение домой. “Песни Кирсанова, — отмечал один журналист, — сделали то, что не сумели сделать профессионалы: сохранили для потомков точную и образную правду той войны”⁵⁹.

Игорь Морозов учился в МГТУ им. Баумана и некоторое время работал в оборонной отрасли: участвовал в разработке усовершенствованной модели “боевого коня” мотопехоты — БМП-2. Но затем его отец, служивший в военной разведке во время Второй мировой войны, убедил его поступить на службу в Первое Главное управление КГБ, отвечавшее за внешнюю разведку. Морозов приступил к работе в августе 1977 года, а в 1981 году, после двухмесячной интенсивной подготовки, его отправили в Афганистан. Там он недолго служил в Кундузе, а в 1982 году его назначили командиром отряда “Каскад” в Файзабаде.

Отряд Морозова состоял из трех офицеров и горстки солдат. Жили они на вилле на окраине города, которую охранял ХАД. В распоряжении отряда имелись три БТР, из которых на ходу был один, три “газика”, два пулемета, два миномета и три тонны боеприпасов. Ни командир отряда, ни его зам не говорили на местных языках, и целых три месяца у них не было переводчика. Никто не знал, какова си-

туация в провинции. Солдаты принадлежали к пограничным войскам КГБ, а жалование и паек получали как служащие 40-й армии. Но три офицера зависели от Москвы, где о них просто забыли. Зарплату им задерживали по полгода, и офицерам приходилось делить паек с солдатами. У солдат они перенимали и опыт, поскольку те находились в Афганистане уже полгода, чуть-чуть знали язык и немного представляли себе ситуацию⁶⁰.

К тому моменту Морозов уже был предан музыке. По иронии судьбы, “Батальонная разведка”, которую он посвятил в 1975 году своему отцу, потом стала одной из его самых популярных “афганских” песен. Он быстро пришел к выводу, что “военно-патриотические, победные песни признанных советских композиторов, рекомендованные ГЛАВПУРОм к обязательному исполнению, в воюющей 40-й не понимались и не принимались бойцами контингента, так как абсолютно не соответствовали ни духу, ни характеру Афганской войны. В ОКСВА уже потихоньку стали появляться первые признаки морального и духовного разложения”. Он верил, что песни рассказывают о том, что терзает народ. Сначала Морозов играл солдатам песни Кирсанова, но вскоре стал сочинять и сам. Когда бушевали пыльные бури, боевые операции прекращались, и Морозов пользовался перерывом, чтобы записать новую музыку. Вскоре его песни тоже ходили по всей 40-й армии: “Возвращение”, “Мы уходим”, “Колонна на Файзабад”, “Дождь”, “Песня пули”, “Автомат и гитара”. Пел он и песни более старые, например, хит 30-х годов “Крутится, вертится шар голубой”.

Морозов покинул Афганистан в 1989 году, перейдя Саланг вместе с десантниками Витебской дивизии. Говорили, что 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк Валерия Востротина, охранявший перевал, начинал каждое утро с горькой песни Морозова “Мы уходим”. Морозов и его друзья, полковники в отставке, исполняли свои песни и через двадцать лет после того, как война закончилась⁶¹.



Большинство солдат 40-й армии, конечно, страстно желало расстаться с рутинной и сражениями, скорее вернуться домой, к жизни, из которой их вырвали, вручив повестки. Но некоторые, например лейтенант Карцев и сержант Сергей Морозов — считали годы, проведенные в Афганистане, лучшим временем своей жизни. Немало солдат, покидая страну, чувствовали укоры совести:

Вдруг с пронзительной ясностью поняли: там, впереди, ничего нет. Тьма. Мрак. Вакуум. Крикни — и эха не будет, кинь камень — и не услышишь, как стукнулся. Жизнь стремительно несла их в эту пустоту, ни остановиться, ни повернуть назад⁶².

Глава 9

В бою

Сражения, как и жизнь между ними, мало отличаются друг от друга. Люди, не участвовавшие в них, не смогут по-настоящему их понять. И даже если речь идет о солдатах, то существует “пропасть между мужчинами, только что вернувшимися из боя, и теми, кого там не было, столь же непреодолимая, как между трезвым и пьяным”. Советские солдаты в Афганистане сражались по тем же причинам, что и британские солдаты на Сомме и русские на Восточном фронте, французы в Индокитае и Алжире, американцы во Вьетнаме и Ираке: ты должен делать свое дело ради товарищей-солдат, убить, чтобы не быть убитым. Иногда они ломались. Иногда предпочитали перестрелку скуке будней. Они едва ли задумывались о политических последствиях войны: их мысли не шли дальше взвода, роты или батальона. Они считали дни до отправки домой, а по возвращении на родину некоторым из них не хватало духа товарищества и адреналина. Жизнь в сражениях имела особенный смысл, с которым гражданская жизнь не могла сравниться. Американский солдат, воевавший в Афганистане двадцать лет спустя, говорил: “Люди на родине думают, мы пьем из-за того, что с нами случилось что-то дурное, но это неправда... Мы пьем потому, что скучаем по чему-то хорошему”¹.

В основном боевые действия в Афганистане имели сравнительно небольшой масштаб: это были операции, которыми руководили лейтенанты, капитаны и майоры. Ближе всего

к настоящей, старомодной войне стояли крупномасштабные операции по зачистке цитаделей мятежников, освобождению городов или закрытию границы с Пакистаном. Именно тогда полковники и генералы получали возможность поупражняться в искусстве войны. Эти мощные удары предполагали участие тысяч солдат, сотен единиц бронетехники и вертолетов, массовые воздушные и артиллерийские налеты. Они продолжались неделями, но устойчивых результатов не приносили.

Оружие

Сороковую армию щедро снабжали современным оружием. Некоторое приобрело легендарный статус: автомат Калашникова, БМП и боевой вертолет Ми-24. Однако эту технику, как и самих солдат, предполагалось задействовать против армий НАТО. Теперь же им приходилось адаптироваться к войне совершенно иного рода. Предпринимались упорные попытки усовершенствовать системы вооружений. Конструкторы и инженеры регулярно посещали Афганистан, чтобы выслушать замечания и предложения военных². Часть вооружений, которые привезли с собой русские, оказалась неактуальной, и их отправили назад. Например, тяжелые зенитные орудия имели смысл в боях с авиацией противника, но были почти бесполезны против партизан.

Хребтом советской армии были мотострелковые части: пехота, перемещавшаяся в БТР (их экипажи состояли из трех человек, и они могли перевозить семь солдат) и вездесущих БМП, экипаж которых тоже составлял три человека и которые могли перевозить восемь солдат. Для того времени БМП была передовым образцом техники, но угол подъема пушки был небольшим, что затрудняло отражение атак мятежников, стрелявших сверху. В следующей модели, БМП-2, этот недостаток исправили. Машина была защищена к огню из стрелкового оружия, но очень уязвима перед минами и противотанковыми ракетами. Если под БМП взрывалась мощная мина, пол под-

летал к самой крыше, сминая все, что было внутри. Солдаты предпочитали ездить на броне: так они были уязвимы для пуль, однако в случае наезда на мину был шанс, что они выживут. У водителя выбора, конечно, не было.

Штурмовой вертолет Ми-24, который солдаты называли “крокодилом”, — звезда многих фильмов об афганской войне. Его экипаж состоял из трех человек. Он мог брать на борт восемь пассажиров или четверо носилок. Эта зловещего вида машина могла быть оборудована мощным вооружением как для борьбы с пехотой, так и для разрушения зданий и бронетехники. Рабочей лошадкой 40-й армии был транспортный вертолет Ми-8 (“пчелка”). Его приняли на вооружение в 1967 году. Говорили, что этих машин произведено больше, чем любых других вертолетов в мире*. Экипаж состоял из трех человек. Вертолет мог переносить двадцать четыре пассажира, двенадцать носилок или груз весом три тонны. Спустя десять с лишним лет после афганской войны американцы арендовали Ми-8 для снабжения своих спецподразделений: эти вертолеты были хорошо приспособлены для действий в горах на востоке Афганистана. Вертолетами управляли русские пилоты — порой те же, кто водили их во время афганской войны. Но теперь летали не военные, а (поскольку Россия стала капиталистической страной) сотрудники компании под весьма уместным названием “Вертикаль-Т”. В 2008 году один из вертолетов сбили, и российский посол в Кабуле обратился к талибам с просьбой вернуть тела. “Это русские? — сказали талибы. — Мы думали, что американцы. Конечно, забирайте”³.

Стрелковое оружие тоже было достойным и тоже постепенно совершенствовалось. Прочее же оснащение было не столь адекватным. Сперва солдатам выдали неудобную форму с неправильным камуфляжным рисунком, громоздкие бронежилеты весом двадцать килограммов (новая модель

По данным МВЗ им. М. Л. Милия, это самый массовый вертолет в своем классе, если не считать семейства вертолетов *Bell 204/205/212* (которые, однако, являются более легкими машинами).

весила двенадцать), коротковатые хлопчатобумажные спальные мешки, пропускавшие воду, тяжелые рюкзаки и ботинки, не приспособленные для гор. У солдат не было нормальных армейских жетонов, так что информацию о себе они носили в пустых гильзах на шее, как их отцы и деды во время Великой Отечественной войны⁴.

Солдаты импровизировали. В Кабуле нужно было жестко следовать правилам ношения формы, однако идя в бой, военные надевали все, что придется. Они шили “лифчики” для запасных магазинов, гранат, сигнальных ракет и прочего. Вместо тяжелых ботинок офицеры, а иногда и солдаты надевали кроссовки советского производства или иностранные, купленные или украденные в афганских магазинах (дуканах) либо захваченные у врага⁵. Удачными трофеями считались легкие спальные мешки, которые можно было заполнить теми же путями.

Бойцы отборных частей выглядели еще колоритнее. Перед выходом на задания спецназовцы устраивали устрашающие ритуалы и пили. Они одевались весьма живописно даже на строевые смотры:

Мы были одеты в то, в чем воевали. У некоторых были спецназовские комбинезоны. Но таких были единицы. У кого-то “афганка”. Но подавляющее большинство было одето в брезентовые штормовки, танковые комбинезоны, длинные афганские рубахи и шальвары. Таким же разнообразным было и оружие. Трофейные АКМ арабского или китайского производства. У некоторых автоматы были наши. С приливами для крепления ПСО (прицел снайперский оптический) или НСПУ (ночной снайперский прицел универсальный) и ПБС (приборами для бесшумной стрельбы). Несколько ПКМ (7,62-мм пулемет Калашникова модернизированный). И СКС (самозарядные карабины Симоннова, укороченный вариант) вместо снайперских винтовок Драгунова. У старшины, кроме ПКМ, на ремне болтался еще АПСБ (автоматический пистолет Стечкина для бесшумной стрельбы). Обычное вооружение пиратского корабля⁶.

Советские солдаты, как и бойцы других армий во все времена, напоминали вьючных животных. Даже во время боевых выходов они должны были нести свое оружие, каску, бронежилет, спальный мешок, палатку, сухой паек на три дня, фляги с водой, до шестисот патронов для автомата, две осколочных и две наступательных гранаты, сигнальные ракеты и дымовые шашки, один или два заряда для 82-миллиметрового миномета. Все это весило больше сорока килограммов. Связисты таскали рации, минометные и пулеметные взводы — тяжеловесные и громоздкие части своих тяжелых орудий⁷. Когда Андрей Пономарев оказался во взводе связи 1-го батальона 860-го отдельного мотострелкового полка, он не обладал ни достаточной силой, ни физической подготовкой. Рация в довесок к личной экипировке, оружию и боеприпасам — настоящий кошмар. Но признать, что не вытягиваешь, было нельзя: другие солдаты стали бы презирать тебя, а возможно, и избили бы. На первой операции он стиснул зубы, еле удерживаясь от слез, и с трудом шел вперед. В конце концов товарищи протянули ему руку помощи и стали носить рацию по очереди, а он продолжал ее обслуживать⁸.

Не удивительно, что даже солдаты мотострелковых частей, отправляясь в атаку, особенно по ночам, зачастую оставляли на базе каски и бронежилеты, брали легкое оружие и не больше десяти магазинов⁹. Старшие офицеры так этого и не уловили: много лет спустя они все еще говорили, что в прямом сопоставлении советские солдаты проигрывали афганским бойцам в силу своей недостаточной подготовки и громоздкого снаряжения¹⁰.

Враг

Моджахеды, с которыми девять лет сражались солдаты 40-й армии и их афганские союзники, были грозным врагом: храбрым, целеустремленным, умелым. Среди них были профессионалы — офицеры армии, решившие выступить против правительства.

Другими двигали религиозный пыл, чувство мести или врожденное нежелание делать то, чего требует правительство. Некоторые воевали за деньги. А у тех, кто в ходе войны потерял свой дом, не было особого выбора. Поскольку моджахеды пополняли отряды за счет простых деревенских жителей, русским трудно было различить друзей и врагов. Человек, работавший в поле, мог выстрелить в вас, заметив ваше приближение. Дружелюбные на вид жители кишлака могли направить вас по дороге, ведущей в засаду. В условиях этой смертельно опасной неопределенности солдаты часто сперва стреляли, а потом задавали вопросы, а их командиры, сталкиваясь с сопротивлением, тут же могли запросить артиллерийскую или авиаподдержку, не слишком тревожась о потерях среди мирного населения.

Однако повстанцы, как и кабульское правительство, страдали от несогласованности — “фундаментальной черты афганского общества”¹¹. Почти всю войну существовали семь главных партий моджахедов. Они базировались в Пакистане, но имели представителей в Афганистане, которые обеспечивали поставку денег и оружия бойцам. В 1985 году эти силы сформировали альянс — “Пешаварскую семерку”. Но партии были скорее соперниками, чем партнерами, и после ухода русских в 1989 году напряженность привела к открытой гражданской войне. Эти группировки, как и афганская компартия, уходили корнями в студенческую политику 70-х годов, где оставили свой след их вожди, например Раббани, лидер умеренной партии “Хезб-е джамиат-е ислами”, и Хекматияр, лидер радикальной “Хезб е-ислами”. Все они были пуштунами и суннитами, кроме движения Раббани, опиравшегося на таджиков, — им на территории Афганистана руководил Ахмад Шах Масуд (см. Приложение 3).

Полевые командиры, формально подконтрольные лидерам своих партий в Пакистане, вербовали бойцов в Афганистане и в лагерях беженцев. Кроме того, отдельные военачальники собирали отряды во славу Господа или во славу самих себя, для грабежей или захвата власти на местах. Они не были

люяльны кому-то одному и в погоне за выгодой могли переходить с одной стороны на другую. Некоторые бойцы и командиры с радостью продавали свои услуги тому, кто больше заплатит. В результате междоусобных войн между этими бандформированиями в Афганистане погибли тысячи, а то и десятки тысяч партизан и мирных жителей¹².

Число боевиков можно оценить лишь приблизительно. Общая их численность в 1980–1982 годах могла достигать 250 тысяч. За год, предшествовавший выводу войск, могли действовать от 35 до 175 тысяч человек. Утверждалось, что группировка под руководством Гульбедина Хекматияра насчитывала 40570 человек и составляла треть всех бойцов¹³. Эти оценки дают представление о масштабах движения, но не подкреплены надежными доказательствами.

Военная разведка Пакистана сделала все, чтобы монополизировать внешнюю поддержку движения сопротивления. Пакистанцы устроили тренировочные лагеря у афганской границы и настаивали, чтобы оружие и деньги, передаваемые ЦРУ и другими организациями, проходили через их руки. Их целью было установить в Кабуле режим не только дружелюбно настроенный к Пакистану, но и принимающий идею исламистского правительства. Поэтому они поддерживали командиров вроде пуштуна Хекматияра, разделявшего их религиозные и политические взгляды, но почти не помогали тем, кто эти взгляды не разделял — например, таджику Масуду. Французы и британцы понимали значимость роли Масуда и старались помогать ему в меру возможностей, но помощь эта была не такой уж обширной: их ресурсы не могли сравниться с американскими.

Моджахеды развивали успех. Глава советской военной разведки в Афганистане в середине 1980 года сообщал, что “если в апреле с.г. по стране было совершено 38 террористических актов, убиты 63 чел., то в мае их уже было проведено 112, в результате которых убит 201 чел. В директиве Исламской партии Афганистана... мятежникам даны указания продолжать укло-

няться от прямого вооруженного столкновения с регулярными войсками, искусно маскироваться под мирных жителей”¹⁴. Моджахеды регулярно обстреливали ракетами Кабул и проникали через внешнюю линию обороны, несмотря на все усилия советских и афганских войск. В августе 1986 года ракеты, запущенные с помощью дистанционного взрывателя, ударили по крупному складу боеприпасов под Кабулом и уничтожили сорок тысяч тонн боеприпасов. По оценке пакистанцев, ущерб советских войск составил 250 миллионов долларов.

В апреле 1988 года взорвался еще один крупный склад, на этот раз в районе Равалпинди в Пакистане. Взорвалось десять тысяч тонн боеприпасов, пластиковой взрывчатки, ракет и прочих снарядов, погибли сто человек и были ранены еще около тысячи. Это был важный момент: в Женеве планировалось подписание соглашения о выводе советских войск, и СССР готовился к первому его этапу. КГБ весьма уважал своих коллег из ХАД за их умение проводить спецоперации и заключил, что за взрыв ответственны они. Офицеры пакистанской разведки винили русских, а некоторые параноики подозревали, что в деле замешаны американцы. Вероятнее всего, это был несчастный случай¹⁵.

Сначала повстанцы были не так уж хорошо вооружены. (Среди них были и профессиональные солдаты, знавшие, как управлять бронемашинами и авиатехникой, но столь сложные виды вооружений они заполучили лишь тогда, когда советские войска уже ушли — и обратили свои навыки друг против друга.) Но в скором времени при поддержке американцев, пакистанцев и других они стали получать минометы, мины, тяжелые пулеметы и радиостанции, причем многие были советской разработки и происходили из Египта, Китая и других стран. Вначале повстанцы пользовались старыми британскими винтовками “Ли-Энфилд”. Советские солдаты называли их “бурами”. Но даже это оружие обеспечивало большую точность, чем советские автоматы, и превосходило их по дальности стрельбы. Солдаты стали погибать от пуль снайперов,

и среди них распространилась паника, с которой офицерам было трудно совладать¹⁶.

Русские и их афганские союзники пользовались вертолетами и истребителями-бомбардировщиками для уничтожения кишлаков, жителей которых подозревали в укрытельстве мятежников. С помощью вертолетов снабжали отдаленные базы и доставляли солдат до места устройства засад. Но моджахеды не были беззащитны перед нападением с воздуха. В умелых руках тяжелые пулеметы советского производства могли сбивать даже бронированные штурмовые вертолеты. Через два-три года после начала войны мятежники с помощью ЦРУ заполучили очень эффективные, хотя и громоздкие зенитные пушки “Эрликон”. Они предприняли ряд атак на советские и афганские авиабазы и уничтожили на земле несколько самолетов. С 1984 года они стали использовать китайские и советские зенитные ракеты, а также британские ракетные комплексы “Блоупайп” сомнительной эффективности. Последние попадали в Афганистан из широкого круга засекреченных источников, так что точно их происхождение установить невозможно. Этими ракетами пользовались обе стороны Фолклендской войны (1982). Как выразился британский офицер, это было все равно что “стрелять по фазанам из канализационной трубы”. Однако высокопоставленные советские военные, например генерал Варенников, и вертолетчики вроде Бориса Железина, относились к этому оружию с определенным уважением¹⁷.

Но по-настоящему моджахеды хотели заполучить американские переносные зенитно-ракетные комплексы “Стингер”, способные поражать воздушные цели на расстоянии до 4,5 километра и на высоте 200–3800 метров¹⁸. Американские военные были против поставки “Стингеров” моджахедам, поскольку опасались (как оказалось, обоснованно), что оружие попадет в СССР и другие страны. Лишь в феврале 1986 года американцы, наконец, решили поставить в Афганистан около 240 установок и тысячу ракет¹⁹.

Впервые из “Стингеров” начали стрелять 26 сентября 1986 года. Тогда инженер Гаффур, учившийся в СССР, сбил три вертолета Ми-24, заходивших на посадку в Джелалабаде²⁰. Сначала это серьезно сказалось на тактике и боевом духе советских войск. Алла Смолина приехала в Джелалабад на работу в военной прокуратуре как раз в то время, когда были сбиты вертолеты. Она вспоминала:

По словам старослужащих, раньше, то есть совсем незадолго до моего появления, воздушные полеты никакой опасности собой не представляли. Борта гонялись со всевозможными поручениями над афганской территорией в любое время суток и года. Особым шиком у расквартированных военнослужащих в Кабуле считалось встречать бой кремлевских курантов за новогодними столами, украшенными россыпью сочных мандаринов, рубиновых гранатов и свежесрезанными розами, хрупкие лепестки которых еще хранили капельки утренней росы. В зимние месяцы на цветы и фрукты был щедр только наш субтропический Джелалабад, и новогодний бартер проводился взаимовыгодно: Кабул Джелалабаду — елки, Джелалабад Кабулу — субтропические диковинки.

Рейс, которым Смолина летела в Джелалабад, последним совершил посадку по-старому, беспечно. После этого самолеты летали по ночам, когда это было возможно, приближались к аэродрому на безопасной высоте и резко садились. Казалось, писала Смолина, что летишь на космическом корабле и тебя вдавливают в сиденье с ужасной силой. Без парашютов летать было запрещено, хотя непонятно, чем они могли помочь при попадании в самолет ракеты. К тому же обычно они были слишком велики для женщин. Советские служащие свели полеты к минимуму. Но при передвижении по земле существовал риск попасть в засаду. Некоторые вообще отказались от поездок. Другие все-таки летали на джелалабадскую базу по делам или ради местных достопримечательностей: магазина, клуба, парикмахерской или дискотеки, которую вел лейтенант-десантник²¹.

Советские войска были вынуждены изменить тактику. Они стали выстреливать инфракрасные осветительные ракеты, чтобы сбить с толку системы наведения “Стингеров”. Самолеты летали на высоте пять километров и выше, за пределами досягаемости ракет. Советские бомбардировки стали еще более неточными и опасными для мирного населения²². Вертолеты летали в горах очень низко: “Стингеры” оказывались ненадежны, если цель нельзя было четко различить на фоне неба. Большинство транспортных рейсов отправлялись по ночам. Так удалось сократить потери, хотя стопроцентной гарантии они не давали. Один самолет сбили над Хостом на высоте десяти километров. Ему удалось приземлиться, несмотря на большую дыру в хвостовом стабилизаторе²³.

Министр обороны пообещал, что первый, кто захватит “Стингер”, получит звание Героя Советского Союза. По поводу дальнейшего есть две версии. Согласно одной, 5 января 1987 года отряд спецназа на четырех босвых вертолетах под командованием майора Сергеева, получив соответствующую информацию, смог перехватить караван. Моджахеды выстрелили из двух “Стингеров”, промахнулись, и еще одну установку удалось захватить целой²⁴. Согласно другой версии, приз достался некоему майору Белову, однако его наградили менее престижным Орденом Красного Знамени, поскольку в последний момент выяснилось, что он злоупотребляет спиртным и резок в общении с начальством²⁵.

Русские также задались целью выкупать “Стингеры” у повстанцев. Цена на тот момент составляла три тысячи долларов²⁶. Иранцы решили сделать то же самое и продемонстрировали несколько “Стингеров” на параде в сентябре 1987 года. Предположительно они купили их у двух командиров моджахедов за миллион долларов²⁷. После войны ЦРУ все еще было встревожено ситуацией и пыталось выкупить неиспользованные “Стингеры” вдвое выше их начальной цены. Но вернуть удалось совсем немного. На руках оставалось еще от двухсот до четырехсот комплексов²⁸.

По поводу военного и политического значения “Стингеров” было сделано немало громких заявлений²⁹. Согласно официальной статистике, 40-я армия потеряла во время войны 113 самолетов и 333 вертолета (американцы во Вьетнаме — 5986 вертолетов³⁰). После первой паники советские войска предприняли контрмеры, позволившие снизить потери практически до прежнего уровня. Нет и убедительных доказательств того, что “Стингеры” повлияли на процесс принятия политических решений в Москве или что они как-то еще повлияли на военные операции, помимо первоначального тактического эффекта. Горбачев принял решение о выводе войск из Афганистана за год до того, как по советским вертолетам выпустили первые “Стингеры”³¹.

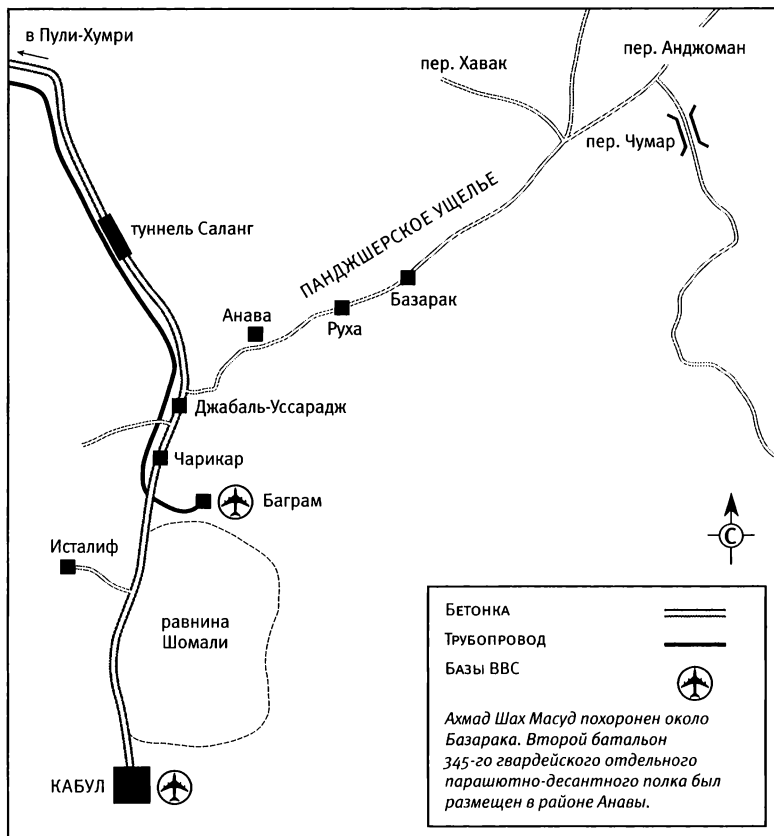
Саланг

Советы не могли позволить себе проиграть одну битву: за перевал Саланг. По этой трассе 40-я армия получала из СССР три четверти припасов. Огромные автоколонны, до восьмисот машин, двигались с колоссальной базы в Хайратоне (у Амударьи с афганской стороны границы) в Кабул. Дорога через Гиндукуш тянулась четыреста километров³².

Дорога начинается на плодородных северных равнинах, а потом заворачивает вверх по все более угрюмым горам к Пули-Хумри. Это примерно полпути. Затем дорога продолжается на юг до туннеля Саланг в ста с лишним километрах от Кабула (его построили советские власти в 60-х годах, чтобы обеспечить проезд через Гиндукуш в любую погоду). Длина туннеля — пять километров, а проходит он на высоте более трех километров над уровнем моря, выше всех туннелей в мире. Даже сегодня это пугающее место: узкий, необлицованный, плохо освещенный и плохо проветриваемый проезд, в котором могут разъехаться два грузовика, и голая порода, нависающая над головой. За войну 40-я армия провезла по этому туннелю восемь миллионов тонн припасов.

Обычно на преодоление туннеля уходило около пятнадцати минут, хотя большим автоколоннам требовалось гораздо больше времени. В ноябре 1982 года афганская правительственная колонна застряла в туннеле и заблокировала дорогу идущей следом советской колонне. Было очень холодно, и водители оставили двигатели включенными. В результате 64 советских солдата и 122 афганских погибли от отравления угарным газом. И это был не первый случай: в декабре 1979 года в туннеле погибли двенадцать солдат, а весной следующего года еще двое. Гибли там люди и после того, как туннель перестроили и заново открыли в 2002 году. После катастрофы 1982 года движение по туннелю стали регулировать более жестко, и инцидентов такого масштаба больше не допускали³³. Но в туннеле все равно было очень опасно даже в мирное время: зимой 2010 года, когда на Саланг сошли несколько лавин, погибли 160 человек.

С южной стороны туннеля дорога, широко извиваясь, спускается вниз. С одной стороны поднимаются унылые утесы и горы, с другой — обрыв: подходит для засады. Миновав разрозненные кишлаки, дорога достигает первого крупного города, Чарикара, известного своими виноградниками и гончарным делом. Здесь во время Первой англо-афганской войны были перебиты гуркхи капитана Эдварда К. Кодрингтона. От Чарикара идут менее значительные дороги: на запад к Бамиану, на восток к Баграму — главной авиабазе Афганистана, и в Панджшерское ущелье — пристанище воинственных бойцов Ахмада Шаха Масуда. Здесь начинается плодородная равнина Шомали: обнесенные стенами кишлаки, лабиринт виноградников, небольших полей, сеть арыков, бегущих вдоль трассы почти сто километров до самого Кабула и окраин огромной авиабазы в Баграме. Это идеальное место для снайперов, засад, минирования. Если советские войска и входили в кишлаки Шомали, то на свой страх и риск. Был случай, когда прапорщик, отправлявшийся из Кабула в Баграм, решил срезать по “зеленке”. Моджахеды устроили засаду. Машины были



Панджшерское ущелье

уничтожены, и лишь один раненый смог вернуться на трассу. Русские попытались забрать тела и отомстить, но лишь потеряли вертолет.

Вдоль трассы через Саланг до авиабазы в Баграме тянулся трубопровод: по нему шло из Советского Союза топливо. Аналогичный трубопровод проложили вдоль западного шоссе на Шинданд³⁴. Небольшие, по семь человек под командовани-

ем сержанта-призывника, отряды трубопроводной бригады охраняли и обслуживали насосные станции по всему маршруту. В случае инцидента или технического сбоя они отправлялись выяснять обстоятельства, будь то днем или ночью. Ничего шикарного в этой службе не было, а опасностей — предостаточно, и в 1986 году почти треть солдат одного трубопроводного батальона получили награды³⁵.

Советские войска вырубали деревья и разрушали кишлаки вдоль главных путей снабжения, чтобы лишить прикрытия мятежников, желающих устроить засаду. Заставы они размещали достаточно близко друг от друга, чтобы те могли оказывать поддержку соседям, или же на возвышенностях с обзором. Более крупные базы размещались с интервалом около двадцати километров, и на каждой имелся мобильный резерв — солдаты мотострелковых войск, бронетанковая техника и артиллерия. Прежде чем колонна выдвигалась на тот или иной уязвимый участок, отряды спецназа и десантники форсированным маршем или на вертолетах отправлялись вперед и занимали высоты прежде моджахедов, блокируя маршрут отхода последних. К примеру, одна автоколонна, отправленная в гарнизон Чагчарана, который находился в горах на полпути из Герата в Кабул, состояла из 250 военных грузовиков и нескольких сотен гражданских машин с товарами для мирного населения. Ее сопровождали четыре мотострелковых батальона, пять разведывательных рот, два танковых взвода, артиллерийская батарея и 32 вертолета³⁶.

Типичное столкновение произошло на перевале Саланг 16 октября 1986 года вскоре после полудня: на колонну нефтевозов более полутора километров длиной напали несколько сотен бойцов Масуда, сопровождаемых, как рассказывали, западными тележурналистами, мечтающими о зрелищных кадрах. Залпом из гранатометов мятежники вывели из строя сопровождавший колонну БТР. Пара нефтевозов загорелась, водители бросились в укрытие.

В это время Руслан Аушев спускался к Чарикару с небольшой группой из семи бронемашин и двух танков. Он услы-

шал стрельбу. На тот момент за операции в Афганистане ему уже было присвоено звание Героя Советского Союза. Аушев развернул отряд и бросился на помощь пострадавшей колонне. Они миновали разбитый БТР и несколько нефтевозов, которым удалось ускользнуть от нападения. Две горящих машины развернулись поперек узкого участка пути и полностью его заблокировали. Аушев попытался танком столкнуть их с дороги. Когда стало ясно, что танк может загореться, он отбросил машины в сторону двумя выстрелами в упор.

Остатки колонны были заперты в ловушку выше по дороге. Молодой лейтенант Николай Киселев, командир соседней заставы, передал по радиации, что отправляет на помощь свои скромные силы. Бронегруппа Аушева и отряд Киселева выручили выживших. Киселев погиб. Аушев был серьезно ранен³⁷.



Западное шоссе из Кушки (Узбекистан) в Герат, Шинданд и Кандагар было менее значимым, чем трасса через Саланг, но советским войскам и оно нужно было свободным. Это шоссе менее уязвимо, чем дорога через Саланг, поскольку по большей части проходит через пустыню, где мало возможностей устроить засаду. Но безопасно и там не было никогда. Майор Вячеслав Измайлов командовал транспортным батальоном в Шинданде, который отвечал за движение автоколонн между Гератом и Кандагаром. Дорога обычно занимала три дня. Колонны Измайлова насчитывали до двухсот грузовиков и двигались в сопровождении трех-четырех БТР, а в некоторых случаях — танков. Прикрытия с воздуха у них обычно не было.

Измайлов никогда не сталкивался с серьезными проблемами: возможно, потому, что был родом из Дагестана и лучше других понимал местные обычаи. Нужно относиться к афганцам с уважением, говорил он: проезжать через их деревни со скоростью три-четыре километра в час, не уезжать, если

произошел несчастный случай, общаться со старейшинами. В случае инцидентов афганцы готовы были принять компенсацию деньгами или натурой, даже если речь шла о гибели человека. Но если русские отказывались признать ответственность или выдать возмещение, афганцы брали компенсацию кровью: минировали маршруты и нападали на автоколонны. Моджахеды через своих агентов всегда узнавали, кто ведет колонну, и на тех, кто соблюдал правила игры, не нападали.

В качестве компенсации могли служить мешки с рисом или деньги на похороны. Однажды подчиненные Измайлова мимоходом расстреляли пару афганских грузовиков, заглохших у дороги. Местные лидеры сообщили ему, что владельцы грузовиков могут потерять средства к существованию, и им ничего не останется, кроме как вступить в ряды моджахедов. Измайлов устроил сложную сделку, в ходе которой из его цистерн слили топливо, через третьи руки передали его местным вождям, а оно по цепочке попало к хозяевам грузовиков.

Другой транспортный батальон придерживался иной политики, и судьба его оказалась иной. Полковник Кретенин всегда водил автоколонны на большой скорости как на открытой местности, так и в населенных пунктах, поднимая тучи пыли и не останавливаясь при несчастных случаях. Афганцы решили преподать урок. В феврале 1987 года он отправился с колонной из Кандагара в Шинданд. Измайлов следовал за ним, но медленно. В ста пятидесяти километрах от Кандагара он услышал по радиации, что Кретенина обстреливают. Когда он добрался до места, большая часть колонны была уничтожена. Кретенин погиб.

Советские пути снабжения никогда не оказывались под серьезным ударом. Но отдельные колонны время от времени неизбежно несли потери. Одна автоколонна направлялась в Файзабад из СССР; в начале пути она состояла из 1200 машин, но пункта назначения достигли лишь семьсот. Другой колонне понадобилось одиннадцать дней, чтобы преодолеть сорок километров³⁸. Организацией многих автоколонн за-

нималась совместная афганско-советская компания “Афсотр” (она продолжала функционировать и через двадцать лет после войны). Водители грузовиков были гражданскими служащими. Многие из них погибли, более девяти тысяч получили за время войны советские или афганские награды. Было потеряно одиннадцать тысяч грузовиков и автоцистерн, и даже сейчас на перевалах и в долинах лежат их обломки³⁹.

Боевые операции

Советские войска, конечно, не только оборонялись, но и наступали. В 1983 году полковника Рохлина, командующего 860-м отдельным мотострелковым полком в Файзабаде, сняли с должности за ошибки, допущенные в ходе крупной операции против моджахедов. Ценой ошибки стала гибель пятнадцати бойцов (еще 78 были ранены). Та операция стала известна как “Бахаракская бойня”. Льва Рохлина сменил полковник Валерий Сидоров, офицер со связями, чей отец преподавал в Академии Генштаба, а мать была депутатом Верховного совета. Сидоров был непопулярным командиром. Он был храбр и тверд, но солдаты видели в нем честолюбивого человека, без колебаний рискующего их жизнями и планирующего все более замысловатые и опасные операции, чтобы продвинуться по службе. После “Бахаракской бойни” на полк легла тень, но это только подстегивало Сидорова: он намеревался восстановить репутацию полка.

Его первая большая операция, проведенная в феврале 1984 года, была направлена на уничтожение мятежников в окрестностях кишлака Карамагуль, в ущелье в нескольких километрах от Файзабада. Предполагалось задействовать весь личный состав полка, включая взвод хозяйственного обеспечения (поваров, хлеборезов, кладовщиков, водовозов). Эти служащие не имели никакого боевого опыта и прежде практически не покидали базу. Особенно расстроены были “деды”, собиравшиеся через несколько недель домой. Солдаты говорят,

что как только перспектива выживания становится реальной, мужество начинает испаряться.

Солдаты выдвинулись рано утром, после того как полковник произнес пламенную речь. Через час они карабкались к плато на западной стороне ущелья. Температура была чуть выше ноля, шел дождь, и к двум часам они промокли насквозь. Из-за дурной погоды у них не было прикрытия с воздуха.

К пяти утра Карамагуль был заблокирован. Температура упала до минус пятнадцати — минус двадцати, офицеры и рядовые сгрудились, чтобы согреться. Солдаты из разведроты направились к Карамагулю в шесть утра. К тому моменту кишлак уже опустел, хотя печки были еще теплыми: местные жители и повстанцы своевременно скрылись. Оставаться там смысла не было, и в восемь утра солдаты начали покидать кишлак. Тут на них напали моджахеды. Только разведчики успели добежать до своих БМП и вырваться оттуда.

Отступление на плато прикрывал третий взвод. Его солдаты были вооружены лучше моджахедов, но на стороне последних были мобильность и численное преимущество. Поварам и водителям, а также раненым и солдатам из минометной батареи было приказано отступать на полковую базу под командованием прапорщика С. Они двинулись по плато, но попали под перекрестный огонь, и С. повел их вниз по ущелью в сторону базы, надеясь, что так они доберутся быстрее всего. Оставшаяся часть батальона смогла отбиться, лишь несколько солдат получили легкие ранения. Правда, достигнув края плато, выходящего к базе, они вновь оказались под обстрелом. Они съехали по заснеженному откосу на собственных задницах и вернулись на базу.

После переключки обнаружилось, что С. и его отряд так и не вернулись. Разведчики, у которых оставались силы, сели в БМП и выехали на поиски. Они вернулись в пять вечера с телом одного из поваров. По дороге они встретили еще шесть солдат, ковьялявших к базе. Среди них был и С., но он был слишком потрясен, чтобы рассказывать о случившемся. Ночью

вернулись еще двое: повар, потерявший ботинки, чьи ноги были изрезаны, и один из водителей по прозвищу Молдаванин, из замерзших рук которого пришлось вырывать оружие. Он выдал лишь, что все остальные погибли, кроме одного солдата — того взяли в плен.

Сидоров понял, что у него серьезные проблемы. Начальство распнет его за то, что он не дождался благоприятной погоды и вертолетного сопровождения. Было известно, что кишлак хорошо защищен, имеющихся сил недостаточно для выполнения боевой задачи, а повара и водители были совершенно непригодны к бою. И как он объяснит начальству, что никто не знает о судьбе пропавших солдат? Он попросил бойцов собраться с силами и отправиться на поиски. Ночью — вещь в армии беспрецедентная — один “дед” и пять новобранцев чистили оружие, собирали сухую одежду и сушили ботинки тех, кто собирался утром на поиски пропавших. На следующий день, отчаянно матерясь, добровольцы вышли навстречу холодной заре, под легкий снегопад.

Половина солдат взобралась на плато, чтобы прикрыть группу под командованием лейтенанта: тех отправили в ущелье, по которому пытался отступить С. Они нашли несколько мин и горы гильз. Река замерзла, и бойцы взламывали лед на случай, что под ним что-нибудь обнаружится. Когда их силы были уже практически на исходе, они наконец обнаружили замерзшие, изувеченные и кастрированные тела семи солдат.

Стало ясно, что произошло: попав под обстрел, несчастные повара изо всех сил понеслись к базе, вместо того чтобы занять оборонительные позиции и звать на помощь. Молдаванин и еще один солдат, старшие в группе, прикрывали их отход. Моджахеды напали на маленький отряд с обоих концов ущелья, а третья группа обстреливала их сверху. Расстреляв все патроны, Молдаванин бросился в реку и спасся. Его товарищ не последовал примеру, и его схватили. Потом местные агенты доложили, что его кастрировали и вдели ему в нос кольцо. Его месяц водили голым по кишлакам, а потом прикончили.

Полгода спустя на базу пришел грязный мальчик и предложил за деньги показать, где похоронили пленного. Тело было невозможно опознать. Солдаты похоронили тело, а мальчика на всякий случай расстреляли. В отсутствие какой-либо информации солдата объявили пропавшим без вести.

В октябре 1984 года Сидоров затеял еще одну крупную операцию, которую после назвали "Вторая операция Аргу". Она закончилась трагедией. Продукты, боеприпасы и прочее доставлялись в Файзабад из Кишима. Длина прямой дороги между этими городами составляла около тридцати километров. Дорога шла через перевал Аргу, где прочно окопались моджахеды. Единственной альтернативой была старая кишимская дорога, по которой надо было ехать вкруговую около ста километров. Путь обычно занимал три-четыре дня: колонны в сопровождении бронемашин, саперов и разведроты ползли с черепашьей скоростью, поскольку саперы пешком шли впереди, выискивая мины и фугасы. Но все равно каждый раз по мере движения случалось два-три подрыва. Если колонну обстреливали, солдаты уничтожали ближайший кишлак, чтобы предупредить следующие атаки. К концу 1983 года старая кишимская дорога была вся в развалинах.

За четыре месяца до этого, в мае, Сидоров решил расчистить короткую дорогу и тем самым высвободить для наступательных операций 2-й батальон, занятый охраной и сопровождением. Моджахеды ушли, но быстро вернулись, как только войска покинули урочище Аргу. Теперь полку предстояло занять долину и открыть дорогу раз и навсегда. В операции должен был принять участие весь полк, за исключением небольших подразделений, охранявших полковую и батальонные базы.

Накануне вечером Сидоров снова выступил перед солдатами с речью, призвал их быть достойными своих отцов и биться до последнего. Температура поднялась до сорока градусов в тени, и несколько солдат упали в обморок еще прежде, чем он закончил говорить.

Опергруппа выдвинулась следующим утром в клубах черного дыма, под рычание двигателей. Поначалу все шло неплохо. Но через несколько дней один инцидент, которого можно было избежать, положил операции конец.

Машина Сидорова застряла на речной переправе. Водитель никак не мог ее завести. Сидоров выдернул его с водительского сиденья, отвесил несколько тумачков и послал куда подальше, а затем сам скользнул на его место. В этот момент граната, которая была у него на поясе, за что-то зацепилась. До взрыва остались считанные секунды, и Сидоров не успел выбросить гранату наружу. В последний момент он закрыл ее собой.

Операция была прекращена, и солдаты вернулись на базу. Вечером в офицерских модулях поминали командира. Во тьму летели сигнальные ракеты и трассирующие пули — прощальный салют. Танки несколько раз выстрелили по ближайшему кишлаку, чтобы его жители тоже запомнили Сидорова. У солдат водки не было, однако и они устроили тризну: пили брагу, жарили картошку и ели тушенку из банок. В карауле в ту ночь стояли только молодые солдаты.

В полковом морге изувеченное тело привели в порядок. На следующий день гроб с телом комполка в парадной форме и с наградами выставили в клубе. Под развернутым знаменем в почетном карауле стояли офицеры — при полном параде, несмотря на вчерашнюю попойку. Солдат построили для прощания с командиром. Под звуки оркестра гроб погрузили в вертолет, и Сидоров отправился на родину. Его похоронили на Кузьминском кладбище, и каждый год в день его гибели ветераны 860-го полка собираются на его могиле⁴⁰.

Кузнечный молот

Большинство крупномасштабных операций 40-я армия вела в величественных горах на границе с Пакистаном, где пролегали основные пути снабжения моджахедов, или в плодородном

Панджшере, откуда повстанцы угрожали снабжению советских войск через Саланг.

Город Хост находится в тридцати километрах от пакистанской границы, примерно в ста пятидесяти километрах от Кабула и ста километрах от Гардеза, с которым он связан стратегически важной дорогой, уязвимой для засад и поднимающейся на высоту до трех километров в районе перевала Сатыкандав. Во времена войны партизанами на этой территории руководил Джалалуддин Хаккани, двадцать лет спустя — его сын Сираджуддин. К тому моменту советскую базу в Хосте заняли американцы. Именно там смертник убил семь сотрудников ЦРУ в декабре 2009 года.

База Джалалуддина в районе Завара представляла собой комплекс туннелей с выходами в сторону Пакистана, до которого было всего несколько километров. Внутри находились склады оружия и ремонтные мастерские, гараж, медпункт, радиоцентр, кухня, мечеть и гостиница. Базу защищали пятьсот моджахедов, вооруженных гаубицей, гранатометами, зенитными пулеметами и двумя танками Т-55, захваченными у афганской армии в 1983 году. Эта база позволяла Джалалуддину постоянно угрожать Хосту⁴¹.

В конце 1985 года афганская армия при поддержке советских частей провела крупную операцию, чтобы разгромить базу в Заваре⁴². Первые попытки не увенчались успехом. Воздушный десант 38-й афганской бригады коммандос потерял дорогу в темноте и высадился на другой стороне границы. Их окружили и взяли в плен. К этому моменту правительственные войска потеряли примерно две трети солдат убитыми и ранеными, а также из-за дезертирства, и были уже совсем не эффективны.

В Хост вылетел Варенников, чтобы исправить положение. На этот раз советские власти выделили в поддержку афганцам три батальона 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады и два — 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Афганцы взяли Завар, но обна-

ружили, что база пуста. Советским инженерам выделили время — слишком мало — на то, чтобы обрушить туннели. После этого войска ушли из Завара, и в Кабуле состоялся парад. Моджахеды в считанные дни снова заняли комплекс и казнили 78 пленных афганских офицеров, в том числе командующего 38-й бригадой.

Следующей осенью все пришлось начинать заново. Операция получила кодовое название “Магистраль”. Командующими были назначены генерал Громов и афганский министр обороны генерал Танай, помогавший эвакуировать советников из Герата в марте 1979 года. В операции участвовали около десяти тысяч советских и около восьми тысяч афганских солдат, и в силу своего масштаба и политического значения “Магистраль” стала одной из самых заметных операций всей афганской войны⁴³. Блокаду снова удалось снять, и 30 декабря в Хост начали поступать автоколонны с припасами. Вновь советские войска были выведены, и снова моджахеды вернулись на свою базу. Варенников стал Героем Советского Союза. К мнению тех, кто считал, что награды заслужили настоящие герои, не прислушались⁴⁴.

По окончании операции “Магистраль” произошла одна из самых знаменитых историй той войны — бой 9-й роты 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка (той самой, которую Востротин вел на штурм дворца Тадж-Бек в декабре 1979 года) за высоту 3234, расположенную в трех километрах над уровнем моря и нависающую над значительным участком дороги в Гардез. Эту дорогу советские командиры были намерены сохранить открытой. Девятая рота — всего 39 человек — высадилась на вершине горы 7 января 1988 года, и практически тут же ее атаковали моджахеды — от двухсот до четырехсот бойцов. Атаки продолжались до следующего утра, когда у защитников практически кончились боеприпасы и они потеряли шестерых убитыми и 28 ранеными. Двое погибших, младший сержант и рядовой, стали героями Советского Союза. В 2005 году об этом случае сняли высокобюджет-

ный фильм “9-я рота”. Он имел значительный успех в России и за рубежом, хотя большинство ветеранов афганской войны сочли его помпезным и исторически неточным.

Джалалуддин возобновил блокаду Хоста. Конгрессмен Чарли Уилсон, один из самых активных спонсоров моджахедов, побывал у него в гостях и провозгласил его “олицетворением великодушия”⁴⁵. Джалалуддин захватил Хост в апреле 1991 года, спустя два года после вывода советских войск. Потом он перешел на сторону талибов и продолжал поддерживать их после 11 сентября 2001 года. Герой Чарли Уилсона стал номером три в американском списке самых опасных террористов⁴⁶.

Панджшер

Операции 40-й армии в Панджшерском ущелье поразили воображение и русских, и иностранцев. Там были проведены девять крупных операций, хотя на этот счет есть споры. Операции проводились по схожей модели. 40-я армия входила в долину, рассредоточивалась, но не могла добиться решающей победы над Масудом в силу его способности ускользать от удара. Затем русские покидали территорию, оставляя ее афганским военным и чиновникам. Тогда Масуд возвращался. Он убивал, переманивал к себе или изгонял представителей режима, и все надо было начинать заново. Тем не менее русские все время сохраняли в долине некую точку опоры. Помимо военного городка в Анаве, второй батальон 345-го отдельного парашютно-десантного полка устроил двадцать застав в низовьях долины. На каждой служило до дюжины солдат под командованием лейтенанта. Снабжали их обычно вертолетами, и дело это было опасным: хотя у людей Масуда не было “Стингеров”, они успешно применяли тяжелые пулеметы, так что местная вертолетная эскадрилья потеряла почти треть машин. Регулярно происходили и несчастные случаи — солдаты наступали на мины или попадали под пулю снайпе-

ра. При невозможности эвакуировать раненых в Баграм вертолетами для их отправки собирали небольшую бронегруппу, что ставило под удар остальных солдат.

Панджшер — место восхитительно красивое. Здесь живут таджики — правоверные, но не фанатичные мусульмане-сунниты, которые часто конфликтуют с пуштунами, живущими южнее. По этой долине Александр Македонский совершил легендарный зимний поход, преследуя Бесса — последнего претендента на трон Персии. Позднее местные жители добывали себе пропитание, собирая дань с богатых караванов из Китая, проходивших по долине — здесь до XX века пролегал один из главных торговых путей из Кабула на север. Художники европейского Возрождения пользовались лазуритом, добываемым в верховьях долины, для изготовления голубой краски, которой писали одеяния мадонн. Шахты даже во время войны приносили более пяти миллионов долларов в год. Они были тщательно замаскированы и защищены от атак с воздуха. Добыча велась с помощью инженеров из Японии и Западной Германии. В силу экономической значимости шахт для сил сопротивления советские стратегические бомбардировщики в июне 1981 года попытались уничтожить их, но ничего не вышло⁴⁷.

Когда построили дорогу через перевал Саланг, долина утратила значимость в качестве торгового пути. Тем не менее ее опасная близость к главной авиабазе в Баграме, к главному пути снабжения через Гиндукуш по туннелю Саланг и собственно к Кабулу, делала здешних партизан источником постоянного раздражения для русских с первого до последнего дня оккупации.

Подход к долине со стороны Шомали, в девяносто километрах от Кабула, выглядит неприступным. От Чарикара тянется узкое ущелье Даланг Санг. Вдоль него, в двадцати метрах внизу, пенятся воды реки Панджшер, а дорога льнет к крутому каменистому склону слева. По этой узкой дороге и шли советские войска в первые пять лет войны.

На выходе из ущелья открывается долина. В ее низовьях растут виноград, тутовые и абрикосовые деревья, пшени-

ца и кукуруза. Река богата рыбой. Кишлаки разбросаны вдоль реки и в предгорьях, многие представляют собой всего одну улицу. Нередко в кишлаке есть небольшая крепость, а жилые дома обнесены стенами.

От Чарикара до верховий долины — более 150 километров⁴⁸. При русских дорога заканчивалась через 85 километров. Дальше приходилось идти или ехать в седле по все более неровной местности, вплоть до самых ледников Гиндукуша у самой границы с Пакистаном и Китаем, которые поднимаются на три-шесть километров⁴⁹. Покинуть эти горы можно по одному из двух перевалов, которые и обозначают конец долины: перевал Хавак (3670 метров), ведущий к северным равнинам, и перевал Анджоман (4430 метров), ведущий к Бадахшану, окраинной северо-восточной провинции страны. Даже летом преодолеть эти горы трудно, а зимой они вообще практически закрыты. Именно по этим перевалам решительные люди доставляли товары, оружие и боеприпасы для восставших.



Первая советская операция в Панджшерском ущелье состоялась в апреле 1980 года — всего четыре месяца спустя после вторжения. В ней участвовали три советских батальона, в том числе 4-й батальон 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады под командованием капитана Леонида Хабарова. С ними было около тысячи афганских военных и милиционеров. Согласно плану, советские войска должны были по мере продвижения блокировать кишлаки, а афганские — обыскивать и досматривать их. Масуд мог выставить едва ли более тысячи человек, вооруженных в основном устаревшими винтовками и еще не успевших обустроить оборонительные сооружения. Они заминировали единственную дорогу, ведущую в долину, уничтожили мосты и готовились атаковать пришельцев из засады.

Сначала все шло гладко. Советские солдаты разминировали дороги, наводили мосты и двигались вперед. Если дорога полностью приходила в негодность, они ехали по речному руслу. Они быстро добрались до штаб-квартиры Масуда в кишлаке Пасишах-Мардан. Повстанцы покинули ее в спешке: тюрьма была пуста, повсюду были разбросаны папки с документами, списками и удостоверениями личности.

Сергей Морозов, сержант 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, рассказывал:

Это была первая операция, в которой мы столкнулись с серьезным сопротивлением. На нас устраивали засады, дороги подрывали. Конечно, я не совсем понимал, что происходит, я тогда был только сержантом. Мы проехали сколько смогли и высадились. Покинув кишлак, где находилась штаб-квартира Масуда, мы отправились в самый конец долины Панджшер. Дальше за все время войны никто не заходил: это было прямо у границы с Пакистаном.

По пути назад по горным перевалам на наш батальон напали. В правофланговом взводе погибли тринадцать человек. Мой собственный взвод был во главе колонны на пути туда, так что на обратном пути мы стали замыкающими. Мы остановились на ночь, и нам пришлось выдержать несколько нападений моджахедов. В те дни они пользовались простым оружием, зачастую самодельным. Минометы у них появились потом. Нам противостояло небольшое их число, может быть, всего несколько десятков. Все время, но не ночью, у нас было вертолетное прикрытие. За время долгого перехода большая часть раций вырубилась, аккумуляторы сели. Но я был знаком с устройством раций еще до войны и выключал свое радио, когда оно находилось вне зоны приема или когда сигнал блокировали горы. Поэтому у меня было достаточно заряда, чтобы вызвать вертолеты, когда понадобится... Нам потребовалось некоторое время, чтобы уйти от негибкой тактики, которой нас учили для ведения войны в Европе. Хотя наша бригада была сформирована для опера-

ций в пустыне и в горах, практика отличалась от теории. После первой Панджшерской операции я спросил командира нашей роты капитана Хабарова, стоит ли продвигаться неуклюжими колоннами, которые могли застрять по пути и часто не могли развернуться. Не будет ли лучше перебрасывать войска вертолетами? И конечно, со временем мы научились это делать⁵⁰.

Русские сочли операцию успешной. Повстанцы же решили, что верх одержали они. Один афганский историк утверждал, что в долине в то время находились всего две сотни вооруженных повстанцев, а единственным их противотанковым оружием были три гранатомета. Они, мол, сознательно не сопротивлялись первоначальному продвижению русских, но бросились на них, как только те стали отводить войска из гор. Газета мятежников “Зов джихада” сообщила, что было убито сто советских и афганских солдат, захвачены десять орудий, повреждены восемь танков и других машин, тогда как мятежники потеряли всего четыре человека. Кроме того, погибли двадцать пять мирных жителей⁵¹.



Вполне естественно, что Масуд воспользовался перемирием 1983–1984 годов, чтобы набрать и перевооружить бойцов. Советская разведка подсчитала, что к этому моменту он собрал уже три с половиной тысячи боевиков. Пятьсот защищали вход в долину, еще две тысячи действовали против афганских и советских баз. Остальные находились на северо-востоке долины и должны были предотвращать возможные высадки вражеского десанта⁵².

Под давлением афганского руководства весной 1984 года Москва решила раз и навсегда разобраться с Масудом. На этот раз предполагалось задействовать одиннадцать тысяч советских и 2600 афганских солдат, а также двести самолетов и 190 вертолетов.

Впереди шли отряды спецназа. Они обнаружили, что мятежники оставили свои позиции, однако русские решили не прекращать операцию, поскольку бомбардировщики с кассетными и фугасными бомбами уже покинули свои базы в Советском Союзе⁵³. Авианалет длился около двух часов.

Основные силы двинулись в четыре часа 19 апреля. Впереди шли саперы. Тридцатого апреля серьезно пострадал 2-й батальон 682-го мотострелкового полка: его командир приказал батальону войти в ущелье, ведущее к выходу из долины, до того, как были захвачены командные высоты. Сначала батальон не встречал сопротивления. Солдаты ослабили бдительность, и вскоре на них напали с трех сторон. В схватке батальон потерял 53 человека убитыми (среди них двенадцать офицеров), 58 получили ранения. Рядовой Николай Князев описал последствия.

Взвод, в котором я тогда служил, нес службу по охране командного пункта полка в Бараке, в долине Панджшер. Утром на КП вдруг началось непонятное движение, тревожно забегали офицеры, а проходивший мимо нас командир полка подполковник Суман сказал, что наш батальон в ущелье зажали “духи”, есть раненые и убитые.

Наш командир взвода лейтенант Гарник Арутюнов приказал грузить на “броню” носилки. Мы выполнили его команду, сели на бронетранспортер и двинулись вверх по ущелью. Затем, дождавшись сумерек, пешком отправились дальше. Во главе с взводным нас было человек десять солдат. Пробирались по горным тропам довольно долго и медленно, ведь там сплошные валуны и террасы, поэтому трудно было определить пройденное расстояние. Казалось, что идем мы целую вечность.

Через какое-то время мы увидели странное мерцание в темноте, по команде командира взвода залегли, но скоро поняли, что этот свет пробивается через триплексы БМП. Только двинулись дальше, как с нее по нам начали стрелять из пулемета Калашникова. Арутюнов пустил ракету, мы стали кричать, и стрельба пре-

кратилась. Подошли. Это была подорвавшаяся на mine БМП... На ней оставались контуженные механик-водитель и зампотех батальона майор Кононенко. Тронулись дальше. Через некоторое время навстречу нам вышли отправленные перед нами в тот район разведчики. Они вынесли несколько тел погибших. Все как-то сразу сникли. Кажется, там был и труп нашего комбата, капитана Александра Федоровича Королева.

Уже рассвело, когда мы вышли к кишлаку... Проходя между домами по центральной улице кишлака, мы услышали шум мотоциклов, а несколько секунд спустя мы увидели две выдвигающиеся БМП нашего батальона. На броне грудой были свалены трупы погибших ребят. Из этой кучи-малы в разные стороны торчали руки и ноги. Тут же были навалены разбитые рации, АГСы. За "броней" шли уцелевшие в бою солдаты. На их лица было страшно смотреть. Они были отрешенными, не выражали никаких эмоций, они были какие-то неживые...

С этой группой мы повернули назад и через некоторое время вышли к бронегруппе полка... В это время неподалеку от нас сели вертушки. В нашу сторону двинулась группа старших офицеров, среди которых я заметил и генералов. Один из них приказал вышедшим ребятам построиться. Офицер подошел к плохо что соображавшим еще ребятам, от которых несло сладковатым трупным запахом, — сутки они пролежали среди убитых (даже не представляю, что творилось у них в головах). "Суки! Пидеры! Вы здесь стоите, сволочи, а там ваши братья лежат! Почему вы здесь?!" — вот так он к ним обратился. В таком же духе прочитал им нотацию и с чувством выполненного долга удалился. А ребята стояли молча и отрешенно — может, они его вообще даже и не слышали.

К вечеру пришел приказ грузиться на броню, и мы опять отправились туда, откуда вернулись утром, — к месту вчерашнего боя. Нам приказали собирать тела погибших. Представьте себе открытую площадку площадью примерно сто на сто метров. Посередине протекает речка. Справа — ровная площадка, небольшие терраски и высотка, примерно 200–300 метров. Слева от реки —

тропа, тоже на открытом месте, с одной ее стороны — отвесная стена скальника, с другой — обрыв к реке.

Сразу стало ясно, что мы на месте — стоял тяжелый трупный запах, ребята пролежали почти двое суток, а в это время года уже здорово припекает. Мы очень боялись, что “духи” поджидают, когда придут подбирать трупы, и мы останемся тут же, на этом месте лежать. Мы начали пробираться к подножию высоты, к террасам. Сначала наткнулись на труп сержанта из “дембелей”, он был без обеих ног: то ли подрыв, то ли очередь из ДШК. Пятеро или шестеро ребят лежали вповалку в естественном укрытии на террасах. Они попали или под очередь из ДШК, или когда “духи” стали забрасывать ребят гранатами. Так они и лежали все вместе там, где настигла их смерть. Мы переправляли трупы, как во сне, механически. Вид тел был ужасен.

Вдруг мы услышали слабые стоны немного в отдалении от площадки, у тальника. Осторожно пошли на звук и наткнулись на еще живого солдата. У него была отстрелена голень, она висела на лоскутах мышц. От кровопотери у него мутилось сознание, но он сумел жгутом перетянуть ногу, поэтому не истек кровью. Мы оказали ему первую помощь и вынесли к “броню”. Он остался жив.

Помню, на деревце висели чьи-то лохмотья, а под ним месиво. Кому-то, видно, пуля попала в мину, которые всегда навьючивали на всех солдат. Стрелкового оружия не было, все собрали “духи”. Утром 2 мая мы вернулись к бронегруппе полка. Трупы лежали на каменистом пляжике в несколько рядов. Было их около пятидесяти. Говорили, что нескольких уже вывезли. Наш ротный лейтенант Курдюк Сергей Николаевич лежал на спине с согнутыми в локтях перед собой руками, кулаки были сжаты, поперек груди виднелась полоса дыр от пуль. Говорили, что его застрелили шедшие с батальоном “зеленые” сарбозы⁴, когда стали перебегать к духам, а он успел крикнуть ребятам, чтобы они стреляли по ним⁵⁴.

Солдаты афганских правительственных войск.

Эту операцию советские военачальники тоже записали в число своих побед. По ее окончании маршал Соколов вылетел в Руху, главный город долины, чтобы все увидеть своими глазами. Смотреть было не на что. Советские танки стояли в пшеничных полях. Но ущерба было нанесено немного, а мятежников и след простыл. Соколов устроил совещание в доме, занятом под штаб. На нем присутствовали трое афганцев — активисты, которые должны были восстановить власть кабульского правительства над долиной. Они сидели, подавленные и незаметные, среди генералов и полковников.

Генералы доложили Соколову, что вторжению противостояли три тысячи повстанцев. Около 1700 были убиты, а выжившие бежали в горы, унося с собой тела погибших товарищей. Вот почему следов боя почти не видно.

На совещании присутствовал заместитель начальника информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ Леонид Шебаршин. Статистика, которой перебрасывались генералы, Шебаршина не убедила. Сколько жертв с советской стороны? Как могли тысяча триста выживших повстанцев унести на себе тысячу семьсот трупов? Как сосчитали трупы, если их не осталось? Он нашел ответ. Жертвы в стане врага подсчитывались по формуле, основывающейся на количестве использованных боеприпасов. Эта очаровательно точная формула позволила советской армии утверждать, что повстанцы каждый год, начиная с 1982 года, теряли тридцать тысяч человек убитыми⁵⁵.

Соколов доложил Устинову, что убито 2800 мятежников и тридцать захвачены в плен. Кармалю он сообщил, что дорога для афганских властей теперь открыта, можно восстанавливать в долине гражданскую администрацию и запускать программы социально-экономических реформ в интересах крестьянства⁵⁶. Только потом стало ясно, что Масуд, которого предупредили агенты в Кабуле, опять вывел почти все свои силы, чтобы переждать нашествие. Именно поэтому советские силы столкнулись с таким слабым сопротивлением. В основном они те-

ряли людей на минах и в засадах, пока прочесывали кишлаки. При этом стратегические бомбардировщики почти не повредили рассеянным силам врага и сельским жителям (пехотинцы с горечью говорили, что летчики “даром свой шоколад едят”⁵⁷). Репутация Масуда еще больше укрепилась. Он смог распространить свое влияние на северные провинции страны и превратился из рядового полевого командира в крупную политическую фигуру, хорошо известную в стране и за ее пределами.

Тактика без стратегии

Капитан Хабаров так и не избавился от горечи, которую оставили эти операции. “Почему мы ушли так поспешно из Панджшера? — задавался он вопросом. — Какой смысл был в этой операции?.. На протяжении всей этой войны практически все операции заканчивались подобным образом. Развязывали боевые действия, гибли наши солдаты и офицеры, гибли военнослужащие правительственных сил, гибли моджахеды и мирное население. После окончания операции войска уходила из района ее проведения, и все возвращалось на круги своя. Перед афганцами — ‘зелеными’, как мы называли правительственные войска, которых мы предали и продали, уйдя из Афганистана, оставили их и их семьи на растерзание, — у меня осталось чувство вины и горечи”⁵⁸.

Удары молота были неспособны расколоть орех — настичь ускользающую, лишённую центрального командования армию партизан. Непосредственные задачи этих операций, как правило, выполнялись: осада с заставы снята, база повстанцев уничтожена, долина занята. Но у русских никогда не хватало людей, чтобы контролировать занятую территорию. После успешной операции они возвращались на базы и передавали полномочия своим афганским союзникам. А военным и гражданским чиновникам не удавалось работать с враждебно настроенным населением. Под моральным и политическим

давлением со стороны моджахедов они оставляли свои посты, дезертировали или переходили на сторону врага.

Так что русские (как и другие армии, приходившие в Афганистан до и после них) обнаружили, что когда захватываешь землю, тебе нужны войска, чтобы ее удержать. Они могли господствовать над городами и кишлаками днем, но моджахеды правили там ночью. Советские силы не смогли разжать хватку мятежников в сельской местности или закрыть границу, через которую те получали припасы.

В сущности, советские войска хорошо владели тактикой, но у них не было реалистичной стратегии. Они выигрывали битвы, но не могли одержать убедительную победу в войне. Все их усилия, как военные, так и политические, оканчивались ничем. В итоге у них не осталось выбора: пришлось пойти на все, лишь бы выпутаться из этой истории.

Глава 10

Опустошение и разочарование

Армия — институт, организующий и канализирующий насилие, применяемое для отстаивания неких национальных интересов. Армия помогает сконцентрировать чувство патриотизма, самопожертвования и солидарности, которые требуются государству ради его внутренней устойчивости, а порой и для самосохранения.

Насилие непросто контролировать, и армиям приходится справляться с насилием в собственных рядах, равно как и с жестокостью по отношению к врагу и мирному населению. Иначе им грозит утрата дисциплины и функциональности. Известна суровая решимость Веллингтона держать свою армию — “подонков общества, завербовавшихся ради выпивки”, — под контролем. Однако и ему это не всегда удавалось.

Но командирам также нужно было поддерживать боевой дух своих людей, а также — что само по себе важно для сплоченности — честь мундира. Вновь и вновь во всех армиях это приводит к обходу закона и укрывательству: военачальники пытаются остановить распространение информации о военных преступлениях или хотя бы смягчить их последствия. Так, из-за давления военных и общественного мнения власти США не решились привлечь к ответственности всех виновников бойни во вьетнамской общине Сонгми

в 1968 году*. Командиры 40-й армии сталкивались с тем же. Генералы отчитывали их за то, что они не обеспечивают жесткую дисциплину. И поэтому они в страхе за свою карьеру зачастую списывали самоубийства и убийства на боевые потери. Некоторые преступления скрыть было невозможно. Но во множестве случаев офицерам удавалось избежать расследования собственных действий или поступков солдат. А действия вроде уничтожения кишлаков, подозреваемых в укрывательстве повстанцев или в обстреле, считались легитимными или, по крайней мере, неизбежными аспектами военных действий.

Сороковая армия четко давала солдатам понять, что им грозит за недостойное поведение. В 1985 году армия выпустила небольшую брошюру: «Быт, нравы и обычаи народов Афганистана. Правила и нормы поведения военнослужащих за рубежом родной страны»¹. В брошюре описывались страна и ее жители, их религия, их яростное стремление к независимости, их быт, одежда и пища, обычаи гостеприимства и кровной мести, ритуалы, сопровождающие рождение, вступление в брак и смерть. Затем приводились простые правила поведения: помни, что ты — представитель своей армии, и будь достоин своей исторической миссии; знай и уважай обычаи местных жителей, даже если они не совпадают с твоими; очень внимательно и уважительно относись к афганским женщинам; не мешай мусульманам во время молитвы и не входи в мечеть без важной причины; остерегайся шпионов; не пей из оросительных каналов; не покидай лагерь и не соглашайся на чье-либо гостеприимство без разрешения. Вводились жесткие запреты на торговлю, особенно наркотиками.

Карательная операция американской армии в Южном Вьетнаме, в ходе которой было уничтожено, по некоторым оценкам, более пятисот мирных жителей. Жертв подвергали пыткам и изнасилованиям. Американский суд признал виновным только одного из непосредственных участников операции.

В заключении говорилось: “Воин, помни! За совершение по своему недомыслию, беспечности или умышленно противозаконных действий на территории ДРА по отношению к афганским гражданам ты несешь ответственность согласно Уголовному кодексу РСФСР и других союзных республик и закону ‘Об уголовной ответственности за воинские преступления’”. Умышленное убийство каралось заключением на срок до десяти лет, а при наличии отягчающих обстоятельств (в том числе опьянения) виновному могла грозить смертная казнь. Грабеж с применением насилия и контрабанда также могли наказываться десятью годами тюрьмы.

Военные преступления

Угрозы были не пустыми. Советским военным прокурорам в Афганистане приходилось иметь дело с целым букетом преступлений: убийствами, мародерством, изнасилованиями, употреблением наркотиков, дезертирством, нанесением себе увечий, кражами и насилием в отношении местного населения. Виновным выносили суровые приговоры, включая тюремное заключение, отправку в дисциплинарные батальоны в СССР, а в ряде случаев расстрел. Был момент, когда в печально известной тюрьме Пули-Чархи под Кабулом содержалось две сотни советских солдат, обвиняемых в разного рода преступлениях против афганского населения, в том числе убийствах. К концу войны больше двух с половиной тысяч советских солдат отбывали заключение, более двухсот — за умышленное убийство².

Пока архив военной прокуратуры не будет опубликован, какие-либо надежные оценки давать невозможно. А доступная статистика довольно неоднородна. Генерал, выступавший перед командирами 40-й армии в 1988 году, заявил, что в 1987 году число преступлений сократилось с 745 до 543. Он назвал несколько частей, где ситуация была совсем тяжелой: разведотряды, известные нетрепетным отношением к дисциплине, ВВС,

108-я и 201-я мотострелковые дивизии, 66-я и 70-я отдельные мотострелковые бригады, 860-й отдельный мотострелковый полк. По другим данным, в отношении советских солдат в Афганистане было возбуждено 6412 уголовных дел, в том числе 714 по обвинению в убийстве, 2840 — в продаже оружия афганцам и 534 дела, связанных с торговлей наркотиками³.

Невзирая на санкции, солдаты совершили множество жестокостей как поодиночке, так и коллективно. Виновники оправдывали себя: “Они поступили так с нами, поэтому у нас есть право поступить так с ними”. Советские командиры считали нужным доносить до подчиненных истории о том, как моджахеды казнят и пытаются пленных.

Рассказы эти имели под собой основание: в конце концов, такова была давняя афганская традиция, свидетелем которой был еще Киплинг. Второстепенный лидер моджахедов хвастался, что ввел в практику сдирание кожи с русских, попавших в засаду, после чего их, еще живых, окружали минами, чтобы поймать в ловушку и спасателей⁴. Варенников описывал катастрофу, которой обернулась в апреле 1985 года операция одной роты 22-й бригады спецназа. Дело было в восточных горах провинции Кунар, где двадцать лет спустя вели ожесточенные бои американцы. Рота не ожидала сопротивления. На них напали из засады, и тридцать один человек погиб. При попытке забрать тела павших советские силы потеряли еще троих. Оказалось, что семь солдат покончили с собой, лишь бы не сдаваться. Остальных изувечили или сожгли заживо. Варенников встречался с одним из выживших, сержантом — тот сошел с ума⁵.

Иногда солдаты совершали преступления хладнокровно, иногда — в пылу битвы или сразу после боя. “Жажда крови, — писал один из них, — это страшное желание. Оно настолько сильно, никаких сил сопротивляться. Я сам был свидетелем, как батальон открыл шквальный огонь по группе, спускавшейся с холма к колонне. И это были НАШИ солдаты! Отделение разведки, отходившее с прикрытия! Расстояние было

метров двести, и то, что это свои, все понимали процентов на девяносто. И тем не менее — жажда смерти, желание убить во что бы то ни стало. Десятки раз я видел собственными глазами, как ‘молодые’, ‘приложив’ своего первого ‘чувака’, орали и визжали от радости, тыкали пальцами в сторону убитого противника, хлопали друг друга по плечам, поздравляли; и всаживали в распростертое тело по магазину, ‘чтобы наверняка’... Не каждому дано перешагнуть через это чувство, через этот инстинкт, задавить в душе этого монстра”.

Иван Косооговский из Одессы, служивший в 860-м отдельном мотострелковом полку, был веселым парнем, и его все любили. Его роту отправили вертолетами проверить информацию разведки о кишлаке, находившемся в 25 километрах от полковой базы. По дороге пулеметчики развлекались тем, что расстреливали стада коров и овец. Оправданием им служило то, что они якобы лишают моджахедов их запасов продовольствия. Расстреляв кишлак, солдаты приземлились и стали прочесывать его. В одном из домов Косооговский заметил маленькую дверь и услышал дыхание за ней. Над дверью был небольшой проем. Он выдернул чеку, протолкнул гранату в дыру и сопроводил взрыв очередью из автомата. Выбив дверь, он увидел результаты своего труда. Пожилая женщина была мертва, молодая — еще дышала, а рядом лежали семеро детей в возрасте от года до пяти, некоторые еще двигались. Косооговский выпустил магазин в шевелящуюся массу и бросил еще одну гранату. “Не знаю, — говорил он потом. — Понимаешь, не в себе был. Может, не хотел, чтобы мучились — все равно кранты! Да и особисты... Ты же знаешь”. И действительно, он мог оказаться в дисциплинарном батальоне, если бы офицеры не замяли эту историю⁶.

Четырнадцатого февраля 1981 года разведотряд — одиннадцать солдат 66-й отдельной мотострелковой бригады под командованием старшего лейтенанта — вломился в дом в кишлаке под Джелалабадом. Там солдаты обнаружили двух стариков, трех молодых женщин и пять-шесть детей. Женщин они из-

насиловали и застрелили, а потом расстреляли всех остальных, кроме маленького мальчика, который спрятался и поэтому выжил. Генерал Майоров, главный военный советник в Кабуле с июня 1980 года по ноябрь 1981 года, тут же приказал провести расследование. Виновники сознались, и их арестовали. Опасаясь, что лидеры моджахедов воспользуются этим как поводом для общенационального джихада, Майоров потребовал усилить режим безопасности в крупных городах и принес извинения за инцидент афганскому премьер-министру Али Султану Кештманду.

Представитель КГБ в Кабуле, сотрудники Минобороны и КГБ из Москвы начали давить на Майорова, требуя изменить официальную версию. КГБ утверждал, что, по его информации, это провокация: мол, эту зверскую расправу учинили моджахеды, одетые в советскую форму. Почему, возмутился глава Генштаба Огарков, Майоров пытается очернить советскую армию? Министр обороны Устинов намекнул, что если Майоров не заговорит по-иному, его могут и не переизбрать в состав ЦК на грядущем XXVI съезде КПСС.

Майоров стоял на своем. Его не переизбрали в ЦК. Но Кармаль пожаловался Брежневу, который приказал назначить виновным заслуженное наказание. Их приговорили к смерти или длительным срокам заключения. Командующему бригадой полковнику Валерию Смирнову вынесли строгий выговор. Сама бригада оказалась на грани расформирования, и спасли ее лишь успехи во времена Второй мировой⁷.

Даже высокопоставленных офицеров могли наказывать за то, что они попустительствуют бесчинствам своих солдат. После пятой панджшерской операции в мае-июне 1982 года командира 191-го отдельного мотострелкового полка подполковника Кравченко полевой суд приговорил к десяти годам заключения за расстрел пленных. Командира 860-го отдельного мотострелкового полка полковника Александра Шебеду сняли с должности в апреле 1986 года — он пробыл на своем посту всего полгода. Во время боевых действий

солдаты захватили двадцать пленных и привезли их на базу в Файзабаде. Шебеда оставил их на ночь под надзором разведывательной роты. Рота недавно понесла потери. Солдаты убили пленников и сбросили тела в реку Кочка. Поднялся скандал, и Шебеду сняли с должности⁸.

Сопутствующие потери

Выше речь шла о преступлениях, которые 40-я армия могла предотвращать или карать более или менее успешно. Другие злоупотребления были неизбежным следствием войны против решительного, но неуловимого врага, который почти в любой момент мог перемешиваться с мирным населением. Такая война, в которой не было линии фронта, пугала и приводила в замешательство бойцов. На mine можно было подорваться в любой момент. Бородатый крестьянин, возделывающий поле, уже в следующее мгновение мог стрелять из засады или закладывать бомбу. Женщина или даже ребенок могли выстрелить в спину. Поэтому солдаты научились открывать огонь первыми, невзирая на последствия. Они отчаянно защищались или мстили за своих, запрашивая поддержку авиации, артиллерии и танков при атаке на кишлаки, которые подозревались в укрывательстве моджахедов или обстреле, и оставляли после себя груды дымящихся обломков.

Полковник ВВС Александр Руцкой, Герой Советского Союза, докладывал российскому парламенту после войны: “Из кишлака в нас стреляют, убивают кого-то. Я отправляю пару самолетов, и от кишлака ничего не остается. Сожгу пару кишлаков, они и перестают стрелять”. Виталий Кривенко рассказывает, как его рота в составе 12-го гвардейского мотострелкового полка устраивала КПП неподалеку от Герата. По соседству находились два кишлака. Один был заброшен, но считалось, что там прячутся моджахеды. Население другого было настроено дружелюбно. Вызвали вертолеты, но они

атаковали не ту деревню. Когда ошибку обнаружили, дружественный кишлак уже был уничтожен. “Ну и хрен с ним, — прокомментировал Кривенко, — мало ли их по Афгану было раздолбано, за дело или просто ради спортивного интереса”¹⁰.

Все могло закончиться плохо, даже когда солдаты и командиры действовали из лучших побуждений. Это фундаментальный изъян любой кампании по борьбе с повстанцами: слишком часто долг командира — сохранить жизнь своим солдатам — вступает в противоречие с желанием спасти мирных жителей. Однажды Валерий Ширяев ехал вместе с колонной нефтевозов и грузовиков длиной метров восемьсот, и двигалась она очень медленно. Впереди шли саперы и несколько БМП, в арьергарде — несколько БМП и четыре танка. Проезжая через кишлак, автоколонна попала под обстрел. Несколько нефтевозов подбили, и их нужно было столкнуть с дороги. Стрельба продолжалась около получаса, четыре солдата погибли, несколько были ранены. В конце концов командир колонны приказал танкам открыть огонь по деревне, хотя знал, что там есть женщины и дети. Каждый танк дал пять залпов, и кишлак был уничтожен. Потом командиру объявили выговор за то, что не приказал стрелять раньше¹¹.

“Над ‘зеленкой’ пролетели самолеты, — писал Александр Проханов в одном из рассказов, — сбросили бомбы, сожгли сады и дувалы, разорвали под землей корни растений, сдвинули и закупорили подземные водные жилы, раздробили в крупу кишлаки, спалили в жарких взрывах кислород воздуха, и долина превратилась в луну, мучнистую, серую, где мучительно погибали остатки жизни — насекомые, семена, бактерии, пыльца цветов. Равнина, залитая солнцем, накалялась, как тигель, стерильная и сухая”¹².

Иностранные эксперты не раз пытались зафиксировать нарушения прав человека, допущенные сторонами конфликта в 1978–2001 годах. В 1984 году ООН поручила австрийскому адвокату и специалисту по правам человека Феликсу Эрмакоре исследовать афганскую войну, и следующие десять лет он

регулярно предоставлял отчеты¹³. Проект “Справедливость для Афганистана” (СДА) также подготовил доклад, охватывающий период от коммунистического переворота в 1978 году до 2001 года, когда произошло вторжение США и НАТО.

Афганское и советское правительства изначально отказывались сотрудничать с Эрмакорой, но он все-таки смог попасть в Афганистан несколько раз ближе к концу войны и после нее¹⁴. Соответственно, более ранние его доклады были по большей части основаны на интервью с беженцами. Еще до советского вторжения около четырехсот тысяч афганцев бежали в Пакистан. На момент, когда Эрмакора начал свое исследование, их число достигло четырех миллионов. К концу войны, по его оценкам, в Иране и Пакистане находилось пять миллионов афганских беженцев (при общей численности населения страны 19,5 миллиона)¹⁵.

Эти люди довольно убедительно рассказывали о нарушениях, допущенных правительственными и советскими силами: произвольные задержания, внесудебные аресты, пытки, казни, убийство заключенных, индивидуальные и групповые изнасилования, убийство женщин и детей, бомбардировки кишлаков и расправы над мирными жителями. Не было ничего удивительного в том, что свидетели не могли указать виновные в этом воинские части или командиров. Обычно было неясно, кто совершил преступление — афганские или советские солдаты, хотя нет особых сомнений в том, что афганцы с мирным населением обращались столь же дурно, как и русские¹⁶. В докладе СДА признавалось, что советские власти прекратили массовые убийства, происходившие при Тараки и Амине. Тем не менее авторы доклада приходили к выводу, что в силу прочных позиций, которые советские чиновники занимали в афганском правительстве и военной иерархии, СССР несет ответственность за нарушения, совершенные его афганскими союзниками¹⁷.

Повстанцы также были виновны в серьезных нарушениях прав человека. Группы, руководимые из Пакистана, запугивали

женщин, чье поведение не соответствовало их представлениям о приличиях, убивали своих оппонентов, а также содержали в Пакистане тюрьмы, где афганских беженцев, заподозренных в инакомыслии, держали, пытали и казнили. Они уничтожали “коллаборационистов” и “шпионов” в самом Афганистане. Иногда они вырезали целые семьи и даже кишлаки¹⁹. Однажды люди Масуда в Панджшерском ущелье взяли в плен тысячу солдат 14-й афганской бригады и расстреляли всех разом. Река стала красной от крови²⁰.

Зверства моджахедов отчасти были реакцией на жестокость пришельцев и правительственных сил, однако они соответствовали афганским традициям ведения войны. Осенью 1989 года Андрей Грешнов брал интервью у Мухаммеда Хамида, весьма интеллигентного представителя повстанцев, которого задержали и посадили в кабульскую тюрьму для допроса. Грешнов спросил его о том, как народ относится к советским солдатам. “По-разному, — отвечал тот. — В основном приходу иностранных войск не радовались. Да и правительству, посаженному ими, тоже. Я видел, что творили ‘шуравы’ [советские солдаты] в провинциях. За один выстрел из винтовки сносили с лица земли целые деревни. Да вы сами ездите по стране. Смотрите, смотрите, смотрите. В провинциях нет живого места. Относительно хорошо население живет только в городах. Я много думал о том, что происходит у меня на родине, и писал письма брату, который учился в СССР. У нас с ним разные дороги в жизни. Часть людей, конечно, поддерживает нынешний режим. Но те, кто это делает, — уже кафиры (неверные), и им будут мстить за пролитую кровь мусульман”.

Грешнов спросил, доводилось ли Хамиду убивать советских солдат или принимать участие в пытках. “Мне приходилось воевать, и не языком, а автоматом. Кто хочет резать головы — тот их режет. Кто не хочет — тот этого не делает. Кстати, пытки и отрезание голов — это не какой-то специальный ритуал умерщвления, придуманный для советских солдат. Точно так же без головы может остаться и любой кафир,

в том числе и соотечественник. У каждого свое мироощущение. Кто-то режет, кто-то нет. Я предпочитаю продать врага за деньги заинтересованным в этом лицам, а не умерщвлять его. Я видел это в провинции Логар. В районе Сорхаб мы разгромили колонну и взяли нескольких советских военнопленных. Солдатам отрезали головы, а офицеров продали. В основном в Германию. Их выкупали разные правозащитники, платили хорошие деньги”²¹.

Моджахеды были готовы заключать сделки и с советскими властями. Советский офицер таджикского происхождения Феликс Рахмонов, служивший в Шинданде, отвечал за связи с местным населением. Его любили и солдаты, и афганцы, с которыми он поддерживал контакты. Местные жители приводили ему солдат, проявивших неосторожность и позволивших захватить себя в плен. Однажды афганцы доставили Рахмонову троих солдат в запряженной ослом тележке. Руки пленников были связаны их собственными ремнями. Рахмонов обменял их на некоторое количество муки и несколько канистр дизельного топлива. Ничего удивительного, что после этого советских солдат стали заметно чаще захватывать ради извлечения выгоды²².

Доклад США представил в весьма критическом свете и русских, и афганское правительство. Но он в равной мере описывал и преступления моджахедов. В докладе были названы имена командиров и их отряды в период войны с СССР. Также в нем подробно фиксировались преступления всех сторон гражданской войны, в том числе деяния отрядов Масуда и Хекматияра — ракетные и авиабомбардировки, расправы и изнасилования, разорение большей части Кабула в 1993 и 1994 годах и гибель примерно 25 тысяч человек только с января по июнь 1994 года. Говорилось в докладе и о кровожадном режиме талибов, и о зверствах с обеих сторон во время кампании американцев по свержению “Талибана” в 2001 году²³. Эти преступления стояли в одном ряду с ужасами войны 1979–1989 годов, а то и превосходили их.



Непросто представить эти истории в правильной перспективе. Рассказы о зверствах на любой войне распространяются подобно пожару. Некоторые из них правдивы. Некоторые приукрашиваются. Некоторые изобретаются в целях пропаганды. Бунты в Нидерландах в XVI веке, Тридцатилетняя война в Германии, французская оккупация Испании при Наполеоне, восстание 1857 года в Индии — все они богаты подобными историями. Даже относительно пристойные сражения на Западном фронте Первой мировой войны породили мифы о том, что немецкие солдаты насильовали и убивали бельгийских монахинь и распяли на штыках канадского сержанта.

Зверства и бесчинства особенно характерны для гражданской войны, а также агрессии, в ходе которой технически превосходящим силам противостоит решительное национальное сопротивление. Надежной статистики в таких случаях не найдешь, а факты легко извратить. Западная пропаганда успешно изображала 40-ю армию чрезвычайно жестокой. В начале войны русских обвиняли в применении химического оружия. Похоже, в то время они в некоторых количествах использовали слезоточивый газ, но разговоры о систематическом применении смертоносных газов не подтвердились и в конце концов стихли.

Обе стороны обвинялись в использовании мин-ловушек и взрывных устройств, замаскированных под обыденные предметы: часы или авторучки. Много шума вызвала история, фигурировавшая в докладе ООН 1985 года и подхваченная западной пропагандой: мол, КГБ специально изготавливал мины в виде детских игрушек, чтобы посеять ужас среди простых афганцев. Русские парировали, что это как раз тактика моджахедов, и публиковали подтверждающие свою точку зрения фотографии. Возможно, в основе этой истории лежали крошечные мины-“бабочки” из яркой пластмассы, которые разбрасывали с вертолета по тропам и путям снабжения повстанцев. Через

какое-то время они должны были деактивироваться, но механизм зачастую не срабатывал. Однако эти устройства не были плодом извращенного воображения инженеров КГБ. Они были полностью скопированы с американских мин *Dragon-tooth BLU-43/B* и *BLU-44/B*, которые в огромных количествах использовались в Индокитае. Их предназначением было калечить, а не убивать, поскольку раненый солдат создает своим товарищам больше проблем, чем мертвый. Советская версия устройства официально именовалась ПФМ-1, неофициально — “Лепесток”. Не удивительно, что такие “Лепестки” привлекали внимание детей и что они и их родители рассказывали журналистам о минах, замаскированных под игрушки. Однако эксперты Координационного центра противоминной деятельности в Афганистане — уж кому, как не им, знать об этом — были уверены, что эта история “вызвана к жизни понятными журналистскими мотивами, однако... не имеет широкой фактической основы”²⁴.

Разочарования

Из каких общих представлений о войне в Афганистане ни исходить, ясно одно: по мере того, как война опустошала страну, политики и генералы, поначалу видевшие в ней быстрое средство решения своих проблем, и энтузиасты, надеявшиеся повлиять на будущее Афганистана, все более отчаивались.

Война в Афганистане должна была остаться в секрете, и в первые несколько лет Политбюро принимало радикальные меры к тому, чтобы так и было. Солдат, отправленных в Афганистан, обязали молчать об этом. Бойцов, возвращавшихся в СССР, не пускали в Москву во время Олимпиады 1980 года, опасаясь, что они расскажут что-нибудь иностранным гостям²⁵. Военкоматы строго наказывали семьям погибших никому не сообщать об обстоятельствах их смерти²⁶. В первые годы войны правительство сделало все, чтобы люди не знали о ней.

Официально говорилось, что советские солдаты выполняют в Афганистане “интернациональный долг”, но в боях не участвуют. Телеканалы транслировали бесконечные программы, где тепло обнимались советские и афганские солдаты, советские доктора лечили афганских детей, пропагандисты завоевывали сердца и умы, советские женщины встречались с афганскими женщинами, солдаты раздавали продовольствие и лекарства, и все улыбались на камеру.

Эта политика вызвала к жизни немало абсурда. По словам писателя Владимира Войновича, в 1980 году цензору не понравился фрагмент фильма о Шерлоке Холмсе, где Холмс заключает, что Ватсон вернулся со Второй англо-афганской войны разочарованным. Вместо этого нужно было сказать, что он вернулся с войны “на Востоке”²⁷.

Даже в 1985 году, когда к власти пришел Горбачев, еще действовали жесткие правила, регламентирующие, что журналисты могли писать о войне, а чего не могли. В списке, составленном Министерством обороны и МИД, за подписью Крючкова и Варенникова, говорилось, что СМИ могут сообщать о смерти или ранении советского военного персонала во время исполнения воинской обязанности, об отражении атак мятежников и о выполнении задач, связанных с передачей международной помощи афганскому народу. Не разрешалось писать ни о действиях подразделений крупнее роты, ни о полевом опыте солдат. Телерепортажи с поля боя не допускались. Журналисты могли рассказывать о подвигах солдат, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, но не вправе были сообщать подробности о частях, где эти солдаты служили²⁸. Аналогичные правила ввели в британской армии двадцать лет спустя: аккредитованным журналистам могли запретить рассказывать о структуре войск, их передвижениях, оперативных приказах, жертвах, тактике, а также указывать названия мест, названия и номера кораблей, частей и самолетов и имена военнослужащих. Разница была в том, что войну НАТО освещали и журналисты, работавшие независимо. Они могли

сообщать все, что считали нужным, хотя при этом шли на серьезный риск.

Конечно, как только на родину повезли гробы, сохранить тайну было уже практически невозможно. Решение, принятое Политбюро 30 июля 1981 года, показывает, насколько кремлевские старцы оторвались от политической реальности и как слабо они понимали рамки своей власти. Было предложено выдавать каждой пострадавшей семье тысячу рублей для установки памятников на могилах. Но идеолог Политбюро Михаил Суслов засомневался: “Если сейчас будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробиях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно”. Андропов согласился, что хотя, конечно, солдат следует хоронить с почестями, памятники ставить рановато, и остальные с этим согласились. Суслов заключил: “Следовало бы подумать и об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей. Ответы должны быть лаконичными и стандартными”²⁹.

Долгие годы памятники действительно не ставили. Павшим, чьи тела возвращали родственникам, не отдавали воинские почести, в их честь не устраивали официальных церемоний [как сделали бы в Америке], горько замечал солдат Андрей Блинушов. Наоборот, тела передавали семьям ночью, хоронили тайно, в спешке, в атмосфере угроз: за разглашение тайны грозили карами. Резкость официального обращения смягчалась проявлениями человечности, как это часто бывает в России. Но немногие правительственные решения были встречены с таким острым негодованием, как это.

С самого начала попытки правительства сохранить секретность были тщетны. Уже в июле 1980 года Андрей Сахаров повторил свой прежний призыв вывести советские войска в интервью, которое американское ТВ взяло у него в Горьком, в ссылке. Он подкрепил интервью открытым письмом советскому руководству. “Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычай-

чайной важности, — так начиналось письмо. — Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу го-лода для целых районов”.

Простые люди, вероятно, были не столь информированы или мужественны, как Сахаров, и впоследствии многие утверждали, что не осознавали, что происходило в Афганистане, пока Горбачев после 1985 года не объявил о политике гласности. Но все было не так просто. Людей подавляли и официальное молчание в новостях, и самоцензура, в то время весьма распространенная. Было трудно выступить против условностей и конформизма, особенно тем, кто сначала поддерживал войну. Многие из тех, кто знал о происходящем — дипломаты, политики, ученые, советники, — приходили в ужас от известных им фактов, но держали рты на замке. Журналист Владимир Снегирев: “К стыду своему и я, пока не разобрался в ситуации, ‘работал на контрасте’: белое — черное, друзья — враги, революция — контрреволюция. Сейчас горько об этом вспоминать. А может, думать не хотел? Вопросы трудные задавать себе боялся? Ведь так жить было удобнее, а?.. Очень прочно было ‘зацементировано’ сознание, долгим оказался путь из плена догм к прозрению. Трудно требовать смелости и гражданского мужества от живших в застойном болоте и квакавших, как было положено. Пусть каждый оборотится на себя, и если память его не коротка, пусть вспомнит, где, когда, в какие моменты покривил душой, не сказал правду, не выступил против несправедливости. Наверное, у каждого наберется конкретный список”³⁰.

Тем не менее, новости пробивались и через покров самоцензуры. Через месяц с лишним после вторжения в Моск-

ве стали распространяться слухи, что ташкентские больницы переполнены ранеными, что на родину летят самолеты с гробами, что в нескольких московских институтах, отправлявших специалистов в Афганистан, стоят портреты в траурных рамках. Солдаты, журналисты, медсестры и гражданские служащие возвращались из Афганистана и, несмотря на запрет, делились сплетнями. Солдаты рассказывали матерям, матери — соседям. Слухи распространялись с бешеной скоростью и в пересказе нередко здорово прибавляли в весе³¹. Молодой офицер разведки Александр Карцев, в то время еще курсант, на свадьбе сестры в январе 1980 года услышал рассказ солдата, участвовавшего в штурме дворца Амина всего несколькими неделями ранее. На иностранных радиостанциях, вещавших на территории СССР, шел нескончаемый поток новостей об Афганистане. И как только в городках и деревнях по всей России стали появляться цинковые гробы, тайное стало явным. Как говорилось в письме читателя в “Комсомольскую правду” спустя два года после начала войны, “не надо замалчивать: прислал солдат письмо — знает все село. Привезли гроб — знает вся область”³².

Критика

Некоторые смелые натуры пытались донести до своего начальства, что на самом деле происходит. Корреспондент “Правды” Щедров еще в ноябре 1981 года писал в ЦК, что афганское правительство совершенно неспособно вырвать сельскую местность из рук мятежников. Люди были готовы сотрудничать с властями, но при одном условии — что правительственные силы защитят их от мести. А это условие невозможно было выполнить даже в непосредственной близости от крупных советских баз: днем территория находилась под контролем властей, ночью — в руках повстанцев. И было очевидно, что даже успешные военные операции ничего не меняют³³.

Одним из постоянных критиков войны был полковник Леонид Шершнев. Он взял за правило обходить кишлаки и выслушивать мнение местных жителей, пытаясь понять их нужды. Шершнев участвовал в подготовке брошюры об афганских обычаях и культуре, которую распространяли в 40-й армии. В 1981 году он работал в 190-м боевом агитационно-пропагандистском отряде, одной из многих частей, сформированных, чтобы сражаться за сердца и умы афганцев³⁴. Отряд состоял из советских служащих — врача, кинооператора, комсомольского советника, двух или трех офицеров по политической части, — а также группы молодых афганских артистов, партийных пропагандистов и муллы. Предполагалось, что отряд будет посещать кишлаки к северу от Кабула, раздавать пищу, лечить больных и показывать крестьянам кино. Предприятие утратило часть изначального блеска, поскольку отряд должны были сопровождать пара БТР и танк-тральщик для очистки дороги от мин. А жизнерадостный командир танка придерживался того мнения, что хороший афганец — это мертвый афганец.

Шершнев заключил, что война обречена на эскалацию, пока армия не начнет помимо участия в боевых действиях помогать местным жителям. В докладе начальству он написал:

С конца марта 1981 года военно-политическая обстановка в Афганистане почти повсеместно заметно обострилась. Процесс стабилизации застыл. Положение в стране сейчас хуже, чем в этот же период прошлого года. Примечательно, что обстановка стала чрезвычайно острой даже в ряде тех районов, где не было крупных бандформирований и где в силу географических условий нет благоприятных возможностей для их деятельности (север, равнинные, пограничные с СССР районы). Это значит, что в борьбу против народной власти и советских войск включилась часть населения, относящаяся к национальным меньшинствам, родственным народам СССР (узбеки, туркмены, таджики), которая ранее занимала выжидательные позиции.

Противник наносит удары по самым чувствительным местам: убивает партийных активистов, патриотов (в том числе старейшин), оседлал все стратегические коммуникации и нарушил работу транспорта, разрушает важные экономические объекты (так, взорваны две буровые установки на Айнакском месторождении, стоимостью двести тысяч рублей каждая, школы — их уничтожено уже 1400, — больницы, административные здания). Серьезный урон причиняется сельскому хозяйству: неизменно сокращается поголовье крупного и мелкого скота... Мятежникам удалось изгнать народную власть из ряда освобожденных в течение зимы уездов и волостей и насадить контрреволюционные органы власти (так называемые “исламские комитеты”).

Далее Шершневу критиковал афганское политическое руководство и армию. Он с похвалой отзывался о военных навыках повстанцев и предупреждал, что они смогут не только оказывать упорное сопротивление слабому кабульскому режиму, но и решительно противостоять советским силам.

Когда Шершневу довел свои соображения до руководства, замкомандующего 40-й армией ответил, что его задача — думать о своих солдатах, а не об афганцах. Он обратился к Ахромееву, и тот выслушал его внимательно, но затем сказал: “Армия для того и существует, чтобы воевать. Заниматься политикой — не ее дело”³⁵.

Шершневу не был одинок. Куда более высокопоставленный чиновник, генерал Александр Майоров — главный военный советник в первые годы войны — вскоре пришел к убеждению, что войну в Афганистане выиграть невозможно. Он по-прежнему был уверен, что Советский Союз вторгся в Афганистан, преследуя свои вполне легитимные интересы. Вторжение вписывалось в логику холодной войны, побуждавшую сверхдержавы к попыткам обойти противника всякий раз, когда это возможно. Однако афганцы, которых Майоров уважал, в том числе действующие офицеры афганской армии, говорили ему, что Афганистан невозможно

покорить. Наверное, его можно было бы купить, но Советский Союз был для этого недостаточно богат. Майоров видел, что Кармаль — слабый лидер, к тому же пьющий. Он заключил, что Кармалю следует заменить кем-то другим, а войска — вывести как можно скорее³⁶.

В 1984 году Шершневу зашел еще дальше и направил длинный критический доклад непосредственно на имя генерального секретаря Константина Черненко. Он писал, что военные действия в Афганистане приобрели характер карательных операций, мирное население подвергалось систематическому и масштабному насилию, оружие применялось произвольно и без достаточных оснований, уничтожались дома, осквернялись мечети, повсюду происходили грабежи: “Мы втянулись в войну с народом, а она бесперспективна”.

Как ни удивительно, Шершневу это сошло с рук. Черненко нацарапал на его записке: “Шершнева не трогать”. Шершнева не стали выводить из игры и не уволили из армии, отчасти благодаря защите офицеров-единомышленников вроде Дмитрия Волконогова, который в то время был замначальника Главного политического управления Вооруженных сил. Но присвоение генеральского звания Шершневу отложили, его карьера зашла в тупик, и в 1991 году он вышел в отставку.

Другому военному критику, полковнику Цаголову, повезло меньше. В августе 1987 года он написал личное и весьма критическое письмо министру обороны Язову. В резких выражениях он сообщил, что советские военные операции в Афганистане не имели никакого смысла: “Расход огромных материальных средств и немалые людские потери не дали положительного конечного результата”. Политика национального примирения Наджибуллы не привела к радикальному улучшению военной или политической ситуации, поскольку в сельской местности, где жило большинство афганцев, режим вызывал отторжение. На НДПА невозможно опереться, утверждал Цаголов, партию уже не спасти, а идея коалиции между НДПА и любой из оставшихся семи партий, управляе-

мых из Пакистана, — утопия. Цаголов рекомендовал принять “радикальные меры”, чтобы помочь прогрессивным силам сохранить демократию в афганском обществе и восстановить дружбу между СССР и Афганистаном. Эти соображения были слишком абстрактными, чтобы принести какую-то пользу. Язов не ответил, и Цаголов отдал свой текст для публикации в “Огоньке”. Из армии его уволили³⁷.

Недовольство копилось и на нижних уровнях армейской иерархии. Прапорщик Растем Махмутов прибыл в Афганистан вместе с 860-м отдельным мотострелковым полком. Осенью 1982 года он вернулся в Советский Союз, а полгода спустя уволился из армии из чувства протеста. Другим офицерам, решившимся на такой шаг, приходилось несколько раз подавать заявление, им выносили предупреждения и запугивали, а некоторые предстали перед “судом чести”. Махмудову сравнительно повезло. Он благополучно покинул армию и устроился на работу инженером-испытателем на завод, производивший ракетные двигатели. Там он регулярно выступал на тему войны перед коллегами и иллюстрировал свои речи фотографиями, сделанными в Афганистане. Начальство это очень злило. Потом он радикально сменил образ жизни: отпустил бороду и пас коз на Волге. Наконец, Махмутов переехал в Москву и занялся малым бизнесом³⁹.

Главной задачей простых бойцов (как и большинства солдат во время большинства войн) было не думать о политике или пытаться изменить ход событий, а драться, помогать товарищам и вернуться домой целыми и невредимыми. Сержант Александр Гергель, оператор-наводчик 860-го отдельного мотострелкового полка, рассказывал: “В СССР была очень сильна пропаганда, Настолько, что мы, даже понимая, что страна в тупике, никогда не сомневались в правильности конечной цели (а ее можно было выразить словами ‘свобода, равенство и братство для всех людей на планете!’). Как ни смешно это звучит, но во что-то вроде этого мы и верили. Мы сами, даже будучи циниками, верили в это, пусть и глубоко внутри”.

Большинство солдат не могли позволить себе сомнения и критику. Люди, писал генерал Ляховский, винили армию и ее руководство в том, что те следовали преступной политике руководства страны: “Но когда армия начинает выбирать, какие приказы ей выполнять, а какие — нет, она перестает быть армией. Ведь давно известно, что армия в своих действиях никогда не руководствуется ничем, кроме приказа (ни здравым смыслом, ни необходимостью и т. д.). В этом она и отличается от всех других органов. Этим она и уязвима”⁴⁰.

Народ против войны — и армии

В 1982 году диктор всемирной службы Московского радио Владимир Данчев начал вставлять в свои англоязычные передачи фразы вроде “Народ Афганистана играет важную роль в борьбе за освобождение своей страны от советских оккупантов” или “Племена, живущие в провинциях Кандагар и Пактия, присоединились к борьбе против советских захватчиков”. Иностранные радиостанции передавали его слова назад, в Советский Союз. Как ни странно, около года Данчеву удавалось избегать неприятностей. Но в мае 1983 года он разошелся и раскритиковал советское вторжение в трех выпусках новостей подряд. Его исключили из партии, уволили с работы и поместили в психиатрическую больницу.

Однако к тому времени общественное мнение в СССР и так было против войны, и даже простые люди все чаще критиковали вторжение. В газеты и инстанции приходили письма со всей страны, особенно от тех, чьи родственники воевали или погибли в Афганистане. Шершнев проанализировал письма в “Комсомольскую правду”, переправленные маршалу Соколову — главе Оперативной группы Министерства обороны в Афганистане. Анализ показал, как много люди знали о войне даже в первые ее годы и как мало верили пропаганде.

Большинство писем приходили от матерей, чьи сыновья погибли, служили в Афганистане или вот-вот должны были быть призваны. Но писали также и сестры, и невесты солдат, и сами юноши призывного возраста. Темы писем были самыми разными. Их авторы горевали о сыновьях и ровесниках, погибших на войне, и опасались за тех, кого могут туда отправить. Особенно страдали родители, у которых был единственный сын. В некоторых письмах прямо говорилось, что происходящему в Афганистане нет оправданий: “На чужбине наши сыновья проливают кровь за чужие интересы”; “Погиб бесславно на чужбине”; “Какое право наше правительство имеет держать войска в Афганистане?” Служба в Афганистане, мягко говоря, не была престижной: автор одного из писем сравнил ее с каторгой. Антивоенные настроения росли: афганский коммунистический режим, писали люди, держался на советских штыках: “Их революция, пусть сами ее и защищают”. Авторы писем жаловались на безразличие властей к родственникам погибших. Они просили об увековечении их памяти и предлагали свои варианты. Они жаловались на негодность официальной информации: “Как противно читать в наших газетах статьи про Афганистан, в которых тишь да гладь”⁴¹.

Общественность была настроена не только против войны, но и против солдат, хотя большинство их попало в Афганистан по призыву, против желания. Рассказы о зверствах, массовом уничтожении кишлаков, убийствах теперь слышались повсеместно. Не многие задумывались над тем, что несправедливо винить людей, которых политическое руководство отправило на войну с повстанцами, ведь сама природа этой войны побуждает к особой свирепости. Одна девушка из семьи среднего достатка услышала о том, что советские войска участвуют в афганской войне, почти в самом ее начале — когда побывала зимой 1980 года в комсомольском лагере. Тогда ей было четырнадцать. Они с друзьями понимали, что об услышанном рассказывать не стоит, и не критиковали происходящее. Но никто из них не стал выступать и в защиту этой политики. Два года спустя

она уже боялась, что ее бойфренда могут призвать в армию, и заявила его отцу-офицеру, что война — это преступление.

В 1983 году она поступила в МГУ, и к этому моменту уже ходили слухи о советских зверствах. Ее шокировала история, рассказанная одним из студентов, который служил в Афганистане. Из кишлака, который его часть вроде бы зачистила, слышались выстрелы. Тогда было уже темно, и вместо того чтобы войти в деревню и найти снайпера, командир приказал уничтожить весь кишлак артиллерийским огнем. Студентам рассказывали, что моджахеды применяют американские мины-“бабочки”, чтобы калечить детей, и перекладывают вину на советских солдат. Но в 1988 году она услышала по радио, что это советские войска применяли такие мины, и ей стало плохо при одной мысли о том, что происходило с теми детьми.

Она была уверена, что ветераны Афганистана не могли остаться здоровыми, нормальными людьми, что все они принимают наркотики, что они не умеют ничего, кроме как убивать, что все они кончат тем, что станут преступниками или пойдут работать охранниками, что они уже не смогут заново интегрироваться в общество. Тогда она не испытывала к ним никакой симпатии: в ее представлении “афганцы” были темной грозной силой, которую нужно держать под контролем.

К концу 80-х годов советскую прессу заполнили истории о войне. Для людей из поколения той девушки, имевших сходный уровень образования и учившихся в то время в хороших московских вузах, афганская война была ужасным преступлением, вторжение не имело никаких оправданий, и войну нужно было остановить любыми средствами. Они сравнивали ее с войной во Вьетнаме и с ужасами, творившимися там. Они искали параллели в американских фильмах “Охотник на оленей” и “Взвод”. На них не действовал аргумент, что солдаты лишь выполняли приказы. Саму подоплеку той войны они находили отталкивающей.

В 90-е годы ее отношение начало меняться. Единственные знакомые ей два ветерана афганской войны были счастливыми,

дружелюбными людьми. О любви к жизни, присущем одному из них, знали буквально все. Другой отложил учебу в МГИМО ради службы в отряде спецназа в Афганистане. Он тоже выглядел чрезвычайно веселым, общительным и артистичным человеком. Тогда она поняла, что солдаты, которых отправили в Афганистан, — обычные парни, у которых не было выбора, кроме как служить там и тогда, где им приказали⁴².

Когда Горбачев допустил определенную свободу слова, в советской прессе стали возможны публикации на афганскую тему, и действия армии в Афганистане стали критиковать. Контраст между ощущением, что они много выстрадали, но выполнили свой долг, и безразличием либо даже враждебностью собственных сограждан, был одним из самых тяжелых испытаний, которые легли на плечи солдат. Их горечь выразили Владимир Пластун и Владимир Андрианов, тоже побывавшие на афганской войне: “Попытаться их [корни причин, заведших политику руководства КПСС в Афганистане в тупик] обнажить придется, хотя это и болезненно. Нелицеприятно зреть на содеянное тобою зло, хотя ты и убеждал себя, что исходишь из лучших побуждений. Но сделать это необходимо, поскольку слово ‘Афганистан’ и, хуже того, — ‘выполнение интернационального долга в Афганистане’ — еще долгие годы будет ассоциироваться в сознании честных советских людей с позором для русских, с пятном на КПСС, с кровью наших мальчишек, так и не понявших поставленной перед ними цели (если она была), с ненавистью к тем, кто столкнул нас в ‘афганское болото’ и кто вызвал ненависть к нам”⁴³.

Эти чувства, в отличие от возмущения американцев войной во Вьетнаме, не вылились в открытый антиправительственный протест. Массовые демонстрации в крупнейших городах СССР были еще впереди. И направлены они были не против войны, к тому моменту оконченной, а против советского режима, партии, спецслужб, несправедливости, неэффективного управления экономикой. Но лидерам страны, пытающимся найти выход из афганского хаоса, все труднее было игнорировать этот фон.

Часть III
Долгое прощание

С покоренных однажды небесных вершин
По ступеням обугленным на землю сходим,
Под прицельные залпы наветов и лжи
Мы уходим, уходим, уходим, уходим.

Прощайте, горы! Вам видней,
Кем были мы в краю далеком,
Пускай не судит однобоко
Нас кабинетный грамотей.

Прощайте, горы! Вам видней,
Какую цену здесь платили,
Врага какого не добились,
Каких оставили друзей.

До свиданья, Афган, этот призрачный мир.
Не пристало добром поминать тебя вроде,
Но о чем-то грустит боевой командир:
Мы уходим, уходим, уходим, уходим.

ИГОРЬ МОРОЗОВ,
*май 1988 года*¹

Глава 11

Возвращение

Система набора и демобилизации солдат, сложившаяся в 40-й армии, характеризовалась теми же неэффективностью, жестокостью и изворотливостью, что и советская система в целом.

Как правило, офицеры — кадровые военные — за время службы в Афганистане могли рассчитывать хотя бы на одну поездку в отпуск. Правда, отпуск не всегда был приятным. Жены и другие родственницы ждали экзотических подарков с афганских рынков, а их не всегда можно было провезти через таможню. Мужчины интересовались, сколько на счету убитых. Реальность боевых действий и отношение гражданских, практически неспособных вникнуть в суть происходящего, расходились настолько, что иногда это было просто невыносимо. Подобно британским офицерам, вернувшимся домой из окопов Первой мировой, советские офицеры порой прерывали отпуск, чтобы снова погрузиться в грубую, но знакомую и бесхитростную повседневность войны¹.

Демобилизация

Солдаты-призывники не имели права на отпуск, однако их могли отправить в СССР в случае тяжелых ранений, а также по исключительным семейным обстоятельствам (например, смерть

близкого родственника). Их жизнь подчинялась особому ритму. Дважды в год — чаще всего 27 марта и 27 сентября — советская печать публиковала приказ министра обороны, в котором устанавливалась дата демобилизации солдат, призванных за два года до этого. В марте 1985 года приказ звучал так:

В соответствии с Законом СССР “О всеобщей воинской обязанности” приказываю:

1. Уволить из рядов Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск в запас в апреле — июне 1985 года военнослужащих срочной службы, выслуживших установленные сроки действительной военной службы.
2. В связи с увольнением в запас военнослужащих, указанных в пункте 1 настоящего приказа, призвать на действительную срочную военную службу в Советскую Армию, Военно-Морской Флот, пограничные и внутренние войска в апреле — июне 1985 года граждан мужского пола, которым ко дню призыва исполняется 18 лет, не имеющих права на отсрочки от призыва на действительную военную службу, а также граждан старших призывных возрастов, потерявших право на отсрочки от призыва.
3. Приказ объявить во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях.

Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза С. СОКОЛОВ

Когда до приказа оставалось сто дней, для дембелей начинался период бурной активности. После опубликования приказа между командирами и дембелями иногда заключалась негласная договоренность. В этот период дембелей было не принято отправлять на опасные операции. Виталий Кривенко пишет о некоем приказе Министерства обороны на этот счет: его издали вроде бы в ответ на письма родителей солдат, погибших накануне завершения службы². Это правило часто нарушалось. Группа солдат, подлежащих демобилизации в феврале 1987 года,

провела два предшествующих месяца на боевом задании. Они вернулись в лагерь ночью, грязные и небритые, за несколько часов до планируемой отправки в СССР. Они успели соскрести с себя грязь и побриться, товарищи постригли им волосы, и к утру они стояли строем у штаба полка, готовые к отлету.

Ритуалы отъезда были разнообразными. Товарищи дембеля сбрасывались, чтобы он мог купить подарки для своих близких и друзей на родине. Но официально ввозить в Советский Союз можно было только те товары, что были куплены в армейских магазинах. Вещи же, полученные у афганцев — японские магнитофоны, камеры, дизайнерскую одежду, кроссовки, в общем, все, чего жаждали солдаты, — советские таможенники могли конфисковать. Они, подозревали военные, просто забирали конфискат себе. Это касалось даже самых скромных покупок, которые только и могли позволить себе обычные солдаты: платок для матери, косметика для девушки, японские часы, презервативы, музыкальные открытки, не говоря уже о порнографии, которой тогда в Афганистане было полно. Некоторые думали, что проще будет купить подарки в Ташкенте. Но и здесь возникала проблема. Афганские банкноты и советская военная валюта могли попасть в руки солдат самыми разными способами, по большей части нелегальными. Обменные курсы варьировались, а некоторые банкноты имели магнитные полоски, позволяющие установить их происхождение. Так что на таможне можно было лишиться и денег³.

Решив вопрос с подарками, дембель должен был приготовить парадную одежду. Тем, кому не повезло, приходилось извлекать старую парадную форму, измятую и грязную, неделю вымачивать ее в машинном масле, чтобы восстановить темный цвет, чистить бензином, а после месяц проветривать. Ремень следовало довести до ослепительно белого цвета, пряжка должна была сиять. Аксельбанты шили из парашютных тросов⁴. Везучим доставалась “эксперименталка”: новая форма, которую испытывали в Афганистане примерно с 1985 года и которая выглядела лучше, чем стандартный комплект.

Покидающий армию солдат собирал дембельский альбом с фотографиями, рисунками и другими материалами. Военные власти относились к этой затее с неодобрением, опасаясь, что, к примеру, фотографии нарушают режим безопасности. Но попытки пресечь эту практику ни к чему не привели.

Перед тем как солдаты покидали часть, с ними проводил беседу замполит: он объяснял, о чем можно рассказывать дома, а о чем нельзя. Общий смысл беседы сводился к тому, что 40-я армия — «великая, могучая и морально здоровая». Не следовало упоминать ни о жертвах, ни о жестокости боевых действий. Все фотографии и видеозаписи следовало уничтожить. Само собой, многие солдаты игнорировали запреты, поэтому, к счастью, многие фотографии сохранились⁵.

Дембельский аккорд Виталия Кривенко длился с мая по август 1987 года. В его случае тоже было нарушено правило, что дембеля не следует отправлять на опасные задания. Кривенко уже собрал вещмешок и готовился к отъезду, когда 12-й гвардейский мотострелковый полк, в котором он служил, отправили (в июле) на операцию в Герате. Впервые за все время службы Кривенко его роту высадили с вертолетов в горах. Предполагалось отрезать моджахедам пути к отступлению. Шесть солдат его роты получили ранения. Был сбит полностью загруженный медицинский вертолет. В ноге Кривенко засел небольшой осколок. Оказавшийся неподалеку капитан-десантник вытащил осколок ножом, и Кривенко чувствовал себя неважно. Моджахеда отступили в полном порядке. То же сделали и русские. По дороге назад роте Кривенко приказали перехватить караван. Из этого ничего не вышло. Они расстреляли пару кишлаков, где караван мог скрываться, и 1 августа вернулись на базу⁶.

Кривенко и еще четверо солдат, которым предстояло ехать домой, до полуночи упаковывали вещи, брились, приводили в порядок форму и сновали по базе, собирая с товарищей деньги. Их Кривенко спрятал на дне мешка, под сладостями, а пару брикетов конопли — в коробке индийского чая. Все было готово к отъезду.

На следующее утро офицеры поблагодарили их за службу, пожелали удачи и отправили машиной в Шинданд. Оттуда они полетели в Ташкент. Кривенко приятно удивило, что сотрудники таможни лишь поинтересовались, нет ли у них оружия или наркотиков и, услышав “Нет”, разрешили им проследовать дальше. Им повезло. Они встретили солдат, которые были разозлены поведением таможенников настолько, что отказались отдавать свои подарки и начали их ломать. Безобразную сцену прекратило лишь появление офицера, приказавшего таможенникам пропустить солдат.

В Ташкенте было полно солдат, возвращавшихся на родину, но Кривенко и его товарищи были озадачены: водку купить было негде. Они не догадывались о масштабах горбачевского запрета на алкоголь. Пришлось довольствоваться коноплей. Милиция и военные патрули не обращали на них внимания.

В поезде выяснилось, что проводник торгует водкой. Солдаты отправились в купе, выпили, принялись играть на гитаре и делиться историями. Пассажиры поначалу выглядели испуганными, но потом решили, что перед ними все-таки не кровожадные злодеи. В пути случился инцидент. Когда водка была выпита, проводник заломил цену. Солдаты отправились в его купе, поговорили с ним по душам и изъяли оставшиеся бутылки. Больше они его не видели, и путешествие закончилось мирно.

“Черные тюльпаны”

Большинство служивших в Афганистане вернулись домой: кто-то целым и невредимым, кто-то больным, раненым, искалеченным. Многие погибли. Символом той войны для многих русских стал “Черный тюльпан”: четырехмоторный транспортный Ан-12, привозивший из Афганистана тела павших. Даже спустя десятилетия песня Александра Розенбаума “Черный тюльпан” побуждала слушателей вставать, отдавая дань

уважения погибшим. О том, как самолеты получили это романтическое прозвище, ходило много историй, но ни одну нельзя считать достоверной.

Кошмар начинался еще в Афганистане, где в полковом или дивизионном морге тела готовили к отправке на родину. Морг обычно устраивали на краю гарнизона, в палатках или бараках. Командовали моргами лейтенанты. Внутри стоял металлический стол, на котором труп обмывали, приводили в порядок, насколько это возможно, и одевали в форму. Затем тело укладывали в цинковый гроб и припаивали крышку. На гробе писали “Не вскрывать” и заколачивали простой деревянный ящик, на который по трафарету наносили надпись: имя погибшего. Ящик грузили в “Черный тюльпан”.

Из-за температуры, влажности и запахов работа в морге была невыносимой. Молодые призывники изнемогали от жары в резиновых фартуках и перчатках, зато такая работа избавляла от риска боевых заданий. Работники морга были постоянно пьяны и жили в своем собственном мире. Считалось, что наткнуться на них перед заданием — плохая примета, так что другие солдаты избегали их. В столовой у них имелся отдельный стол, и они были рады не поддерживать дружеские отношения с людьми, чьи разорванные тела им потом, возможно, придется сшивать.

Тела было зачастую сложно опознать, как и гарантировать, что на гробу будет написано правильное имя. Сергея Никифорова по прибытии в Афганистан назначили начальником небольшой медчасти, поскольку до войны он учился на врача (хотя и недоучился). Военврач в звании майора провел его по полковому моргу — маленькому барачу в окружении нескольких палаток. Никифорова обдало вонью еще до того, как он вошел внутрь. Там два вдребезги пьяных солдата разбирали сваленные в кучу части тел. Еще один катил тележку, на которую был водружен длинный жестяной ящик. Солдаты заполняли ящик мало отличимыми друг от друга ошметками и отвозили его в сторону, чтобы приварить крышку.

— Какой по счету? — спросил майор.

— Двадцатый, да еще пяток соберем.

Выйдя из морга, майор влил в Никифорова такое количество водки, что у того глаза полезли на лоб.

— Ничего, привыкнешь, еще и не такое будет. Но постарайся не спиться, хоть это и трудно. А то, что ты сейчас видел, хоть и редкость, но бывает. Это разведчики попали в засаду, а затем душманы их порубили в капусту, упаковали в мешки, побросали в захваченный КАМАЗ и приказали привезти нам подарок⁷.

Гробы получали кодовое название “Груз 200”. Андрея Блинушова, солдата из Рязани, который после войны стал писателем и правозащитником, призвали в армию весной 1983 года и отправили служить в штабном взводе в Ижевске. Однажды поздно вечером несколькими “дедам” приказали забрать “груз 200”. Они, не отрываясь от телеэкрана, делегировали задачу младшим солдатам. Так Блинушов впервые столкнулся с “Черным тюльпаном”.

Замполит взвода, самоуверенный лейтенант, повез Блинушова и нескольких его товарищей в аэропорт, прямо к стоявшему в темноте большому транспортнику. Грузовой отсек “Черного тюльпана” был забит большими, грубо сколоченными деревянными ящиками, по три в штабеле. На каждом было написано имя. В отсеке сидел мертвецки пьяный прапорщик, велевший им перенести ящики в грузовик и доставить в городской морг.

Небольшое здание морга было уже заполнено трупами. Поэтому ящики — теперь Блинушов уже понял, что в них тела погибших в Афганистане, — сложили в коридоре. В Афганистане не удосужились выписать свидетельства о смерти перед тем, как запечатать тела в цинковые гробы и упаковать их в деревянные ящики. Служащие морга, не имея возможности проверить, соответствует ли содержимое ящиков тому, что на них написано, выписали документы, без которых гробы невозможно было передать родственникам.

Даже в 1983 году правительство продолжало утверждать, будто советские войска не участвуют в боевых действиях,

а лишь выполняют “интернациональный долг”, помогая афганскому народу. Поэтому гробы доставляли родным ночью. Но предосторожности были излишними. Почти всякий раз о происшедшем становилось известно заранее, и родственники, соседи и друзья уже ждали грузовик, вскрывали деревянный ящик и передавали семье цинковый гроб.

В ту ночь Блинушов и его товарищи пронесли гроб с телом пилота вертолета по лестнице в его квартиру на седьмом этаже. Жена погибшего вышла встречать их с побелевшим лицом, с младенцем на руках, неспособная даже плакать. Подошел сосед, чтобы помочь найти место для гроба. Тогда женщина пронзительно закричала.

Солдаты выскользнули из квартиры, бросились вниз по лестнице, к своему офицеру. Ему не хватило выдержки, и он остался в грузовике.

Спустя некоторое время командиры стали иногда отправлять тела в сопровождении прапорщика или офицера. Как правило, то были тела солдат, которых посмертно наградили медалью “За отвагу”. Так что одним из способов узнать, что на самом деле происходит в Афганистане, был перекрестный допрос сопровождающего.

Один молодой капитан-вертолетчик отправился в СССР, чтобы доставить тело товарища по эскадрилье. Он показывал Блинушову фотографии полевой жизни (конечно, снятые нелегально): солдаты в причудливом сочетании военной формы и гражданской одежды, афганские селения, превращенные в руины. Молодой офицер говорил, что во время операций против моджахедов вертолетам порой приходилось обстреливать кишлаки. Конечно, при этом гибли дети и женщины, но вертолетчик неубедительно пытался доказать, что это было дело рук моджахедов. Он так сильно нервничал насчет того, как его примет семья погибшего товарища, что попросил совета у Блинушова, хоть тот и был рядовым.

Волновался капитан не зря. Добравшись до дома погибшего в сопровождении нескольких солдат и прапорщика, он

столкнулся с разгневанной толпой. Кто-то двинул прапорщику в челюсть, разбив ему губу. Фуражка упала в лужу. Женщины визжали: “Убийцы! Кого вы нам привезли? Где наш мальчик?” Мужчины кидались на солдат, пока женщины не закричали: “Не надо, не трожьте солдатиков, они такие же несчастные, они ни в чем не виноваты”.

Солдаты извлекли гроб из деревянного ящика и медленно внесли в квартиру. В ней толпились родные и соседи погибшего. Зеркала были завешены черной тканью. Женщины рыдали, мужчины плали. Капитан неловко застыл у входа, вертя фуражку в руках. Когда Блинушов сказал одной из женщин, что тот проделал долгий путь из Афганистана, чтобы доставить тело товарища, она бросилась к нему со словами: “Простите, пожалуйста, что так получилось, понимаете, он у нас единственный”. Занервничав от мысли, что останется один, капитан пытался уговорить Блинушова (они уже перешли на “ты”, несмотря на разницу в звании) остаться хотя бы попить чаю. Но пора было возвращаться на базу, и солдаты уехали⁸.

В цинковых гробах на родину возвращались не только мужчины. Четырнадцатого января 1987 года Вера Чечетова, подруга Аллы Смолиной, полетела со своей базы в Джелалабад. Дорога занимала всего пятнадцать минут, но вертолет сбили. Вера не хотела надевать парашют: он не подходил ей по размеру, и она боялась, что помнет платье. Только по обрывкам платья ее и удалось опознать. По крайней мере, заметила Смолина, родным выдали *то* тело. Так случалось далеко не всегда⁹.

Пропавшие без вести

Семьи солдат, пропавших без вести во время боевых действий, не получали никакой поддержки и помощи до момента, пока судьба этих людей не определится окончательно. Прапорщик 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка пропал вместе с БТР и его водителем. БТР потом обнаружили

брошенным, водителя мертвым, а прапорщика не нашли. Его жена и двое детей были обречены жить в бедности¹⁰.

К окончанию войны, 15 февраля 1989 года, советские военные власти так и не установили судьбу 333 солдат, пропавших в Афганистане. Было определенно известно, что 38 человек попали в плен. Сорок четыре перешли на сторону моджахедов, семнадцать из них впоследствии вернулись в Советский Союз. Судя по именам, примерно четверть пропавших и четверть тех, кто воевал на стороне моджахедов, могли быть мусульманами. Девятнадцать исчезнувших солдат сумели попасть за границу: в Канаду, Швейцарию и США. Двадцать четыре, как считалось, погибли¹¹.

В последующие годы власти пытались выяснить, что произошло с этими людьми. Сразу после путча 1991 года при президенте был создан Комитет по делам воинов-интернационалистов. После распада СССР работу комитета финансировали совместно все бывшие советские республики. Руслан Аушев, безупречно отслуживший в Афганистане четыре с половиной года, был назначен председателем комитета (он оставался на этом посту и в 2012 году). Комитет взял на себя защиту интересов ветеранов локальных войн СССР и России. Но главным его делом было выяснить судьбы тех, кто пропал на афганской войне, вернуть на родину выживших и найти останки погибших.

В ноябре 1991 года журналист Владимир Снегирев и его британские коллеги Рори Пек и Питер Джувенал выехали из Таджикистана и двинулись через горы, чтобы найти Ахмада Шаха Масуда, а с его помощью — советских солдат, живущих в Афганистане. За две недели Снегиреву удалось встретиться с шестью бывшими советскими солдатами. Четверо по собственной воле ушли к моджахедам: их угнетало отношение, с которым они столкнулись в армии. Двоих захватили в плен. Большинство таких солдат принимали ислам. Некоторым доводилось вступать в бой с бывшими соотечественниками. В основном они отказывались возвращаться на родину¹².

В конце 1991 года министр иностранных дел России Андрей Козырев поехал в Пакистан, чтобы договориться об освобождении пленных¹³. В марте 1992 года президенты Борис Ельцин и Джордж Г. У. Буш учредили совместную комиссию по делам военнопленных и пропавших без вести. Создание комиссии отчасти было обусловлено требованиями американской общественности расследовать утверждения, что военнослужащих США, захваченных в плен во время войны во Вьетнаме (а то и в годы Второй мировой), все еще содержат в Советском Союзе. Комиссии также было поручено выяснить судьбу советских военнослужащих, пропавших в Афганистане. Американцы предоставили специальные комплекты оборудования для идентификации человеческих останков. Они использовались, в числе прочего, в военном морге в Ростове-на-Дону, где хранились неопознанные тела российских солдат, погибших в Чечне. Когда американцы вторглись в Афганистан в 2001 году, армия США получила инструкцию собирать и передавать любую относящуюся к этому делу информацию¹⁴.

В 1998 году Руслан Аушев провел переговоры с Масудом, и его комитет организовал несколько экспедиций в Пакистан и Афганистан. В 2003 году были обнаружены останки четырех солдат, в 2006 году — еще шестерых¹⁵. В ходе еще одной экспедиции в мае 2008 года комитет обнаружил пятерых бывших солдат, живущих в Афганистане. Среди них был Геннадий Цевма из Донецка, попавший в плен в 1983 году. Он воевал на стороне моджахедов в провинции Кундуз. Две предыдущие попытки убедить его вернуться на родину вместе со своей афганской семьей и детьми провалились: Цевма слишком боялся того, что его там может ждать¹⁶.

К двадцатилетию вывода советских войск, в феврале 2009 года, Аушев объявил, что длинный список числящихся без вести удалось свести к 270 фамилиям. Пятьдесят восемь из них были мусульманами. Двадцать два бывших солдата удалось найти живыми, и большинство из них вернулись в Россию или другие республики бывшего СССР¹⁷.



Не многие советские солдаты добровольно сдавались моджахедам. Офицеры предупреждали их, что сдача в плен равносильна измене и что если они попадут в руки врага, их могут подвергнуть пыткам. Многие предпочитали покончить с собой. И все же время от времени солдаты попадали в плен, в том числе в силу беспомощности из-за ранений. Иногда их зверски убивали. Однако чаще моджахеды предпочитали менять их на собственных пленных, требовать выкуп или обращать в рабство. Некоторые из пленных решили отправиться на Запад, и западные пропагандисты, естественно, пользовались ими в собственных целях. Те из пленных, кто вернулся в СССР, столкнулись с неприятностями разной степени тяжести. Некоторых военный трибунал приговорил к разным срокам заключения. Хотя западная пропаганда кричала о том, что русские расстреливают дезертиров, официальных подтверждений этому нет. Одного солдата, перешедшего на сторону моджахедов, обменяли на советского пленного. Он вернулся назад в традиционном афганском костюме. Хотя он не сражался против своих, его приговорили к шести годам колонии¹⁸. Другие дезертиры, вернувшиеся домой, пострадали не так сильно, а то и вовсе не понесли наказания.

Алексея Оленина, служившего в транспортном батальоне, похитили, когда он пытался скрыться через перевал Саланг. Его избивали, он пытался бежать, пытался повеситься, и наконец его поставили служить в отряд моджахедов под командованием старика по имени Суфи Пуайнда Мохмад. Проведя два месяца в горах, Оленин принял ислам: “Меня никто не заставлял. Просто я понял, что раз я еще не лежу в земле, значит, меня спасла какая-то сила.. Я бы принял тогда любую веру.. Я ведь ничего не понимал: был пионером, комсомольцем, собирался вступить в партию”. Ему дали исламское имя Рахматула.

За шесть лет в этот отряд попали и другие русские солдаты, в том числе Юрий Степанов, получивший имя Мухибул-

ло. Его тоже взяли в плен на перевале Саланг во время нападения на заставу¹⁹.

Потом до взвода дошли новости, что 40-я армия покидает Афганистан. Бойцы отряда вернулись на свои поля, и Оленин пошел с ними: “Про мак тогда ничего не знали, дехкане выращивали хлеб и овощи, а мак появился вместе с талибами”. Суфи Пуайнда, который все еще рассматривал русских пленных как свою собственность, решил, что им следует жениться. Афганцы не хотели отдавать своих дочерей, поскольку русские не могли позволить себе заплатить калым, и к тому же боялись, что русские уедут, и девушки будут опозорены. Но один бедняк согласился отдать за Оленина свою дочь Наргез. Тогда Оленин думал, что шансов на возвращение домой у него в любом случае не осталось.

Он ошибался. Они с Наргез еще не успели сыграть свадьбу, а российское правительство уже провело успешные переговоры о возвращении пленных. Генерал Абдул-Рашид Дустум, узбекский командир, действовавший на севере страны, жаждал укрепить свои отношения с русскими и устроил так, чтобы Оленин и Степанов смогли отправиться на родину. Сначала он организовал им встречу с матерями в своей крепости в Мазари-Шарифе. Мать Оленина, увидев сына, упала в обморок. Пленников отправили в Пакистан, где их встретила Беназир Бхутто. Рассказывали, что она выделила деньги на выкуп. Оленин вернулся в родной город Отрадное в 1994 году и обнаружил, что страна изменилась до неузнаваемости. Мать стала знакомить его с местными девушками в надежде, что он женится и остепенится. Но его мучила совесть, и через полгода он вернулся в Афганистан, чтобы найти Наргез и жениться на ней. Он собирался поехать вместе с ней в Россию. Но к власти пришел “Талибан”, и Оленин снова застрял в Афганистане. Он открыл свой малый бизнес и неплохо зарабатывал, жена родила ему дочь. Он вернулся в Отрадное лишь в 2004 году, теперь с семьей. Местные женщины заметили, что мусульманин Оленин работает больше других мужчин, а выпивает — реже²⁰.

В российском фильме “Мусульманин”, снятом в 1995 году, показана примерно такая же история: контраст между опрятностью и благочестием русского мусульманина, обратившегося в ислам в Афганистане, и безалаберной, разлаженной жизнью его семьи и села.

На стороне моджахедов оказался и Николай Быстров. Его призвали весной 1982 года и отправили в Баграм. В середине 1983 года он и еще два солдата в нарушение правил отправились в соседний кишлак за едой. Крестьянин сказал им, что на обратном пути на них устроили засаду, и посоветовал отправиться другой дорогой. Это была ловушка: именно там их и ждали. Один солдат погиб в перестрелке. Быстров был ранен, его товарищ тоже, причем настолько тяжело, что афганцы решили его добить. Погибли и один — два афганца.

Сначала похитители держали Быстрова в том же кишлаке, около которого его схватили. Он попытался бежать через окно, но успел добраться только до соседнего дворика, как его схватили и избили. Ему выбили несколько зубов и сломали ребра. В его захвате участвовали две банды. Они передрались из-за того, кому достанется Быстров, и несколько моджахедов погибли. Потом его подняли и несколько ночей куда-то вели, приставив к голове пистолет. Быстров снова попытался сбежать. Тогда ему пригрозили смертью и показали афганского солдата, повешенного в назидание остальным.

Быстрова привели в маленький дом в Бадараке, в Панджшерском ущелье, где находилась штаб-квартира Масуда. Местные столпились вокруг. По-русски говорил один инженер. Быстров поздоровался, а Масуд неожиданно пожал ему руку. Масуд, немного говоривший по-русски и понимавший русскую речь, сел ужинать со своими людьми и усадил Быстрова с собой.

Следующим вечером Быстрова отвели вглубь долины. Там уже держали русских пленников — Самина и Федорова. Они снова пытались сбежать, после чего их на месяц заперли в камеру. Их нормально кормили, и с ними прилично об-

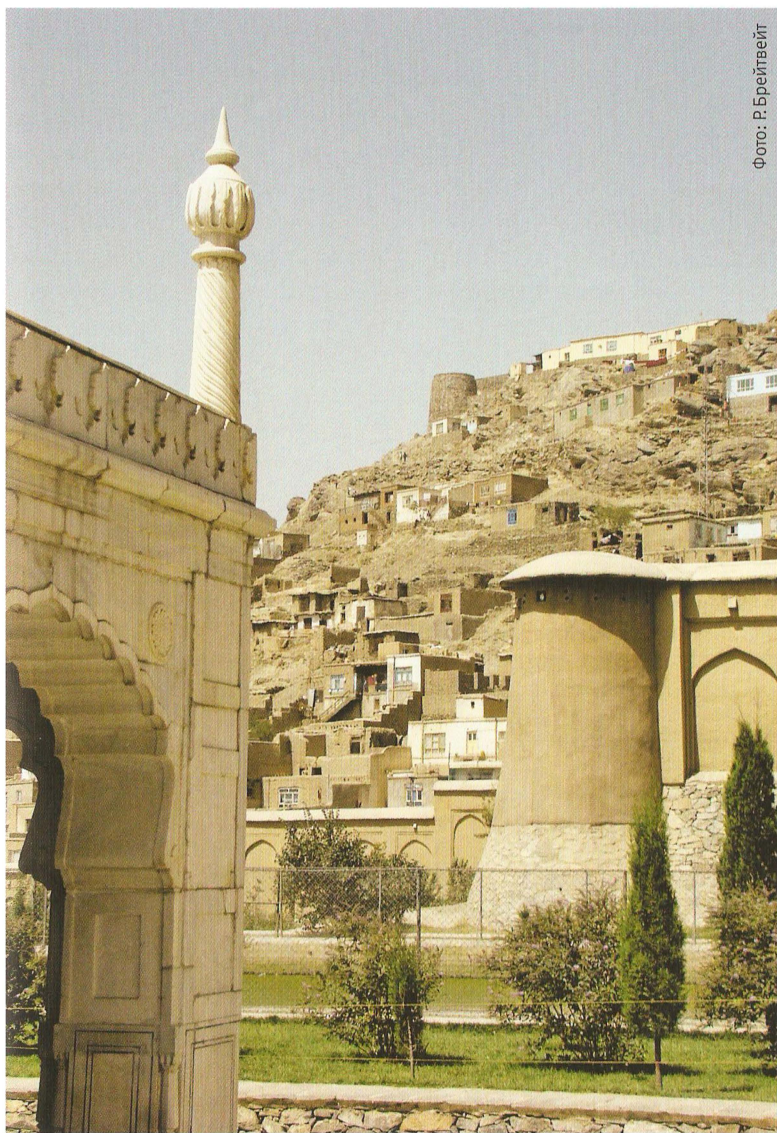


Фото: Р.Брейтвейг

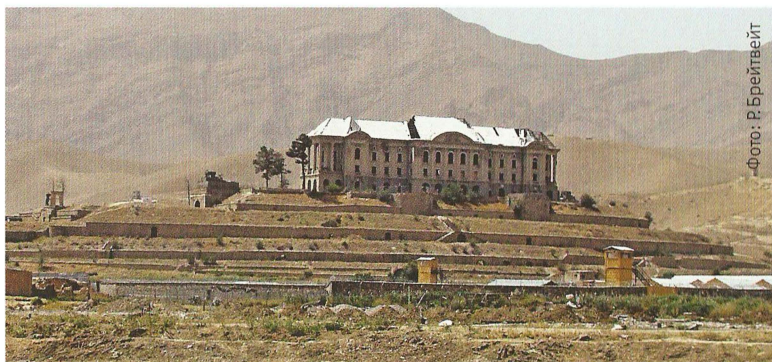
Сад Бабура с его гробницей (ок. 1528) были сильно повреждены во время гражданской войны, начавшейся после ухода советских войск. После свержения талибов сооружения были восстановлены на деньги Ага-хана.

КАБУЛ: ДВА ДВОРЦА



РИА «Новости»

В крепости Арк в центре Кабула, построенной эмиром Абдуррахманом и переименованной при коммунистах в Дом народа, были убиты два афганских президента: Дауд (1978) и Тараки (1979).



—Фото: Р. Брейтвейт

Стремясь избежать участи предшественников, президент Амин переехал в Тадж-Бек на окраине Кабула. Это его не спасло: Амин погиб в ходе советской спецоперации 27 декабря 1979 года. На фото видно, сколь трудная задача стояла перед штурмующими. После здесь располагался штаб 40-й армии. После ее вывода дворец и окружающие сады пришли в запустение.



Sygmus collection, Corbis

Ахмад Шах Масуд, Панджшерский лев.

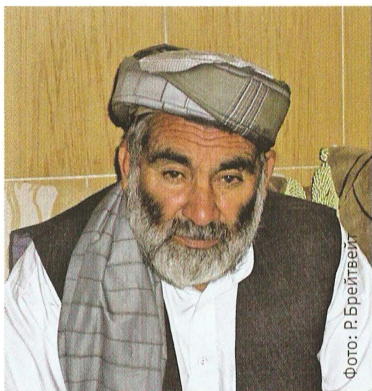


Фото: Р. Брейтвейт

Шер Ахмад Маладани (девять лет сражался с русскими, а после с талибами, пока не попал к ним в плен) предпочел бы видеть своим противником советскую армию, а не американскую.

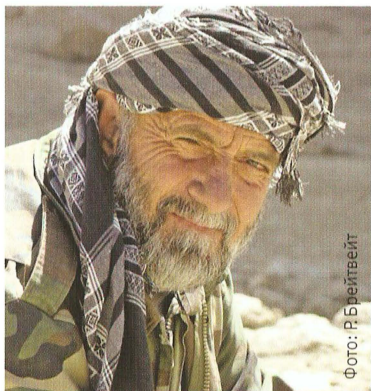


Фото: Р. Брейтвейт

Неизвестный у туннеля Саланг.

НА БРОНЕ



“ВЕРТУШКИ”



Из архива Янника Фурье

“Крокодилы” — боевые вертолеты Ми-24 с тяжелым вооружением и броней — были уязвимы для крупнокалиберных пулеметов и ПЗРК моджахедов, однако с успехом применялись до конца войны.



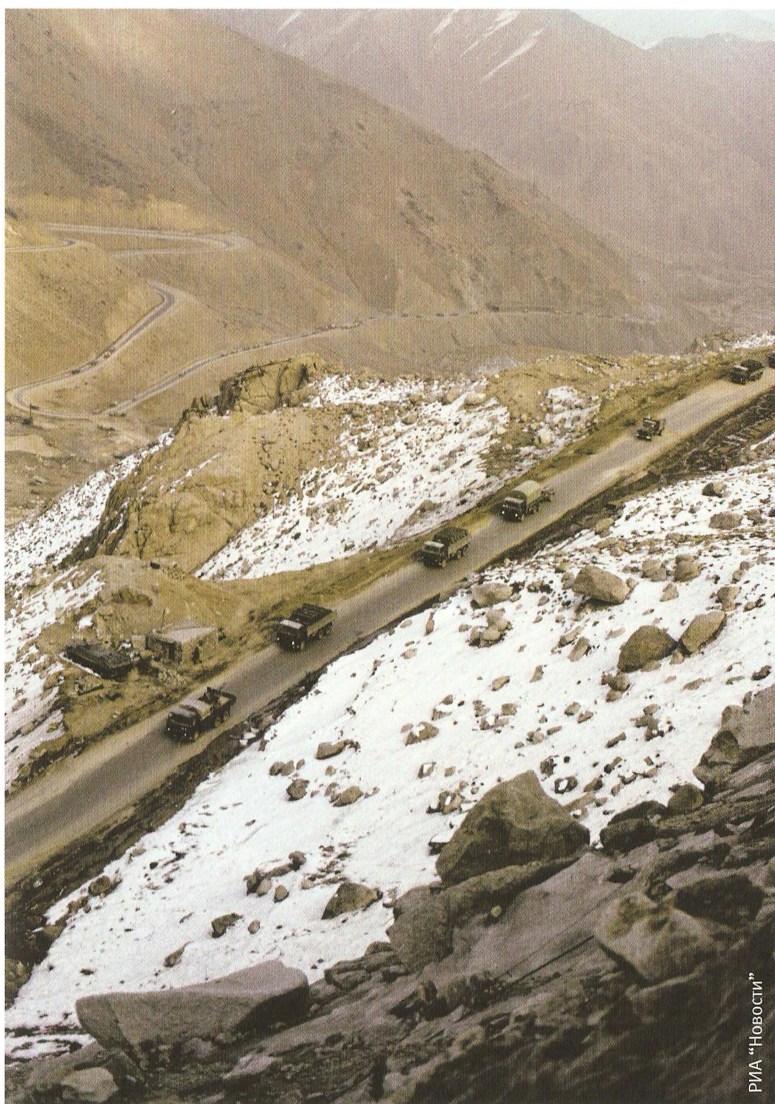
РИА “Новости”

“Пчелка” — Ми-8 — доставила припасы на горную заставу. Эти машины (с российскими экипажами) сейчас арендуют американские военные в Афганистане для выполнения тех же задач.



Стороны конфликта активно и бессистемно пользовались минами, чтобы перерезать коммуникации врага и защитить свои позиции. Моджахеды достигли в минном деле больших высот. Мины они получали с Запада или изготавливали сами. Русские изобрели ряд приборов для их обнаружения, однако бремя разминирования легло в основном на саперов и обученных собак.

ПЕРЕВАЛ САЛАНГ



РИА "Новости"

Две трети необходимых припасов 40-я армия получала из СССР. Чтобы достичь Кабула, гигантским колоннам снабжения (до восьмисот единиц техники) приходилось преодолевать около 450 километров по горам. Моджахедам не удалось перерезать эту артерию.

ПАНДЖШЕРСКОЕ УЩЕЛЬЕ



Сентябрь 2008 года. Русские много раз овладевали этой долиной, однако у них вечно не хватало войск, чтобы закрепиться здесь.

ращались; они начали учить язык. К ним подсадили еще одного пленника, туркмена по имени Балашин Абдулла. С ним было что-то странное: пленным сигарет не давали, но от него пахло табаком. Однажды, когда они проснулись, Абдуллы в камере не оказалось. Он явно был подсадным. Потом привели еще нескольких заключенных. После этого русских пленных перевели в Чаяву, где находилась личная тюрьма Масуда. Их на полгода бросили в яму — похоже, без ведома Масуда. Один из солдат бежал в горы и был спасен десантниками. Потом приехал Масуд, и остальных пленников перевели в более приличное место, в каменный дом.

Масуд предложил им выбор: обмен на моджахедов, захваченных советскими войсками, или помощь в переходе в Пакистан, откуда они могли бы двинуться в Швейцарию, Канаду или Америку. Двенадцать пленников решили идти в Пакистан, а Быстров и еще один солдат остались. Они боялись возвращения в Советский Союз, но Быстров подумал, что идти в Пакистан не менее рискованно.

Поэтому Быстров остался с Масудом. Во время передышки на одном из перевалов Быстрову вручили китайский автомат и бронжилет, сказав, что теперь он будет одним из телохранителей Масуда. Быстров не мог понять, почему ему оказывают такое доверие. Он взял оружие — исправное — и патроны. Он мог убить Масуда и остальных охранников, а сам сбежать, но решил, что раз Масуд доверяет ему, стоит его держаться. Масуд знал толк в людях.

В 1986 году Быстров женился на женщине из племени Масуда и служил у него телохранителем до 1995 года, когда, по совету Масуда, вернулся с женой в Россию, чтобы не сталкиваться с талибами. После изгнания талибов он снова стал навещать Афганистан, виделся с родственниками жены и искал останки советских солдат. Метод у Быстрова был простой: он направлялся в кишлак, где шли бои, и спрашивал местных жителей, где они похоронили убитых. Те рассказывали, после чего Быстров эксгумировал останки и договаривался, чтобы их отпра-

вили в Россию. Он приобрел некоторую известность в своей стране, оставаясь немного меланхоличным мусульманином²¹.

Матери

Так как никто не собирался принимать на себя ответственность за призывников, матери солдат, отправленных в Афганистан, решили взять дело в свои руки. Поскольку детей из состоятельных и влиятельных семей там служило немного, этим занялись матери солдат из бедных семей, живших в маленьких городах и селах. У них не было никакого политического опыта, однако за время войны они стали мощной силой.

Этим женщинам приходилось бороться с сентиментальным представлением о солдатских матерях, которое культивировалось и властями, поскольку избавляло их от лишних забот. Спустя двадцать лет после вывода советских войск из Афганистана одна полуофициальная организация дала солдатским матерям совет: “Что может сделать Мать для сына-солдата? Что?.. Только одно — ждать.. Вы несете высокое звание Матери защитника Родины, и именно Вам начертано в веках передавать новым поколениям генный код любви к своему Отечеству. Только вы своим молчаливым и терпеливым ожиданием можете превозмочь громкие воззвания и призывы трибун, и именно вам достается горечь правды и гордость памяти о своих сыновьях. С праздником вас, Матери необъятной страны, днем и ночью ждущие своих сыновей. Они обязательно вернуться!”²²

Многим матерям ничего не оставалось, кроме как внимать этим снисходительным речам. Но другие не желали мириться со своим положением. Они изводили бюрократов, протестовали и пытались — иногда успешно — попасть в Афганистан, чтобы своими глазами увидеть происходящее. У них было четыре основных заботы. Первая — по возможности предотвратить отправку своих сыновей на войну. Вторая — защитить их от издевательств “дедов” и свести дедовщину к минимуму.

Третья — выяснить судьбу солдат, исчезнувших в Афганистане, особенно тех, кто числился пропавшими без вести. Четвертая — позаботиться о тех, кого взяли в плен. Движение солдатских матерей было одним из первых эффективных правозащитных движений в СССР, и оно набирало силу по мере того, как политическая система при Горбачеве становилась более гибкой. После войны солдатские матери объединились в организации, выступающие за права солдат и помогающие призывникам, отправленным в Чечню.

Алла Смолина почти три года (с осени 1985-го) работала в военной прокуратуре в Джелалабаде. Она отвечала за обработку архивов и документов, поступающих в прокуратуру, и по большей части это занятие наводило уныние. Она изучала не досье героических офицеров и солдат, сражавшихся в горах, а дела убийц, мародеров, насильников, наркоманов, людей, покалечивших себя, “дедов” и воров, а также фотографии самоубийц, изувеченных тел и массовых захоронений. На одной из эксгумаций, где она присутствовала, среди останков была обнаружена детская нога в резиновом сапожке — он предотвратил разложение. Спустя какое-то время подобные ситуации стали обычными, и табак и алкоголь помогли справиться с ними.

Время от времени в военную прокуратуру приходили письма солдатских матерей, у чьих сыновей возникли неприятности с законом. Отвечать на эти письма строго запрещалось: запросы по поводу отдельных солдат следовало направлять их непосредственным командирам. Но одно письмо врезалось в память Смолиной. Оно пришло от матери-одиночки с Украины, родившей в семнадцать лет. В письме говорилось, что она учила своего сына Виктора быть хорошим мальчиком, что он больше интересовался книгами, чем выпивкой и драками со сверстниками. Теперь он перестал писать домой, и мать хотела узнать, что случилось.

Смолина взялась за его дело. К несчастью, Виктор, придя в отчаяние от издевательств, которым его подвергали сослуж-

живцы, прострелил себе ноги и был арестован. Как правило, командиры старались скрыть такие инциденты, выдавая их за несчастные случаи или боевые ранения. Но врачи могли определить, сам ли солдат ранил себя. Вылечив Виктора, они доложили его командиру, и тому пришлось поместить его под арест до окончания расследования.

Потом все пошло наперекосяк. Солдат-таджик бросил гранату в палатку старослужащих, которые измывались над ним, забрал автомат и удрал. Вскоре его поймали и посадили на гауптвахту вместе с Виктором. Таджик убедил Виктора бежать и воспользоваться американской программой помощи советским дезертирам. Им удалось сбежать, но потом их схватили моджахеды. Пленные выжили. Виктор принял ислам.

Затем Смолина получила еще одно письмо от матери Виктора. Та хотела найти работу в 40-й армии, но из этого ничего не вышло. Тогда женщина продала свои вещи, чтобы купить билет на самолет до Ташкента. Оттуда она планировала на попутках добраться в Афганистан. Смолина не стала говорить ей, что Виктора уже нет в стране. Она только настоятельно просила мать Виктора никуда не ехать, пока расследование не закончится.

На этом прервалась переписка, но история продолжалась. От знакомых вертолетчиков Смолина услышала, что какая-то ненормальная украинка пыталась пересечь границу, чтобы повидаться с сыном-солдатом, попавшим в беду. Она забралась в одну из машин автоколонны, отправлявшейся на юг, но ее нашли. Она стала упрашивать вертолетчиков взять ее с собой. В конце концов ее задержала военная комендатура в Термезе.

Эта женщина была матерью Виктора. После войны Алла Смолина безуспешно попыталась связаться с ней по официальным каналам. Двадцать с лишним лет спустя ей удалось восстановить всю историю по обрывкам информации в интернете. Виктор так и не попал в Америку. Он прошел подготовку в лагере моджахедов в Пакистане, вернулся в Афга-

нистан, но не стал воевать с советскими солдатами. Потом добрался до Ирана, обратился в советское посольство и в конце концов вернулся в СССР.

Восстание в лагере Бадабер

Еще много лет всплывали все новые и новые истории о советских дезертирах и бывших военнопленных. Рассказывали, что офицер ГРУ перешел на сторону моджахедов, захватив с собой список советских и правительственных агентов. Моджахеды собрали агентов в одном месте, и офицер-перебежчик участвовал в их казни. После этого он руководил отрядом бойцов, сражавшимся с его прежними товарищами, а потом перебрался на Запад. Несколько офицеров ГРУ поклялись отомстить. Они выследили и убили его в Польше десять с лишним лет спустя после войны²³. Рассказывали также, что в конце 2009 года восемь советских солдат, оставшихся в Афганистане, сражались на стороне талибов с силами западной коалиции²⁴. А еще один случай, потом ставший легендарным, поначалу пытались сохранить в тайне. Речь идет о восстании советских и афганских военнопленных, содержащихся в тюрьме-крепости Бадабер к югу от Пешавара, 26–27 апреля 1985 года.

С 1958 по 1970 год в Бадабере располагался секретный пост американской разведки, занимавшийся перехватом информации — группа связи 6937. Именно оттуда американский самолет-разведчик *U-2* вылетал на задания над территорией Советского Союза, находившейся в трех с лишним сотнях километров. Из Бадабера вылетел и злополучный Гэри Пауэрс, чей самолет был сбит 1 мая 1960 года над Свердловском.

Во время войны крепость в Бадабере использовалась для хранения оружия и боеприпасов, а также как тренировочная база бойцов “Хезб-е джамиат-е ислами” Бурхануддина Раббани. По утверждению Раббани, база полностью находилась под его контролем, и правительство Пакистана не вмеши-

валось. С 1983 года туда свозили советских и афганских солдат, взятых в плен. Их заставляли работать на складах боеприпасов и в соседних карьерах. Держали их в зинданах. В 1985 году в Бадабере находилось двенадцать пленников из СССР (большинство были захвачены Масудом в Панджшере) и сорок афганских солдат и милиционеров. Работа была очень тяжелой. Те, кто не был мусульманином, получили исламские имена в качестве подготовки к их переходу в новую веру. Этими именами их называли охранники, и по этим именам они должны были обращаться друг к другу.

Около шести часов вечера в пятницу, 26 апреля, большинство охранников-моджахедов молилось на плацу, и только двое остались сторожить пленных. Силачу-украинцу Виктору Духовченко (которому дали мусульманское имя Юнус) удалось их скрутить. Моджахедов оставили под охраной одного из пленников-афганцев и советского военнопленного по имени Мухаммед Ислам. Другие заключенные ворвались на склад и захватили оружие. Увы, сбежать они не успели: Мухаммед Ислам успел предупредить моджахедов, те окружили комплекс. Тогда заключенные забаррикадировались на складе, выставив на крышу тяжелые пулеметы и минометы. Были вызваны отряды моджахедов и части пакистанской армии с танками и артиллерией, но их попытки вернуть крепость были отбиты.

Поздно вечером прибыл Раббани. Он вступил в переговоры с восставшими и пообещал сохранить им жизнь, если они сдадутся. Те в ответ потребовали встречи с послами СССР и Афганистана и представителями “Красного креста” и пригрозили взорвать арсенал.

Раббани отклонил эти требования. Он чудом избежал смерти от ракеты, которую выпустили по нему восставшие. Несколько его охранников серьезно пострадали. На следующее утро он приказал начать полномасштабный штурм с применением артиллерии, танков и вертолетов. В исходе сомневаться не приходилось. В конце концов арсенал взорвался, и тюрьма была практически уничтожена. Некоторые говорили, что зда-

ние взорвалось от попадания снаряда, другие — что восставшие подорвали его. Три пленника выжили, но были тяжело ранены. Их добили гранатами. При взрыве погибли и многие из нападавших: согласно некоторым российским источникам, были убиты 120 моджахедов, а также до девяноста пакистанских солдат и шесть американских инструкторов²⁵. Потом распространились слухи, что когда случилась эта трагедия, советский спецназ уже готовился к освобождению пленных.

На следующий день Гульбедин Хекматияр, самый радикальный из лидеров моджахедов, приказал русских в плен не брать.

Ни советское, ни пакистанское правительство не были заинтересованы в огласке. Советские власти по-прежнему утверждали, что Ограниченный контингент советских войск в Афганистане не участвует в войне, а наличие советских военнопленных в далеком Пакистане едва ли соответствовало этой версии. Пакистанцы же придерживались легенды, что они не оказывают помощи моджахедам. Они изолировали территорию тюрьмы. Ни журналисты, ни иностранцы в ее окрестности не допускались. Тираж номера пешаварской газеты “Сафир”, в котором рассказывалось о происшествии, пошел под нож.

Несмотря на официальное молчание, известия о трагедии стали просачиваться наружу. Нескольким афганским пленникам в возникшей неразберихе удалось сбежать и добраться домой. Только они и могли выступать в роли очевидцев. Утверждалось, что 28 апреля американский спутник передал фотографию воронки диаметром семьдесят метров на месте лагеря. Четвертого мая “Голос Америки” сообщил, что в результате взрыва погибли двенадцать советских и двенадцать афганских пленных. Подразделение радиоэлектронной разведки 40-й армии перехватило переговоры пакистанских вертолетчиков с базой. Девятого мая сотрудник “Красного креста” проинформировал советское посольство в Исламабаде, что в лагере произошло восстание. Двадцать седьмого мая

агентство печати “Новости” сообщило: “Кабул. По всей стране продолжают митинги протеста общественности в связи с гибелью в неравной схватке с отрядами контрреволюционеров и регулярной пакистанской армии советских и афганских солдат, захваченных душманами на территории ДРА и тайно переправленных в Пакистан. Крестьяне, рабочие, представители племен гневно осуждают варварскую акцию Исламабада, который, стремясь уйти от ответственности, неуклюже извращает факты”.

Документы тюрьмы в результате взрыва были уничтожены, поэтому точный список погибших пленников составить не удалось. Путаницу усугубляло то, что в таких списках приводились мусульманские имена заключенных, а их подлинные имена можно было восстановить только по обрывочным данным. После войны российский МИД, СВР, ГРУ и Комитет по делам воинов-интернационалистов СНГ пытались сложить воедино эту головоломку. Прорыв удался только в декабре 1991 года, когда в Москву нанесла визит делегация во главе с Раббани, пытавшимся убедить новые российские власти прекратить поддержку коммунистического правительства Наджибуллы. Моджахеды отказывались вести переговоры по поводу пленных, пока не добьются удовлетворительного ответа по основному вопросу. Они настаивали, что если в их руках и находятся какие-нибудь советские военнопленные, то к ним относятся как к гостям и они вправе вернуться домой (или куда им захочется). Впрочем, замминистра иностранных дел Пакистана, бывший в составе делегации, назвал имена пяти советских солдат, которые, как считалось, погибли в Бадабере²⁶.

В 1992 году в Бадабере побывал Замир Кабулов из российского посольства в Исламабаде (впоследствии российский посол в Кабуле). Расследование возобновилось в 2003 году благодаря усилиям комитета ветеранов под руководством Аушева. За эти годы удалось более или менее точно установить семь имен погибших, и нескольких из них посмертно наградили медалью за воинскую доблесть. Заявления о награждении трех

остальных — Игоря Васкова, Николая Дидкина и Сергея Левчишина — Минобороны РФ отклонило, поскольку не было представлено достаточно доказательств.

Мать одного из солдат продолжала надеяться, что ее сын вернется, хотя для надежды давно уже не оставалось разумных оснований. В 1983 году, когда Александра Зверковича призывали, он работал в Минске помощником сварщика. В марте 1984 года командир Зверковича сообщил его матери Софье, что тот числится “пропавшим без вести при исполнении воинского долга”. Еще до распада СССР она поехала в Москву вместе с другими матерями пропавших солдат, чтобы просить у властей помощи в их розыске и в возвращении домой. Из этого ничего не вышло. В середине 90-х годов Софья просила суд признать своего сына погибшим, чтобы получить льготы. Но в 2006 году надежда воскресла, когда Софья узнала, что ее сын участвовал в восстании в Бадабере. “Вроде бы в Москве памятник участникам восстания хотят поставить, — говорила она журналисту местной газеты. — По радио будто передавали, что кому-то из них удалось выжить. Сельчане даже говорили, что видели Сашу по телевизору... Я ведь даже гадала на него несколько раз. Кто-то говорил, что он умер, а кто-то утверждал, что жив и живет ‘за большой водой’. Я бы все отдала, чтобы только правду узнать. Какой бы горькой она ни была”. Имя Александра Зверковича было в списке семи солдат, погибших в Бадабере.

А всю правду — даже имена всех погибших — возможно, никогда и не удастся узнать. Пакистанская разведка отказалась делиться какими бы то ни было документами, а другие версии трагедии основываются на случайной информации, слухах и домыслах²⁷.

Глава 12

Дорога, ведущая к мосту

Уже через несколько недель после ввода войск в Афганистан советское Политбюро начало обсуждать, как их вывести оттуда. После поездки в Кабул в феврале 1980 года Андропов доложил, что ситуация стабилизировалась, хотя афганскому правительству еще предстоит преодолеть внутренние разногласия, повысить боеспособность армии и укрепить связь с народом. Устинов считал, что нужно быть осторожнее: войска следует выводить не раньше, чем через год или два. Брежнев согласился и предложил даже несколько увеличить контингент. Громыко считал, что вначале следует получить гарантии безопасности Афганистана от Китая, Пакистана и других стран¹.

Осторожность была оправданной. Массовые демонстрации в Кабуле в конце февраля и меры, на которые 40-й армии пришлось пойти, чтобы взять ситуацию под контроль, показывали, что обстановка в Афганистане далеко не стабильна. Практически тут же начались крупные военные операции в Кунаре и Панджшере.

Брежнев ищет выход

Потребовалось время, чтобы советские лидеры осознали тщетность надежд на быстрый уход войск. В мае 1980 года Бреж-

нев заявил президенту Франции Жискару д'Эстену: он знает, что войска нужно вывести, и лично займется поиском политического решения. На него можно положиться. Месяц спустя Брежнев приказал вывести части, чье присутствие в Афганистане больше не требуется, и велел Андропову обсудить подробности с Кармалем². Зимой 1980/1981 года советский посол в Исламабаде обсуждал с пакистанским президентом Мухаммедом Зия-уль-Хаком возможность переговоров под эгидой ООН. У Устинова, прежде сторонника жесткого курса, теперь появились серьезные сомнения. Он составил для Политбюро записку о том, что военного решения у этой ситуации нет: необходимо искать политический и дипломатический выход³. Интерес Андропова к зарубежным авантюрам тоже иссяк. Когда в конце 1980 года разразился кризис в Польше, он заявил, что "квота на интервенции" исчерпана⁴. Осенью 1981 года они с Устиновым поддержали докладную записку МИДа, в которой предлагалось организовать не прямые переговоры между Афганистаном и Пакистаном.

В ноябре 1982 года Андропов сменил Брежнева на посту генерального секретаря ЦК КПСС. На похоронах Брежнева он заверил Зия-уль-Хака в "новой гибкой политике советской стороны и понимании необходимости быстрее разрешения кризиса"⁵. Единственным условием было прекращение помощи моджахедам со стороны Пакистана. На тот момент Громыко уже руководил межведомственным совещанием, посвященным планам вывода советских войск.

В феврале 1983 года Андропов весьма твердо заявил Генеральному секретарю ООН, что СССР не имеет намерения сохранять свои войска в Афганистане бессрочно. Эта операция дорого обходилась, Советский Союз столкнулся с серьезными внутренними проблемами, война осложнила отношения СССР с США, странами "третьего мира" и исламскими государствами. Говоря очень медленно и подчеркивая каждое слово, Андропов прибавил, что искренне хочет положить конец этой ситуации. История, по его словам, опровергла аргумент,

который в то время был в ходу на Западе — что советские войска так и не ушли ни из одной страны, куда были введены. Но, говорил он, в дела Афганистана вмешиваются другие страны, и поэтому советские войска останутся в Афганистане столько, сколько потребуется, так как этот вопрос затрагивает безопасность южной границы Советского Союза⁶.

Благим намерениям Андропова так и не суждено было осуществиться, отчасти из-за ухудшения его здоровья, отчасти из-за корейского самолета, который советские ВВС сбили 1 сентября 1983 года. Эта “бойня”, как ее назвал президент Рейган, вызвала осуждение в адрес Советского Союза во всем мире. Усилия Андропова сошли на нет еще до его смерти в январе 1984 года.

Его преемник Константин Черненко также был серьезно болен и едва ли мог руководить. Он умер 10 марта 1985 года. Теперь высшему советскому руководству было очевидно, что советская система работает отнюдь не так, как нужно. В считанные часы после смерти Черненко его преемником был избран Михаил Горбачев. Молодой и энергичный, он обладал воображением и, как казалось, придерживался ортодоксальных коммунистических взглядов.

Горбачев делает свой ход

Горбачев пришел к власти с твердым намерением добиться решения афганской проблемы. В первую очередь он попросил проанализировать ситуацию Комиссию ЦК КПСС по Афганистану: следовало рассмотреть “последствия, плюсы и минусы вывода войск”. После он счел комиссию, состоящую из одних стариков, препятствием на пути прогресса — и распустил ее⁷.

В некоторых западных источниках утверждается, что Горбачев дал генералам год на то, чтобы закончить дело военными средствами, и что в 1985–1986 годах интенсивность боев

достигла пика. Крючков (естественно, пристрастный свидетель) утверждал, что сначала Горбачев раскритиковал Минобороны за недостаточно энергичное ведение войны, но вскоре после этого занял диаметрально противоположную позицию⁸. В 1985 году были действительно предприняты несколько крупных операций, прежде всего наступление в долине реки Кунар в мае-июне. В том же 1985 году была создана бригада спецназа: советские войска переходили от масштабных наземных операций к более гибким действиям в поддержку афганской армии, которые в случае необходимости подкреплялись налетами стратегических бомбардировщиков с территории СССР. Но число жертв среди советских военных достигло максимума в тот период, когда Горбачев еще не был у власти, а с мая 1985 года стало снижаться. Это едва ли согласуется с теорией “горбачевского наращивания”⁹.

Как бы там ни было, Горбачев принял решение еще до конца года. В октябре 1985 года он вызвал в Москву Бабрака Кармаля и поднял вопрос о выводе советских войск. Кармалю потрясло осознание того, что русские нуждались в нем меньше, чем он в них. Побелев, он сказал: “Если выведете сто тысяч сейчас, в следующий раз придется направить миллион”¹⁰. Горбачев ответил, что Афганистан должен быть способен защитить себя сам уже к лету 1986 года. Советский Союз больше не станет помогать Афганистану военной силой, но будет и дальше поставлять военную технику. Кармалю следует забыть о социализме, разделить власть с другими политиками, в том числе моджахедами и прочими врагами, восстановить в правах религию и религиозных лидеров.

Анатолий Черняев, партийный чиновник, которого Горбачев в начале года назначил своим советником по внешнеполитическим вопросам, записал в дневнике:

Десять наших парней гибнут каждый день. Народ разочарован и спрашивает — доколе там будут наши войска? И когда же афганцы научатся защищать сами себя? Главное — нет массовой

базы. Без этого никакая революция не имеет шансов. Рекомендовано — сделать крутой поворот назад — к свободному капитализму, к афганско-исламским ценностям, к делению реальной власти с оппозиционными и даже ныне враждебными силами... Посоветовал искать компромиссы даже с лидерами мятежников и, уж конечно, с эмиграцией. Пойдет ли на это Кармаль, а главное — способен ли, владеет ли он ситуацией настолько, чтобы пошел ему навстречу нынешние враги?!¹¹

Горбачев ясно дал понять Политбюро, что намерен взять быка за рога. Играя на эмоциях слушателей, он зачитал письма, полученные ЦК от родителей погибших солдат. Многие из них были подписаны. Женщины рассказывали как о моральном, так и о физическом ущербе, причиненном их сыновьям¹². Офицеры и даже один генерал говорили, что уже не могут объяснить подчиненным, зачем они воюют. Солдаты жаловались на газеты, сообщавшие, что боевые действия ведет афганская армия, хотя на самом деле воевали они. “Интернациональный долг?! А во имя чего? Сами-то афганцы хотят, чтобы мы выполняли этот долг? И стоит ли этот долг жизни наших парней, которые не понимают, за что они воюют?.. И что же вы (советское руководство) бросаете молодых новобранцев против профессиональных убийц и гангстеров, обученных лучшими иностранными инструкторами и вооруженных лучшим оружием, способных вести бой вдесятером против целой бригады?! Тогда уж добровольцев, что ли, набирайте”. Политбюро согласилось с выводами Горбачева, что задачей советской политики теперь должно быть укрепление афганского государства и уход из Афганистана¹³.

Горбачев выступил на эту тему в феврале 1986 года перед делегатами XXVII съезда КПСС. Он заявил, что советские войска уйдут из Афганистана, как только будет выработано политическое решение, позволяющее этой стране остаться дружественной, независимой и нейтральной и дающее гарантии от внешнего вмешательства в ее дела.

Хотя теперь война была все более непопулярна среди народа и военных, Горбачев, конечно, не мог просто так вывести войска. Перед ним возникала сложная внутривосточная проблема, которая ставила в тупик и другие страны, оказавшиеся в подобных обстоятельствах. Как вывести армию с достоинством, чтобы это не выглядело паническим бегством, предательством афганских союзников и памяти своих погибших солдат? 40-я армия не потерпела поражения на поле боя. Но как избежать удара по престижу Советского Союза и его армии, который с очевидностью будет нанесен?

Более того, Горбачеву нужно было убедить сотрудничать все стороны конфликта. И склочных моджахедов, желающих прогнать из Кабула коммунистов-безбожников. И пакистанцев, желающих видеть в Кабуле дружественное исламское правительство. И, конечно, американцев, многим из которых хотелось стереть из памяти поражение во Вьетнаме, заставить Советы заплатить максимальную цену, сколько бы это ни стоило русских, а тем более афганских, жизней. Неудивительно, что переговоры заняли гораздо больше времени, чем предполагал Горбачев.



Первым делом требовалось укрепить афганскую власть. Русские потеряли веру в Бабрака Кармаля, видя, что он слаб, нерешителен и все больше увлекается алкоголем. В апреле 1986 года советские лидеры решили, что Кармалю следует уйти. Горбачев нанес ему визит в кремлевской больнице, где Кармаль лечил почки, но не смог договориться об уходе по-тихому. Оскорбленный Кармаль вернулся в Кабул, и 1 мая Крючкова отправили к нему, чтобы попробовать еще раз. Их первую встречу прервала шумная демонстрация в поддержку Кармаля. Крючков сказал, что прекрасно знает, как устраиваются подобные демонстрации, и через пять минут демонстранты исчезли. В тот

раз Крючков ничего не добился. Но через несколько дней он вернулся в Кабул, и после двадцати часов уговоров Кармаль, наконец, согласился уйти в отставку¹⁴. Формально ее причиной стало слабое здоровье, хотя советские врачи, не успевшие получить инструкции, успели объявить Кармаля здоровым¹⁵. Его заменил более молодой лидер — глава секретной полиции ХАД Наджибулла. Кармаль сидел на президентском посту, не имея реальной власти, до момента избрания Наджибуллы (в ноябре 1986 года). Потом он уехал в Москву — якобы для лечения, но на самом деле в бессрочную ссылку — и умер там десять лет спустя.

К Наджибулле тоже имелись претензии. Доклад ГРУ, подготовленный в апреле 1986 года, вновь продемонстрировал расхождение во взглядах между некоторыми советскими военными, которые поддерживали “Хальк” и ее сторонников в армии, и КГБ, предпочитавшим “Парчам” Кармаля и Наджибуллы. Обсуждая слухи о том, что Наджибулла может стать преемником Кармаля, аналитики ГРУ отметили: афганские политики считают его сильной личностью. Но их тревожила власть, которой он располагал в ХАД, и то, что он использовал организацию в собственных целях. При нем тюрьму Пули-Чархи заполнили халькисты. Он был широко известен как пуштунский националист. Наджибуллу часто обвиняли в том, что при нем коррупция достигла неслыханного размаха. К тому же ГРУ не было уверено в его лояльности Советскому Союзу: он не учился в СССР и, в отличие от многих других лидеров афганских коммунистов, не имел опыта службы в армии. ГРУ заключало: “Он не сумеет сплотить партию, армию и народ в интересах достижения мира”¹⁶.

Генерал Варенников, самый высокопоставленный военный в Афганистане в то время, не разделял эту точку зрения. Кандидатуру Наджибуллы поддерживал и Крючков. Националистические взгляды Наджибуллы подрывали его способность убедить таджиков и другие народы в преимуществах политики национального примирения, и эта неспособность оказалась

роковой во время последующей гражданской войны. Но других достойных кандидатов не было. Кроме того, большинство экспертов и тогда, и после соглашались с тем, что Наджибулла при всех своих недостатках обладал многими качествами лидера: способный, энергичный, открытый новому и умевший выступать на публике. Крючков и глава советского МИДа Шеварднадзе особенно активно поддерживали его в Москве и впоследствии весьма критически восприняли то, что СССР и Россия оставили Наджибуллу.

Но каким бы умелым лидером ни был Наджибулла, реальная власть не в полной мере перешла в его руки. Раздутый штат советских советников (в 1986 году — две с половиной тысячи) мешал Наджибулле. “Опять все делаем сами, — сетовал Горбачев. — Наши только к этому приучены. Вяжут Наджиба по рукам и ногам”. Горбачев ворчал, что советский посол Табеев ведет себя как генерал-губернатор, рассказывает Наджибулле, что это он сделал его генеральным секретарем¹⁷. В июле 1986 года Табеева отозвали. Но, несмотря на убежденность Горбачева в том, что афганцы должны принять на себя ответственность за собственную судьбу, даже он не мог устоять перед искушением управлять афганской политикой в ручном режиме. “Трудно строить новое здание из старого материала, — замечал Горбачев на заседании Политбюро. — Дай бог, [чтобы] не ошиблись в Наджибе”.

Проблема состояла в том, что цели Наджибуллы были диаметрально противоположны целям русских. В его интересах было всеми правдами и неправдами оставить советские войска в стране. Ведь как иначе могло бы устоять его правительство, если силы мятежников крепили, а его — балансировали на грани исчезновения? Наджибулла соглашался с тем, что переговоры с оппозицией неизбежны: его политика национального примирения предполагала, что в правительство войдут умеренные оппозиционеры и муллы. Но он был твердо уверен, что НДПА должна сохранить ключевые политические и административные посты, в том числе Минобороны, МВД

и госбезопасности. К тому же Наджибулла не желал сотрудничать с политиками-непуштунами. Все это не так уж отличалось от той политики, которую пытался реализовать Кармаль. Конечно, Наджибулла осуществлял ее энергичнее и охотнее старался привлечь на свою сторону командиров моджахедов. Но повстанцы относились к нему столь же подозрительно, как и к его предшественнику, и желающих принять протянутую им оливковую ветвь нашлось немного.

Впрочем, большинство русских уже не слишком волновал состав афганского правительства. Главным стала организация respectable прикрытия для ухода из страны, а попутно сокращение масштабов боевых действий и сведение к минимуму своих жертв¹⁸. Генералы были не слишком этому рады. Они вели войну, и ограничения, налагаемые на них теперь, шли вразрез с их инстинктами. Они делали то, что им было приказано, пусть и с огромным нежеланием. Но давние конфликты между армией, КГБ, партией и правительством, а также их представителями в Кабуле по-прежнему влияли на процесс вывода войск. Это порой порождало серьезные сомнения в его своевременности. Наджибулла умело играл на этих противоречиях.

В июле 1986 года Горбачев приказал вывести из Афганистана шесть полков. Это, как он объяснил Политбюро, покажет, что СССР не планирует оставаться в Афганистане и не “рвется к теплым морям”, что слова у Советского Союза не расходятся с делом. Наджибулла должен был понять это и взять дело в собственные руки. По сути, решение Политбюро означало сокращение численности 40-й армии на пятнадцать тысяч человек. Но мир не признал эту заслугу Советского Союза, объявив этот шаг пропагандистским трюком¹⁹.



В ноябре 1986 года Горбачев снова поставил перед Политбюро вопрос: “Шесть лет уже воюем! Некоторые говорят: если так

вести дела, она и двадцать, и тридцать лет может продолжаться... У людей возникает вопрос: мы что, там бесконечно будем сидеть? Или должны кончать эту войну? Иначе ведь опозоримся во всех отношениях. Стратегическая цель — в один, максимум два года завершить войну и вывести войска”. Шеварднадзе прибавил, что СССР нужно определиться, кто главный: армия или КГБ?

Военная ситуация все еще была совершенно неудовлетворительной. Советские войска не смогли закрыть афганскую границу. Мятежники сменили тактику и ушли в подполье. Ахромеев, ставший начальником Генштаба, повторял то, что многие говорили ему: “За семь лет в Афганистане не осталось квадратного километра, чтобы там не ступала нога советского солдата. Но стоит ему откуда-то уйти, как тут же приходит противник и восстанавливает все, как было. Мы проиграли борьбу. Афганский народ сейчас в большинстве идет за контрреволюционерами. Мы проморгали крестьянство, оно от революции ничего не получило, 80 % страны — в руках контрреволюционеров. И положение крестьян там лучше, чем на государственной территории”.

Политбюро согласилось, что построение социализма в Афганистане на повестке уже не стоит и что следует вывести первую половину советских войска за год, вторую — еще за год, расширить политическую и социальную базу режима, а затем предоставить афганскому правительству самому решать судьбу страны. Горбачев предложил прямые переговоры с Пакистаном²⁰.

Следующая дискуссия Политбюро на эту тему, состоявшаяся в январе 1987 года, проходила в угрюмой атмосфере. Становилось все более очевидно, что уйти с честью будет крайне трудно. Как заметил Горбачев, “можно выйти быстро, не думая ни о чем, и сослаться на прежнее руководство, которое все затеяло. Но мы так не можем. Мы перед своим народом не отчитаемся. Миллион наших солдат прошел через Афганистан. [Ему доложили неверно — на самом деле около шестисот тысяч.] И, оказывается, все попусту. За что же людей положили?”

Шеварднадзе только что побывал в Кабуле. Он доложил, что традиционное расположение, которое афганцы испытывали к Советскому Союзу, улетучилось. Слишком много людей погибло: “То, что мы вошли туда, не зная абсолютно психологии людей, реального положения дел в стране, это факт. И все, что мы делали и делаем в Афганистане, несовместимо с моральным обликом нашей страны”. Наджибулла производил достойное впечатление, но его база поддержки трещала по швам. Военная ситуация ухудшалась. Закрывать границу с Пакистаном не получалось. Эту войну нельзя было выиграть. Позднее Горбачев замечал, что в Польше, невзирая на идеологические опасения, СССР признал роль церкви, частное сельское хозяйство, политический плюрализм. Нужно было смотреть фактам в лицо. Лучше платить деньгами, чем человеческими жизнями.

В январе замминистра иностранных дел Анатолий Ковалев поехал в Пакистан на переговоры с президентом Зия-уль-Хаком. В феврале Горбачев вновь подчеркнул, насколько важно привлечь к переговорам американцев, и предложил пригласить Зия-уль-Хака на переговоры в Ташкент. Когда Громыко заявил, что альтернативы выводу войск нет, Горбачев резко ответил: “Есть альтернатива! Если мы введем, например, двести тысяч. Но тогда — крах всего нашего дела”²¹.

Политбюро снова собралось в мае 1987 года. На заседании присутствовали Варенников и высокопоставленные чиновники из Кабула. Они жаловались, что афганская армия разваливается, американцы и пакистанцы делают все, чтобы сорвать политику национального примирения, а Наджибулле не удастся утвердиться в роли национального лидера. Ахромеев утверждал, что если Наджибулла станет центральным элементом новой политической конструкции, война никогда не кончится. Горбачев сказал, что никого другого у них нет. И если русские оставят его на произвол судьбы, их обвинят в предательстве: “И народу своему не объясним, зачем и почему. А в Афганистане, кто на стороне моджахедов, надолго запо-

мнят, как мы их уничтожали, а те, кто с Наджибом, — что мы всех одним утюгом уравнили с их врагами. И мы не получим дружественного Афганистана. И в то же время эту войну нельзя продолжать до бесконечности”.

Подводя итоги этой в некотором смысле безнадежной дискуссии, Горбачев заключил: нужно активнее привлекать к делу ООН и американцев. ООН смогла бы обеспечить нейтральную площадку для переговоров. Американцы в тот момент были главным поставщиком оружия моджахедам, и никакие гарантии невмешательства без них не имели смысла²². Наджибулле следует предоставить более обширную экономическую помощь, но твердо сказать, что русские планируют закрыть афганский вопрос за полтора года. Нужно найти подход к правительству, к королю в изгнании — Захир-шаху, а также к умеренным оппозиционерам вроде Раббани²³.

Дипломатические маневры

Следующие десять месяцев были заняты дипломатическими маневрами в Женеве, Исламабаде, Москве, Нью-Йорке и Вашингтоне на фоне переговоров в ООН, которые тянулись еще с 1982 года. Американцы участвовали в переговорах с первых дней президентства Рейгана. Джек Мэтлок, который был временным поверенным в делах США в Москве в 1981 году, получил указания сообщить русским, что американцы готовы “обсуждать способы обеспечения безопасности южной границы Советского Союза, а также принять обязательство не использовать территорию Афганистана против Советского Союза”. Ответа американцы не получили. После Женевского саммита, 28 ноября 1985 года, Рейган написал Горбачеву: “Хочу сообщить, что я готов сотрудничать всеми разумными способами, чтобы способствовать [выводу советских войск из Афганистана] таким образом, который не угрожает советской безопасности”²⁴. На это письмо ответа тоже не прозвучало.

Теперь, в 1987 году, Москва решила ускориться. В сентябре Шеварднадзе заявил американскому госсекретарю Джорджу Шульцу, что СССР уйдет из Афганистана — через пять месяцев или через год²⁵. Шульца эта новость поразила, но он был уверен, что правые в кабинете Рейгана встретят ее враждебно. Он держал информацию при себе несколько недель, опасаясь обвинений в смягчении отношения к России²⁶.

Три месяца спустя Горбачев сообщил Рейгану, что видит Афганистан нейтральным и независимым. Афганистан — не социалистическое государство, и как он развивается — дело афганцев. Советскому Союзу нужен дружественный Афганистан, но СССР не будет стремиться создавать там свои базы. И американцам, и русским следует поддержать процесс национального примирения. Американцы должны прекратить поддерживать моджахедов. Как только будет определена дата вывода советских войск, они перестанут участвовать в военных операциях.

Два лидера не достигли согласия ни по одному существенному вопросу. Рейган выдвинул совсем дикое предложение: чтобы афганское правительство распустило свою армию. Горбачев уехал из Вашингтона, находясь под впечатлением, что американцы рады затруднительному положению русских и даже готовы затормозить вывод советских войск²⁷.

Русские и американцы потом спорили о том, что произошло на той встрече. Каждая сторона была уверена, что другая упустила возможность предпринять позитивные шаги. По мнению русских, Рейган обозначил, что готов прекратить снабжение моджахедов. Шеварднадзе сообщил об этом Наджибулле (и по неосторожности афганской прессе) в январе 1988 года. Шульц отреагировал гневным опровержением. Советский МИД попросил Джека Мэтлока, теперь посла США в Москве, прояснить ситуацию. Проконсультировавшись с Вашингтоном, Мэтлок ответил, что американцы воздержатся от поддержки моджахедов, если СССР прекратит поставки военной техники и припасов афганскому правительству.

Естественно, на такую сделку русские пойти не могли, и обе стороны продолжили снабжать своих союзников. У советских чиновников осталось ощущение, что их надули.

Мэтлок потом считал, что соглашение о планомерном выводе войск, включая условие о том, что американцы прекратят помощь моджахедам, а СССР сохранит помощь Кабулу, могло быть достигнуто в 1986 или 1987 годах, если бы Горбачев тогда был готов вступить в контакт с Рейганом. Вопрос о том, позволила бы это внутривосточная обстановка в обеих странах или нет, остается открытым²⁸.



Первого апреля 1988 года Политбюро собралось на заседание, чтобы обсудить итоги переговоров в Женеве. Американцы теперь были готовы подписать соглашение при условии, что в нем не будет ничего сказано о военной помощи моджахедам. Черняев считал, что этот вопрос уже не актуален: моджахеда получают помощь вне зависимости от того, что будет сказано в соглашении, а СССР в любом случае готовился вывести войска. Горбачев попросил членов Политбюро высказаться. Все согласились, что СССР должен подписать соглашение. Десять дней спустя в Ташкенте Горбачев передал эту новость Наджибулле. Тот принял ее невозмутимо²⁹.

Соглашения, наконец, были подписаны в Женеве 14 апреля 1988 года под эгидой ООН. Двустороннее соглашение между афганским правительством и Пакистаном предусматривало невмешательство. СССР и США подписали декларацию о международных гарантиях. В документах предусматривалось, что советские войска к 15 февраля 1989 года будут выведены в два этапа. Моджахеда не были стороной в этих переговорах и отказались принимать условия соглашений. Это в конечном счете привело к падению режима Наджибуллы и к кровавой гражданской войне, которой так боялся Горбачев и о которой

говорил в беседе с Черняевым в сентябре 1987 года: вывод советских войск может закончиться кровавой баней, которую СССР “не простят ни в ‘третьем мире’, ни в самых занюханых либеральных кругах Запада, десять лет ругавших нас за оккупацию”³⁰.

Шеварднадзе с тяжелым сердцем подписывал соглашения в Женеве: “Казалось, я должен был быть счастлив: в страну перестанут приходиться похоронки. Будет перекрыт счет смертям и расходам, достигшим шестидесяти миллиардов рублей... Мне тяжело осознавать себя министром иностранных дел, который подписал отнюдь не соглашение о победе. Такое в истории России и Советского Союза случалось нечасто. А еще не давала покоя мысль о людях, которых мы выпестовали, подвигли на революцию, а теперь оставили один на один со смертельным врагом”³¹. Это настроение повлияло на политические рекомендации, которые он давал в следующие два года.

“Оставим страну в плачевном состоянии, — говорил он Политбюро по возвращении, — разоренные города и кишлаки, экономика парализована. Сотни тысяч людей погибли. Наш уход будет рассматриваться как крупное политическое и военное поражение. Внутри партии и страны отношение к нашему уходу неоднозначно. Придется когда-нибудь объявить, что ввод войск был грубой ошибкой, что уже тогда и ученые, и общество отрицательно отнеслись к этой авантюре... Отмежеваться от прошлого легко не удастся тем фактом, что мы не можем нести ответственность за тех, кто был до нас”. Шеварднадзе предлагал оставить в Афганистане десять — пятнадцать тысяч советских солдат для поддержки режима Наджибуллы, что явно противоречило только что подписанному им соглашению. Его поддержал Крючков. Горбачев отреагировал резко: он назвал выступление Шеварднадзе “ястребиным клекотом”. Не важно, говорил он, выживет режим Наджибуллы или нет. Исходя из подписанных соглашений, вывод советских войск не должен быть похож на стремительный уход американцев из Вьетнама. И, подытоживал он, было сделано все воз-

можное, чтобы свести к минимуму негативные последствия войны³².

Мысли о том, насколько далеко может зайти СССР в поддержке Наджибуллы и можно ли использовать для этого военную силу, терзали советских политиков и после вывода войск. Шеварднадзе и Крючков по-прежнему занимали агрессивную позицию, а оппонировали им по большей части военные.

Первый этап вывода: лето 1988 года

Министр обороны генерал Язов уже издал приказы о выводе войск. Советский контингент тогда насчитывал около ста тысяч солдат. Половина должна была покинуть Афганистан к 15 августа 1988 года, остальные — к 15 февраля 1989 года. Войска должны были уходить теми же маршрутами, которыми пришли: на западе — из Кандагара через Шинданд и Герат в Кушку, на востоке — через перевал Саланг в Хайратон и через Мост дружбы в Термез.

Первым делом нужно было перевести отдаленные гарнизоны в полки, к которым они приписаны. Части, базировавшиеся на восточной границе с Пакистаном — в Джелалабаде, Гардесе и Газни, — вывели полностью, как и южные гарнизоны в Кандагаре и Лашкаргахе. Русские также оставили позиции на северо-востоке, в Кундузе и Файзабаде. К концу первого этапа советские силы были сконцентрированы между Шиндандом и Кушкой в западной части страны и между Кабулом и огромной базой в Хайратоне — в восточной части.

Первыми покинули место дислокации части, базировавшиеся в Джелалабаде. На плацу в спешке возвели трибуну, которую заняли высокопоставленные советские офицеры и местные политики. Присутствовали неразговорчивые военные наблюдатели ООН: они должны были следить за точным выполнением Женевских соглашений. За трибуной расположился буфет с ветчиной, колбасой, сыром, которые обыч-

но в воинских частях невозможно было достать. На рассвете на площадь подтянулась бронетехника с экипажами. Солдаты угрюмо слушали речи. Офицеры поздравляли их с успешным выполнением “интернационального долга”. Толпы афганцев собрались, чтобы попрощаться с ними. Они бросали уходящим солдатам букеты цветов (хотя среди цветов попадались камни и верблюжьи фекалии)³³. Затем оркестр заиграл “Прощание славянки”, и колонна начала свой долгий путь в Кабул по перевалам, где в январе 1842 года была истреблена Индская армия. Над головами барражировали вертолеты. Завидев облачка порохового дыма, указывающие на засаду снайперов, вертолеты поворачивали в их сторону.

“Поодаль виднеются кишлаки, вернее, то, что от них осталось, — писал советский журналист Давид Гай, который сопровождал колонну. — Ни одного целого, с развороченными дувалами, разбитыми домами, исковерканными деревьями. Голые невозделанные поля. Заилившиеся, превращенные в болота ирригационные системы. Сколько же сил надо потратить, чтобы все восстановить, вдохнуть жизнь в омертвелое пространство! И кто выиграл от того, что все пришло в упадок, негодность? Бессмысленность 3200 (или сколько там?) дней войны режет глаза стыдом, содрогает и мучает. Зачем, во имя чего?.. Одна отрада — ребята возвращаются домой”³⁴.

Советские стратегические бомбардировщики продолжали наносить удары по позициям моджахедов в районе Кандагара и Джелалабада и после ухода войск³⁵.



860-й отдельный мотострелковый полк покинул Афганистан с первой волной. К тому моменту Александр Гергель давно уже вернулся домой. О последних днях, проведенных его батальоном в Бахараке, он узнал от Анастаса Лизаускаса, которого нашел в интернете в 2005 году.

Бои шли до последнего. Среди солдат 860-го полка распространился слух, что иностранный кинорежиссер, сделавший фильм о том, как русские уничтожают мирные кишлаки, теперь хочет снять еще одно кино — об уничтожении советского батальона — и подстрекает моджахедов. Советские войска и моджахеды без особых успехов обстреливали позиции друг друга около недели. Когда приехал афганский генерал, чтобы принять крепость, солдаты, взбешенные тем, что их вынуждают, поджав хвост, покинуть страну, погрузились в оргию разрушения. Они спускали снаряды в отхожие места, разрушали спортивные сооружения, подожгли спальные помещения, разбилиobelisks на Аллее славы* и уничтожили боевые машины. Афганские солдаты смотрели на это в молчаливом гневе. Напоследок кто-то выстрелил в столовую сигнальной ракетой. Затем солдаты, похватав личное оружие и раздувшиеся вещмешки, побежали к вертолетам. Моджахеды уже приближались. Через неделю они отбили базу у афганских солдат. В течение следующих нескольких месяцев она была уничтожена ударами советской и афганской правительственной авиации³⁶.

Второй этап вывода: зима 1988/1989 годов

Второй этап должен был начаться в ноябре, до сильных снегопадов. Но график сбился из-за вмешательства моджахедов, правительства Наджибуллы и из-за конфликтов между советскими чиновниками как в Кабуле, так и в Москве.

Моджахеды по-прежнему получали оружие и припасы от пакистанцев и американцев. По советским данным, только в сентябре и октябре прибыли 172 крупных каравана³⁷. Теперь Наджибулла был уже серьезно встревожен тем, что его инте-

По информации Александра Гергеля, солдаты делали это, чтобы не дать противнику осквернить память погибших.

ресы и интересы СССР быстро расходятся. В начале сентября он с поразительной прямоотой сообщил Варенникову, что делает все, чтобы затормозить уход советских войск, в ответ на нарушение Женевских соглашений пакистанцами и американцами. Варенников твердо сказал Наджибулле, что и советская, и международная общественность придет в ярость, если советские войска не уйдут вовремя³⁸. В октябре Наджибулла еще раз попытался переубедить советских чиновников, с которыми встречался в Кабуле. Главная проблема, говорил он, — Масуд, и если переговоры с ним провалятся, понадобится военное вмешательство. Более того, Наджибулла заявил, что Масуд сговаривается с ЦРУ, чтобы пустить в страну американцев³⁹.

Многие советские чиновники в Москве и в Кабуле симпатизировали Наджибулле: они сделали его главой государства, и честь не позволяла бросить его на произвол судьбы. Они тоже считали главной проблемой Масуда, но не могли прийти к единому мнению, что с ним делать. Как только стало ясно, что СССР действительно намерен вывести войска, люди Масуда стали вести себя осторожно и избегать провокаций, особенно в районе перевала Саланг. Однако правительственные войска продолжали обстреливать соседние поселения, и Масуд предупредил, что если это не прекратится, он примет контрмеры. Варенников помог договориться о временном прекращении огня. К этому моменту советские военачальники всех уровней в массовом порядке шли на такие соглашения со старейшинами соседних кишлаков и командирами бандформирований, чтобы сократить свои потери⁴⁰. Афганское правительство не одобряло эту тактику, поскольку считало, что русские плетут интриги и не хотят сражаться.

Варенников был уверен, что русским имеет смысл поддерживать с Масудом ровные отношения. Масуд создал очень эффективную армию, он пользовался непререкаемым авторитетом у соратников, и когда он приказывал своим бойцам не нападать на советских солдат, они подчинялись. Хотя он

оставался решительным противником действующего правительства, в соответствии с политикой национального примирения его бойцы стреляли только тогда, когда стреляли в них. Варенников сообщил в Москву: если СССР сделает то, чего просит Наджибулла, 40-я армия понесет большие потери, график вывода войск сорвется, Советский Союз нарушит Женевские соглашения и его репутации будет нанесен урон. Конечно, Масуд был главной угрозой кабульскому режиму и, должно быть, намеревался возобновить активность после ухода советских войск. Но в долгосрочной перспективе он мог стать крупной политической фигурой, и Советский Союз мог бы с ним сотрудничать. Лучше было иметь Масуда в союзниках, чем во врагах. По каналам разведки с ним можно было вступать в прямой контакт⁴¹.

В этот момент на сцене появился новый игрок — Юлий Воронцов, один из опытнейших советских дипломатов, который стал послом в Кабуле вместо Егорычева. У Воронцова уже был опыт ведения переговоров с моджахедами. Шестого декабря в Саудовской Аравии он встретился с Раббани и другими представителями “Пешаварской семерки”⁴². Встреча началась с неловкой паузы, пока Раббани наконец не решил, что может пожать руку представителю врага. Воронцов заявил, что советские войска во исполнение договоренностей уйдут. Раббани явно подозревал его во лжи: “Куда вы уйдете? Вы же столько вложили в Афганистан. У вас много людей здесь погибло. Вы никуда не уйдете. Бросьте говорить ерунду”. Воронцов ответил, что с этого момента Раббани и другие афганцы будут сами ответственны за свою страну. Когда СССР выведет войска, Афганистан больше не сможет рассчитывать на его помощь. Он повторил это на другой встрече с моджахедами в Исламабаде. Советские войска не хотят устраивать кровавую баню, сказал Воронцов. Он призвал моджахедов ответить тем же. “Если вы действительно уходите, мы не будем стрелять вослед”, — пообещали моджахеды. Свое обещание они более или менее выполнили⁴³.

Восемнадцатого декабря Варенников обратился напрямую к Масуду. В письме он предложил, чтобы представители обеих сторон встретились в течение недели. Он изложил конкретные предложения по поводу трассы Кабул — Хайратон, позволяющие и дальше беспрепятственно доставлять провиант и другие припасы. Если Масуд согласится охранять шоссе, с властями поселений вдоль дороги будут подписаны соответствующие соглашения. В противном случае советские и афганские силы устроят собственные сторожевые посты и будут принимать меры в случае обстрела со стороны людей Масуда.

Ляховский составил список политических предложений для Масуда: создание на севере таджикской автономии, располагающей собственными вооруженными силами под общим руководством афганской армии; план экономического развития при поддержке центра; представительство в органах центральной власти; прямые торговые, экономические и культурные связи между автономным таджикским регионом и советским Таджикистаном. Эти предложения одобрили Варенников, Воронцов и, как ни удивительно, афганское руководство.

Однако они не устояли перед сильным давлением из Москвы, склонявшей армию к военным действиям против Масуда. В пользу силового решения высказывались Язов, Крючков и Шеварднадзе. Они обвинили Варенникова в интригах за спиной начальства, в отказе выполнять их приказы и запросы афганского руководства⁴⁴. Язов позвонил Громову и спросил, почему с Масудом еще не разобрались. Когда Громов возразил, что операция будет кровавой и бессмысленной, Язов ответил: “Разбейте его наконец”.

Военные уступили. Армия нанесла авиаудары по силам Масуда в районе лазуритовых шахт за пределами Панджшерского ущелья. Масуду передали, что эти удары — предупреждение, сам он, естественно, посчитал их вероломством. Ответ Масуда был быстрым и решительным. Двадцать шестого

декабря он написал: “Я уже хотел направиться к месту встречи с советскими представителями, когда получил ваше последнее письмо. Я должен сказать, чтобы внести ясность, что мы терпим войну и ваше вторжение вот уже десять лет. Даст бог, потерпим еще несколько дней, а если вы начнете боевые действия, мы дадим достойный отпор. Все! С этого дня мы поставим приказ нашим отрядам и группам быть в полной боевой готовности”.

То была последняя попытка советских военных договориться с Масудом. Но против него была предпринята еще одна акция. В середине января Шеварднадзе приехал в Кабул. Наджибулла попросил временно оставить часть войск для охраны трассы через Саланг и держать бомбардировщики на советских базах в постоянной готовности, чтобы при необходимости наносить удары по мятежникам. Он жаловался, что против сил Масуда целых четыре года не проводилось крупных операций. Пока жив Масуд, доставлять припасы в столицу будет невозможно. Это ключевой вопрос, от которого зависит выживание режима. Шеварднадзе указал на международные последствия такого решения: предложение Наджибуллы столкнет Советский Союз с США и Пакистаном. Но он пообещал рассмотреть вопрос и заявил высокопоставленным советским чиновникам в Кабуле, что для предотвращения блокады столицы следовало бы оставить войска для охраны аэропорта и перевала Саланг — возможно, на неопределенный срок. Шеварднадзе велел сотрудникам посольства проработать план, позволяющий оставить в стране двенадцать тысяч солдат под эгидой ООН либо в качестве “добровольцев”.

Варенников и его коллеги пришли в ярость. Они увидели в этом очередное предательство армии со стороны Шеварднадзе и других политиков, к тому же ради политических амбиций Наджибуллы. Стиснув зубы, они отложили вывод войск и начали планировать операцию, которую назвали “Тайфун” (так называлось наступление Германии на Москву в 1941 году). Операция должна была начаться 21 января.

Наджибулла призвал население, проживающее вдоль дороги, на время покинуть свои дома. Тяжелую артиллерию и ракеты привели в готовность.

Тем временем Шеварднадзе переслал в Москву еще одно предложение Наджибуллы: тот просил СССР направить бригаду, чтобы снять блокаду Кандагара и охранять автоколонны с оружием, идущие в город. Черняев, услышав об этом, взорвался: «Он что, с ума сошел или не понимает, что Наджиб расставляет ловушку, чтобы мы не уходили, чтоб столкнуть нас с американцами и со всем миром? Или — настолько слабохарактерен, что не в силах противостоять просьбам?» Режим Наджибуллы был обречен, и СССР мог спасти разве что его самого. Горбачев позвонил Шеварднадзе. Черняев слушал. Шеварднадзе начал переключать вину на военных. Черняев перебил: «Военные дали техническую разработку под политический план, с которым вы согласились. А план этот идет вразрез со всей нашей политикой, да и простым здравым смыслом, не говоря уже о жертвах, на которые вы обрекаете вновь наших ребят».

— Вы там не были, — разозлился Шеварднадзе, — вы не знаете, сколько мы там натворили за десять лет?!

— Но зачем же еще усугублять преступления?! Какая логика? Наджибуллу все равно не спасем...

— А вот он говорит, что если продержится после нашего ухода один год, он удержится и вообще...

— И вы верите в это? И под это вы готовы бросать в бой ребят и нарушать слово, данное в Женеве?⁴⁵

Двадцать четвертого января состоялось заседание Политбюро. Шеварднадзе упорно повторял, что Советский Союз не вправе проявлять равнодушие к судьбе режима Наджибуллы, что следует оставить в стране от десяти до пятнадцати тысяч советских солдат (в том числе потому, что они будут охранять дороги, по которым выведут войска). Его вновь поддержал Крючков. Однако Горбачев резюмировал не в пользу Шеварднадзе. У СССР были моральные обязательства перед Наджибуллой, и нужно было сделать все, чтобы его режим

просуществовал как можно дольше. Но оставалось только двадцать дней, и вывод войск следовало завершить вовремя.

Операция “Тайфун”

Политбюро приняло решение слишком поздно, и не могло остановить “Тайфун”. Язов приказал Варенникову начать операцию днем ранее, 23 января. Она продолжалась два дня⁴⁶. Боевой дух войск к этому моменту упал до низшей точки. Почему, спрашивали солдаты, они должны рисковать жизнью буквально накануне отъезда на родину, где, как они знали, война считалась несправедливой — ничем не лучше американского вторжения во Вьетнам? Один молодой офицер спросил у непосредственного командира: “Зачем нужно это кровопролитие?.. Я, конечно, все понимаю и постараюсь вселить уверенность в офицеров и солдат своего батальона. Но скажу откровенно, если мне прикажут стрелять, я приказ выполню, но себя прокляну”⁴⁷.

Истребители-бомбардировщики и стратегические бомбардировщики, базировавшиеся в Советском Союзе, совершили больше тысячи налетов на базы моджахедов. Больше четырехсот ударов было нанесено ракетами и обычной артиллерией. Временами эти бомбардировки напоминали массированные артобстрелы, предшествовавшие крупным наступательным операциям Красной армии во время Второй мировой⁴⁸. После операции штаб 40-й армии доложил, что убито шестьсот мятежников, выжившие деморализованы, что продолжающиеся авиа- и артиллерийские налеты не дают им перегруппироваться и ввести в бой подкрепления. Для беженцев построили палаточный лагерь, где политработники объясняли им, что случившееся — следствие “преступной позиции” Масуда. Советские войска потеряли троих убитыми и пятерых ранеными. Жертвы среди мирного населения подсчитывать и не пытались.

Реакция Масуда была незамедлительной. Он написал Воронцову, что “жестокие и позорные действия” русских ничего не меняют. Десять лет войны должны были бы научить советские власти тому, что афганцев нельзя поставить на колени. Но русские все равно продолжали поддерживать “горстку наймитов, предающих самих себя, для которых нет места в будущей судьбе нашей страны”. Масуд надеялся: новые советские лидеры поймут, что нельзя навязывать гибнущий режим мусульманскому народу, и что у них хватит мужества действовать трезво и исходя из собственных убеждений⁴⁹.

Выводы советских военных оказались не менее горькими. Генерал Михаил Соцков, главный военный советник в Кабуле в 1988–1989 годах, писал об операции “Тайфун”: “В этих трех днях и трех ночах, как в зеркале, отразились почти десять лет войны: политический цинизм и военная жестокость, абсолютная незащитность одних и патологическая нужда в убийствах и разрушениях других”⁵⁰.

После операции “Тайфун”, 27 января, вывод советских войск возобновился. Гражданские служащие и военные уезжали, начиная с нового года, а их семьи покинули страну еще раньше. Погодные условия были исключительно сложными — снег, туман, обледеневшие дороги, особенно на перевале Саланг. Сошедшие с гор лавины образовали многокилометровые препятствия из снега и камня, для устранения которых требовались масштабные инженерные работы. Но дело было сделано, и длинные колонны бронетехники и грузовиков продолжали двигаться на север по графику, определенному военным руководством и Женевскими соглашениями⁵¹.

Советские самолеты, базировавшиеся в Баграме, улетели в период с 30 января по 3 февраля. К 4 февраля последние солдаты покинули Кабул. По пути к северу стояли отдельные батальоны: они должны были гарантировать, что переход пройдет без сучка без задоринки. За последние две недели войны советская армия потеряла еще 39 человек. Среди них был Игорь Ляхович из 345-го гвардейского отдельного парашютно-де-

сантного полка, которого застрелил снайпер. Его тело вывезли из Афганистана завернутым в покрывало и привязанным к крыше БМП. Как гласит легенда, Ляхович был последним советским солдатом, убитым на афганской войне.

На генерала Себрова, пришедшего в Афганистан в 1979 году с 103-й дивизией, речи, толпы и цветы не произвели впечатления. Он с горечью подытожил: “Страна, которой мы девять лет оказывали разностороннюю помощь и поддержку, лежала в руинах. Разрушали ее все понемногу... но значительная доля вины, несомненно, ложилась на нас. Нельзя было не видеть и разительную перемену в отношениях населения и воинов афганской армии к советским военнослужащим. Если в начале 80-х годов взаимные симпатии и дружеские чувства проявлялись на каждом шагу, то перед выводом войск все чаще из уст простых афганцев в наш адрес звучали угрозы и оскорбления”⁵².

Мост

Четырнадцатого февраля 1979 года командующий 40-й армией генерал Громов проснулся в хорошем настроении — как обычно, в половине седьмого. Он находился в Ташкургане, от которого до границы было около часа езды. Когда-то Ташкурган славился древним прекрасным рынком, но в ходе боевых действий тот был уничтожен. На протяжении большей части войны в городе находилась база мотострелкового полка, а с января — последний штаб 40-й армии. Теперь афганцы бродили по ее территории с видом хозяев, оценивая здания, которые вскоре им достанутся. В 10 часов утра небольшая колонна Громова — разведывательный батальон 201-й дивизии — выдвинулась в Хайратон, транзитную базу на афганской стороне реки.

Там Громов и его коллеги еще раз остановились, чтобы проверить, не остался ли позади еще кто-либо из солдат 40-й армии. Их застиг панический звонок Язова. Юристы МИДа указали, что согласно Женевским соглашениям советские силы

должны были покинуть Афганистан до 15 февраля, то есть вернуться в СССР 14 февраля. Громов ответил, что уже разговаривал с представителями ООН и что они решили закрыть на это глаза. Тогда Язов спросил: «Почему вы выходите последним, а не первым, как положено командиру?» Громов сказал, что, по его мнению, он заслужил это, провоевав в Афганистане более пяти лет. Язов промолчал.

Весь день солдаты и офицеры проверяли свои машины и начищали форму. Громов прошелся по транзитной базе, настолько огромной, что на ее тщательный осмотр ушла бы неделя. На базе располагались гигантские склады с тракторами, сельскохозяйственной техникой, кровельными материалами, цементом, сахаром и мукой. Афганский провожатый Громова показал контейнер, запечатанный с момента прибытия в 1979 году и открытый только несколько дней назад. Он был набит кексами и сладостями, давно сгнившими.

Вернувшись к своим солдатам, Громов построил их и проверил, полностью ли они готовы к событиям следующего дня. Он осмотрел собственную машину — БТР № 305, — проверил ее и затем осмотрел снова. Последнее, чего ему хотелось — это поломки посередине моста.

В последнюю ночь Громов спал неважно. Он чувствовал, что эмоции покинули его, возбуждение последних дней испарилось. Он задремал около четырех, но проснулся еще до того, как зазвенел будильник. К пяти утра база начала оживать. Солдаты сновали туда-сюда и смеялись, начали разогревать двигатели своих машин. Кто-то запел.

В девять Громов вызвал адъютанта, чтобы тот проверил, в порядке ли его форма. В девять тридцать он отдал приказ выступать. БТР батальона двинулись на мост первыми. Некоторые солдаты плакали. В девять сорок пять Громов последовал за ними на командной машине, несущей знамя 40-й армии. Она пересекла мост последней. Вывод советских войск завершился⁵³.

На другой стороне реки солдат ждали местные чиновники, сотни советских и иностранных журналистов и родствен-

ники не вернувшихся солдат, надеявшиеся, несмотря ни на что, узнать, что тех нашли живыми и невредимыми в последнюю минуту. В толпе был Александр Розенбаум, молодой журналист из архангельской газеты “Северный комсомолец”. Пятьдесят девять парней из Архангельска погибли в Афганистане. Трогательный репортаж Розенбаума с церемонии заканчивался вопросами, которые теперь задавали все: зачем мы отправились туда? кто виноват?⁵⁴

Солдат обнимали, целовали, бросали цветы вслед машинам. Громова ждал его сын Максим, он бросился обнимать генерала. Потом звучали речи, потом они пообедали в ближайшей столовой для офицеров. Громов позвонил Язову, и тот без энтузиазма поздравил его. И на этом, если не считать административной рутины, все было кончено.



Даже тогда официальная пресса распространяла мифы. В последние дни войны “Правда” сообщала: “Грянул оркестр. Страна приветствовала возвращение родных сыновей. Наши парни возвращаются, выполнив свой интернациональный долг... За эти годы советские солдаты в Афганистане отремонтировали, восстановили и построили сотни школ, лицеев, училищ, три десятка больниц и столько же детских садов, около четырехсот жилых домов, тридцать пять мечетей, многие десятки колодцев, около ста пятидесяти километров арыков и каналов... Они занимались охраной военных и мирных объектов в Кабуле”⁵⁵.

На мосту солдат не встречали ни партийные деятели из Москвы, ни правительственные чиновники, ни сотрудники Минобороны, ни люди из Кремля. Годы спустя они объясняли, что война была грязная и что проделать путь до Термеза означало бы одобрить преступление⁵⁶. Это была серьезная оплошность: предельно неудачный политический ход и просто дурной поступок. Это оскорбление солдаты не забыли и не простили.

Глава 13

Война продолжается

Военнослужащие 40-й армии, пересекшие мост, не были последними русскими солдатами, покинувшими Афганистан, и не последними сражавшимися там. На территории посольства остались десантники, охранявшие посольство и его заметно сократившийся штат. Дипломатов перевезли в посольство из советского микрорайона и других частей города. Советские военные специалисты продолжали работать в афганской армии, помогая управлять сложной техникой. Советский спецназ и разведчасти по-прежнему действовали в удаленных от столицы провинциях, особенно граничащих с Советским Союзом¹.

А некоторые двинулись в обратном направлении, назад в Кабул. Самолеты теперь летали полупустыми. Андрей Грешнов вернулся в начале января, везя с собой более 250 килограммов ручной клади. К счастью, в момент прибытия в аэропорту не было таможенников, так что Грешнову не пришлось объяснять, почему в банках из-под варенья и бутылках с резиновыми пробками, которые он вез, алкоголь. Он и другие советские корреспонденты по большей части болтались по окрестностям, не имея заданий, или сидели на своих виллах, установив там резервные телетайпы на случай, если в городском офисе что-то пойдет не так.

У ужесточения режима была и положительная сторона. Магазин посольства мог похвастаться богатым выбором незна-

комых продуктов и потребительских товаров, в него перевезли все, что оставалось в военных магазинах. Норму спиртных напитков повысили до четырех бутылок молдавского коньяка и четырех бутылок белого вина на человека. Пива можно было брать сколько угодно.

Перед отъездом солдаты сбывали все, что можно было продать: боеприпасы, пищу, одеяла, простыни, ширпотреб, солонины, греческие соки, голландскую газировку, польскую и венгерскую ветчину, зеленый горошек, подсолнечное масло, мясные консервы, чай и сигареты. Рынок был перенасыщен, так что советские продукты продавались в магазинах еще несколько лет.

Группа прапорщиков провернула удивительную аферу. Части ВВС ящиками выбрасывали “нурсики” — пластмассовые колпачки от ракет*. Из колпачков можно было пить, но другое применение им найти было практически невозможно. Аферисты обошли магазины, спрашивая, есть ли в продаже “нурсики”. Лавочники о “нурсиках” никогда не слышали и спрашивали, для чего они нужны. “Вам не понять, — отвечали аферисты. — Очень нужная штука, очень редкая, очень дорогая”. Выбросив на рынок несколько ящиков колпачков, прапорщики выкупили их по взвинченным ценам. Из-за алчности лавочников цены взлетели до небес. Когда спрос достиг пика, аферисты распродали два грузовика “нурсиков” и вышли из игры. Лавочники пожаловались на них в советское посольство, но им ответили: не выносите жара — не ходите на кухню. Много лет спустя торговцы еще удивлялись, как же они позволили себя так грандиозно надуть.

Внимание Грешнова привлекла одна деталь. У здания ЦК армии в Кабуле стоял памятник — Т-62 на пьедестале. Он находился там не менее десяти лет, еще со времен Амина. Грешнов все любопытствовал, в рабочем ли состоянии танк. Три года спустя бойцы Ахмада Шаха Масуда сняли танк с пьедестала, отступая из столицы. Они наполнили бак дизтопливом, заменили аккумуляторы и уехали в Панджшерское ущелье².

НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

Гражданская война продолжается

40-я армия ушла. Бушевала гражданская война. Боевой дух моджахедов был по-прежнему высок, и оружие все так же поступало к ним из Пакистана в нарушение Женевских соглашений. Пакистанцы никогда и не думали их соблюдать: президент Зия-уль-Хак как-то сказал Рейгану, что они отрицают свое вмешательство в афганскую политику, поскольку у мусульман есть право лгать ради благого дела³. Большинство считало, что режим Наджибуллы скоро сменит исламистское (возможно, даже фундаменталистское) правительство, как мрачно замечало ЦРУ, “в лучшем случае колеблющееся, а в худшем — открыто враждебное, особенно по отношению к США”⁴.

Русские, со своей стороны, продолжали снабжать Кабул продуктами, топливом, боеприпасами и военной техникой. В мае 1989 года в Афганистане побывала советская военная делегация во главе с Варенниковым, чтобы обсудить оказание помощи⁵. К 1990 году ежегодная помощь СССР правительству Наджибуллы достигла трех миллиардов долларов. Афганская армия и ВВС полностью зависели от советских поставок и могли успешно сражаться с моджахедами лишь до тех пор, пока хватало этих запасов.

Почти сразу после ухода 40-й армии под Джелалабадом началось крупное сражение. Пакистанцы были уверены, что за падением этого города последует падение Кабула, и это позволит захватить власть их протеже Хекматияру⁶. Моджахеды начали наступление в начале марта 1989 года. Они заняли сторожевой пост, подкупив старшего офицера⁷. Затем попытались захватить аэропорт, но понесли серьезные потери и были отброшены. Дело ухудшала неспособность отдельных командиров моджахедов договориться о едином плане действий. В начале сражения моджахеды казнили ряд пленников, что укрепило готовность правительственных солдат сопротивляться.

И снова Наджибулла запросил авиационную поддержку. Десятого марта Горбачев созвал чрезвычайное совещание.

Просьбу Наджибуллы решили отклонить⁸. Афганской армии удалось отбить атаки с помощью собственной авиации, и к апрелю правительственные войска перешли в контрнаступление. Они обстреляли моджахедов, выпустив больше четырехсот ракет Р-11, разработанных по образцу немецких “Фау-2” времен Второй мировой. Установками управляли советские специалисты, оставшиеся в Афганистане. Р-11, как и “Фау-2”, появлялись безо всякого предупреждения. “Моджахеды, привыкшие уже, казалось, к тому, что на их народе отрабатываются все запрещенные международными конвенциями виды вооружений, — писал Грешнов, побывавший тогда в Джелалабаде, — оказались психологически не готовы к применению этих ракет.. Потери среди мирного населения стали исчисляться тысячами, а сама битва приобрела настолько масштабный и ожесточенный характер, что по военным меркам ее можно сравнить разве что с битвой за Сталинград”⁹. Солдаты очистили дорогу из Кабула (“английскую”, по которой Индская армия отступала в 1842 году) и освободили город. В июле 1989 года, когда сражение окончилось, моджахеды потеряли больше трех тысяч бойцов убитыми и ранеными. Один полевой командир жаловался: “В битве за Джелалабад мы потеряли все уважение, которого добились за десять лет боевых действий”. По мнению бригадного генерала Мухаммеда Юсафа, офицера пакистанской военной разведки, отвечавшего за поставку оружия моджахедам на протяжении большей части войны, “джихад так и не оправился после Джелалабада”. Он писал эти строки сразу после окончания войны и предсказывал, что оно “не принесет Афганистану и приграничным территориям Пакистана ни мира, ни стабильности”¹⁰. Слова Юсафа оказались пророческими.



Кандагар всегда был опасным городом для иностранцев. В нем было полно мрачных пуштунских базаров, где считали так: если

вы говорите на их языке, значит, вы шпион. Грешнов побывал там с группой иностранных журналистов летом 1989 года, спустя год после вывода первой части советских войск. Город казался не таким, как во время предыдущей поездки в 1983 году:

Пошли зеленыя, первые придорожные дуканы. Опять эти недружелюбные, настороженные взгляды. Город врагов, пропитанный ненавистью к шурави. Что же здесь изменилось? Да почти ничего, если не считать того, что Кандагар сильно разрушен. Я еще не видел последствий советской бомбардировки, произведенной 8 декабря 1986-го, что уж говорить о периоде, когда Кандагар жил без советских войск. Теперь кое-что вижу.

Напротив того места, где раньше стояло кафе-дुकан под вывеской “Тойота”, останавливаемся. Знакомый райончик, но кафешки уже нет... Все узнаваемо, но все уже чужое. Бэтээры облепляют бачи (дети). Ингризи? Фэрансави? Амрикай?.. Я спокойно говорю — шурави. Не верят. Тогда ругаюсь матом. Неистребимая войной детская радость. Пожалуй, они — единственные, кто вспоминает нас без лютой ненависти. Шурави, шурави, е... твою мать, хорошо, давай бакшиш, сигарет давай!¹¹

Кандагар по-прежнему был в руках правительства, но силы Хекматияра регулярно обстреливали его. За несколько предыдущих месяцев он пережил две крупных атаки. Восемьдесят процентов торговцев на базаре, рассказал журналистам глава города, — моджахеды, решившие отдохнуть от боев. Раньше они приходили сюда на два-три дня в месяц, теперь торговали пятнадцать-двадцать дней подряд. Численность моджахедов в районе с момента ухода советских войск выросла в четыре или пять раз. Они честные ребята, сказал губернатор. У них нет желания уничтожить город, они лишь хотели освободить его. Сам губернатор поддерживал осторожные контакты с их лидерами.

Куда все катится, недоумевал Грешнов, если губернатор крупного города заговорил о “честных моджахедах”?¹²

Падение Кабула

В 1989–1990 годах правительству Наджибуллы удалось укрепить вооруженные силы. ХАД финансировала создание милиции, набираемой из бывших моджахедов. Рассказывали, что в ряды милиции вступили сто тысяч бывших повстанцев. Семнадцатая дивизия в Герате, с мятежа которой в марте 1979 года началось сопротивление коммунистам, теперь состояла из 3400 солдат регулярных войск и четырнадцати тысяч милиционеров. Согласно некоторым подсчетам, общая численность подконтрольных правительству сил в 1988 году составляла почти триста тысяч человек¹³.

Передышка была недолгой. Мятежники тогда еще не научились вести масштабную войну, и в 1989 году правительственные войска по большей части успешно отбивали их нападения¹⁴. Но к концу лета 1990 года силы правительства повсеместно перешли к обороне. Теперь Масуд командовал армией из двадцати тысяч человек, располагающей танками и артиллерией. В первой половине 1991 года правительство контролировало всего 10 % территории Афганистана. Хост попал в руки мятежников, боевой дух армии был на нуле, и солдаты повсеместно дезертировали. Шеварднадзе и Крючков по-прежнему сопротивлялись предложениям прекратить снабжение Наджибуллы. Но в декабре 1990 года Шеварднадзе ушел в отставку, а Крючков был арестован после путча в августе 1991 года. У Наджибуллы больше не осталось высокопоставленных покровителей в советском правительстве. Советский Союз сам оказался на грани экономического и политического краха. Афганский чиновник, побывавший в Москве в то время, заметил: «Мы видели все эти пустые магазины в Москве, длинные очереди за буханкой хлеба и думали: что же русские могут дать нам?»¹⁵

Ельцин, восходящая звезда российской политики, не был намерен тратить деньги на смягчение последствий катастрофической советской политики. Его чиновники начали открыто го-

ворить о том, что от Наджибуллы следует избавиться и поддержать правительство исламистов. Осенью Наджибулла с горечью написал Шеварднадзе: “Я не хотел быть президентом. Вы меня уговаривали, настойчиво просили, обещали поддержку. Теперь меня и Республику Афганистан бросают на произвол судьбы. Как это понять?”¹⁶ В декабре 1991 года представители КГБ наконец покинули Кабул и отказались от своих давних притязаний на контроль над афганской политикой¹⁷. Еще до распада Советского Союза Ельцин и его люди начали напрямую взаимодействовать с лидерами моджахедов, стремясь вырвать внешнюю политику из рук Горбачева и его правительства¹⁸. В январе 1992 года правительство Ельцина прекратило поставку военного снаряжения и топлива режиму Наджибуллы.

Разложение распространялось очень быстро. Авиация Наджибуллы, его самое эффективное орудие против моджахедов, была прикована к земле из-за отсутствия топлива. Мятежники же, как и прежде, получали припасы из Пакистана. Они начали захватывать крупные города и все чаще проводили теракты в самом Кабуле. В январе 1992 года, через пять лет после объявления политики национального примирения, Наджибулла публично обвинил Советский Союз в бедствиях, постигших Афганистан, и назвал день вывода советских войск Днем национального спасения. Но его правительство было уже не спасти.

Русские держались в Кабуле, сколько могли. Посольство превратилось в настоящую крепость: его окружала двойная бетонная стена с железными воротами. Перед тем как уехать в 1989 году, советские военные инженеры целый год строили громадное бомбоубежище по соседству со зданиями административного блока. В нем имелась собственная система подачи воды и электроэнергии, система очистки воздуха, значительные запасы продовольствия и все необходимое, чтобы штат посольства мог продержаться какое-то время. Под морг был выделен большой холодильный отсек. Отдельное защищенное помещение было предназначено для Наджибуллы на случай, если он попросит политического убежища¹⁹. В те дни в посольстве царил атмосфера лихорадоч-

ного, но тщательно подавляемого напряжения. В западной части города продолжались бои. Однажды сотрудникам велели спуститься в убежище, и им пришлось провести там немало времени, поскольку посольство и территория вокруг него все чаще подвергались ракетным и артиллерийским обстрелам²⁰.

Галина Иванова и другие жены посольских служащих жили в убежище, пока их мужья сидели в кабинетах и работали. Там же находились и еще два-три десятка мужчин. Некоторые вели себя недостойно — распускались, не утруждали себя бритьем, ссорились из-за порций пищи и воды и даже бранили Галину за то, что она отложила немного еды для собаки, жившей в посольстве. Все это стало настолько неприятно, что Галина и другие женщины стали спать в поликлинике. Однажды ее муж Валерий решил позвонить ей. Он сказал, что нападение возможно в любую минуту, что им нужно выбираться из поликлиники и искать нормальное убежище — хотя бы подвал посольского магазина. Когда женщины выходили, поликлиника взлетела на воздух. Они еле спаслись²¹.

Посол делал все возможное, чтобы поддерживать рабочие отношения с афганским правительством, пусть от него уже мало что осталось. Советские торговые организации по-прежнему работали в Кабуле под общим руководством Валерия Иванова. Юрий Муратханян был директором “Афсотра”, совместного транспортного предприятия. Двенадцатого августа 1992 года, когда он пил чай в своей квартире вместе с женой Ниной и бухгалтером российского торгового представительства Евгением Коноваловым, в здание выстрелил танк. Нина и Коновалов были смертельно ранены и скончались через несколько дней. Их тела положили в цинковые гробы и хранили в холодильном помещении, отведенном под морг. Электричество постоянно отключалось, фреона в холодильнике становилось все меньше. Несколько их афганских друзей вызвались пополнить запасы, хоть для этого и надо было выйти на простреливаемую улицу²².

Тем же вечером Наджибулла вызвал старшего российского военного советника генерала Лагошина и сообщил, что он

и его коллеги (теперь в Кабуле оставалось всего семь военных советников) должны немедленно покинуть страну. Мятежники вскоре захватят власть, и сам он продержится на посту президента не больше пяти дней. Наджибулла прибавил, что хотя СССР предал его, он считает своим долгом отправить военных советников домой. На следующий день, когда администрация аэропорта пыталась чинить их отъезду препоны, Наджибулла приехал туда, чтобы помочь им вылететь в Ташкент²³.

На следующий день Наджибулла сообщил ООН, что намерен бежать из страны: его правительство развалилось. Его группу остановили в аэропорту, который теперь находился под контролем генерала Дустума. Тогда Наджибулла попросил убежища в штаб-квартире ООН в Кабуле. Ее он считал безопасной зоной²⁴.



Теперь оставлять людей в Кабуле уже не имело смысла, и Россия решила эвакуировать посольство. Операция началась в четыре утра 28 августа: три самолета вылетели из Термеза в Кабул. Новый посол Евгений Островенко, проработавший в Кабуле всего несколько месяцев, поехал вместе со своей командой в аэропорт, по пути подбирая дипломатов из Монголии, Китая, Индонезии и Индии.

Как оставшиеся министры афганского правительства, так и моджахеды гарантировали российским самолетам возможность спокойно приземляться в Кабуле и покидать его. И вот в аэропорт прибыли три Ил-76, предварительно выстрелив тепловые ловушки, чтобы отвести ракеты. В первый самолет сели Валерий Иванов, его жена Галина и еще несколько человек, туда же поместили гробы с телами Нины Муратханян и Евгения Коновалова и разные грузы. Самолет взлетел, резко набрал высоту четыре километра, чтобы уклониться от ракет, и взял курс на базу. Но затем моджахеды начали обстреливать

аэропорт. Второй самолет тоже взлетел успешно, хотя несколько покрышек шасси были продырявлены осколками. Однако третий самолет загорелся, и жена посла, которая уже была на борту, еле успела выбежать наружу. Десантники и члены экипажа спасли документы, но до багажа не добрались. Они выпрыгнули из самолета прямо перед тем, как он взорвался.

Капитан первого самолета отказался возвращаться и забрать оставшихся, объяснив Иванову, что у него кончились тепловые ловушки. “Вам придется очень много заплатить мне, чтобы я передумал”, — сказал он, предположительно в шутку. В Термезе — теперь это была территория независимого Узбекистана — работники аэропорта отказались заправлять самолет, выдавать пищу и воду для экипажа и пассажиров, пока не получат два КамАЗа, которые вез самолет, в качестве взятки. Вот, думал Иванов, насколько все разложилось после распада СССР.

Остальных сотрудников посольства, в том числе посла Островенко и его жену, пришлось переправлять в Мазари-Шариф в нескольких Ан-12, предоставленных Дустумом. Оттуда они полетели домой.

Один из военных снял с флагштока изрешеченный пулями флаг, который потом еще много лет висел у него в кабинете²⁵.

Если кому-то хочется найти исторические параллели, то можно вспомнить, что двумя десятилетиями ранее сотрудников американского посольства в Сайгоне пришлось эвакуировать в еще более унижительных обстоятельствах.



Теперь твердой власти в столице не было. Генерал Дустум, прежде один из самых эффективных командиров Наджибуллы, двинулся на Кабул вместе с Масудом и Хекматияром. Но их союз оказался непрочным. Вражда между моджахедами вспыхнула с новой силой. За девять лет советского присут-

ствия Кабул пострадал мало. Теперь же большая часть города была уничтожена беспорядочными бомбардировками, а его население подвергалось грабежам, изнасилованиям и убийствам. Силы Масуда участвовали в жутких зверствах против хазарейского меньшинства. К 1996 году, по оценкам, погибли около сорока тысяч жителей города и двести тысяч бежали²⁶.

Гражданской войне положил конец “Талибан”. Многие талибы выросли в лагерях беженцев на территории Пакистана и учились там в ортодоксальных исламских школах. Первых успехов они добились весной 1994 года, захватив город Спин-Болдак на пакистанской границе. С тех пор они неумолимо продвигались вперед, захватили Кандагар, но на время остановились перед Кабулом, где преимущество было за Масудом. Затем они при поддержке Пакистана устремились на запад, захватили базу в Шиндане вместе с авиацией, а в сентябре 1995 года взяли без боя Герат. В сражении за Мазари-Шариф обе стороны устроили настоящую бойню, но в августе 1996 года “Талибан” прочно закрепился и там. Джелалабад и Кабул пали в сентябре²⁷.

Большинству жителей Кабула победа “Талибана” принесла — по крайней мере сначала — определенную безопасность и некоторое ощущение порядка, пусть даже основанного на шариате. Но Наджибулле пришел конец. Талибы ворвались в представительство ООН, захватили его и его брата, пытали их, кастрировали и повесили их тела в центре города.

Убийство Масуда

После ухода русских политическая и военная карьера Масуда шла в гору. Но неустойчивые союзы времен гражданской войны и обстоятельства, особенно восхождение “Талибана”, все чаще вынуждали его переходить в оборону. Атаки авиации выдавили его из Кабула. Масуд по-прежнему умело сражался и пользовался поддержкой Ирана, Узбекистана и России.

Но в конце концов его оттеснили назад, в Панджшер. Потом Масуд возглавил Объединенный исламский фронт спасения Афганистана (Северный альянс), собравший под свои знамена лидеров разрозненной оппозиции. Они представляли примерно десятую часть территории страны, все еще свободную от влияния “Талибана”.

Несмотря на эти неудачи, Россия продолжала укреплять связи с Северным альянсом и Масудом. Он состоял в переписке с президентом Ельциным и Евгением Примаковым, возглавлявшим Службу внешней разведки России²⁸. В феврале 1994 года представители России приехали в Афганистан на секретные переговоры с Масудом. В 1998 году Масуд отправил в Москву своего министра иностранных дел Абдуллу Абдуллу для обсуждения военно-технического сотрудничества и военной помощи. Его представители встретились с начальником Генштаба генералом Квашниным, помощником Ельцина Севостьяновым и замминистра иностранных дел Пастуховым.

В 2000 году снова начались боевые действия. Талибы задействовали против Масуда танки и авиацию, и хотя ему все острее не хватало техники и боеприпасов, он смог отбить атаки. Весной того же года “Талибан” объявил России джихад. В октябре Масуд встретился в Душанбе с российским министром обороны маршалом Сергеевым. Россия согласилась снабжать его оружием и боеприпасами. Талибы тут же выступили с предупреждением: “Россия должна прекратить вмешиваться во внутренние дела Афганистана, иначе это принесет ей много бед и приведет к тяжким последствиям”. В декабре 2000 года по предложению России и США Совет Безопасности ООН оставил в силе санкции в отношении режима талибов. В апреле 2001 года Масуд побывал в Европарламенте в Брюсселе и попросил помощи в борьбе с “Талибаном”, чьи союзники из “Аль-Каиды”, предупреждал он, вскоре обратят свои взоры на Европу и США²⁹.

В начале сентября 2001 года журналист “Нового времени” Аркадий Дубнов жил в гостинице в Панджшерском ущелье, ожидая интервью с Масудом. Дубнов наладил с ним кон-

такт, когда приехал в Афганистан в 1993 году. В одном номере с Дубновым жили два арабских журналиста, которые тоже собирались взять у Масуда интервью. Девятого сентября арабы добились встречи и убили Масуда: взорвали бомбу, спрятанную в телекамере. Утверждалось, что это марокканцы из лондонского информагенства. Поэтому дело взялся расследовать Скотланд-Ярд, следователи из которого допросили Дубнова. Но из-за отсутствия достаточных улик следствие прекратили³⁰.

Президент Путин немедленно позвонил президенту Бушу: “Я в разговоре с ним упомянул о том, что на днях был убит лидер Северного альянса в Афганистане Масуд. И я сказал тогда американскому коллеге: ‘Знаешь, меня это очень тревожит. Такое чувство, что должно что-то произойти. Они явно к чему-то готовятся’³¹.”

Два дня спустя в Нью-Йорке были взорваны “башни-близнецы”. Путин первым из иностранных лидеров выразил Бушу соболезнования и тут же оказал практическую поддержку грядущей американской кампании против “Талибана” и “Аль-Каиды”. Его люди передали американцам немало информации, в том числе карты минных полей, многие из которых за давностью лет, естественно, были неточными. Путин открыл российское воздушное пространство для американских военных самолетов и убедил лидеров среднеазиатских государств последовать его примеру. Он встретился с лидерами Северного альянса, увеличил российскую военную помощь и убедил их сотрудничать с американцами. В последующие годы это сотрудничество развивалось. Северный маршрут снабжения через Россию становился все важнее, так как у американцев возникли проблемы с традиционным маршрутом через Пакистан. Продолжался и обмен информацией. В октябре 2010 года русские предоставили поддержку и советы для американского налета на четыре крупных фабрики по производству наркотиков. Это была первая совместная операция такого рода. Многие россияне считали, что американцы не слишком благодарны за то, что сделал для них Путин³².

Когда американская кампания закончилась и в Кабуле воцарился новый режим, Россия продолжала укреплять связи с Афганистаном. Русские чиновники, журналисты и даже туристы ездили в Афганистан, как и практически все время после вывода советских войск.

Масуда похоронили в Панджшерском ущелье, на горе у его родного кишлака Джангалак. Ему немедленно поставили памятник. В церемониях на его могиле по случаю второй годовщины его смерти приняла участие солидная российская делегация во главе с генералом Варенниковым. С годами культ Масуда разросся, его гробница превратилась в крупный мавзолей. Русские все так же чтят его память. Пуштуны же с возмущением смотрели на прославление человека, который не был одним из них и который держал с русскими перемирие вместо того, чтобы сражаться³³.

201-я дивизия продолжает бой

Для одной из дивизий 40-й армии война так и не закончилась. 201-ю дивизию перевели из Афганистана в Таджикистан, где она осталась после распада СССР и обретения страной независимости. Ее штаб находился в столице Таджикистана Душанбе, а два полка базировались в Кулябе и Курган-Тюбе, неподалеку от афганской границы. Когда в 1992 году между правительством и мятежниками-исламистами разгорелась гражданская война, местные призывники-таджики дезертировали. Российские офицеры и прапорщики заперлись в казармах вместе с семьями и отказались сдаваться толпе. Ельцин принял дивизию обратно под российскую юрисдикцию. Ее состав пополнили российскими призывниками и контрактниками, служившими на выгодных условиях, и она стала ядром миротворческих сил СНГ. Когда в 1997 году гражданская война закончилась, миротворческие силы распустили, но дивизия осталась в Таджикистане с неопределенным статусом.

Для пограничных войск война тоже не кончалась. Их штаб-квартира тоже находилась в Душанбе, а отдельные части — на афганской границе. Некоторые из них участвовали в операциях в Афганистане, некоторые погибли (всего в Афганистане были убиты 576 офицеров КГБ). Теперь они продолжали охранять границу между Таджикистаном и Афганистаном, боролись с наркокурьерами и бандформированиями, жаждущими поддержать мятежников-исламистов в Таджикистане. В мае 1993 года Россия подписала с Таджикистаном соглашение о дружбе и сотрудничестве, по которому формальная ответственность за охрану границы переходила к России.

Пограничные посты подвергались нападениям. Рано утром 13 июля около четырехсот моджахедов и солдат 55-й пехотной дивизии афганской армии устроили массированную атаку на 12-ю заставу, где служили 48 пограничников. Гарнизон предупредила о нападении сторожевая собака. Под огнем с окружающих холмов и с афганской стороны они бросились занимать позиции. Первыми погибли члены экипажа единственной на заставе БТП: они даже не успели забраться в машину. Когда был убит и 25-летний командир заставы, его заместитель решил, что выжившим следует прорываться в безопасное место. На выручку осажденному гарнизону послали небольшую группу солдат 201-й дивизии и таджикской армии, а также пару вертолетов. На единственной дороге, ведущей к заставе, они столкнулись с минами и засадами. Таджикские солдаты повернули назад. Добравшись до заставы, российская группа поддержки обнаружила 25 погибших и изувеченных бойцов. Шесть участников обороны (четверо — посмертно) получили звание Героя России. В 80-х годах Героями Советского Союза стали 86 участников войны³⁴.

Глава 14.

Земля, достойная героев

Солдаты, перешедшие Мост дружбы 15 февраля 1989 года, вернулись в свою страну, которой оставалось жить всего два года, страну в своем роде не менее расколотую, чем только что покинутый ими Афганистан. В результате радикальной избирательной реформы высшие офицеры потеряли места в парламенте, которые считали своими по праву. Недовольство в национальных республиках СССР звучало все громче. Экономика быстро приходила в упадок. Пресса, всегда относившаяся к военным с уважением, получила свободу беспощадно их критиковать. Поводов для негодования было немало, но особенно возмущало солдат стихотворение Евгения Евтушенко, описывающее мысли афганского муравья, ползущего по носу погибшего советского солдата.

Удары, нанесенные после этого по советской армии, почти разрушили ее.

Как считали командиры 40-й армии, она покинула Афганистан, сохранив свою репутацию и честь. Она решила те ограниченные задачи, что ставили перед ней политики: удержать города, обеспечить доступность коммуникаций, удерживать мятежников на расстоянии, чтобы у правительства в Кабуле была возможность укрепить свои позиции и сохранить власть хотя бы на время. Солдаты выполнили свой долг и не понесли поражения в бою. Война была мучительной, но, по крайней мере, с точки зрения армии, не унижительной. Теперь же в счи-

таннные месяцы 40-я армия, одна из самых боеспособных в советской истории, была распущена, ее генералов, командиров дивизий и их заместителей перевели на другие посты или отправили преподавателями в военные академии, а полковых командиров направили в части, разбросанные по всему СССР.

Когда менее чем два года спустя Советский Союз начал распадаться, многие из этих офицеров оказались служащими армий независимых государств. Они приносили присягу Советскому Союзу, и некоторые из них отказались присягать новой стране, оставив военную карьеру.

Офицеры

Многие из офицеров обратились к традициям. Они испытывали стыд за Россию, за землю своих отцов, за опустевшие деревни, где стоят разрушенные церкви и брошенные кузницы, за страну, которая изменилась практически до неузнаваемости, оставленную и забытую, как один из них заметил, “мною и такими, как я”¹. Они разделяли чувства своих прадедов, офицеров царской армии, вынужденных выбирать ту или иную сторону в гражданской войне. Теперь, когда на страну, казалось, снова надвигалась гражданская война, они снова оказались перед выбором. Встать на сторону Горбачева? Или Ельцина? Или сделать все возможное, чтобы сохранить лучшие черты советской власти?

Волей-неволей они втягивались во все более запутанную и ожесточенную внутреннюю политику. 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк вошел в Афганистан одним из первых и покинул его одним из последних. Полк перевели в Кировабад в Азербайджане, где не было ни казарм, ни автопарка, ни жилья, ни денег. В начале апреля 1989 года, всего через два месяца после ухода из Афганистана, полк срочно направили в Тбилиси для подавления антиправительственных демонстраций. Солдаты применяли газ и саперные

лопатки. Погибли девятнадцать демонстрантов, большинство — женщины и девушки. Кто несет ответственность за акцию, неясно, но солдаты по большей части винули Горбачева. Москва возложила вину на грузинские власти и местных армейских командиров. Генерала Родионова, командующего Закавказским военным округом и заслуженного командира 40-й армии, сняли с должности и назначили начальником Академии Генштаба². Девять месяцев спустя, в январе 1990 года, в Баку в столкновениях с армией погибли двести демонстрантов. Среди участников событий были и офицеры, служившие в Афганистане.

В сентябре 1990 года советское правительство согласилось на объединение Германии. В глазах многих офицеров это было предательством со стороны Горбачева, Шеварднадзе и других “продажных либералов”, управлявших теперь страной. К тому моменту уже начался вывод войск из Восточной Европы. Осенью 1989 года один британский генерал побывал в танковой дивизии на Украине, которую вот-вот должны были распустить. Генерал-майор, командовавший дивизией, заявил ему в присутствии своих офицеров: “Некоторые уже говорят, что всю армию выбрасывают на свалку... Я согласен с ними”³. В следующие несколько лет ГДР и страны Восточной Европы покинули почти пятьсот тысяч советских военных и членов их семей. Солдаты вернулись в страну, охваченную хаосом и нищетой. Многим офицерам было негде жить, и они со своими семьями занимали палатки и даже контейнеры. Офицеры советовали сыновьям выбрать другую профессию.

Партия всегда стремилась не допускать политизации армии, увольняя (или расстреливая, как при Сталине) генералов, заподозренных в “бонапартизме”, и предоставляя в распоряжение армии значительную часть экономических ресурсов страны для разработки и производства оружия, сопоставимого с вооружениями другой супердержавы — США. Теперь ситуация приобретала все более зловещий характер: армия выходила из-под контроля политиков. Осенью 1990 года на Горбачева

начали резко нападать — как негласно, так и на публике, — два “черных полковника” Алкснис и Петрушенко. Они обвиняли его в измене, и это сходило им с рук. Члены партии писали гневные письма, обвиняя Горбачева в предательстве Восточной Европы и уничтожении Вооруженных сил. В декабре 1990 года 53 видных военных, в том числе генерал Варенников, который после Афганистана был назначен Главнокомандующим Сухопутными силами, начальник Генштаба генерал Моисеев и Главнокомандующий ВМФ адмирал Чернавин, публично призвали ввести чрезвычайное положение и президентское правление в зонах конфликтов, если конституционные методы оказываются неэффективны. Накануне нового года двадцать высших офицеров, включая маршала Ахромеева, в частном порядке предъявили Горбачеву ультиматум⁴.

Это была беспрецедентная ситуация: армия открыто никогда не вмешивалась в политику. В январе 1991 года она перешла от слов к действию. В ходе акции спецназа погибли тринадцать человек, выступавших за национальную независимость в Вильнюсе, столице Литовской ССР. Обстоятельства трагедии остались неясными. Неясно, было ли Горбачеву известно об этой акции заранее и одобрил ли он ее. Среди тех, кто участвовал в ее планировании и реализации, был генерал Варенников.

Путч

Методы, которые Горбачев использовал для ухода из Афганистана и в целом при проведении реформ, наверное, были единственно эффективными в той ситуации. Главным образом благодаря Горбачеву распад СССР и возрождение России обошлись без глобальных военных конфликтов и в стране, как и в Европе, пролилось сравнительно немного крови. Но генералы не простили Горбачеву того, что считали уничтожением великой державы⁵. Они обвиняли его в недостатке по-

нимания и симпатии к военным, в неспособности относиться к ним с уважением, которое они, по их мнению, заслужили во время службы в Афганистане. Эти обвинения преследовали Горбачева до конца его президентского срока.

Варенников и другие высшие офицеры решили, что с них хватит. Они активно участвовали в попытке смещения Горбачева в августе 1991 года⁶. Семнадцатого августа, за день до путча, Варенников побывал на совещании у председателя КГБ Крюкова. Обсуждалось, что нужно сделать, чтобы спасти СССР от политического и экономического коллапса. Затем Варенников и еще несколько человек полетели в Крым, где в тот момент отдыхал Горбачев. Когда Варенников заявил Горбачеву, что если тот не способен управлять страной, то должен сделать из этого соответствующие выводы, встреча закончилась. Варенников всегда жалел, что никому не хватило смелости сразу сместить Горбачева. Он отправился в Киев, убеждая украинское руководство ввести чрезвычайное положение и вынести предупреждение, что Вооруженные силы пресекут любые попытки националистов воспользоваться ситуацией. Из этого ничего не вышло, что явно позволило избежать большого кровопролития.

На следующий день заговорщики объявили чрезвычайное положение и перебросили войска к Москве. Генерал Ляховский участвовал в планировании атаки на Белый дом, где заседало правительство России и ее непокорный президент Борис Ельцин⁷. Но переворот привел к расколу в рядах армии и КГБ: многие офицеры по обе стороны баррикад были шокированы тем, что бывшие коллеги подняли оружие против легитимного правительства. Среди защитников Белого дома были полковник Руцкой — ветеран афганской войны, получивший награду после того, как его сбили над Пакистаном, — и ветераны спецназа в своих тельняшках. У защитников было совсем немного оружия, и штурм, если бы он состоялся, был бы недолгим. Но приказ так и не поступил, и планы заговорщиков рухнули. «Афганцы» устроили похоронную про-

цессию для троих молодых мужчин, погибших в сумбурной перестрелке на вторую ночь переворота. Один из них сам был ветераном афганской войны и имел награды.

Генералитет тоже разрывали разногласия. Самой трагичной была судьба маршала Ахромеева, человека большого ума и безупречной честности, ироничного и умного, попавшего меж двух огней. Коллеги уже не доверяли Ахромееву в полной мере, потому что тот весьма активно помогал Горбачеву в роли военного советника. Но он был потрясен тем, что происходит с его любимой армией, и подписал тайное письмо протеста Горбачеву в конце 1990 года. После провала путча Ахромеев повесился. Варенникова арестовали за участие в путче и обвинили в государственной измене. Он отказался выходить из тюрьмы по амнистии, утверждая, что никакой измены не совершал: он защищал Советский Союз, а советская власть в то время была законной. Он настоял на судебном рассмотрении дела и был оправдан.

Генералы не могли простить не только Горбачева, но и его преемника Бориса Ельцина. С огромной неохотой они по его приказу штурмовали Белый дом во время парламентского кризиса 1993 года. Согласно официальной статистике, тогда погибло 187 человек и было ранено 437. По неофициальным источникам, число жертв могло достигнуть двух тысяч человек. Это были самые смертоносные уличные бои в Москве с 1917 года. Разгул политической и чиновничьей коррупции и жажда наживы, которыми сопровождались ельцинские экономические реформы, отвратили многих генералов от самой идеи либеральной демократии. Не удивительно, что многие военные приветствовали более напористую и менее демократичную Россию, символом которой стал Владимир Путин, избранный президентом в 2000 году.

Испытывая отвращение ко всем этим событиям, многие офицеры просто ушли из армии. Среди них были и самые знаменитые солдаты-барды: Виктор Куценко, Сергей Климов, Вадим Дулепов, Владимир Кошелев. Один из них работал так-

систом и во время путча 1991 года поехал из своего приволжского города в Москву, чтобы сражаться за Ельцина на баррикадах. Потом он пытался заняться бизнесом, но не выдержал повсеместной коррупции и устроился на работу в московский метрополитен. Другой стал звездой концертных залов. Третий писал философские труды. Еще один отсидел два года в тюрьме за то, что убил кого-то в драке в ночном клубе⁸. Игорь Морозов уволился со службы в 1993 году в возрасте 41 года. Он обосновался в Рязанской области, на земле предков. Местные власти всеми правдами и неправдами пытались отобрать у крестьян землю, систематически выдавливая людей, чьи семьи жили там уже несколько поколений. Все свое время и энергию Морозов посвящал тому, чтобы сохранить свой участок и дом⁹.

Судьба солдат

После войны в Афганистане генералов поддерживали чувство военной чести и специфический образ мыслей, складывающийся в замкнутом армейском мирке. Но призывники, на которых легла основная тяжесть войны, не имели возможности положиться на военные традиции. Не было у них и времени или энергии, чтобы участвовать в большой политике. Они были слишком заняты попытками адаптироваться к мирной жизни и заработать на хлеб в стране с развалившейся политической и экономической системой, граждане которой были слишком травмированы ее распадом и погружены в борьбу за существование, чтобы обращать внимание на проблемы вернувшихся на родину военных.

Пока идет война, солдатам говорят (или они убеждают себя), что когда она кончится, все будет по-другому, что на родине их ждут работа, дом и благодарность правительства и народа. Почти всегда это оказывается не так. Избирательная кампания премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа в 1918 году была основана на обещании «сделать Британию страной, до-

стойной того, чтобы в ней жили герои”¹⁰. Этого не случилось. Через пару лет Англия провалилась в экономическую яму, оставившую многих без работы и нормального жилья. После победы Лейбористской партии на выборах 1945 года многие военные думали, что в этот раз все будет иначе. Новое правительство и вправду обеспечило полную занятость, построило национальную систему здравоохранения на деньги налогоплательщиков и социальное государство. Но хотя лейбористы выполнили свои обещания, Британия после войны стала очень бедной страной. Жилье было в дефиците, в том числе потому, что множество домов были разрушены во время немецких бомбардировок. Финансы пришли в беспорядок. Распределение продуктов по карточкам отменили только в июле 1954 года. Большая часть обещаний, данных ветеранам, была выполнена, но в весьма малой степени.

Солдаты, вернувшиеся из Афганистана, точно так же были убеждены, что правительство должно обеспечить им работу, жилье, медобслуживание, льготы и денежные компенсации. Но, поскольку СССР находился на грани политического и экономического коллапса, многим ветеранам было сложно добиться даже того, на что они уже имели право. Денежные выплаты были невелики, а жилье и работу найти удавалось с трудом: заводы закрывались, рабочих увольняли. Протезы, если они вообще кому-то доставались, были примитивными, то же касалось и более простых агрегатов вроде инвалидных кресел. Ветеранам было трудно справиться с психологическими травмами, полученными в боях, избавиться от наркозависимости и склонности к насилию, заработанных в Афганистане. Некоторые расстались с женами и подругами. Некоторые встали на преступный путь. Большинству в конце концов удалось найти себе место в жизни. Но все в той или иной мере чувствовали, что их предали: “Ребята так много пережили там, встречались глаза в глаза со смертью, теряли друзей... А вернувшись, оказывались в обыкновенной, не очень-то радостной нашей жизни, которая казалась им слишком пресной,

в которой они с их-то обнаженными нервами остро... ощущали фальшь, лицемерие, равнодушие, наглуго сытость одних и нищее убожество других. Да еще ранило, что никому дела нет до их переживаний, физических ран и душевных мук. Вот тут-то и начиналась идеализация недавнего прошлого”¹¹.

В феврале 1980 года, сразу после начала войны, правительство повысило зарплаты и пенсии солдат регулярной армии и компенсации семьям погибших. Призывники никаких особых условий не имели. Солдат, ставший инвалидом, мог получить те же льготы, что инвалид Великой Отечественной войны, хотя к 1980 году эти льготы стали довольно убогими. В противном случае солдатам полагались еще менее щедрые льготы — как лицам, получившим травмы на работе.

Два года спустя было принято еще одно решение, касающееся конкретно солдат и гражданских служащих в Афганистане и членов их семей, — о выплатах “в связи с успешным выполнением задач, поставленных Правительством СССР”. В документе не говорилось, что речь идет о *боевых* задачах. Он предусматривал предоставление пенсий, медицинского обслуживания, жилья, транспортных средств и прочих льгот, подобных тем, что предоставляли ветеранам Второй мировой, только ограниченных. Нововведения были менее существенными, чем казалось на первый взгляд. Прежде всего, льготы и компенсации были не такими уж щедрыми: они были привязаны к званию. Офицер мог получить разовую безвозмездную помощь в размере трехмесячной зарплаты. Солдат, прослуживший дольше своего срока, получал пятьсот рублей. Призывник — триста рублей. Инвалиды получали половину этой суммы, но после выписки из больницы их на месяц отправляли в санаторий. Были предусмотрены и компенсации семьям погибших, будь то солдаты или гражданские служащие. Однако это было лишь рамочное решение, которое не могло применяться без целой массы подзаконных актов. Документы же эти не публиковались, поэтому местные власти зачастую не знали о них или игнорировали¹². Ветераны натывались на стену бюрократического сум-

бура. Нерадивые чиновники оправдывали свой отказ предоставить ветеранам те льготы, на которые те, по их мнению, имели право, словами: “Это не я отправил вас в Афганистан”.

Теперь в дискуссию вступила пресса. В 1987 году в “Правде” сообщили о сложностях, с которыми сталкиваются ветераны в общении с согражданами. Последним самим не хватало денег, они сами были лишены нормального медобслуживания, не имели достойного жилья и не очень-то понимали, почему нужно уступать людям, которые как будто и не участвовали в настоящей войне. Опрос ветеранов, проведенный “Комсомольской правдой”, показал: 71 % считает, что льготы существуют только на бумаге¹³. Ветеранам по-прежнему было трудно выяснить, на что они имеют право. В СССР не было ни административного механизма, позволяющего распределить эту социальную поддержку правильным образом, ни системы “одного окна” для ветеранов. Чтобы получить заслуженные льготы, им приходилось таскаться по чиновничьим кабинетам.

В феврале 1989 года “афганцам” присвоили статус воинов-интернационалистов. Этот статус когда-то был введен для иностранных добровольцев, воевавших на советской стороне в Гражданской войне 1917–1923 годов, потом — для советских солдат, сражавшихся в гражданских войнах в Испании и в Китае, а также на стороне “прогрессивных” режимов на Кубе, в Корее, Анголе, Эфиопии, Вьетнаме и так далее. Была выпущена соответствующая медаль за участие в боевых действиях: пятиконечная звезда на золотом лавровом венке, в центре — рукопожатие, под ним — щит, символ оборонительного характера операции. “Афганцев” все это не удовлетворяло: они хотели иметь такой же статус, как ветераны Второй мировой¹⁴.

Самым страшным был жилищный вопрос. Когда один ветеран покончил с собой — ему негде было жить, — профсоюзный деятель, знакомый с ситуацией, заметил: “Понимаю, каково ему было. Когда воевали ребята в Афганистане, им, небось, золотые горы обещали, а завод не может сразу квартиру дать — нет такого постановления. К тому же, поймите, строим мы дома сами, хоз-

расчетным способом, с горем пополам. Саша в льготной очереди был девятнадцатым. Перед ним — ветераны Великой Отечественной, те же ‘афганцы’, которые раньше пришли на завод”¹⁵.

Советский Союз всегда всегда очень бедной страной. Ресурсов на социальное обеспечение никогда не хватало. Так что при всем желании возвращавшиеся из Афганистана военные редко когда могли воспользоваться своими привилегиями. Офицер, воевавший в Афганистане, объяснял это так: “Уровень экономического развития страны определял уровень социальной помощи, которую государство могло предоставлять разным социальным слоям. Если бы у нас не было проблем с жильем, у нас не было бы и проблемы с поиском жилья для афганцев... Дело не в бессердечности, не в недостатке внимания, а в проблемах, что имеют место в стране”¹⁶.

Неудивительно, что немногие ветераны видели проблему в таком ключе. Им казалось, что общество обделило их даже моральным признанием, на которое они были вправе рассчитывать. Данные им обещания не были выполнены. Им приходилось бороться даже за причитающиеся им скудные льготы. А некоторые сограждане испытывали к ним неприязнь именно из-за этого¹⁷.



В одном аспекте (вследствие ослабления государственной опеки над обществом) положение “афганцев” отличалось от положения ветеранов прошлых войн. Теперь граждане могли создавать ассоциации. Ближе к концу войны начали работу несколько официальных и полуофициальных организаций, которые должны были помогать ветеранам напрямую и от их имени договариваться с властями. Впрочем, значение этих структур не стоит преувеличивать: некоторые из них, особенно в первые годы, были не слишком эффективны, другие — коррумпированы. И слишком близки к власти.

В 1986 году ВЛКСМ учредил управление по афганским вопросам. В апреле 1990 года Верховный совет образовал комитет по делам воинов-интернационалистов. Среди его членов было тринадцать “афганцев”¹⁸. В 1989 году Александр Котенов, сын советского офицера, четыре года проведенного в ГУЛАГе, основал Союз ветеранов Афганистана (СВА). Подорвавшись на mine и распрощавшись с иллюзиями о справедливости войны, Котенов стал военным историком. В 1991 году СВА, по его утверждению, представлял больше трехсот тысяч ветеранов-“афганцев”. В 1995 году Котенов ушел из СВА в знак протеста против государственного вмешательства в дела организации¹⁹.

Российский союз ветеранов Афганистана (РСВА) был создан как филиал СВА в ноябре 1990 года. На его учредительном съезде выступили генерал Варенников, вице-президент Александр Руцкой, митрополит Питирим и начальник Генштаба генерал Моисеев. Первым председателем РСВА был Евгений Лягин. В конце 1991 года его сменил Котенов, а в 2001 году председателем стал Франц Клинецвич, замполит 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка.

В 1991 году был создан Российский фонд инвалидов войны в Афганистане (РФИВА). Его деятельность протекала весьма бурно. Председателя фонда Михаила Лиходея убили в ноябре 1994 года. Два года спустя следующий председатель Сергей Трахиров и еще четырнадцать человек погибли (а двадцать четыре — получили ранения) при взрыве бомбы, когда возлагали венки у памятников “афганцам” на Котляковском кладбище в Москве. Расследование не принесло особых результатов. Одного из подозреваемых судили только летом 2007 года²⁰. После этого Российский фонд инвалидов войны в Афганистане переименовали в Общероссийскую общественную организацию инвалидов войны в Афганистане.

В 1997 году генерал Громов учредил организацию “Боевое братство”. Опираясь на тесные связи с властями, она стала одной из самых влиятельных ветеранских организаций нового столетия. “Братство” с энтузиазмом встретило эпоху интернета,

открыло общенациональный и региональные сайты и утверждало, что это крупнейшие проекты такого рода в России.

Благодаря особенностям приватизации Ельцин сумел наделить ветеранские организации рядом привилегий: налоговыми льготами, коммерческими преференциями, таможенными льготами на алкоголь, табак и нефтепродукты, доступом к иностранной валюте, санаториям и предприятиям стоимостью миллионы рублей. Организации вроде “Национального фонда спорта” получили сходные преференции. Такая практика была еще одним признаком распада и фрагментации государства. По сути, политики переложили на частный сектор ответственность за людей, сражавшихся за государство. В условиях хаоса и коррупции начала 90-х годов это были в каком-то смысле легкие деньги. Некоторые руководители ветеранских организаций изрядно разбогатели. Только 24 % (по некоторым оценкам, 9 %) денег реально попали к солдатам-инвалидам, которым они предназначались²¹.

Эту сомнительную систему начали пересматривать еще до взрыва на кладбище в 1994 году. В 1995 году авторы поправок к закону “О ветеранах” наконец признали “афганцев” полноценными ветеранами и наделили их соответствующими льготами²². По закону ветераны всех категорий получили довольно широкие социальные льготы, но, к сожалению, они были не лучше обеспечены финансированием, чем прежде. Еще больше запутывало дело принятое в 2004 году решение российского правительства монетизировать льготы (в условиях инфляции этот шаг выглядел сомнительным). В ходе реформы местного самоуправления 2006 года ответственность за управление льготами снова оказалась перераспределена. Впрочем, благодаря быстрому развитию российской экономики после 2000 года возможности государства выполнять финансовые обязательства перед гражданами заметно расширились.

Поскольку одной из своих задач ветеранские организации считали развитие патриотизма и уважения к Вооруженным силам, особенно среди молодых людей, место в более самоуве-

ренной путинской России было им обеспечено. Некоторые их лидеры пошли в политику. Франц Клинецевич в 2007 году стал заместителем пропутинской фракции «Единая Россия» в Государственной думе и заместителем председателя Комитета по делам ветеранов. Осенью 2007 года несколько ветеранских организаций поддержали избирательную кампанию Путина и «Единой России»²³.



Солдатам, возвращающимся с войны, приходится приспособиваться к миру, не способному понять, через что они прошли, к людям, которые не были на войне и которым она не интересна, или же интересны только рассказы о подвигах, а не травмирующая реальность сражений. Солдаты видят ужасные вещи и порой творят что-то ужасное. Они страдают от кошмаров, ссорятся с женами, прибегают к насилию дома и на улице, они падают на землю при громких выхлопах автомобильных двигателей, их чрезвычайно задевает смерть детей²⁴. Такая реакция может наступить через месяц или через год после событий, ее спровоцировавших. Страдальцы могут отгонять воспоминания, подавляя свои эмоции, костenea душой. Такое состояние может сохраняться месяцами или годами. И поскольку они служили в армии, где в почете героизм, дисциплина, мужество и твердость, им трудно говорить о своих переживаниях или обратиться за помощью к кому-то за пределами узкого круга коллег-ветеранов²⁵.

Так страдают не только те, кто сражался и убивал. У британских миротворцев в Боснии, которые если и сражались, то только ради самозащиты, проявлялись многие из этих симптомов. Обнаруживаются они и у мирных граждан, ставших жертвой дорожных аварий, природных бедствий или насильственных преступлений. В 80-х годах этот феномен получил название посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Американские исследования показали, что ПТСР проявлялось у 20–30 % солдат США, сражавшихся в чрезвычайно непопулярной войне во Вьетнаме, и всего у 15 % тех, кто воевал в Персидском заливе в 1991 году (эта война воспринималась народом как справедливая и необходимая)²⁶. А американские солдаты, вернувшиеся из Ирака после 2003 года, чаще совершают самоубийство, гибнут от рук других людей либо в результате вождения в пьяном виде и употребления наркотиков, чем когда они сражались в Ираке²⁷.

Но даже когда народ уверен, что его армия ведет справедливую войну, доводы разума отходят на задний план по мере того, как число жертв растет, и солдаты уже сражаются не за правое дело, а чтобы выжить самим и помочь выжить товарищам. Британские солдаты, вернувшиеся победителями со Второй мировой войны, считались героями. На практике они зачастую сталкивались с негодованием гражданского населения. Мирные люди и сами терпели лишения и гибли при воздушных налетах. Рабочих мест не хватало, или же они не соответствовали тем специальностям или тому уровню уважения, которых ветераны, по их мнению, заслужили. Число разводов в Британии в 1935–1947 год выросло в пятнадцать раз: парам, которые разделила война, не удавалось восстановить разрушенную жизнь. Число насильственных преступлений с 1938 по 1948 год выросло в два с половиной раза, число половых преступлений — в три раза. В газетах было полно историй о солдатах, убивших жен. Ветеранов притягивало знакомое тепло общения с выжившими товарищами. Оно было для них первой линией обороны против гражданской жизни, казавшейся неприветливой или даже враждебной. Время шло, и большинство солдат постепенно устраивалось. Боевые товарищи теряли друг друга из виду, братские чувства сменялось ностальгией по героическим образам войны. Однако симптомы травмы могли проявиться спустя годы или даже десятилетия. Еще в 2001 году каждый пятый британский ветеран Второй мировой страдал от связанного с войной психологического расстройства²⁸.

В России это расстройство называют “афганский синдром”: его симптомы проявлялись и через двадцать лет после окончания войны. В 2009 году рок-группа “Гражданская оборона” точно описала его в одной из песен²⁹. У ветеранов Афганистана неизбежное разделение на “мы” и “они” усугублялось тем, что многие их сограждане теперь считали войну грязной и несправедливой. Как и солдаты, воевавшие во Вьетнаме, они сталкивались с невидимым врагом, способным принимать самые разные облики. Теперь их называли детоубийцами и душегубами, садистами и палачами, или же простофилями, не способными даже осознать тяжесть совершенных ими преступлений. Причем называли их так люди, оставшиеся в стороне от ужасов войны (в которой и многие солдаты не видели смысла). Один иностранец вспоминал, как ужинал в российском ресторане, и в это время метрдотель выгнал двоих совершенно трезвых и вежливых молодых офицеров. Он объяснил иностранцу, что в их заведении не принимают “подобного рода личностей”³⁰.

С таким отношением ветераны сталкивались не только среди утонченной городской интеллигенции Москвы, Ленинграда и прочих мегаполисов. Враждебность ждала их и в маленьких провинциальных городах. В августе 1987 года, когда Виталий Кривенко вернулся в родной город, его прежние знакомые относились к нему так, будто он ненормальный. Он расстался с девушкой: она считала, что Виталий, как и все, кто побывал в Афганистане, — наркоман. Событьльники, не служившие на войне, спрашивали: не озверееет ли он, если переберет с выпивкой? Кривенко научился умалчивать на собеседованиях о том, что подорвался на mine и страдал от контузии. Работодатели не хотели нанимать “афганцев”, считая, что с ними трудно общаться и что они постоянно требуют обещанных, но не полученных привилегий. Потом Кривенко провел некоторое время в тюрьме за то, что ударил милиционера.

Полной статистики на этот счет нет, да и интерпретировать ее трудно. Но кое-что можно понять из жизненных историй. В 2008 году Александр Гергель узнал, что один из тех,

с кем он служил в Бахараке, умер от пьянства и наркомании, второй пал жертвой вооруженного ограбления, а третий стал наемным убийцей и теперь отбывал десятилетний срок. Доля таких неудачливых ветеранов была невелика. Остальные более или менее приспособились к мирной жизни: “Однако когда происходят ночные разговоры в подпитии, понимаешь, что почти у всех что-то в душе надломилось. Думаю, можно сформулировать это следующим образом: жизнь перековала нас на свой лад, и все мы стали не такими, какими хотели бы стать, не попади мы в Афган. Лучше или хуже — другой вопрос”³¹.

На эту тему не проводилось общенациональных исследований, однако отдельные регионы, ветеранские организации и городские газеты стали создавать веб-сайты о местных жителях, служивших в Афганистане. По данным “Воронежской газеты”, в Воронеже было 5200 ветеранов афганской войны. К лету 1996 года семьдесят пять из них умерли, половина в результате несчастных случаев, треть — от болезни, а каждый седьмой покончил с собой. Спустя двенадцать лет умерло уже больше пятисот человек — десятая часть тех, кто вернулся с войны. В газете утверждалось, что молодые люди гибли не столько из-за того, через что они прошли в Афганистане, сколько из-за того, что ничего не было предпринято для их психологической реабилитации, что они не смогли позволить себе нормальное лечение и жилье, не могли найти работу³².



Возможности психологической реабилитации солдат были ограниченными отчасти из-за дефицита ресурсов, отчасти потому, что сама концепция травмы была чужда обществу. Если солдаты, сражавшиеся с Гитлером, смогли обойтись без психотерапевта, что такого особенного в “афганцах”?

Тем не менее, в этой области у русских существовала собственная, пусть небогатая традиция. После Русско-японской

войны 1904–1905 годов психиатры из Военно-медицинской академии провели первое исследование солдат, страдающих от психологических травм. В советский период результаты этого исследования по большей части игнорировались, и при отправке 40-й армии в Афганистан психиатров в ней не было. Первые специалисты в этой сфере поехали в Афганистан в середине 80-х годов. Симптомы, которые они обнаружили у “афганцев”, во многом совпадали с теми, с которыми американцы столкнулись после Вьетнама: чувство вины, ужас перед увиденным, самобичевание (они выжили, а товарищи — нет). По оценкам некоторых специалистов, чуть ли не каждый второй ветеран Афганистана нуждался в определенной помощи. Поначалу симптомы носили психологический характер: раздражительность, агрессивность, бессонница, кошмары, мысли о самоубийстве. Через пять лет ветераны страдали уже от физиологических проблем: болезней сердца, язвы желудка, бронхиальной астмы, нейродерматоза.

Проблема была в том, что в России, в сравнении с США, почти не было учреждений, способных лечить такие психические травмы. В России существовало всего шесть специализированных реабилитационных центров, и они должны были заниматься не только “афганцами”, но и людьми, столкнувшимися с катастрофой в Чернобыле, и участниками боевых действий в Чечне и других локальных конфликтов³³.

Среди людей, пытавшихся дать научное объяснение этому феномену, был ректор Восточно-Европейского института психоанализа в Санкт-Петербурге профессор Михаил Решетников. Он с 1972 года служил военным врачом, а в 1986 году попал в Афганистан. Решетников направил в Генштаб доклад, основанный на интервью с двумя тысячами солдат, в котором описал поразившие 40-ю армию проблемы: от неадекватности системы снабжения до неэффективной морально-психологической подготовки солдат. Доклад не возымел никакого эффекта, начальство лишь поинтересовалось у Решетникова, зачем он собирает факты, бросающие тень на армию. С 1988 по 1993 год

он руководил несколькими программами Минобороны по изучению поведения людей, пострадавших в локальных конфликтах, техногенных катастрофах и природных бедствиях. Уволившись из армии, Решетников вступил в Ассоциацию ветеранов Афганистана.

В 2002 году Решетников опубликовал на сайте ветеранов Афганистана статью, в которой доказывал, что когда русские окружали свою военную историю ореолом героизма, это имело и политический, и моральный, и психологический смысл. Это помогало смягчить ужасы как афганской и чеченской кампаний, так и Великой Отечественной войны — события, лежащего в основании современных российских патриотических мифов.

Но Решетников писал и о страшных вещах, случившихся в Афганистане, и его выводы были суровыми. Все войны провоцируют “эпидемию аморальности”. Конечно, на войне есть место героизму, товариществу и самопожертвованию. Но во всех армиях и во время всех войн они обильно разбавлены убийствами, пытками, насилием над пленными, изнасилованиями и мародерством. Чувство вины, потребность в искуплении сделанного приходят позднее, затрагивая личные (особенно семейные) взаимоотношения солдат. И эти люди, “чья память отравлена криминальным и полукриминальным опытом, составляют реальную угрозу не только для самих себя, но и общества в целом”. Не удивительно, что статья привела в бешенство многих “афганцев”. В тексте подразумевалось, что все они в той или иной мере были преступниками. Это глубоко возмутило ветеранов, и они выразили свой гнев в цветистых комментариях на сайте.

Все успокаивается

Попытки журналистов и либеральных политиков выяснить правду об афганской войне вызывали гневную реакцию не только у ветеранов, но и у членов их семей. Публикация

в 1990 году книги Светланы Алексиевич о мужчинах и женщинах, служивших в Афганистане, вызвала бурю критики. “Вы хотите доказать ненужность и ущербность этой войны, не понимая, что тем самым оскорбляете ее участников, ни в чем не повинных мальчишек”. “Как вы могли! Как смели облить грязью могилы наших мальчиков... Они — герои! Герои!!!” “У меня там погиб единственный сын. Я утешался тем, что воспитал героя, а если верить вам — не героя, а убийцу и захватчика”. “Сколько можно нас превращать в душевнобольных, насильников, наркоманов?”

Ветеранов приводило в ярость утверждение автора, что война была ошибкой. “Зачем об ошибках?.. Думаете, эти разоблачительные публикации в газетах... Думаете, они помогают? Мы лишаем молодежь нашей героической истории”. “Не хочу слышать о политической ошибке! Не хочу!!! Если это ошибка, верните мне мои ноги... Две мои ноги”. “Уезжали мы из государства, которому эта война была нужна, — писала одна женщина, — вернулись в государство, которому эта война не нужна. Обидно не за то, что там что-то не дали, недодали, нет. Нас вычеркнули. Еще недавно это называлось ‘интернациональным долгом’, сейчас — глупостью”. “Назвали четыре имени [советских руководителей]... Четырех мертвых... И больше нет виноватых... Нас будете судить!!! Да, убивали! Да, стрелял... Вы оружие нам вручили в ‘Зарницу’ играть?.. Вы думали, ангелами возвратятся?!” Попадались и более спокойные оценки: “Да, были там преступники, наркоманы, мародеры. А что, в нашей мирной жизни таких нет? Воевавшие в Афгане — жертвы, на такой оценке я настаиваю. И все они нуждаются в психологической реабилитации”³⁴.

Тяжелее всего ветеранам было переносить контраст между тем, как относились к ним, и тем, как принимали (или хотя бы как этот прием запечатлелся в народной памяти) их отцов и дедов, вернувшихся после победы над Гитлером. Но и в этом произошли некоторые изменения. Путин взялся восстановить чувство гордости за историю России в XX веке, за историю

Советского Союза. Власти вновь стали делать упор на патриотизм и славное прошлое. Началось переосмысление войны в Афганистане: теперь ее представляли героическим эпизодом, в ходе которого солдаты исполняли воинский долг и защищали Родину. По указанию Путина в 2004 году воинам-интернационалистам воздвигли памятник на аллее грандиозного военно-мемориального комплекса, построенного Брежневым на Поклонной горе — невысоком холме, где Наполеон ждал, когда “отцы города” вручат ему ключи от Москвы³⁵. Неподалеку от памятника поставили БМП в пустынной камуфляжной окраске. Машина выглядела скромным дополнением к арсеналу военной техники времен Второй мировой, разбросанному по всему комплексу.

Накал страстей и разногласия вокруг причин и характера ведения войны стали стихать. Российские эксперты оставили бесконечные споры о том, кто виноват в советском фиаско. Американское вторжение в Афганистан в конце 2001 года придало этой дискуссии новое измерение³⁶. Ветераны видели, что американцы сталкиваются с теми же проблемами и повторяют их ошибки. Они симпатизировали солдатам, сражающимся на том же трудном поле боя. По мере того, как кампания НАТО захлебывалась, нарастало и неизбежное злорадство, во многом, впрочем, умеряемое мыслью, что России с ее уязвимой южной границей совсем не нужны поражение НАТО и нестабильность в Афганистане.

Война и интернет

Через несколько лет после начала нового столетия произошло еще кое-что важное. Ветераны открыли для себя интернет, который тогда начал проникать в Россию, давая право голоса тем, кому прежде не удавалось быть услышанными. Интернет позволил ветеранам устанавливать прямые контакты друг с другом в обход официальных организаций, находить бывших

товарищей. Они публиковали свои воспоминания, стихотворения, рассказы, романы на сайте “Искусство войны” (*Art of War*). Многие из этих произведений были не только хорошо написаны, но и зачастую поразительно объективны: сравнительно мало ветеранов бездумно похвалялось своими подвигами. И опытом делились не только интеллигентные люди с хорошим образованием. Зачастую сообщения публиковали простые, не безупречно грамотные люди.

Ветераны стали составлять в интернете списки тех, с кем служили, писать истории своих полков и организовывать встречи бывших сослуживцев. Больше всего активности проявили бойцы 860-го отдельного мотострелкового полка и 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Летом 2009 года ветераны 860-го полка, которые к тому моменту сумели найти уже больше двух тысяч бывших товарищей, провели в подмосковном санатории третью общенациональную встречу. На съезде побывали военнослужащие всех рангов, причем некоторые из них искали друг друга двадцать лет, а то и дольше. Многие приехали с женами и детьми. Были там и генерал-майор Антоненко, который когда-то командовал 860-м полком, и рядовой Константин Снееров, и его командир Юрий Выговский, назвавший сына Константином в честь бывшего подчиненного. Они подняли третий тост за тех, кто не вернулся с войны, и торжественно пообещали собираться и в следующие годы³⁷.

Двадцатая годовщина

В феврале 2009 года по всей России праздновали двадцатую годовщину вывода войск из Афганистана. В Москве празднества начались с пышной церемонии, организованной местным отделением “Боевого братства” в спорткомплексе “Олимпийский”. На ней присутствовало около пяти тысяч человек: ветераны, их жены и подруги, множество подростков. Многие

заметили огромного раздавшегося десантника под два метра ростом. Звучали патриотические речи, бесконечные шумные и сентиментальные песни. Десяти избранным ветеранам подарили автомобили — претенциозный и очень дорогой жест. Некоторым казалось, что лучше было бы потратить эти деньги на помощь ветеранам, живущим в нищете.

В воскресенье, 15 февраля, в день годовщины, было холодно, сыпал мокрый и густой снег. У могилы Неизвестного солдата под топот дружно марширующих солдат и энергично сыгранный старый советский гимн возложили венки. Затем триста-четыреста ветеранов, среди которых были Александр Тергель и его товарищи из 860-го отдельного мотострелкового полка, пронесли красные знамена 40-й армии по снегу и слякоти от входа в мемориальный комплекс на Поклонной горе к памятнику воинам-интернационалистам. Там к ним обратились генералы: Руслан Аушев, сражавшийся в Панджшерском ущелье, ставший Героем Советского Союза и президентом своей родной Ингушетии, и Валерий Востротин, еще один Герой Советского Союза, штурмовавший дворец Амина и командовавший 345-м гвардейским отдельным парашютно-десантным полком во время операции «Магистраль».

Речи были сдержанными и, к счастью, краткими: Аушев пошутил, что если бы советские политики учились в военной академии и все спланировали как положено, то войска были бы выведены в теплое время года, и теперь ветеранам не пришлось бы стоять в снегу. Солдаты, по словам выступавших, защищали интересы страны и сделали то, чего ждала от них Родина. Они отправились на помощь афганцам, а когда афганцы перестали в них нуждаться, покинули страну. Председатель Российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецевич, бывший замполит, сказал, что это был плохой мир, но плохой мир лучше хорошей войны. Спокойно и с достоинством выступила мать одного из павших: афганская война должна стать последней войной, где погибали русские парни, говорила она, забыв о Чечне.

Вечером состоялась торжественная церемония в Кремле. Казалось, двадцать лет спустя заслуги и страдания ветеранов Афганистана наконец получили официальное признание — пусть даже государства, за которое они дрались, более не существовало.

Эпилог
Расплата

В декабре 1989 года Съезд народных депутатов СССР принял резолюцию о том, что решение о вторжении в Афганистан “заслуживает морального и политического осуждения”. В последующие годы политики правых взглядов и лидеры ветеранских организаций, такие как Франц Клинецвич, добивались формальной отмены этой резолюции или же пытались доказать, что она не подразумевала осуждение войны¹. Но мало какая другая страна оказалась готова принести извинения за провал, сколь спорной ни была бы эта формулировка.

Смерть и опустошение, пришедшие на афганскую землю после 1979 года, не были беспрецедентными. Когда иностранное вторжение накладывается на гражданскую войну, и особенно когда одна из сторон обладает подавляющим техническим превосходством, диспропорция между жертвами с той и с другой стороны становится огромной. Потери среди мирного населения в подобных войнах, а значит, и соотношение потерь с обеих сторон невозможно определить сколько-нибудь точно. Никким образом нельзя возлагать всю вину на иностранцев. Очень многие афганцы, вьетнамцы и алжирцы в ходе войн XX века были убиты собственными согражданами. Но какой бы неточной ни была статистика, ясно одно: во время вторжений местные жители гибнут гораздо чаще пришельцев. Поэтому вероятность завоевать умы и сердца граждан

страны (эта рекомендация лежит в основе всех теоретических разработок в области борьбы с партизанами) заметно снижается (см. Приложение 4).

Так или иначе, для Советского Союза это была во многих отношениях незначительная война. И те, кто потом утверждал, что Россия потеряла в ней целое поколение, сильно преувеличивал². За девять лет в Афганистане отслужили 620 тысяч молодых мужчин и небольшое число молодых женщин (525 тысяч служили в Вооруженных силах, остальные — в пограничных войсках и спецназе КГБ, а также в МВД) — 3,4 % людей, подлежавших призыву на военную службу. Во время войны в Афганистане большинство советских солдат служило на Дальнем Востоке или в Европе, откуда, как считалось, исходит главная угроза.

По официальным данным, погиб 15051 солдат — 2,4 % служивших в то время. Эта статистика включает потери пограничных войск и солдат, пропавших без вести, умерших от болезней или ранений, в том числе тех, кто умер после увольнения из армии (около 5,5 % общего числа погибших) или в результате несчастных случаев (12 %). В числе погибших были 52 женщины, четыре из них — в звании прапорщика, остальные — гражданские служащие.

В Афганистане сражались представители всех народов СССР, от самого многочисленного, русского, до самых маленьких. Среди погибших были советские немцы, поляки, греки, румыны, один цыган, один финн, один венгр и один чех. Бремя войны распределялось неравномерно, но в среднем на миллион жителей СССР приходилось 52,7 погибших. Народы Средней Азии пострадали в относительном измерении сильнее всех: 65 погибших на миллион жителей. Так что рассказы о том, что жители среднеазиатских республик не готовы были сражаться с братьями по вере — миф. Для славян в целом число погибших составляло 53,5 на миллион жителей, для русских — 51,2. Жители Кавказа и прибалтийских государств полагали, что в Кремле специально выбирали их для службы в Афганистане, поскольку считали политиче-

ски ненадежными. Статистика показывает, что это тоже миф: в Афганистане на каждый миллион жителей этих республик погибли, соответственно, 25,8 кавказцев и 17 жителей Балтии.

Более пятидесяти тысяч солдат были ранены, более десяти тысяч стали инвалидами. Многие другие страдали от различных форм посттравматического стресса, впали в алкогольную или наркотическую зависимость или не смогли сохранить работу. В отношении этих жертв войны доступная статистика скудна или противоречива (или то и другое одновременно). Никто, впрочем, не оспаривает гигантское число заболевших и раненых во время войны: 469685 человек, или 88 % всех служивших в Афганистане³.

Западная разведка в то время сообщала преувеличенные данные о погибших. Согласно одной из оценок, к концу 1981 года погибли 20–25 тысяч советских солдат, а к концу 1983 года — пятьдесят тысяч⁴. Однако российское Министерство обороны и власти российских регионов выпускали Книги памяти с подробностями о каждом умершем солдате. Редакторы местных веб-сайтов следили за судьбой парней, погибших в Афганистане или после службы там. В России интерес к этой теме в конце концов угас, и официальную статистику более или менее принимают как самую достоверную из доступных.

Прозвучало немало громких заявлений (в том числе из уст командиров моджахедов) о том, какой вклад война в Афганистане внесла в распад Советского Союза. Весной 2002 года Бурхануддин Раббани объявил в Мазари-Шарифе: “Мы выставили коммунистов из нашей страны, мы можем выставить всех захватчиков из священного Афганистана... Если бы не джихад, весь мир сейчас находился бы под коммунистической пятой. Берлинская стена пала из-за тех ударов, которые мы нанесли Советскому Союзу, и вдохновения, которое мы подарили всем угнетаемым народам. Мы раскололи Советский Союз на пятнадцать частей. Мы освободили людей от коммунизма. Джихад принес миру свободу. Мы спасли мир, потому что здесь, в Афганистане, коммунизм нашел свою могилу!”⁵

Действительность гораздо, гораздо сложнее. Афганская кампания и вправду стала для СССР тяжким экономическим и военным бременем, однако оно было не таким уж тяжелым в сравнении с обязательствами страны⁶. Провал в Афганистане обострил недоверие советского народа к правительству, которое росло в 80-х годах. Но недовольство народа подпитывали и многие другие факторы: унижительное зрелище того, как один геронтократ сменяет во главе правительства другого, продолжавшееся до избрания Горбачева в 1985 году; разоблачение некомпетентности и обмана со стороны чиновников после взрыва на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года; давление гонки вооружений; экономическое недомогание страны, к концу десятилетия превратившееся в экономическую катастрофу; неопределенность и волнения, порожденные самими реформами Горбачева. Все эти симптомы свидетельствовали о том, что советская экономическая и политическая система была нежизнеспособна. Она рушилась и без Афганской войны.

Таким образом, Советский Союз страдал не столько от материальных потерь в войне, сколько от политических издержек, как внутренних, так и внешних. Внутренняя оппозиция войне не достигла такого масштаба, как в США во время войны во Вьетнаме, и, учитывая природу советской политической системы, это было бы немыслимо. Но быстрое понимание того, что война была ошибкой, моральное отвращение, которое начали чувствовать даже некоторые чиновники и военные, и гнев обычных людей, начавших понимать, что происходит, увеличивали давление на политиков. Это побуждало их искать путь из трясины.



Для афганцев война, конечно, совсем не была пустяком. Моджахеды видели в ней борьбу за национальное достоинство и освобождение и были готовы сражаться до последнего

вздоха. Данные о жертвах, которыми мы располагаем, — это скорее догадки, а зачастую и продукт пропаганды. Вероятно, за время войны с СССР погибло от шестисот тысяч до полутора миллионов афганцев⁷. Еще несколько миллионов были вынуждены оставить дом и искать убежище в Пакистане или Иране. Сложная система взаимоотношений в афганском обществе рухнула, и шансов на ее восстановление практически нет. Но у жителей Афганистана, как и у вьетнамцев, было неоспоримое преимущество перед пришельцами: они знали, что останутся на этой земле, тогда как иностранцам рано или поздно придется уйти. Как гласит поговорка, у иностранцев есть часы, а у местных — время.

Как в годы войны, так и после нее русские и американцы нередко проводили параллели с войной во Вьетнаме. В обоих случаях решения политического руководства были обусловлены реалиями холодной войны. Оба правительства начали боевые действия, опираясь на сомнительную интерпретацию международных норм и будучи убежденными, что защищают жизненно важные интересы своей страны. Их непосредственные цели тоже были сходными: защитить государство-сателлит и не уступить стратегически важную территорию противнику. Оба правительства преследовали и более грандиозные цели: построить в далекой стране политическую, экономическую и общественную систему по собственному образу и подобию. Ни СССР, ни США не понимали, во что ввязываются. Они считали, что смогут упрочить положение своих союзников в Кабуле и Сайгоне настолько, чтобы передать ответственность им самим и вывести войска. И СССР, и США были уверены, что их современные военные машины без усилий возьмут верх над разношерстными партизанскими отрядами.

Неудача в обоих случаях не была *военной*: ни советская армия в Афганистане, ни американская во Вьетнаме не потерпели поражения. Они удерживали территорию и в полном порядке отступили. Неудача в обоих случаях была обусловлена провалами разведки, ошибочными суждениями и неверными

оценками. И американцы, и русские ставили перед собой недостижимые цели. Ни те, ни другие не смогли решить главную политическую задачу: создать дружественный и стабильный режим, разделяющий их идеологические и политические устремления. Их протееже были устранены, и народы Вьетнама и Афганистана отвергли предложенные модели. Некоторые военные и в России, и в Америке считали, что их неудача была следствием бесхребетности общественного мнения и прессы, а также слабости либо даже предательства со стороны политиков. Однако вступление моджахедов в Кабул, как и северовьетнамцев в Сайгон, стало несомненным финалом войны в том смысле, какой бы мгновенно распознал фон Клаузевиц⁸.

Западная пропаганда изображала действия советских войск в Афганистане беспрецедентно зверскими. Но и во Вьетнаме армия занималась произвольным уничтожением деревень, посевов, скота и населения. Опираясь на огневую мощь, обе армии пытались разбить безжалостного и неуловимого врага, но их современные системы вооружений так и не нашли достойной цели. Советскую армию в Афганистане обвиняли в применении химического оружия, но потом эти обвинения стихли. Американцы применяли токсичный “агент оранж” для уничтожения полей и лесов. При этом погибло или стало инвалидами множество вьетнамцев. Русские повсеместно прибегали к авиабомбардировкам, но не в таком масштабе, как американцы в Северном Вьетнаме. Американцы сбросили на Лаос больше бомб, чем американские и британские ВВС на Германию во время Второй мировой⁹.

Обе войны продолжались девять лет. Однако война во Вьетнаме достигла куда большего размаха, чем война в Афганистане. Через Вьетнам прошло 2,5 миллиона американских служащих (почти впятеро больше, чем советских солдат через Афганистан). Во Вьетнаме погибло почти вчетверо больше американских солдат, чем советских в Афганистане. Вьетнамцев, согласно разным оценкам, погибло гораздо больше, чем афганцев: в 1,5–6 раз¹⁰. Боевые действия во Вьетнаме,

как и в Афганистане, сопровождались чудовищной гражданской войной, в которой тоже погибло множество людей.

Подобные подсчеты, впрочем, не слишком плодотворны. Способы ведения этих войн не слишком отличаются. Но между ними все-таки было одно фундаментальное различие — его отметил Збигнев Бжезинский в рекомендациях, которые сформулировал для президента Картера на следующий день после советского вторжения. Правительство в Ханое, победившее во вьетнамской войне, было слаженной, целеустремленной, безжалостной и эффективной силой. Оно заплатило огромную цену за то, чтобы навязать своему народу порядок, и за следующие тридцать лет Вьетнам стал более открытой миру и преуспевающей страной. Моджахеды никогда не отличались таким уровнем слаженности и дисциплины, и взятие ими Кабула стало лишь прелюдией к десятилетиям войны и интервенции. Поэтому возместить физические, моральные и политические потери, причиненные коммунистическим режимом и советским вторжением, оказалось практически невозможно. Вьетнамцы смогли воспользоваться плодами своей победы, афганцы — нет.



Возможно, именно из-за этих ужасов последующих лет афганцы, кажется, не затаили особой злобы на русских. Леонид Шебаршин вернулся в Герат всего через девять месяцев после ухода 40-й армии, ожидая встретить страх и ненависть. Все не так, поведали ему афганские собеседники: пока идут бои, ты испытываешь массу эмоций, но когда война кончается, неизбежно забываешь плохое¹¹. В 2003 году, когда в Афганистан вернулся журналист Владимир Снегирев, местные уже начали сравнивать русских с новыми захватчиками, пришедшими в 2001 году, и сравнение было не в пользу последних: “Удивительно, но напрочь забыты наши ковровые бомбардировки,

минные поля, ‘зачистки’, мародерство, грабежи, словом, все то, что, увы, сопутствовало пребыванию ‘ограниченного воинского контингента’”¹².

Вскоре после этого российские ветераны начали возвращаться в места, где воевали двадцать лет назад, в качестве туристов. В помощь им предприимчивый Сергей Жаров открыл веб-сайт “Русские вернулись”, где дает согражданам советы о том, как добраться до Афганистана, получить визу, куда ходить и чего избегать¹³. Игорь Ямщиков с другом отправился в Кабул в 2006 году и проехал по шоссе до Джелалабада, снимая на видео посты, где они служили в 1981–1982 годах. Потом он опубликовал записи на “Ю-Тьюбе”¹⁴. Андрей Кузнецов и двое его товарищей из 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка тоже побывали в Кабуле в 2006 году. За сто долларов они наняли такси, доехали из Баграма до перевала Саланг и установили там мемориальную плиту. Вернувшись домой, они рассказали эту историю в интернете.

Весной 2009 года Дмитрий Федоров, бывший старший сержант 860-го отдельного мотострелкового полка, вернувшись в Афганистан через Ош и Ишкашим, по горным дорогам Бадахшана добрался до Бахарака и Файзабада. По этому же маршруту шел его полк почти тридцать лет назад. За это время многое изменилось. Вместо троп, по которым полк пробирался с таким трудом, появились приличные дороги. Файзабад теперь занимал территорию почти втрое большую и мог похвастаться нормальной гостиницей (она принадлежала бывшему командиру моджахедов Базиру). На нескольких километрах, прежде разделявших город и базу полка, выросли пригороды. Саму базу было уже не узнать. Голая земля, на которой солдаты тщетно пытались вырастить деревья, превратилась в цветущий оазис: сады и дома, окруженные ливанскими кедрами. Федоров и его коллеги побеседовали с людьми, сражавшимися против них, а тем, кто вел бои на стороне правительства — сотрудникам ХАД и Царандоя, — вручили грамоты в честь двадцатилетия вывода советских войск. Но, по словам Федорова,

кое-что не изменилось: центральное правительство контролировало этот район не в большей степени, чем при Советах. Главными в Файзабаде и в окрестностях города, как и прежде, были Базир и прочие местные властители.

Афганцы рассказывали эти истории не только русским, которым они, возможно, хотели польстить, но и другим гостям. Когда я, гражданин одного из иностранных государств, которое ведет в Афганистане войну, побывал там в сентябре 2008 года, почти все афганцы рассказывали, что при русских было лучше. Русские были не столь высокомерны, как американцы. Последние совсем не интересовались Афганистаном. Американцы своей замысловатой техникой, устрашающей натальной броней и непроницаемыми стеклами “Рэй-Бэн” напоминали марсиан и лишь изредка показывались из-за высоких стен, за которыми отсиживались. Русские, рассказывали мне, строили хоть какие-то предприятия, тогда как большая часть международной помощи теперь исчезала не в тех карманах. В советское время у каждого была работа, теперь же становилось все хуже.

Последний коммунистический президент Афганистана Наджибулла оказался, по словам афганцев, одним из лучших правителей страны в современный период: по популярности он опередил Дауда и мог сравниться с Захир-шахом. По всему Кабулу продавались видеозаписи выступлений Наджибуллы, в которых он предупреждал — как оказалось, справедливо, — что если его свергнут, начнется гражданская война. Люди втайне относились с презрением к президенту Карзаю, которого считали иностранной марионеткой. Шер Ахмад Маладани, командир моджахедов в Герате, девять лет сражавшийся с коммунистами и русскими, а после с “Талибаном”, рассказал мне, что если бы власть в 1979 году досталась не Кармалу, а Наджибулле, страна не была бы теперь в таком жутком состоянии. Маладани тоже предпочитал русских: они были сильными и храбрыми, сражались как мужчины и поднимали оружие только против вооруженного врага. Они никогда

не убивали женщин и детей. А американцы слишком боятся сражаться на земле и бомбят все без разбору.

Эта довольно-таки карикатурная версия истории показывала тем не менее, что последняя попытка *помочь афганцам помочь самим себе* имела едва ли больше успеха, чем предыдущая.



Политики ввязываются в чужие войны, ведомые своими амбициями, жадностью, моральными соображениями или мессианским пылом, либо рассчитывая — верно или ошибочно — принести пользу своей стране.

Генералы ведут войну в меру своего умения. Лучшие из них стараются беречь жизни солдат и в разумной степени контролировать их. Когда все заканчивается, они изучают архивы и сочиняют мемуары, стремясь застолбить себе место в истории, оправдать принятые решения, а иногда раскритиковать бывших коллег.

Солдаты возвращаются домой, успев увидеть и сотворить страшные вещи, память о которых преследует их много лет спустя. Истории о подвигах и товариществе помогают им справиться с воспоминаниями и осмысливать свой опыт. Некоторые утверждают, что годы войны были лучшими в их жизни. Многие не говорят ничего и отправляются в могилу, не рассказав даже самым дорогим и близким людям о том, что пережили.

Так происходит после любой войны. Так случилось и после войны в Афганистане.

Приложения

Приложение 1

События афганской истории

1717	Петр I отправляет экспедицию в Среднюю Азию. Она заканчивается неудачей.
1747	Ахмад-шах Дуррани избран правителем территории, которая позднее станет Афганистаном.
1835	В Кабул приезжает русский посланник Ян (Иван) Виткевич.
1838–1842	Первая англо-афганская война.
1878–1880	Вторая англо-афганская война.
1880–1901	Правление эмира Абдурахмана.
1901–1919	Хабибулла наследует Абдурахману. Убит.
1919–1929	Аманулла-хан наследует Хабибулле. Удалился в изгнание.
1919	Третья англо-афганская война.
1921	Заключен советско-афганский договор о дружбе.
1929–1933	К власти приходит дядя Амануллы Надир-шах. Убит.
1933–1973	Правление Захир-шаха. Умер в Кабуле в 2007 году.
1959	Афганистан посещает президент Дуайт Эйзенхауэр.
1965	Основана афганская коммунистическая партия.
1973	Дауд объявляет себя президентом.

Апрель 1978 года	Афганские коммунисты захватывают власть и убивают Дауда.
Март 1979 года	Антикоммунистическое восстание в Герате.
Сентябрь 1979 года	Президент Тараки арестован и убит по приказу премьер-министра Амина.
Декабрь 1979 года	Советские войска входят в Афганистан. Амин убит, на смену ему приходит Бабрак Кармаль.
Январь 1980 года	ООН осуждает советское вторжение.
Февраль 1980 года	Массовые демонстрации в Кабуле. Советские войска начинают крупные операции.
Ноябрь 1982 года	Умер Леонид Брежнев. Его сменил Юрий Андропов.
Февраль 1983 года	Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр обсуждает с Андроповым вывод войск.
Февраль 1984 года	Умер Андропов. Его сменил Константин Черненко.
Март 1985 года	Умер Черненко. Его сменил Михаил Горбачев.
Октябрь 1985 года	Политбюро ЦК КПСС приходит к выводу, что войска следует вывести из Афганистана в течение полутора лет.
Февраль 1986 года	Горбачев выступает на съезде КПСС с сообщением, что войска будут выведены.
Май 1986 года	Мухаммед Наджибулла заменяет Кармаля.
Сентябрь 1986 года	Начало применения "Стингеров". Сбиты три советских вертолета.
Январь 1987 года	Наджибулла объявляет о политике национального примирения.
Декабрь 1987 года	Операция "Магистраль". Освобождение города Хост.
Декабрь 1987 года	Горбачев обсуждает с Рейганом положение в Афганистане.
14 апреля 1988 года	В Женеве подписаны соглашения о выводе советских войск.

Май 1988 года	Начинается вывод 40-й армии.
15 февраля 1989 года	Афганистан покидают последние советские солдаты.
Апрель 1992 года	Свержение Наджибуллы.
Август 1992 года	Российское посольство эвакуировано из Кабула.
Сентябрь 1996 года	Талибы берут Кабул и убивают Наджибуллу.
9 сентября 2001 года	Агенты “Аль-Каиды” убивают Ахмада Шаха Масуда.
11 сентября 2001 года	В Нью-Йорке взорваны “башни-близнецы”.
Декабрь 2001 года	Северный альянс при поддержке США свержает “Талибан”.

Приложение 2

Части и подразделения 40-й армии

Подразделения, упомянутые в книге, отмечены *.

Дивизии

- 5-я гвардейская мотострелковая дивизия (Шинданд)*
 - 12-й гвардейский мотострелковый полк (Герат) *
 - 101-й мотострелковый полк (Герат) *
 - 371-й гвардейский мотострелковый полк (Шинданд)
 - 24-й гвардейский танковый полк (Шинданд)
 - 1060-й артиллерийский полк (Шинданд)
 - 1122-й (ранее 1008-й) зенитно-артиллерийский полк (Шинданд)
 - 650-й гвардейский разведывательный батальон (Шинданд)
 - 68-й гвардейский отдельный инженерно-саперный батальон (Шинданд)
-
- 108-я мотострелковая дивизия (Кабул, позднее Баграм)*
 - 177-й мотострелковый полк (Джабаль-Уссарадж)
 - 180-й мотострелковый полк (Кабул)*
 - 181-й мотострелковый полк (Кабул)
 - 1074-й артиллерийский полк (Кабул)
 - 1415-й (позднее — 1049-й) зенитный ракетный полк (Кабул)
 - 781-й отдельный разведывательный батальон (Баграм)
 - 271-й отдельный инженерно-саперный батальон (Баграм)
 - 201-я мотострелковая дивизия (Кундуз) *

- 122-й мотострелковый полк (Ташкурган)
 149-й гвардейский мотострелковый полк (Кундуз)
 395-й мотострелковый полк (Пули-Хумри)
 234-й танковый полк (Кундуз)
 998-й артиллерийский полк (Кундуз)
 990-й зенитно-артиллерийский полк (Кундуз)
 783-й отдельный разведывательный батальон (Кундуз)
 541-й отдельный инженерно-саперный батальон (Кундуз)
- 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (аэропорт Кабула)*
 317-й гвардейский парашютно-десантный полк (аэропорт Кабула)
 350-й гвардейский парашютно-десантный полк (аэропорт Кабула)
 357-й гвардейский парашютно-десантный полк (1980–1986 — крепость Бала-Хиссар, 1986–1989 — аэропорт Кабула)
 1179-й гвардейский артиллерийский полк (аэропорт Кабула)
 62-й гвардейский отдельный артиллерийский батальон (аэропорт Кабула)
 130-й гвардейский отдельный инженерно-саперный батальон (аэропорт Кабула)
 105-й отдельный зенитный ракетно-артиллерийский батальон (аэропорт Кабула)

ОТДЕЛЬНЫЕ БРИГАДЫ И ПОЛКИ

- 56-я гвардейская отдельная десантно-штурмовая бригада (Кундуз)*
 66-я отдельная мотострелковая бригада/106-й мотострелковый полк (Джелалабад) *
 70-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада/373-й гвардейский мотострелковый полк (Кандагар)
 191-й отдельный мотострелковый полк (Пули-Хумри/Газни)
 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк (Баграм)*
 860-й отдельный мотострелковый полк (Файзабад)*

264-й отдельный полк специального назначения (радио- и радиотехнической разведки) (Кабул)

15-я бригада специального назначения (Джелалабад) *

22-я бригада специального назначения (Асадабад) *

58-я отдельная автомобильная бригада/159-я отдельная дорожно-строительная бригада (Кабул)

59-я отдельная бригада материального обеспечения

276-я отдельная трубопроводная бригада (Доши) *

278-я отдельная дорожно-комендантская бригада (Доши)

28-й артиллерийский полк/реактивный артиллерийский полк (Шинданд)

45-й отдельный инженерно-саперный полк (Чарикар)

103-й отдельный полк связи (Кабул)

ЧИСЛЕННОСТЬ МОТОСТРЕЛКОВЫХ ЧАСТЕЙ

Численность мотострелковых дивизий и подчиненных подразделений и частей варьировалась в зависимости от времени и места дислокации. В Афганистане подразделения и части почти никогда не достигали полной штатной численности. Приведенная информация — ориентировочная.

Мотострелковая дивизия: 12 тысяч человек, 287 танков, 150 БМП, 221 БТР, 6 ракетных установок, 18 130-мм тяжелых артиллерийских орудий, восемнадцать противотанковых пушек, 126 гаубиц (самоходных и на механической тяге), 96 минометов и многозарядных пусковых установок, 46 мобильных зенитно-ракетных комплексов, 16 самоходных автоматических зенитных установок.

Отдельный мотострелковый полк: 2198 офицеров и солдат, 132 БМП, 40 танков, 18 122-мм самоходных гаубиц, 264 машины.

Мотострелковый батальон: 481 человек, 41 БМП.

Мотострелковая рота: 101 человек, 11 БМП.

Мотострелковый взвод: 30 человек, 3 БМП.

Авиация

40-я армия была уникальным формированием: у нее имелась собственная авиация. ВВС 40-й армии состояли из двух авиаполков и одной боевой эскадрильи, смешанного авиаполка, трех вертолетных полков, вертолетного отряда и трех отдельных вертолетных эскадрилий (всего 60 боевых самолетов, 19 транспортных самолетов и 253 вертолета). Самолеты делили базы в Кабуле, Шинданде, Баграме и Кандагаре с частями афганских ВВС.

Сороковую армию поддерживали стратегические бомбардировщики, базировавшиеся в Советском Союзе.

Источники:

Волков А. (сост.) *Командиры соединений и частей 40-й армии.* — <http://www.rsua-ural.ru/library/mbook.php?cid64>;

Королев В. *Уроки войны в Афганистане 1979–1989 годов.* — <http://www.sdrvdu.org/node/159>;

информация, любезно предоставленная Александром Карцевым.

Приложение 3 “Пешаварская семерка”

Кабульскому правительству противостояло более семидесяти группировок и партий, хотя большинство из них не играло особой роли. Семь главных партий, действовавших из Пакистана, несколько раз пытались скоординировать свои усилия, чтобы планировать боевые действия в Афганистане, эффективнее защищать свои интересы в ООН и других организациях. Правительство Пакистана, а также американцы, саудовцы, китайцы и духовные лица в Афганистане и за его пределами поощряли эти попытки. В мае 1985 года семь партий сформировали не имевший твердой организационной основы альянс. Создание альянса не решило фундаментальную проблему, и его участники остались скорее соперниками, чем партнерами, и после ухода советских войск их вражда вылилась в гражданскую войну. В Иране базировался еще один альянс, игравший в делах Афганистана менее значительную роль.

Большинство из семи крупнейших партий уходят корнями в студенческую политику 70-х годов. Их можно разделить на исламистские и консервативно-националистические. К исламистским партиям относились “Хезб-е ислами” (Хекматияр), “Хезб-е ислами” (Халес), “Иттихад-е ислами барайе азади-е Афганистан” (Сайяф) и “Хезб-е джамиат-е ислами” (Раббани). К традиционалистам можно причислить “Махази мелли-е ислами-е Афганистан”, “Джахар-е неджар-е мелли” и “Харакат-е энкелаб-е ислами” (Движение исламской революции). Все партии, кроме таджикской “Джамиат-е ислами”, объединяли суннитов и пуштунов.

Консервативные исламисты в пакистанской военной разведке поддерживали три пуштунских исламских партии, которым доставалась большая часть денег и оружия, поступавшего от американцев и из других источников.

“Джамиат-е ислами” и Ахмад Шах Масуд не пользовались особым уважением у пакистанцев: они не были пуштунами, не были намерены следовать курсом Пакистана и подчиняться воле пуштунов. Как следствие, их поддержка со стороны пакистанцев и американцев была весьма слабой. “Джамиат-е ислами” была в фаворе у британцев и французов, однако те могли выделить ей куда меньше ресурсов, чем американцы.

Эти организации сражались друг с другом и во время войны, и особенно тогда, когда она закончилась. В июле 1989 года (уже после вывода советских войск) на севере Афганистана Сайед Джамаль, один из командиров Хекматияра, устроил засаду, в которой погибли тридцать солдат Масуда.

Источник:

DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to Present*. New York, 2005. P. 152.

Приложение 4

Индокитай, Вьетнам, Алжир и Афганистан

Франция вела колониальные войны в Индокитае и Алжире в тщетной попытке сохранить свою империю. Американская война во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии и советская война в Афганистане, напротив, представляли собой вторжения и протекали на общем фоне соперничества в холодной войне. Но, несмотря на различия, все эти войны имели много общего. Их вели опытные современные армии против партизан, сражавшихся на своей территории, и бои эти шли на фоне ожесточенной гражданской войны. Пришельцы располагали современным оружием и были способны сеять опустошение, уничтожая города, деревни, поля и скот, а также непропорционально большое число вражеских бойцов и мирных жителей. Тем не менее, все эти войны закончились поражением агрессора.

На статистику материального и человеческого урона среди французских, американских и советских войск вполне можно полагаться: современные армии тщательно документируют свои потери. Статистика же военных и гражданских потерь среди вьетнамцев, камбоджийцев, лаосцев, алжирцев и афганцев ненадежна: ни у одной стороны не было ни времени, ни намерения подсчитывать число погибших. Во всех этих случаях множество людей гибло в ходе идущей параллельно гражданской войны или в ходе ударов возмездия, следовавших за формальным окончанием военных действий.

По грубым подсчетам в ходе войны в Индокитае в 1945–1954 годах французы теряли одного солдата на восемь погибших вьетнамцев. В ходе войны в Алжире в 1954–1962 годах на 22 погибших алжирца

приходился один погибший француз (военный или гражданский). На каждого убитого американца в 1959–1975 годах приходилось 27–68 вьетнамцев. А в ходе войны в Афганистане на каждого погибшего советского солдата могло приходиться 40–100 афганцев.

Французские военные потери в Индокитае составили 75867 человек, включая колониальные войска. Потери вьетнамцев оцениваются в 500–600 тысяч.

В Алжире французы потеряли убитыми 17456 солдат и 2788 гражданских лиц. Было убито около 141 тысячи алжирских бойцов, жертвы среди мирного населения за время войны оцениваются в 30–300 тысяч. В ходе ударов возмездия после войны погибло до 150 тысяч алжирцев. Согласно алжирским источникам, всего погибло до миллиона алжирцев. Французы это отрицают.

Военные потери США во Вьетнаме составили 58260 погибших и пропавших без вести. В Северном Вьетнаме в боях погибло 1,1 миллиона человек, в Южном — 266 тысячи. Потери среди мирного населения, по разным оценкам, составляют от 361 тысячи до двух миллионов.

В Афганистане погиб 15051 советский солдат. Что касается жертв среди мирного населения, то Антонио Джустоцци оценил их в 600 тысяч, но широко распространена оценка 1–1,5 миллиона. Самую высокую оценку дает генерал Ляховский (2,5 миллиона), однако источников он не приводит.

В работе *Secondary Wars and Atrocities of the Twentieth Century*. — <http://users.erols.com/mwhite28/warstat3.htm> приводятся таблицы и библиографические ссылки для оценок жертв в Индокитае, Алжире, Вьетнаме.

В статье *Vietnam war casualties*. — http://en.wikipedia.org/wiki/Vietnam_War_casualties приводятся оценки потерь во Вьетнаме.

О жертвах вьетнамской войны см. данные Национального архива США. <http://www.archives.gov/research/vietnam-war/casualty-statistics.html>.

КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001.

Интервью автора с Антонио Джустоцци (Лондон, 5 декабря 2010 года).

Ляховский А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 1018.

Примечания

- ¹ Фукидид *История*, кн. II, 8 [Пер. Г. Стратановского].
- ² OLNEY, W. *Shiloh as Seen by a Private Soldier: A Paper Read before California Commandery of the Military Order of the Loyal Legion of the United States*, May 31, 1889. Kessinger Publishing, Whitefish, Mont., 2007.
- ³ КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. СПб., 2004. С. 380.
- ⁴ SIKORSKI R. *Dust of the Saints: A Journey to Herat in Time of War*. New York, 1990. Pp. 180–183.
- ⁵ Интервью автора с Шер Ахмадом Маладани (Герат, 10 сентября 2008 года).
- ⁶ AFGHANISTAN JUSTICE PROJECT *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity, 1978–2001*, 2005. <http://www.afghanistanjusticeproject.org/>. P. 21.
- ⁷ Исмаил Хан, служивший в гарнизоне Герата, рассказал Сикорски о восстании (SIKORSKI, R. *Dust of the Saints*. Pp. 228 *et seq.*). Оценки числа жертв, которые приводит Хан, не заслуживают доверия, и его собственная роль в восстании преувеличена. Хотя позднее он стал одним из влиятельных лидеров моджахедов. Он сражался с русскими, попал в плен к талибам, после стал министром в правительстве Карзая. См.: GIUSTOZZI, A. *Genesis of a Prince: The Rise of Ismail Khan in Western Afghanistan, 1979–1992* / Crisis States Research Centre, London School of Economics, September 2006; *Empires of Mud*. London, 2009.

Часть I

- ¹ СНЕСАРЕВ А. Е. *Афганистан*. М., 2002. С. 199. Первое издание вышло в 1921 году. При Сталине автора арестовали, и его труд оставался практически неизвестным до следующей публикации восемьдесят лет спустя.

Глава 1

- ¹ НОРКИРК, Р. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. London, 1992. P. 305.
- ² BALL, W. *Monuments of Afghanistan*. London, 2008.
- ³ RASANAYGAM, A. *Afghanistan: A Modern History*. London, 2005. Pp. 42–45; Dupree, L. *Afghanistan*. Oxford, 1997. P. 599.
- ⁴ ХАЛФИН Н. А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М., 1960. С. 19–43. В работе описываются представления российских чиновников XIX века о Средней Азии. Но, как и в случае с другой книгой Халфина, посвященной политике Британии в Афганистане (*Провал британской агрессии в Афганистане*. М., 1959), стоит делать поправку на ангажированность автора.
- ⁵ ЛЯХОВСКИЙ А., ДАВИТАЯ С. *Игра в Афганистан*. М., 2009. С. 16.
- ⁶ Там же. С. 20.
- ⁷ НОРКИРК, Р. *The Great Game*. P. 22.
- ⁸ ПАРНОВ Е. *В Индию — марш! // Знание — сила*. — 2004. — № 10.
- ⁹ Русские офицеры в конце 80-х годов XIX века рассказывали журналисту Чарльзу Марвину, что Россия может вторгнуться в Индию, но не хочет этого. См.: MARVIN, C. *The Russian Advance towards India*. Originally published 1882. Peshawar, 1984. P. 78. Об аргументе Беннигсена см.: LIEVEN, D. *Russia against Napoleon*. London, 2009. P. 64.
- ¹⁰ ХАЛФИН Н. А. *Провал британской агрессии в Афганистане*. С. 33–34.
- ¹¹ Поверхностный и неубедительный разбор этого эпизода см.: ЛЯХОВСКИЙ А., ДАВИТАЯ С. *Игра в Афганистан*. М., 2009. С. 25–26.
- ¹² Там же. С. 32.

- ¹³ ХАЛФИН Н.А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. С. 31–32, 73. Автор цитирует документы из Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА).
- ¹⁴ Там же. С. 89–104.
- ¹⁵ MORRISON, A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford, 2008. P. 292.
- ¹⁶ ХАЛФИН Н.А. *Провал британской агрессии в Афганистане*. С. 30. Книга Халфина — полезный противовес большинству британских описаний афганских войн (например см.: STEWART, J. *Crimson Snow*. Stroud, 2008. Pp. 39–42).
- ¹⁷ ЛАМБ, С. *The Sewing Circles of Herat*. London, 2004. Pp. 221 et seq.
- ¹⁸ FORREST, G. *Life of Field Marshal Sir Neville Chamberlain, G. C. B., G. C. S. I.* London, 1909. Pp. 142–151.
- ¹⁹ LOYN, D. *Butcher and Bolt*. London, 2008. P. 109.
- ²⁰ MARVIN, C. *The Russian Advance towards India*. P. 43; МОНУРЕННИ, W. F., БУККЛ, G. *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield*. Vol. VI. London, 1910–1920. Pp. 154–155.
- ²¹ КАУЕ, J. W. *History of the War in Afghanistan*. London, 1851. Цит. по: НОРКИРК, Р. *The Great Game*. P. 175.
- ²² ЛЯХОВСКИЙ А., ДАВИТАЯ С. *Игра в Афганистан*. С. 49.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ KHRUSHCHEV, N. *Khrushchev Remembers*. London, 1971. P. 508.
- ²⁵ BLOOD, P. (ed.) *Afghanistan: A Country Study*. Washington, DC, 2001.
- ²⁶ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- ²⁷ ЛАМБ, С. *The Sewing Circles of Heart*. Pp. 221 et seq.
- ²⁸ DUPREE (WOLFE), N. *An Historical Guide to Kabul*. Kabul, 1965. P. 68.
- ²⁹ Дорожные заметки Э. Эбрама (любезно предоставлены им самим).
- ³⁰ ЛАМБ, С. *The Sewing Circles of Herat*. P. 30.
- ³¹ STEELE, J. *Red Kabul Revisited* // *Guardian*, 13 November 2003.
- ³² ЛАМБ, С. *The Sewing Circles of Heart*. P. 216.

Глава 2

- ¹ Беседа с Александром Ляховским (Геленджик, сентябрь 2007 года).

- 2 Например см.: СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 146.
- 3 КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 188.
- 4 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 10.
- 5 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- 6 Об обращении к руководителям группировок Народно-демократической партии Афганистана “Парчам” и “Хальк” от 8 января 1974 года. Международный проект по исследованию истории холодной войны (www.cwiip.org). С разрешения Международного научного центра им. Вудро Вильсона (Woodrow Wilson International Center for Scholars).
- 7 AFGHANISTAN JUSTICE PROJECT. *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity, 1978–2001*, 2005. <http://www.afghanistanjusticeproject.org/>. Р. 13.
- 8 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- 9 Интервью с Дмитрием Рюриковым (Москва, 23 июля 2009 года).
- 10 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 108.
- 11 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 16, 81.
- 12 КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. Т. 1. С. 192.
- 13 См. заметки по сообщению Пузанова, составленные Оддом Арне Вестадам по оригиналу в Центре хранения современной документации (ЦХСД): фонд 5, опись 75, дело 1179, листы 2–17. Заметки Вестада опубликованы в рамках Международного проекта по исследованию истории холодной войны в Центре им. Вудро Вильсона (http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034DB6A-96B6-175C-91262B384BCC068C&sort=Collection&item=Soviet%20Invasion%20of%20Afghanistan).
- 14 DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005. Р. 96.
- 15 ИВАНОВ Н. *Операцию “Шторм” начать раньше*. М., 1993. Гл. 14; интервью с Валерием и Галиной Ивановыми (Москва, 14 марта 2010 года).
- 16 Противоречивые описания восстания приводятся в кн.: SIKORSKI, R. *Dust of the Saints: A Journey to Herat in Time of War*. New York, 1990; HYMAN, A. *Afghanistan under Soviet Domination 1964–1981*. London, 1982; GIUSTOZZI, A. *Genesis of a Prince: The Rise of Ismail Khan in Western Afghanistan, 1979–1992*. Crisis States Research Centre, London School of Economics, September 2006; DORRONOSORO, G. *Revolution Unending* (где отмечается,

что в книге Оливье Роя приводится широкий диапазон общего числа жертв — от 5 до 25 тысяч человек: ROY, O. *Afghanistan, Islam et modernité politique*. Paris, 1985. P. 146); ЛЯХОВСКИЙ А., ДАВИТАЯ С. *Игра в Афганистан*. М., 2009. С. 135 (низкая оценка числа жертв с советской стороны). О небольшом количестве жертв говорится также в кн.: ЗАЙЦЕВ Г. Н. “Альфа” — моя судьба. СПб., 2005. С. 118; ЗАПЛАТИН В. *До штурма дворца Амина // Завтра*. — 1999. — 21 декабря; ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 78; АБЛАЗОВ В. И. *Афганистан. Четвертая война*. Киев, 2002. С. 53. Некоторые русские приводили более высокую оценку. См.: CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. Oxford, 1995. P. 36. Российский посол Замир Кабулов сообщил мне в Кабуле 7 сентября 2008 года, что согласен с той версией, что жертв было около ста.

- 17 Официальные стенограммы этих заседаний Политбюро и телефонных переговоров с афганским руководством были неофициально опубликованы в начале 90-х годов, когда архивы ненадолго открыли. Большинство из них приводятся в книге Ляховского “Трагедия и доблесть Афгана”.
- 18 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995. Документ заимствован из ЦХСД: ф. 89, пер. 25, док. 1, С. 28–34. Более короткую версию см.: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 119–122.
- 19 Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС 22 марта 1979 года. ЦХСД. Ф. 89, пер. 25, док. 2.
- 20 Интервью с Али Султаном Кештмандом (Лондон, 25 мая 2009 года).
- 21 НУМАН, А. *Afghanistan under Soviet Domination 1964–1981*. London, 1982. P. 126, 149, 152.
- 22 MACEachin, D. *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan*. — <https://www.cia.gov/library/center-for-the-studyof-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/>; DORRONOSORO, G. *Revolution Unending*. Pp. 103–104.
- 23 SARIN, O., Dvoretzky, L. *The Afghan Syndrome: The Soviet Union's Vietnam*. Novato, CA, 1993. P. 79–84; ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- 24 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 90.
- 25 ЗАЙЦЕВ Г. Н. “Альфа” — моя судьба. С. 114–115.
- 26 ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml.

- ²⁷ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 69.
- ²⁸ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 131, 134, 192.
- ²⁹ ЗАЙЦЕВ Г.Н. “Альфа” — моя судьба. С. 126–127.
- ³⁰ АБЛАЗОВ В.И. *Афганистан. Четвертая война*. С. 163; SARIN, O., DVORETSKY, L. *The Afghan Syndrome*. Pp. 79–84.
- ³¹ MACEACHIN, D. *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan*.

Глава 3

- ¹ В этих событиях много неясного. Мое описание в значительной степени основано на двух источниках: MITROKHIN, V. *The KGB in Afghanistan*. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, DC, February 2002; СЛИНКИН М. *Афганистан: тревожное лето и осень 1979 года // Культура народов Причерноморья*. — 1998. — № 4. — С. 138–152. Митрохин работал архивариусом в КГБ и делал подробные заметки о документах, попадавших ему в руки. Их он взял с собой, когда перебежал на Запад после распада СССР. Митрохин нечасто приводит ссылки на документы и даты, и к его информации следует относиться осторожно. Я также пользовался материалами Ляховского (“Трагедия и доблесть Афгана”). Но многие подробности все еще сокрыты в архивах КГБ и Кабула.
- ² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 153.
- ³ МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. М., 1996. С. 74.
- ⁴ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004; BOROVIK, A. *The Hidden War*. New York, 1990. P. 247.
- ⁵ Меморандум Ричарда Холбрука см.: Washington National Records Center, RG 330, McNamara Vietnam Files: FRC 77–0075, Vietnam — 1966. Текст мне любезно предоставил Шерард Коупер-Коулз.
- ⁶ Таково мнение Митрохина и Ляховского. Я не нашел подтверждений с афганской стороны, что Тараки воспринял это именно так.
- ⁷ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 155.
- ⁸ СЛИНКИН М. *НДПА у власти*. Симферополь, 1999. С. 128.
- ⁹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 160.

- ¹⁰ МИТРОКНИН, V. *The KGB in Afghanistan*. P. 52. Этот фрагмент, похоже, является продолжением телеграммы от 13 сентября, упомянутой выше.
- ¹¹ Телеграмма Пузанова и других чиновников Брежневу. Там же. С. 53.
- ¹² Там же. С. 55.
- ¹³ Рюриков вел дневник для посла. См.: МИТРОКНИН, V. *The KGB in Afghanistan*. Pp. 59–62. Описание перестрелки основано на записи в дневнике 19 сентября и на интервью автора с Рюриковым (Москва, 24 июля 2009 года и 9 марта 2010 года). По словам Рюрикова, его заметки отправляли в ряд московских ведомств. Также см.: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 173.
- ¹⁴ Беседа с женой Тараки приводится в кн.: ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 45.
- ¹⁵ АБЛАЗОВ В. И. *Афганистан. Четвертая война*. Киев, 2002. С. 163–168.
- ¹⁶ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 156.
- ¹⁷ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 44.
- ¹⁸ Там же. С. 42.
- ¹⁹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 167–169.
- ²⁰ Там же. С. 176–180. Рассказ Курилова существенно сокращен. Генерал Богданов считает, что Курилов увлекся. О настоящих заявлениях Гулябзоя, что он не уезжал из Кабула в ящике, сообщает Грегори Файфер: FEIFER, G. *The Great Gamble: The Soviet War in Afghanistan*. New York, 2009.
- ²¹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 181.
- ²² МИТРОКНИН, V. *The KGB in Afghanistan*. P. 71.
- ²³ Приведенное описание основано на порой противоречащих друг другу показаниях Экбаля, Вадуда и Джандада, полученных в ходе расследования гибели Тараки после свержения Амина. См.: АБЛАЗОВ В. И. *Афганистан. Четвертая война*. С. 149–156.
- ²⁴ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 185–186.
- ²⁵ ЧАЗОВ Е. *Здоровье и власть*. М., 1992. С. 182. Чазов передает то, что услышал от Андропова.
- ²⁶ Мнения Горелова, Заплата и Табеева приводятся по кн.: ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 71–77.

- ²⁷ DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005. Pp. 96–97; ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 189.
- ²⁸ ВОЛКОВ А. *40-я армия: история создания, состав, изменение структуры*. — www.rsva-ural.ru/library/?id63.
- ²⁹ Ляховский исходит из того же в книге “Трагедия и доблесть Афгана” (М., 2004. С. 213), хотя из факсимиле записки Черненко, которое он приводит на с. 214, следует, что присутствовали также Гришин, Кириленко, Тихонов и Пономарев.
- ³⁰ GATES, R. *From the Shadows*. New York, 1996. P. 132.
- ³¹ DORRONOSORO, G. *Revolution Unending*. P. 310.
- ³² COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005. P. 48.
- ³³ Пересказ доклада Андропова основан на заметках, сделанных А. Добрыниным. Они предоставлены Международному проекту исследования истории холодной войны Оддом Арне Вестадам.
- ³⁴ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 215. Факсимиле — на с. 214.
- ³⁵ Цит. по: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 218–220.
- ³⁶ ЛЯКНОВСКИ, А. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979* / Cold War International History Working Paper № 51, Woodrow Wilson International Center for Scholars, January 2007. P. 27.
- ³⁷ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995. Гл. II.

Глава 4

- ¹ ЛЯКНОВСКИ, А. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979* / Cold War International History Working Paper № 51, Woodrow Wilson International Center for Scholars, January 2007. Pp. 30, 32.
- ² Интервью с Евгением Киселевым (Москва. 24 марта 2010 года).
- ³ Операция “Дунай”. — http://ru.wikipedia.org/wiki/Операция_Дунай.”.
- ⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Soviet_war_in_Afghanistan.
- ⁵ САВИНКИН А.Е. *Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева*. М., 2003. С. 755.

- ⁶ ШЕБАРШИН Л. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки*. М., 2002. С. 195.
- ⁷ Директива № 312/12/001, подписана Устиновым и Огарковым и направлена 24 декабря. См.: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 252.
- ⁸ Приказ № 312/1/030 от 25.12.1979. Упоминается в книге Ляховского на С. 258 и подробно цитируется в главе 2.
- ⁹ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 107.
- ¹⁰ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 331; КОРОЛЕВ В. *Уроки войны в Афганистане, 1979–1989*. — <http://www.sdrvdu.org/node/159>.
- ¹¹ FCO File FSA 020/9: Soviet Intervention in Afghanistan, Folio 2: Kabul telegram to FCO of 27 December 1979.
- ¹² ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 106–107.
- ¹³ Статья об истории 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады (http://www.andjusev.narod.ru/a/56_DSCHB.htm).
- ¹⁴ Интервью с Сергеем Морозовым (Москва, 31 мая 2007 года).
- ¹⁵ ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 2004.
- ¹⁶ ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml.
- ¹⁷ ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 2004.
- ¹⁸ Многие источники ошибочно указывают, что Амин переехал в стоящий неподалеку дворец Дар уль-Аман, построенный при Аманулле-хане.
- ¹⁹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 246.
- ²⁰ GRAU, L. *The Take-down of Kabul: An Effective Coup de Main* / Combat Studies Institute, Command and General Staff College, Fort Leavenworth, Kansas, 2 October 2002.
- ²¹ LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979*. P. 63.
- ²² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 249.
- ²³ Там же. С. 249, 253.
- ²⁴ LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979*. Pp. 49, 52.
- ²⁵ Беседа с Александром Ляховским 18 сентября 2007 года.
- ²⁶ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 242, 253–382.

- ²⁷ О полковнике Кузнеченкове кратко упоминается в кн.: ПОПОВА Т. *Помяни нас, Россия*. Ленинград, 1991. В книге приводятся фотографии и заметки о военных из Ленинграда, погибших на войне. Кузнеченков оказался первым.
- ²⁸ История о поваре из КГБ повторяется, в числе прочего, в книге KUZICHKIN, V. *Inside the KGB: Myth & Reality*. London, 1990. P. 315. Описание афганских событий у Кузичкина содержит неточности, но он утверждает, что слышал эту историю лично от Талыбова. Также см.: КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. Т. 1. С. 206.
- ²⁹ Интервью с Александром Шкирандо (Москва, 27 июля 2007 года).
- ³⁰ LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979*. P. 454.
- ³¹ Там же. С. 67.
- ³² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 288.
- ³³ СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 145.
- ³⁴ Согласно другим версиям, он погиб от осколка гранаты или даже был убит собственными телохранителями: LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979*. P. 62.
- ³⁵ В разных работах Ляховского приводится разная оценка числа жертв. В книге “Трагедия и доблесть Афгана” (М., 2004. С. 285, 295) он дает несколько более высокие оценки числа жертв с советской стороны, чем в работе LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979*. P. 64. Я пользовался оценками из второй работы.
- ³⁶ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 285.
- ³⁷ Интервью с Галиной Ивановой (Москва, 14 марта 2010 года).
- ³⁸ БАЛЕНКО С. *Спецназ ГРУ в Афганистане*. М., 2010. С. 69. С начала 90-х годов, когда с истории о штурме стали снимать покровы секретности, было предпринято несколько более или менее последовательных попыток восстановить ход событий. Одну из самых успешных см.: GRAU, L. *The Take-down of Kabul: An Effective Coup de Main*. Она основана на свидетельствах очевидцев и анализе российского Генштаба.
- ³⁹ О коте упоминают Ляховский (*Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995) и генерал Дроздов (БАЛЕНКО С. *Спецназ ГРУ в Афганистане*. С. 66).

Глава 5

- 1 Ляховский А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 308–309.
- 2 Интервью с Лутфуллой Латифом (Лондон, 18 июля 2008 года).
- 3 ANDREW, C., MITROKIN, V. *The World Was Going Our Way*. New York, 2006. P. 407.
- 4 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан: заложники времени*. М., 2006. С. 44, 134, 136.
- 5 Об этом рассказывают многие. Например см.: *Рассказы об операциях — “Байкал”*. — http://antiterror.ru/to_prof/s/tales/71898035.
- 6 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан*. С. 42.
- 7 СУХОПАРОВ А. *Афганский синдром*. — www.russia-today.ru/2009/no_02/02_world_02.html.
- 8 *Мушаверы* / А. БЕЛОФАСТОВ, А. РЕБРИК (ред.). М., 2005. С. 44.
- 9 Американцы потеряли 24 солдата убитыми и 325 ранеными. Панамские военные потеряли около 205 человек убитыми. По оценке американцев, жертвы среди мирного населения составили 200–1000 человек, согласно другим оценкам — 2000–5000 человек (http://en.wikipedia.org/wiki/United_States_invasion_of_Panama).
- 10 Интервью с Дмитрием Рюриковым (Москва, 24 июля 2009 года).
- 11 Слова Боннэр и Сахарова приводятся на сайте www.hro.org.
- 12 GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995. Pp. 139–154.
- 13 Ляховский А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 19; интервью с Олегом Богомоловым (Москва, май 2007 года).
- 14 Информация Галины Емельяновой, бывшей сотрудницы института (интервью 6 июня 2009 года).
- 15 Информация Кристофера Маллаби, служившего в то время в британском Министерстве иностранных дел.
- 16 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход: дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М., 2008. С. 386, 391, 392.
- 17 САВИНКИН А. Е. *Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия Е. А. Снесарева*. М., 2003. С. 728.
- 18 COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005. Pp. 132–133.

- ¹⁹ MACEACHIN, D. *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan*. — <https://www.cia.gov/library/center-for-the-studyof-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/>.
- ²⁰ COLL, S. *Ghost Wars*. Pp. 132–133.
- ²¹ FCO File FSA 020/2, Folio 74e: Howell Minute of 28 November 1979.
- ²² Александр Майоров, служивший главным военным советником в Афганистане в 1980–1981 годах, утверждает, что министр обороны Устинов упоминал обе задачи. Нет доказательств того, что Устинов говорил о конкретных планах, а не о туманных намерениях. См.: МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. М., 1996. С. 50, 269; GATES, R. *From the Shadows*. New York, 1996. P. 148; FCO File FS 021/6: letter of 28 September from South Asia Department to High Commission in Islamabad.
- ²³ *Grain Becomes a Weapon* // Time, 21 January 1980.
- ²⁴ FCO File EN021/1/1980, Folio 103; Washington Tel 137 of 9 January 1980 to FCO.
- ²⁵ http://en.wikipedia.org/wiki/Carter_Doctrine.
- ²⁶ DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005. P. 192, fn.
- ²⁷ BRZEZINSKI, Z. *Reflections on Soviet Intervention in Afghanistan*, 26 December 1979. — <http://www.cnn.com/SPECIALS/cold.war/episodes/20/documents/brez.carter/>.
- ²⁸ COLL, S. *Ghost Wars*. P. 44; интервью Бжезинского *Le Nouvel Observateur*, 15–21 января 1998 года (<http://www.globalresearch.ca/articles/BRZ110A.html>).
- ²⁹ Daily Telegraph, 14 January 1985.
- ³⁰ PRADOS, J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago, 2006. Pp. 488–490.
- ³¹ Меморандум от 6 декабря 1984 года цитируется в кн.: COLL, S. *Ghost Wars*. P. 102. Мысль о политизации американской поддержки моджахедов мне подсказал Артемий Калиновский.
- ³² Они основывались главным образом на интервью Бжезинского *Le Nouvel Observateur* (январь 1998 года).
- ³³ Lyakhovskii, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979* / Cold War International History Working Paper № 51, Woodrow Wilson International Center for Scholars, January 2007. P. 64.
- ³⁴ FEIFER, G. *The Great Gamble: The Soviet War in Afghanistan*. New York, 2009. P. 97.

- ³⁵ КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 201.
³⁶ Частная информация.

Часть II

- ¹ ЧЕРНОБРОВКИН И. *Десять горьких лет*. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1091161680>.

Глава 6

- ¹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 251; ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 91.
² ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml.
³ KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009.
⁴ Около 150 офицеров погибли в гражданской войне в Китае с 1946 по 1950 год, 168 — за время войны в Корее, двенадцать за время боев во Вьетнаме с 1965 по 1974 год, семь от несчастных случаев и болезней на Кубе в 1962–1964 годах, восемнадцать — в арабо-израильских войнах в 1967–1974 годах, двадцать три — в Эфиопии, сорок — во время боев на границе с Китаем в 1969 году. См.: КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001. С. 521–534.
⁵ Там же. С. 537.
⁶ Беседа с Анатолием Ермолиным (Варшава, сентябрь 2006 года).
⁷ Интервью с Александром Карцевым и материалы из его воспоминаний “Шелковый путь”.
⁸ САРОЕ, О. *The Pathans*. New York, 1964. P. 320.
⁹ По данным ООН, в 2005 году более половины ВВП Афганистана обеспечило производство наркотиков. Во многих районах страны опиум был “единственной коммерчески выгодной сельскохозяйственной культурой”. См.: UNODC Afghanistan Opium Survey 2005.
¹⁰ ПРОХАНОВ А. *Третий мост*. М., 2003. С. 61.
¹¹ TOWNSEND, M. *I Could Feel the Breeze as the Bullets Went By // Observer*, 5 August 2007.

- 12 КАРЦЕВ А. *Военный разведчик*. М., 2007. С. 47.
- 13 ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. М., 2004. С. 62.
- 14 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 236; ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. С. 101.
- 15 GRAU, L. *The Soviet-Afghan War: Superpower Mired in the Mountains*. — <http://www.smallwars.quantico.usmc.mil/search/LessonsLearned/afghanistan/miredinmount.asp>; КОРОЛЕВ В. *Уроки войны в Афганистане 1979–1989 годов*. — <http://www.sdrvdv.org/node/159>.
- 16 Спецназ ГРУ: Афганистан / С. КОЗЛОВ (ред.). М., 2009. С. 25; *История спецназа ГРУ*. — <http://bratishka.ru/specnaz/gru/history.php>; Афганистан. — <http://www.agentura.ru/dossier/russia/gru/imperia/specnaz/afgan/>.
- 17 Лекция генерала Вадима Кокорина, руководителя разведки 40-й армии в 1985–1987 годах. Текст любезно предоставлен полковником Русланом Кирилюком.
- 18 Интервью с Игорем Морозовым (Москва, 19 февраля 2007 года и 11 марта 2010 года); <http://www.agentura.ru/specnaz/bezopasnost/kaskad/>; Независимое военное обозрение (http://nvo.ng.ru/spforces/2000_09_22_7_kaskader.html); KIPLING, R. *Stalky & Co*. London, 1899. P. 257.
- 19 КУЧЕРОВА Л. *Спецназ КГБ в Афганистане*. М., 2009. С. 319, 321.
- 20 ХАРИЧЕВ В. *Пограничники — в огненной войне Афганистана*. — <http://pv-afghan.ucoz.ru/publ/ctati/1>.
- 21 ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. М., 2000. С. 30–31.
- 22 Лекция генерала Вадима Кокорина.
- 23 По данным Горелова, советского военного советника в Афганистане в начале войны, у афганцев было десять дивизий, 145000 солдат, 650 танков, 87 БМП, 780 БТР, 1919 орудий, 150 самолетов и 25 вертолетов.
- 24 GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995. P. 7.
- 25 Первую оценку см.: URBAN, M. *War in Afghanistan*. London, 1990. P. 106; вторую см.: DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005. P. 188.
- 26 Интервью с Валерием Ширяевым (Москва, 12 марта 2010 года).
- 27 БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. М., 2007. С. 237–240.
- 28 ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. С. 49.
- 29 КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 213.
- 30 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 137.

- ³¹ Там же. С. 113.
- ³² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 450; КАКАР, М. *Afghanistan: The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979–1982*. Berkeley, CA, 1995. Pp. 114–119.
- ³³ ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*.
- ³⁴ ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. С. 101.
- ³⁵ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- ³⁶ ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. В 7 т. Т. 5. М., 2001. С. 117–129.
- ³⁷ ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*.
- ³⁸ PRADOS, J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago, 2006. Pp. 488.
- ³⁹ YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992. P. 208.
- ⁴⁰ Дальняя авиация России. — www.sinopa.ee/davia003/dav03.htm.
- ⁴¹ КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века*. С. 539.
- ⁴² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 766–767.
- ⁴³ См.: <http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?t=16922>.
- ⁴⁴ *Air Assault Comes to Afghanistan*. — [http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?16922-\(Soviet\)-Air-Assault-Comes-to-Afghanistan-1984](http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?16922-(Soviet)-Air-Assault-Comes-to-Afghanistan-1984).
- ⁴⁵ ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994.

Глава 7

- ¹ OLCOTT, MARTHA BRILL. *Soviet Islam and World Revolution // World Politics*, Vol. 23, N^o2, July 1982. P. 488.
- ² Оценки масштабов помощи см.: KALINOVSKY, A. *The Blind Leading the Blind: Soviet Advisors, Counter-insurgency and Nation-Building in Afghanistan*. Paper prepared for HY510 seminar, London School of Economics, 11 February 2009; KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009. P. 120.
- ³ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 322; СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 157.
- ⁴ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 323.
- ⁵ Там же. С. 361.

- 6 Крючков В. *Личное дело*. Т. 1. С. 220; ПАДИШЕВ Б. *Наджибулла, президент Афганистана* // *Международная жизнь*. — 1990. — Январь.
- 7 *Мушаверы*. С. 27.
- 8 МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. С. 117.
- 9 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 317.
- 10 Интервью с Валерием и Галиной Ивановыми (Москва, 14 марта 2010 года).
- 11 МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. С. 110; интервью с Валерием Ширяевым (Москва, 12 марта 2010 года).
- 12 ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml; интервью с Валерием Ширяевым (Москва, 12 марта 2010 года).
- 13 KALINOVSKY, A. *The Blind Leading the Blind*.
- 14 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 317.
- 15 КИРЕЕВ Г. *Кандагарский дневник*. — <http://kireev.info/index.html>.
- 16 *Мушаверы*. С. 13.
- 17 Там же. С. 40, 41.
- 18 Интервью с Евгением Киселевым (Москва, 24 марта 2010 года).
- 19 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан: заложники времени*. М., 2006. С. 26–27.
- 20 VAN BLADEL, J. *The All-Volunteer Force in the Russian Mirror: Transformation without Change*. Groningen, 2004.
- 21 СМОЛИНА А. *Лариса-парикмахерша*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0160.shtml.
- 22 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 227.
- 23 СМОЛИНА А. *Ответ “афганки” для авторши “Цинковых мальчиков”*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0150.shtml.
- 24 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 284.
- 25 КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001. С. 537.
- 26 СМОЛИНА А. *Лариса-парикмахерша*.
- 27 Ветераны боевых действий. Нижнекамск. — <http://www.afgankamsk.mcoz.ru/index/04>.
- 28 СМОЛИНА А. *Медсестра Татьяна Кузьмина (1951–1986)*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/.
- 29 СМОЛИНА А. *Ответ “афганки” для авторши “Цинковых мальчиков”*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0150.shtml.

- 30 ALEKSIEVICHS, S. *Zinky Boys*. New York, 1992. P. 114.
- 31 СМОЛИНА А. *Из окошка девичьего модуля, или Воспоминания "афганок"*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0200.shtml.
- 32 Интервью с полковником Виктором Антоненко (Москва, 31 мая 2007 года).
- 33 ALEKSIEVICHS, S. *Zinky Boys*. P. 114.
- 34 Там же. С. 41, 24.
- 35 Частная информация.
- 36 Александр Хорошавин опубликовал свои комментарии в онлайн-“курилке” своего полка 25 июня 2006 года (http://artofwar.ru/b/bobrow_g_1/kirilka86odoc.shtml).
- 37 К этой тактике женщины прибегали и в других обстоятельствах, например во время длительной работы на станции в Антарктике, где одна или две женщины могли месяцами находиться взаперти с коллегами-мужчинами. По материалам беседы с Мередит Хупер 17 мая 2008 года.
- 38 ДЫШЕВ А. *ППЖ: походно-полевая жена*. М., 2007. За правдивость описанных событий ручаюсь полковник Антоненко, Валерий Ширяев и Александр Гергель.
- 39 Письмо Дмитрия Федорова автору 25 июля 2007 года.
- 40 Интервью с Вячеславом Некрасовым (Москва, 28 июля 2009 года); СНЕГИРЕВ В. *Наши*. — <http://www.rg.ru/peoples/sneg/1.shtml>.
- 41 МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. С. 145–148.
- 42 YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992. P. 146.
- 43 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 317–318.
- 44 СМОЛИНА А. *Невезуха она и в Афгане — невезуха*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/.
- 45 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 351–355.
- 46 Там же. С. 335–361.
- 47 Там же. С. 320.
- 48 *Мушаверы*. С. 59.
- 49 Запись в дневнике Александра Юрьева от 15–16 июня 1985 года. Там же. С. 198.
- 50 Запись в дневнике Александра Юрьева от 10–12 августа 1985 года. Там же. С. 203.
- 51 Там же. С. 47.
- 52 Там же. С. 19.
- 53 Там же. С. 16.

- 54 Там же. С. 17, 111 и далее.
 55 Интервью с Николаем Комиссаровым (Москва, 26 июля 2007 года).
 56 *Мушаверы*. С. 48.
 57 Интервью с Вячеславом Некрасовым (Москва, 2007–2010).
 58 *Мушаверы*. С. 130–134.

Глава 8

- 1 Лучшее литературное описание гарнизонной жизни приводится в книге Фредерика Мэннинга, посвященной боям на Сомме в 1916 году: MANNING, F. *The Middle Parts of Fortune*. London, 2000.
 2 GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995. Pp. 32–37.
 3 Письмо Александра Гергеля автору от 28 июля 2008 года.
 4 Эту мысль мне подсказал А. Калиновский.
 5 РЕШЕТНИКОВ М. *Психофизиологические основы прогнозирования эффективности боевой деятельности и боевой адаптации военнослужащих*. Статья любезно предоставлена проф. Решетниковым.
 6 GALEOTTI, M. *Afghanistan*. P. 30.
 7 ALEKSEVICH, S. *Zinky Boys*. New York, 1992. P. 27. Похожие рассказы звучали и в начале войны в Чечне.
 8 ТАМАРОВ, V. *Afghanistan: A Russian Soldier's Story*. Berkeley, CA, 2001. P. 138.
 9 Интервью с Андреем Пономаревым (Москва, 1 марта 2010 года).
 10 Виталий Кривенко дает беллетризованное описание времени, проведенного в Афганистане, в первой части своей книги “Экипаж машины боевой” (СПб., 2004). Вторая часть книги (“Как поживаешь, шурави?”) — воспоминания, из которых позаимствованы подробности о карьере Кривенко. О дедовщине — С. 346.
 11 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход: дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М., 2008. С. 643.
 12 Интервью с Сергеем Морозовым (Москва, 31 мая 2007 года).
 13 КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 45; НИКИФОРОВ С. *Безо всяких правил*. СПб., 2008. С. 113.
 14 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.

- ¹⁵ Проблема дедовщины и потребность в профессиональном сержантском составе широко обсуждались. Например см.: БЕЛАНОВСКИЙ С., МАРЗЕЕВА С. *Дедовщина в советской армии*. М., 1991; РАДОВ М. *Дедовщина — истоки и причины*. — http://slovo.odessa.ua/366_5_4.html; РОДИОНОВ И. *Перестройку армии нужно начинать с сержантов*. — <http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?42>; письмо Александра Гергеля автору от 24 июня 2009 года.
- ¹⁶ Интервью с Андреем Пономаревым (Москва, 1 марта 2010 года).
- ¹⁷ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 258–292
- ¹⁸ НИКИФОРОВ С. *Безо всяких правил*. СПб., 2008. С. 100.
- ¹⁹ КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001. С. 538.
- ²⁰ ДЫШЕВ А. ППЖ: походно-полевая жена. М., 2007. С. 38–39.
- ²¹ ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994.
- ²² ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 273.
- ²³ СМОЛИНА А. *Холера в Джелалабаде*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0070.shtml.
- ²⁴ СМОЛИНА А. *Лариса-нарикмахерша*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0160.shtml.
- ²⁵ GALEOTTI, M. *Afghanistan*. Pp. 67–68.
- ²⁶ Интервью с Вячеславом Измаиловым (Москва, 29 июля 2009 года).
- ²⁷ ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. Часть III.
- ²⁸ *История 3-го батальона*. — serg2331.narod.ru.
- ²⁹ Почтарев А. *Афганский дневник* // Новая газета. — 2005. — 4 марта; интервью с Александром Гергелем (Москва, 16 февраля 2009 года).
- ³⁰ Штатная численность мотострелкового полка в Афганистане включала 181 офицера, 363 сержанта, 1530 рядовых, 132 БМП, 40 танков, 18 гаубиц и 264 автомобиля. См.: ВАСИЛЬЕВ А. *О 149-м полку*. — http://artofwar.ru/w/wasilxew_a_i/text_0010.shtml; БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. М., 2007. С. 11; интервью с Александром Гергелем (Москва, 1 марта 2010 года). См. также Приложение 2.
- ³¹ БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. С. 51–52, 81.
- ³² Интервью с Александром Гергелем (Москва, 1 марта 2010 года); интервью С. Демяшова (<http://www.peresvet-lavra.ru/index.php?type=review&area2&particles&id104&PHPSESSIDcea44aa4bcb6077087dec923e7ece70>); БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. С.170.

- ³³ Интервью с Андреем Пономаревым (Москва, 1 марта 2010 года).
- ³⁴ Интервью с Александром Гергелем (Москва, 28 июля 2009 года).
- ³⁵ Описание базы в Бахараке основано на интервью с Александром Гергелем и на его рассказе “Письмо счастливому солдату” (http://artofwar.ru/g/gergelx_a_n/text_0030.shtml).
- ³⁶ Беседа с Русланом Кирилюком (Лондон, 15 июля 2010 года).
- ³⁷ OLNEY, W. *Shiloh as Seen by a Private Soldier: A Paper Read before California Commandery of the Military Order of the Loyal Legion of the United States, May 31, 1889*. Kessinger Publishing, Whitefish, Mont., 2007. P. 17.
- ³⁸ Письмо Александра Гергеля автору от 24 июня 2009 года.
- ³⁹ Письмо Александра Карцева автору от 22 июня 2009 года.
- ⁴⁰ Интервью с Андреем Пономаревым (Москва, 1 марта 2010 года).
- ⁴¹ Письмо Александра Гергеля автору от 23 сентября 2008 года.
- ⁴² ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. М., 2004. С. 50–59, 89.
- ⁴³ КАРЦЕВ А. *Шелковый путь*. Глава 13; интервью (Москва, 3 марта 2010 года).
- ⁴⁴ Письмо Валерия Ширияева автору от 16 марта 2010 года.
- ⁴⁵ Рассказ о Масуде и Панджшерском ущелье основан главным образом на материалах поездки автора в сентябре 2008 года и на следующих источниках: ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин: памяти Ахмад Шаха Масуда*. М., 2007. С. 24 и далее (комментарии Н. Тер-Григорьянца — С. 40–43); СЛАММЕР, Р. *Afghanistan: Lonely Planet Guide*. London, 2007; NEWBY, E. *A Short Walk in the Hindu Kush*. London, 1974; *The Pandsher Valley, the Emerald Mines and the Blue Mountain* (<http://www.travelafghanistan.co.uk/pages/panj.html>); ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995. С. 10.
- ⁴⁶ GIUSTOZZI, A. *Empires of Mud*. London, 2009. Pp. 282, 287.
- ⁴⁷ ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 73 и далее.
- ⁴⁸ Письмо Дмитрия Федорова автору от 25 июля 2007 года.
- ⁴⁹ Интервью с Александром Гольцем (Москва, 6 декабря 2006 года).
- ⁵⁰ Интервью с Александром Гергелем (Москва, 24 июля 2007 года).
- ⁵¹ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 282 и далее.
- ⁵² Статья В. Снегирева в кн.: *Мушаверы* / А. БЕЛОФАСТОВ и А. РЕБРИК (ред.). М., 2005. С.25.
- ⁵³ ALEKSEVICH, S. *Zinky Boys*. P. 18.
- ⁵⁴ Это подтвердил Александр Гергель (Москва, 16 февраля 2009 года).

- 55 КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 352.
- 56 Интервью с Машей Слоним (Москва, 14 марта 2010 года).
- 57 ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. М., 2000. С. 45.
- 58 Там же. С. 7.
- 59 Интервью Юрия Кирсанова (<http://torrents.ru/forum/viewtopic.php?t322885>); “Комсомольская правда” в Украине. — 2008. — 25 декабря; выдержки из “Афганского дневника” Виктора Верстакова (http://kaskad-4.narod.ru/Dnevnik_Verst.html); интервью с Игорем Морозовым (Москва, 11 марта 2010 года).
- 60 ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. С. 23.
- 61 Там же. С. 147; интервью с Игорем Морозовым (Москва, 11 марта 2010 года).
- 62 ДЫШЕВ А. ППЖ. С. 379. Валерий Ширяев, по его словам, испытывал те же самые чувства, покидая Афганистан.

Глава 9

- 1 MANNING, F. *The Middle Parts of Fortune*. London, 2000. P. 5; JUNGER S. *War. Book Three: Love*. London, 2010. P. 2. Кое-что о товариществе и гарнизонной службе я узнал во время собственной службы в армии, но в боях я не участвовал. Весьма убедительно о них рассказывают ветераны. Фредерик Мэннинг сражался на Сомме в 1916 году; Василь Быков (*Его батальон*. М., 2000) воевал на Восточном фронте Второй мировой войны; Натаниел Фик (FICK, N. *One Bullet Away*. London, 2006) воевал в Ираке в 2003 году; Бернард Фолл (FALL, B. *Street without Joy: The French Debacle in Indochina*. Barnesley, 2005) — в Индокитае; Жан-Жак Серван-Шрайбер (SERVAN-SCHREIBER, J.-J. *Lieutenant en Algérie*. Paris, 1957) сражался за “умы и сердца” в Алжире; Себастьян Юнгер был прикомандированным журналистом в Афганистане в 2007–2008 годах. Существует масса книг о вьетнамском опыте американцев.
- 2 NAWROZ, M., GRAU, L. *The Soviet War in Afghanistan: History and Harbinger of Future War?* / Foreign Military Studies Office, Fort Leavenworth, Kansas, June 1996.
- 3 Личная информация. Информация о “Вертикали — Т”: <http://vertical-t.biz/>.
- 4 ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. М., 2004. С. 81.

- 5 СМОЛИНА А. *Десантник, или Первое знакомство с Джелалабадом*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0110.shtml.
- 6 КАРЦЕВ А. *Военный разведчик*. М., 2007.
- 7 КАРЦЕВ А. *Шелковый путь*. Глава 17.
- 8 Интервью с Андреем Пономаревым (Москва, 1 марта 2010 года).
- 9 Интервью с Александром Гергелем (Москва, 1 марта 2010 года).
- 10 Интервью с полковником Антоненко и Александром Гергелем (Москва, 31 мая 2007 года). Антоненко настаивал, что одна из причин, почему партизаны сражались лучше русских — то, что они передвигались налегке. Гергель говорил позднее, что Антоненко прав лишь отчасти.
- 11 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 439.
- 12 Там же.
- 13 URBAN, M. *War in Afghanistan*. London, 1990. P. 332; ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 441.
- 14 Там же. С. 370.
- 15 BEARDEN, M., RISEN, J. *The Main Enemy*. New York, 2003. Pp. 227, 333–336; YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992, Pp. 155, 220.
- 16 ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml.
- 17 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 154; ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 383–432; ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. Т. 5. М., 2001. С. 85; интервью с Борисом Железиным (Москва, 19 февраля 2007 года).
- 18 См.: http://en.wikipedia.org/wiki/FIM-92_Stinger.
- 19 CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. Oxford, 1995. Pp. 194–197.
- 20 COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005. P. 149. Другая дата — 25 сентября — приводится в кн.: CRILE, G. *Charlie Wilson's War*. New York, 2003.
- 21 СМОЛИНА А. *Всем девушкам, летавшим в афганском небе*. — http://artofwar.ru/s/smolina_a/text_0080.shtml.
- 22 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 196–197.
- 23 ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. С. 94.
- 24 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 151.
- 25 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995. Глава VI. В повести Проханова “Охотник за караванами”, включенной в книгу “Третий тост” (М., 2003. С. 5–103), приводится одна из версий этой истории.

- ²⁶ ГАРЕЕВ М. *Моя последняя война*. С. 102
- ²⁷ См.: *Working for a Safer World* (http://www.nti.org/e_research/profiles/Iran/Missile/17881802.html).
- ²⁸ CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. P. 198.
- ²⁹ Генерал Юсаф, сотрудник пакистанской разведки, утверждает, что с конца 1986 года по август 1987 года точность стрельбы из “Стингеров” у моджахедов составляла 75 % (YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan*. P. 186). По оценкам некоторых американских исследователей, она составляла 50 %. Утверждалось, что до того, как были задействованы “Стингеры”, было уничтожено около 100 советских и афганских самолетов, а за 1987 год советские и афганские ВВС потеряли 150–200 самолетов. В 1988 году потери сократились менее чем до пятидесяти самолетов (CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. P. 198).
- ³⁰ Потери советской авиации в Афганистане приводятся в работе: КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001. С. 540. По данным Ассоциации вертолетчиков-ветеранов Вьетнама, число уничтоженных американских вертолетов составило 5086 (из 11827) (<http://www.vhpa.org/heliloss.pdf>).
- ³¹ ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход: дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М., 2008. С. 617, 650. См. описание советского процесса принятия политического решения в главе 12. Михаил Горбачев утверждал, что “Стингеры” не повлияли на его решения, хотя, естественно, военным приходилось принимать их во внимание при планировании вывода войск (беседа с Горбачевым в Софии 7 октября 2010 года).
- ³² GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995. P. 197.
- ³³ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 162.
- ³⁴ YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992. Pp. 73–76; ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*.
- ³⁵ Интервью с Сергеем Морозовым (Москва, 31 мая 2007 года); YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan*. Pp. 73–76; GALEOTTI, M. *Afghanistan*. Pp. 192–197.
- ³⁶ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 262.
- ³⁷ Там же. С. 227–229.
- ³⁸ Интервью с Александром Гергелем (Москва, 1 марта 2010 года).
- ³⁹ АБЛАЗОВ В. И. *Афганистан. Четвертая война*. Киев, 2002. С. 189.

- 40 БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. М., 2007. С. 144.
- 41 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 139.
- 42 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 226.
- 43 URBAN, M. *War in Afghanistan*. P. 234.
- 44 Описание операции “Магистраль” и операций в районе Хоста основано на следующих источниках: ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994; GRAU, L., JALALI, A. *The Campaign for the Caves* // *Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 14, № 3, September 2001; WESTERMANN, E. *Limits of Soviet Airpower*. Thesis, Air University, Maxwell Air Force Base, Alabama, 1997; ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 215–240.
- 45 CRILE, G. *Charlie Wilson’s War*. P. 521.
- 46 ИМТIAZ, A. *The Haqqani Network and Cross-Border Terrorism in Afghanistan* // *Terrorism Monitor*, 24 March 2008.
- 47 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995. С. 10.
- 48 Данные британского Министерства обороны; письмо автору от 19 января 2010 года.
- 49 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 24 и далее.
- 50 Интервью с Сергеем Морозовым (Москва, 31 мая 2007 года).
- 51 ГРИГОРЬЕВ С. *Панджшер в 1975–1990 гг. глазами афганского историка*. СПб., 1997. С. 41.
- 52 См.: ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 93–121 и др. Статистика — на С. 96. В других источниках приводятся иные данные.
- 53 Дальняя авиация России. — www.sinora.ee/davia003/davo3.htm.
- 54 Рассказ рядового Князева приводится в кн.: ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 117–121.
- 55 ШЕБАРШИН Л. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки*. М., 2002. С. 195.
- 56 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 128.
- 57 Дальняя авиация России.
- 58 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 33.

Глава 10

- 1 *Быт, нравы и обычаи народов Афганистана. Правила и нормы поведения военнослужащих за рубежом родной страны* (1985). Александр Карцев любезно предоставил мне экземпляр этой брошюры.
- 2 GIRARDET, E. *Afghanistan: The Soviet War*. Beckenham, 1985. P. 46.
- 3 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995; ОДОМ, W. *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, Conn., 1998. P. 290.
- 4 Интервью с Томасом Тугендхатом (Лондон, 1 декабря 2007 года).
- 5 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 142–150; http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибель_Мараварской_роты; JUNGER, S. *War*. London, 2010.
- 6 БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. М., 2007. С. 202–203.
- 7 МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. М., 1996. С. 243–279; письмо Владимира Снегирева автору от 12 апреля 2010 года.
- 8 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 144; информация Александра Гергеля.
- 9 Цит. по: GALL, C., DE WAAL, T. *Chechnya: A Small Victorious War*. London, 1997. P. 97.
- 10 КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. СПб., 2004. С. 372.
- 11 Интервью с Валерием Ширяевым (Москва, 12 марта 2010 года).
- 12 ПРОХАНОВ А. *Третий тост*. М., 2003. С. 61.
- 13 Первый доклад был опубликован под номером ECOSOC E/CN.4/1985/21 в 1985 году, последний — E/CN.4/1995/64 в 1995 году.
- 14 Доклад о ситуации с правами человека в Афганистане. Генеральная Ассамблея ООН. A/43/742.
- 15 В 1979 году, согласно переписи, результаты которой могут быть неточными, население Афганистана составляло 15,5 миллиона человек, население Кабула — чуть больше 900 тысяч.
- 16 БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. С. 283.
- 17 *Afghanistan Justice Project Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity, 1978–2001, 2005*. <http://www.afghanistanjusticeproject.org/>. P. 34.
- 18 *Ibid.* P. 56.
- 19 КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 351.

- 20 СНЕГИРЕВ В. *Афганский пленник* // Российская газета. — 2003. — 12 августа; интервью с Вячеславом Некрасовым (Москва, 13 мая 2007 года).
- 21 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан*. С. 133.
- 22 Там же. С. 148.
- 23 AFGHANISTAN JUSTICE PROJECT *Casting Shadows*. P. 63.
- 24 Письмо Алана Макдональда, главы администрации Координационного центра по противоминной деятельности в Афганистане, от 4 мая 2009 года.
- 25 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан*. С. 56.
- 26 Веб-сайт 101-го мотострелкового полка (http://101.int.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=204&Itemid=5).
- 27 ВОЙНОВИЧ В. *Главный цензор*. — http://www.voinovich.ru/home_reader.jsp?books8.jsp.
- 28 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995; КЕЕВЛЕ, R., МАИР, J. (eds.) *Afghanistan, War and the Media: Deadlines and Frontlines*. London, 2010. P. 87.
- 29 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 308. Материалы заседания Политбюро широко публиковались в различных мемуарах и исторических работах о войне, в том числе книгах Ляховского.
- 30 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 175, 190, 192. Открытое письмо Сахарова Брежневу см.: <http://www.uic.unn.ru/ads/biography/txt1.htm>.
- 31 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 391.
- 32 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 207.
- 33 National Security Archive *Afghanistan: Lessons from the Last War*, Vol. II, Document 15, 12 November 1981 (<http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html>). Пер. Светланы Савранской.
- 34 ВОЛКОВ А. *40-я армия: история создания, состав, изменение структуры*. — www.rsva-ural.ru/library/?id63.
- 35 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 204.
- 36 МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. С. 5, 154 и др.
- 37 National Security Archive, *Afghanistan: Lessons from the Last War*, Vol. II, Document 20, 13 August 1987 (<http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html>). Пер. Светланы Савранской.
- 38 Интервью с Растемом Махмутовым (Москва, 27 мая 2007 года).
- 39 Письмо Александра Гергеля автору от 23 сентября 2009 года.

- ⁴⁰ ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 213–214.
- ⁴¹ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 207.
- ⁴² Информация получена в частном порядке.
- ⁴³ ПЛАСТУН В., АНДРИАНОВ В. *Наджибулла: Афганистан в тисках геополитики*. М., 1998. С. 2.

Часть III

- ¹ Одна из самых знаменитых песен Игоря Морозова публикуется (в серьезном сокращении) с его любезного разрешения. При ее первом публичном исполнении военная цензура настояла на изменении строки “Чем ты, великая держава, искупишь слезы матерей?” на “Чем ты, земля Афганистана, искупишь слезы матерей?”, чтобы переложить вину за войну с правительства на кого-то еще.

Глава 11

- ¹ См.: ДЫШЕВ А. *ППЖ: походно-полевая жена*. М., 2007.
- ² КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 9.
- ³ Там же. С. 378.
- ⁴ АЛЕКСИЕВИЧ, S. *Zinky Boys*. New York, 1992. P. 50.
- ⁵ Ibid. P. 50.
- ⁶ КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 372.
- ⁷ Описание полкового морга дано по материалам: ДЫШЕВ А. *ППЖ*. С. 28–38; НИКИФОРОВ С. *Безо всяких правил*. СПб., 2008. С. 99; КОРОЛЕВА Г. *Двадцать месяцев в аду // Дарьял*. — 2001. — №3.
- ⁸ Блинушов вел записи и хотел составить книгу. Но кто-то сообщил об этом в КГБ, и у него конфисковали собранные материалы. См.: БЛИНУШОВ А. “Черный тюльпан”. — <http://www.reznik.pri.ee/document.php?Id108>.
- ⁹ СМОЛИНА А. *Всем девушкам, летавшим в афганском небе*. — http://artofwar.ru/s/molina_a/text_0080.shtml.
- ¹⁰ ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. М., 2004. С. 95.
- ¹¹ Статистика заимствована из книги: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995 (Приложение 13). Хотя в спис-

ке солдат, воевавших на стороне моджахедов, есть несколько мужчин по имени Виктор, трудно отождествить кого-то из них с молодым человеком, о котором говорит Алла Смолина.

- 12 СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 257–304.
- 13 Los Angeles Times, 17 December 1991; KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009.
- 14 Доклад www.dtic.mil/dpms/sovietunion/fcsd.htm; статья на сайте UralPress.ru 17 апреля 2007 года (www.uralpress.ru/art111069); записи заседаний 19-го Пленума Комиссии США — Россия (<http://www.dtic.mil/dpms/sovietunion/AARVer319thPlenum.pdf>).
- 15 Также см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Комитет_по_делам_воин_нов-интернационалистов; сообщение NEWSru.com от 27 сентября 2006 года (www.newsru.com/russia/27se02006/afgan.html).
- 16 <http://www.komitet92.com/index.html>; <http://www.komitet92.com/12poisk.html>.
- 17 Комсомольская правда. — 2009. — 13 февраля. Тринадцатого февраля 2009 года *Fontanka.Ru* сообщила, что за время войны пропали или попали в плен 417 солдат. Из 119 освобожденных солдат 97 вернулись в СССР. Другие остались за границей (www.fontanka.ru/2009/02/13/031/).
- 18 КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. С. 345.
- 19 Труд. — 2006. — 8 ноября. — № 201.
- 20 Коммерсантъ — Власть. — 2009. — 16 февраля — № 6.
- 21 Интервью с Николаем Быстровым (Москва, 31 мая 2007 года).
- 22 Веб-сайт 101-го мотострелкового полка. — http://101.int.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=204&Itemid=5.
- 23 Информация получена в частном порядке.
- 24 Интерфакс — АВН. — 2009. — 29 декабря.
- 25 ПАХМУТОВ С. *Бадабер — неизвестный подвиг*. — www.rustrana.ru/article.php?nid8803.
- 26 АБЛАЗОВ В. *Долгий путь из афганского плена: страницы из книги*. — <http://www.fond-dobrobut.org.ua/download/1991modzaxedmoccba.doc>.
- 27 Описание восстания основано на фильме “Мятеж в преисподней” (2009) и следующих источниках: ГОЛЕСНИК С. *Надежда не умирает* // Российская газета. — 2009. — 21 мая;

интервью с Владимиром Снегиревым (Москва, 3 марта 2010 года); ПАХМУТОВ С. *Бадабер — неизвестный подвиг.* — www.rustrana.ru/article.php?nid8803.

Глава 12

- ¹ Стенограмма выступления Андропова на заседании Политбюро 7 февраля 1980 года. Архив президента Российской Федерации. Фонд 3. Опись 82. Дело 75. С. 1–4. Любезно предоставлена Светланой Савранской.
- ² Дальнейшее повествование в этой главе во многом основано на работе: KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009. Описание вывода советских войск, данное Калиновским, на данный момент наиболее обоснованно. Также см.: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004.
- ³ CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. Oxford, 1995. P. 65.
- ⁴ ZUBOK, V. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill, NC, 2007. P. 267.
- ⁵ SARIN, O., DVORETSKY, L. *The Afghan Syndrome: The Soviet Union's Vietnam*. Novato, CA, 1993. P. 123.
- ⁶ CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. P. 123.
- ⁷ ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 614; KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- ⁸ КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. Т. 1. С. 223.
- ⁹ Сторонником гипотезы горбачевского наращивания был, в частности, Уильям Одом: ODOM, W. *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, Conn., 1998. P. 103. Однако источники, которые он цитирует, неубедительны. Сам Михаил Горбачев отрицает, что имел какие-либо подобные намерения (беседа в Москве 10 марта 2010 года). Более осторожный анализ см.: PRADOS, J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago, 2006. Pp. 485–487.
- ¹⁰ Об этом рассказывал Наджибулла, присутствовавший на встрече: ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 365. По словам Снегирева, Кармаль отрицал подобные заявления: СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 132.

- 11 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 647.
- 12 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- 13 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 617, 650.
- 14 КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. Т. 1. С. 227.
- 15 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- 16 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 532.
- 17 ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 47. Заседание Политбюро от 29 мая 1986, заметки Светланы Савранской (в Фонде Горбачева).
- 18 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- 19 ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 68; PRADOS, J. *Safe for Democрасy*. P. 488.
- 20 ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994; ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 108.
- 21 Заметки с заседаний Политбюро 21–22 января и 22 февраля 1987 года: ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 136–138, 149.
- 22 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- 23 ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 190–193.
- 24 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*; электронные письма Джека Мэтлока автору (27–28 февраля 2010 года).
- 25 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*.
- 26 COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005. P. 168.
- 27 KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye*. Цитата из советской записи беседы Рейгана и Горбачева 9 декабря 1987 года: National Security Archive, READD/RADD collection.
- 28 Письмо Джека Мэтлока автору от 27 февраля 2010 года.
- 29 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 749.
- 30 Там же. С. 765.
- 31 Литературная газета. — 1990. — 18 апреля. Цит. по: ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 307.
- 32 ЧЕРНЯЕВ А. С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. С. 336–338.
- 33 С автоколонной ехала британская журналистка Хелен Вумэк, и подробности сообщаются с ее слов.
- 34 ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. С. 371.
- 35 Дальняя авиация России. — www.sinora.ee/davia003/davo3.htm.
- 36 ГЕРГЕЛЬ А., ЛИЗАУСКАС А. *Прощай, Бахарак! Август 2009 года*. — http://www.navoine.ru/magazines/12_5.

- 37 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. Т. 5. С. 351–353.
- 38 Там же. С. 389.
- 39 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 769.
- 40 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин: памяти Ахмад Шаха Масуда*. М., 2007. С. 179–187.
- 41 ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 378 и далее.
- 42 Правда. — 1988. — 7 декабря. Цит. по: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995.
- 43 Интервью с Воронцовым см.: Российские вести. — 2007. — 23–30 мая. — № 18.
- 44 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 668–671.
- 45 ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход*. С. 781.
- 46 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 208–209; ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. С. 390–393.
- 47 Там же. С. 212.
- 48 ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994.
- 49 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 213.
- 50 СОЦКОВ М. *Долг и совесть*. СПб., 2007. С. 531.
- 51 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 675.
- 52 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 212.
- 53 GRAU, L. *Breaking Contact without Leaving Chaos: The Soviet Withdrawal from Afghanistan* // *Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 20, № 2, April 2007. Pp. 235–261.
- 54 Дневник автора (не опубликован), запись от 3 марта 1989 года.
- 55 Цит. по: АЛЕКСИЕВИЧ, S. *Zinky Boys*. New York, 1992. P. 9.
- 56 Беседа с Анатолием Черняевым (Москва, май 2007 года).

Глава 13

- 1 Информация получена в частном порядке.
- 2 ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан: заложники времени*. М., 2006. С. 7–9, 10, 12, 17, 61.
- 3 RUBIN, V. *The Search for Peace in Afghanistan*. New Haven, Conn., 1995. P. 89.
- 4 COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005. P. 171.
- 5 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 928.

- 6 DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005. Pp. 227, 228.
- 7 Владимир Снегирев утверждает, что защитников было всего три тысячи, и нападавшие превосходили их в соотношении десять к одному (СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000. С. 156).
- 8 ЧЕРНЯЕВ А.С. и др. В *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006. С. 454, 576.
- 9 ГРЕШНОВ А.Б. *Афганистан*. С. 71, 74; описание боев в Джелалабаде см.: URBAN, M. *War in Afghanistan*. London, 1990. Pp. 274 et seq.
- 10 YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992. Pp. 227–233.
- 11 ГРЕШНОВ А.Б. *Афганистан*. С. 84, 92, 150–151.
- 12 Там же. С. 99.
- 13 GIUSTOZZI, A. *Empires of Mud*. London, 2009. Pp. 54–57; MINKO, A., SMÓLYNEE, G. *4-D Soviet Style: Defence, Development, Diplomacy and Disengagement in Afghanistan during the Soviet Period, Part 1: State Building* // *Journal of Slavic Military Studies*, 23, 306–27 (2010). P. 324.
- 14 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 220.
- 15 *Gardez Victory: Soviet Message of Support Revives Kabul Regime* // Agence France-Presse, 14 October 1991.
- 16 ГАРЕЕВ М. *Афганская страда*. М., 1999. С. 316.
- 17 ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 227.
- 18 GIUSTOZZI, A. *Empires of Mud*. P. 210.
- 19 СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. С. 157.
- 20 ГРИГОРЬЕВ С. *Как это было: Кабул, 1992 год*. — http://artofwar.ru/s_grig/publ_grig_5.html.
- 21 Интервью с Галиной Ивановой (Москва, 14 марта 2010 года); ГРИГОРЬЕВ С. *Как это было: Кабул, 1992 год*.
- 22 Интервью с Валерием Ивановым (Москва, 14 марта 2010 года); ЛЫСЕНКОВ Д. *Последний флаг над Кабулом. Спецназ России*. — www.tiud.nsk.ru/~history/Author/Russ/L/LjysenkovD/flag.htm.
- 23 ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 702.
- 24 CORWIN, P. *Doomed in Afghanistan*. P. 93.
- 25 Интервью с Валерием Ивановым (Москва, 14 марта 2010 года); ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2004. С. 706.

- При расхождении между двумя версиями я полагался на рассказ Иванова.
- ²⁶ US Committee for Refugees *World Refugee Survey 1997*. Pp. 124–125; Corwin, P. *Doomed in Afghanistan*. P. 128.
- ²⁷ Взлет “Талибана” описан по кн.: DORRONOSORO, G. *Revolution Unending*. Pp. 245–256.
- ²⁸ ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин*. С. 260–261.
- ²⁹ ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 984–990.
- ³⁰ Интервью с Аркадием Дубновым (Москва, 29 мая 2007 года).
- ³¹ Интервью с президентом Путиным (2002) для телепередачи “Иран и Запад” на Би-би-си (вышла в эфир в феврале 2009 года).
- ³² ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 988; частная информация.
- ³³ Интервью с Пир Саидом Ахмадом Гайлани (Лондон, 22 июля 2008 года).
- ³⁴ Последний бой 12-й заставы описан здесь: <http://wolfschanze.livejournal.com/tag/%D0%93%D0%A0%D0%9F%D0%92%D0%A2>, <http://kua1102.livejournal.com/38687.html>. Ссылки любезно предоставлены Оксаной Антоненко.

Глава 14

- ¹ ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. М., 2000. С. 20, 146, 151.
- ² ОДОМ, W. *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, Conn., 1998. P. 259.
- ³ ВРАЙТНВАЙТЕ, R. *Across the Moscow River*. New Haven, Conn., 2002. P. 138.
- ⁴ MURRELL, G. *Russia's Transition to Democracy*. Brighton, 1997. P. 61; ВРАЙТНВАЙТЕ, R. *Across the Moscow River*. New Haven, Conn., 2002. P. 146.
- ⁵ ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. В 7 т. Т. 5. М., 2001. С. 230.
- ⁶ Там же. С. 192 и далее.
- ⁷ Интервью с Александром Ляховским (Геленджик, 19 сентября 2007 года).
- ⁸ ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. С. 161.
- ⁹ Интервью с Игорем Морозовым (Москва, 11 марта 2010 года).

- ¹⁰ The Times, 25 November 1918.
- ¹¹ ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991. С. 253.
- ¹² GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995. P. 74.
- ¹³ Комсомольская правда. — 1989. — 21 декабря.
- ¹⁴ Комсомольская правда. — 1989. — 21 декабря.
- ¹⁵ Комсомольская правда. — 1990. — 22 июля.
- ¹⁶ GALEOTTI, M. *Afghanistan*. P. 76.
- ¹⁷ ЗНАКОВ В. *Психологические причины непонимания "афганцев" в межличностном общении* // Психол. журнал. — 1990. — Т. 11. — №2.
- ¹⁸ GALEOTTI, M. *Afghanistan*. Pp. 123–125.
- ¹⁹ КОТЕНОВ А. *Неоконченная война*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/unfinished_war/index.shtml; <http://kotenev.chat.ru/>.
- ²⁰ Газета. — 2007. — 12 июня.
- ²¹ DANILOVA, N. *Veterans Policy in Russia: a Puzzle of Creation* // Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies, №6/7, 2007; *The Social and Political Role of War Veterans*. — <http://www.pipss.org/document873.html>.
- ²² Федеральный закон №5 — ФЗ от 12 января 1995 года.
- ²³ Веб-сайт ООИВА (<http://www.rfpi.ru/ooiiva/index.php>).
- ²⁴ Информация д-ра Рода Торнтона из Ноттингемского университета.
- ²⁵ Интервью с Мэтью Фридманом, исполнительным директором Национального центра лечения посттравматического стресса Управления по делам ветеранов США. — <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/heart/interviews/friedman.html>.
- ²⁶ Интервью с полковником Томасом Берком, директором Управления политики в области психического здоровья Министерства обороны США. — <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/heart/interviews/burke.html>.
- ²⁷ *As a Brigade Returns Safe, Some Meet New Enemies* // New York Times, 14 July 2010.
- ²⁸ ALLPORT, A. *Demobbed: Coming Home after World War II*. New Haven, Conn., 2009. Pp. 87, 109, 164, 209.
- ²⁹ См.: <http://www.gr-oborona.ru/pub/rock/group.html>.
- ³⁰ GALEOTTI, M. *Afghanistan*. P. 152.
- ³¹ Письмо Александра Гергеля автору от 2 июля 2009 года.

- ³² Воронежская газета. — 2009. — 11 февраля (спец. выпуск).
- ³³ ЗВЯГИНЦЕВ Ю. *Афганский излом* // Вестник АТН. — 1999. — Август.
- ³⁴ ALEKSIEVICH, S. *Zinky Boys*. New York, 1992. Pp. 185–194.
- ³⁵ Веб-сайт города Москвы (<http://mos.ru/wps/portal/!ut/p/co/>).
- ³⁶ “Афганский синдром” для США. — <http://www.inforos.ru/?Id20566>.
- ³⁷ Письмо Александра Ешану от 9 сентября 2009 года.

Эпилог

- ¹ ШИЛО Н. *Афганистан: 30 лет спустя*. — <http://www.mgimo.ru/afghan/132585.shtml>; статья Анатолия Костыри (<http://www.afghanistan.ru/doc/16256.html>).
- ² Интервью с Олегом Богомоловым (Москва, 7 октября 2004 года).
- ³ КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001. С. 536–539.
- ⁴ ARNOLD, A. *The Fateful Pebble*. Novato, CA, 1993. Pp. 188 et seq.
- ⁵ SEIERSTAD, A. *The Bookseller of Kabul*. London, 2008. P. 150.
- ⁶ KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009.
- ⁷ Документальные свидетельства на этот счет скудны. Сниженную оценку дал в беседе со мной проф. Антонио Джустоцци. Ляховский приводит оценку в 2,5 миллиона, но не ссылается на источники. Эта оценка невероятно высока. См.: ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 2009. С. 1018.
- ⁸ Пример убежденности в том, что США выиграли войну во Вьетнаме, см.: JENNINGS, P. *The Politically Incorrect Guide to the Vietnam War*. Washington, DC, 2010.
- ⁹ “На Лаос было сброшено больше бомб, чем ВВС США сбросили на Европу. Это касается и действий ВВС Британии в Европе. Более того, можно сказать, что на Лаос сбросили больше, чем ВВС обеих стран — на Германию. Но если взять действия всех ВВС (включая тактическую авиацию) по всей Европе (включая Средиземноморье), то Вторая мировая превзойдет Лаос на 2 с небольшим — 2,4 млн тонн”, — считает Джон Прадос (из письма от 26 апреля 2010 года).
- ¹⁰ См. Приложение 4.

- ¹¹ ШЕБАРШИН Л. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки*. М., 2002. С. 220.
- ¹² СНЕГИРЕВ В. *Наши*.
- ¹³ См.: <http://www.zharov.com/afghan/index.html>.
- ¹⁴ Ярославль в Афганской войне. — <http://www.afghan-yar.msk.ru/page.php?Id104>.

Источники

Эта книга во многом основана на российских источниках. Она опирается на опубликованные документы, на множество вторичных источников, на материалы, опубликованные в интернете, на интервью с людьми, которые сражались в Афганистане либо были иным образом связаны с происходившими там событиями.

По афганской войне нет систематических и удобных в использовании источников, подобных тем, что имеются по сталинскому периоду и истории Великой Отечественной войны — взять хотя бы значительное количество документов НКВД, опубликованных ФСБ, или многотомные собрания, изданные покойным Александром Яковлевым и его фондом “Демократия”. Тем не менее, значительное количество документов, прежде всего касающихся решения о вторжении в Афганистан и о выводе войск, все же увидели свет. С одной стороны, дело отчасти в том, что военные жаждали донести свою точку зрения. Генералы тут же принялись приводить собственные версии событий в воспоминаниях и исторических трудах. В то время архивы находились в хаотическом состоянии и были гораздо доступнее, чем прежде и после этого (и вообще доступнее, чем в большинстве стран). Фонд Горбачева также опубликовал ряд документов, касающихся периода 1985–1991 годов, особенно заметки, сделанные на заседаниях Политбюро и дневник Анатолия Черняева, советника Горбачева по внешней политике. Еще некоторое количество документов опубликовал Центр им. Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Но в силу того, каким образом эти документы отбирались для публикации, остаются пробелы, которые в обозримом будущем не удастся заполнить. Сейчас доступны немногие документы КГБ, и поэтому мало что можно сказать с уверенностью о том, какую роль КГБ сыграл в приходе к власти афганских коммунистов. Все еще покрыты тайной некоторые ключевые аспекты политических решений, принятых в начале войны и ее конце, и покров тайны сгущается, поскольку очевидцы тех событий сходят со сцены.

Многие документы стали известными публике благодаря покойному генералу Александру Ляховскому, служившему в Афганистане с 1984 по 1989 год. Его книга “Трагедия и доблесть Афгана” включает выдающееся собрание официальных документов, политических и военных. В ней также содержатся интервью с участниками войны, находившихся на всех уровнях иерархии. Книга в первую очередь отражает точку зрения военных, и работать с ней непросто: было опубликовано три издания — в 1995, 2004 и (после безвременной кончины автора) в 2009 году. Информация из одного издания книги порой не согласуется с другим изданием, источники данных не всегда ясны, справочный аппарат несовершенен. Однако пока официальные архивы не будут открыты, эта книга, вероятно, будет оставаться важнейшей для изучения той войны.

Война в Афганистане пока не породила книг, сопоставимых с литературой о Великой Отечественной войне: “Жизнью и судьбой” Василия Гроссмана, повестями Василя Быкова или, например, романами Константина Симонова. Но в последние годы появляется все больше романов, написанных ветеранами, которые представляют собой слабо замаскированные автобиографические описания афганских событий. Это весьма вдумчивые, пронизательные и зачастую критические произведения, совсем не похожие на развязные и зачастую хвастливые книги, написанные некоторыми из их западных коллег. Многие “афганцы” писали стихи и песни, и некоторые из них представляют немалую художественную ценность.

Возможно, самым полезным источником информации оказался интернет. Некоторые значимые российские книги и воспоминания можно найти только в Сети: в России они не пере-

издаются, и в британских библиотеках найти их невозможно. Я указываю сайты, где их можно обнаружить, хотя в электронных версиях не всегда правильно расставлены номера страниц.

Интернет также оказался бесценным источником статей по афганской теме. Около 2005 года ветераны все чаще стали пользоваться Сетью для выражения своих взглядов, накопления информации и публикации рассказов о своих переживаниях. Многие из этих рассказов — прекрасные, умные, пронизательные произведения несомненного литературного достоинства. Встречается и пустословие, но его достаточно легко распознать. Все ссылки на статьи приведены в примечаниях.

В России снято несколько объективных документальных фильмов о войне, прежде всего “Последний солдат” (2004). “Афганский капкан” (2009) посвящен восстанию в Бадабере. Алексей и Татьяна Крол снимают многосерийный документальный фильм “Афганская война”, в который вошло множество исключительно интересных интервью и архивных съемок. Что касается художественных фильмов, то лучший из них — “Афганский излом”, рассказывающий о позднем периоде войны (его рекомендуют и многие ветераны). “Мусульманин” — затейливый фильм о солдате, принявшем ислам, который возвращается из плена в сельскую глушь. “Девятая рота” (2005) — эффектный ответ России на “Спасти рядового Райана”, сентиментальный и пропитанный мужественным духом (большинству “афганцев” он не нравится). “Усама” (2003) — первоклассный афганский фильм о правлении талибов в Кабуле. Американский фильм “Зверь” (1988) лучше, чем может показаться из его названия. “Война Чарли Уилсона” (2007) забавна, но слабо связана с действительностью.

Песни солдат-бардов можно найти в интернете в том виде, в каком они записывались во время войны. Игорь Морозов и другие исполнители делали собственные записи, которые широко не распространялись. Во многих более современных версиях музыкальное сопровождение нельзя назвать аутентичным.

Я также полагался на “Википедию” как источник новой информации и средство перепроверки старой. В академическом

мире на такую практику смотрят с неодобрением, но статьи “Википедии” можно подвергнуть той же проверке, что и статьи в академических журналах и даже документы в архивах. Некоторые статьи вполне авторитетны — скажем, технические статьи о характеристиках советских и американских вооружений. А некоторые отличаются предвзятым и односторонним освещением вопроса. Большинство же статей находятся где-то посередине. Надеюсь, что я смог отличить одно от другого.

Библиография

- АБЛАЗОВ В. И. *Афганистан. Четвертая война*. Киев, 2002.
- АХМЕТОВА Т. *Русский мат: толковый словарь*. М., 1997.
- Афганская война: как это было*. Фотоальбом. М., 1994.
- БАЛЕНКО С. *Спецназ ГРУ в Афганистане*. М., 2010.
- БЕЛОФАСТОВ А., РЕБРИК А. (ред.) *Мушаверы*. М., 2005.
- БОБРОВ Г. *Солдатская сага*. М., 2007.
- БОГДАНОВ В. *Афганская война, 1979–1989*. М., 2005.
- БОЛОГОВ В. *Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане*. М., 1995.
- БОЛТУНОВ М. *“Альфа” — сверхсекретный отряд КГБ*. М., 1992.
- БЫКОВ В. *Его батальон*. М., 2000.
- ВАРЕННИКОВ В. *Неповторимое*. В 7 т. М., 2001.
- ДАНИЛОВА Н. *Армия и общество*. СПб., 2007.
- ДЫШЕВ А. *Афганец*. М., 2009.
- ДЫШЕВ А. *Назад в Афган*. М., 2009.
- ДЫШЕВ А. *ППЖ: походно-полевая жена*. М., 2007.
- ГАЙ Д., СНЕГИРЕВ В. *Вторжение*. М., 1991.
- ГАРЕЕВ М. *Афганская страда*. М., 1999.
- ГАРЕЕВ М. *Моя последняя война (Афганистан без советских войск)*. М., 1996.
- ГОРБАЧЕВ М. С. *Жизнь и реформы*. М., 1995.
- ГРЕШНОВ А. Б. *Афганистан: заложники времени*. М., 2006.
- ГРИГОРЬЕВ С. *Панджшер в 1975–1990 годах глазами афганского историка*. СПб., 1997.
- ГРОМОВ Б. *Ограниченный контингент*. М., 1994.
- ЕРМАКОВ О. *Знак зверя*. М., 2006.

- Житнухин А., Лукошин С. (сост.) *Звезда над городом Кабулом*. М., 1990.
- ЗАЙЦЕВ Г. Н. *“Альфа” — моя судьба*. СПб., 2005.
- ИВАНОВ Н. *Операцию “Шторм” начать раньше*. М., 1993.
- КАРЦЕВ А. *Военный разведчик*. М., 2007.
- КИРЕЕВ Г. *Кандагарский дневник*. — <http://kireev.info/w-4.html>.
- КОЗЛОВ С. (ред.) *Спецназ ГРУ: Афганистан*. М., 2009.
- КОНОПЛЯННИКОВ Ю. *Все это жизнь*. М., 2005.
- КОТЕНОВ А. Неоконченная война. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/unfinished_war/index.shtml.
- КРИВЕНКО В. *Экипаж машины боевой*. СПб., 2004.
- КРИВОШЕЕВ Г. *Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил*. М., 2001.
- КРЮЧКОВ В. *Личное дело*. В 2 т. М., 1996.
- КУЧЕРОВА Л. *Спецназ КГБ в Афганистане*. М., 2009.
- ЛАПШИН Ю. *Афганский дневник*. М., 2004.
- ЛЯХОВСКИЙ А. *Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995, 2004, 2009.
- ЛЯХОВСКИЙ А., ДАВИТАЯ С. *Игра в Афганистан*. М., 2009.
- ЛЯХОВСКИЙ А., НЕКРАСОВ В. *Гражданин, политик, воин: памяти Ахмад Шаха Масуда*. М., 2007.
- МАЙОРОВ А. *Правда об афганской войне*. М., 1996.
- МАНАЧИНСКИЙ А. *Афганистан: когда дуют ветры войны*. Киев, 2006.
- НЕШУМОВ Ю. *Границы Афганистана*. М., 2006.
- НИКИФОРОВ С. *Без всяких правил: записки солдата-срочника 1979–1981*. СПб., 2008.
- НОСАТОВ В. *Фарьябский дневник*. М., 2005.
- ОГРЫЗКО В. *Песни афганского похода*. М., 2000.
- ОСИПЕНКО В. *Привилегия десанта*. М., 2009.
- ПЛАСТУН В., АНДРИАНОВ В. *Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики*. М., 1998.
- ПОПОВА Т. *Помяни нас, Россия*. Ленинград, 1991.
- ПРОХАНОВ А. *Дерево в центре Кабула*. М., 1983.
- ПРОХАНОВ А. *Афган*. М., 2008.
- ПРОХАНОВ А. *Третий тост*. М., 2003.
- САВИНКИН А. Е. *Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева*. М., 2003.
- СЕБЯКИН Л. *Афган накануне трагедии*. М., 2009.
- СЕБЯКИН Л. *Афган в моей судьбе*. М., 2006.
- СЛИНКИН М. *НДПА у власти*. Симферополь, 1999.

- СЛИНКИН М. *Война перед войной*. М., 2008.
- СМИРНОВ О. *Никто не создан для войны*. М., 1990.
- СНЕГИРЕВ В. *Рыжий*. М., 2000.
- СНЕСАРЕВ А. Е. *Афганистан*. М., 2002.
- ТИХОНОВ Ю. *Афганская война Сталина*. М., 2008.
- ТУХАРИНОВ И. Ю. *Секретный командарм*. — http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/secret_com/index.shtml.
- ХАЛФИН Н. А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М., 1960.
- ХАЛФИН Н. А. *Провал британской агрессии в Афганистане*. М., 1959.
- ЧАЗОВ Е. *Здоровье и власть*. М., 1992.
- ЧЕРНЯЕВ А. С. *Моя жизнь и мое время*. М., 1995.
- ЧЕРНЯЕВ А. С. *Шесть лет с Горбачевым*. М., 1993.
- ЧЕРНЯЕВ А. С. *Совместный исход: дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М., 2008.
- ЧЕРНЯЕВ А., МЕДВЕДЕВ В., ШАХНАЗОВ Г. В. *Политбюро ЦК КПСС*. М., 2006.
- ЧИКИШЕВ С. *Спецназ в Афганистане*. — http://artofwar.ru/c/chikishew_a/text_0010.shtml.
- ШЕБАРШИН Л. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки*. М., 2002.
- ABDUR RAHMAN. *The Life of Abdur Rahman*. Vol. I. London, 1900.
- AFGHANISTAN JUSTICE PROJECT. *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity, 1978–2001*, 2005. <http://www.afghanistanjusticeproject.org/>.
- ALEKSIEVICH, S. *Zinky Boys*. New York, 1992.
- ALEXIEV, A. *Inside the Soviet Army in Afghanistan*. Santa Monica, CA, 1988.
- APPY, C. *Vietnam*. London, 2006.
- ARMESTO, M.-R. *Son Mari a tué Massoud*. Paris, 2002.
- ARNOLD, A. *The Fateful Pebble*. Novato, CA, 1993.
- BABUR (tr. W. THACKSON) *The Baburnama*. New York, 2002.
- BALL, W. *Monuments of Afghanistan*. London, 2008.
- BEARDEN, M. *The Black Tulip*. New York, 1998.
- BEARDEN, M., RISEN, J. *The Main Enemy*. New York, 2003.
- BLOOD, P. (ed.) *Afghanistan: A Country Study*. Washington, DC, 2001.
- BOCHAROV, G. *Russian Roulette: Afghanistan through Russian Eyes*. London, 1990.

- BORER, D. *Superpowers Defeated: Vietnam and Afghanistan Compared*. London, 1999.
- BOROVIK, A. *The Hidden War*. New York, 1990.
- BRAITHWAITE, R. *Across the Moscow River*. New Haven, Conn., 2002.
- BYRON, R. *The Road to Oxiana*. London, 2007.
- CAROE, O. *The Pathans*. New York, 1964.
- CHAYES, S. *The Punishment of Virtue*. London, 2006.
- CLAMMER, P. *Afghanistan*. Melbourne, 2007.
- COLL, S. *Ghost Wars*. London, 2005.
- CORDOVEZ, D., HARRISON, S. *Out of Afghanistan*. Oxford, 1995.
- CORWIN, P. *Doomed in Afghanistan*. New Brunswick, NJ, 2003.
- CRILE, G. *Charlie Wilson's War*. New York, 2003.
- DORRONOSORO, G. *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*. New York, 2005.
- DOUBLEDAY, V. *Three Women of Heart*. London, 1988.
- DUPREE, L. *Afghanistan*. Oxford, 1997.
- DUPREE, N. *An Historical Guide to Afghanistan*. Kabul, 1971.
- DUPREE (WOLFE), N. *An Historical Guide to Kabul*. Kabul, 1965.
- ELLIOT, J. *An Unexpected Light: Travels in Afghanistan*. London, 1999.
- ELPHINSTONE, M. *An Account of the Kingdom of Caubul*. New Delhi, 1998.
- FALL, B. *Street without Joy: The French Debacle in Indochina*. Barnsley, 2005.
- FEIFER, G. *The Great Gamble: The Soviet War in Afghanistan*. New York, 2009.
- FICK, N. *One Bullet Away*. London, 2006.
- FORREST, G. *Life of Field Marshal Sir Neville Chamberlain, G. C. B., G. C. S. I.* London, 1909.
- FORSYTH, F. *The Afghan*. London, 2007.
- GALEOTTI, M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London, 1995.
- GALL, C., and DE WAAL, T. *Chechnya: A Small Victorious War*. London, 1997.
- GALL, S. *Afghanistan: Travels with the Mujahedeen*. London, 1989.
- GALL, S. *Behind Russian Lines: An Afghan Journal*. London, 1983.
- GATES, R. *From the Shadows*. New York, 1996.
- GHAUS, A. S. *The Fall of Afghanistan*. London, 1988.
- GIUSTOZZI, A. *Empires of Mud*. London, 2009.
- GIUSTOZZI, A. *Koran, Kalashnikov and Laptop*. London, 2007.
- GOODSON, L. *Afghanistan's Endless War*. Seattle, WA, 1999.
- GRAU, L. *The Bear Went Over the Mountain*. London, 1996.

- GREINER, B. *War without Fronts: The USA in Vietnam*. London, 2009.
- HENTY, G. *For Name and Fame: or, Through Afghan Passes*. Mill Hall, PA, 2002.
- HODSON, P. *Under a Sickle Moon*. London, 1989.
- HOPKIRK, P. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. London, 1992.
- HOSSEINI, K. *A Thousand Splendid Suns*. London, 2007.
- HOSSEINI, K. *The Kite Runner*. London, 2004.
- HYMAN, A. *Afghanistan under Soviet Domination, 1964–1981*. London, 1982.
- ISBY, D. *Russia's War in Afghanistan*. Oxford, 1986.
- ISBY, D. *War in a Distant County: Afghanistan — Invasion and Resistance*. London, 1989.
- JENNINGS, P. *The Politically Incorrect Guide to the Vietnam War*. Washington, DC, 2010.
- JOHNSON, C. *Afghanistan*. Oxford, 2004.
- JUNGER, S. *War*. London, 2010.
- KAKAR, M. *Afghanistan: The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979–1982*. Berkeley, CA, 1995.
- KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Politics and Diplomacy of the Soviet Withdrawal from Afghanistan, 1980–1992*. PhD thesis, London School of Economics, 2009.
- KEEBLE, R., MAIR, J. (eds.) *Afghanistan, War and the Media: Deadlines and Frontlines*. London, 2010.
- KHRUSHCHEV, N. *Khrushchev Remembers*. London, 1971.
- KIPLING, R. *Kim*. London, 1901.
- KIPLING, R. *Stalky & Co*. London, 1899.
- KLASS, R. *Land of the High Flags: Afghanistan When the Going Was Good*. Hong Kong, 1964.
- KUZICHKIN, V. *Inside the KGB: Myth & Reality*. London, 1990.
- LAMB, C. *The Sewing Circles of Herat*. London, 2002.
- LIEVEN, D. *Russia against Napoleon*. London, 2009.
- LOYN, D. *Butcher and Bolt*. London, 2008.
- LYAKHOVSKI, A. *Inside the Soviet Invasion of Afghanistan and the Seizure of Kabul, December 1979* / Cold War International History Working Paper № 51, Woodrow Wilson International Center for Scholars, January 2007.
- MACLEAN, R. *Magic Bus*. London, 2007.
- MANNING, F. *The Middle Parts of Fortune*. London, 2000.

- MARVIN, C. *The Russian Advance towards India* (originally published 1882). Peshawar, 1984.
- MATLOCK, J. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. New York, 2004.
- MEDLEY, D., BARRAND, J. *Kabul*. Chalfont St Peter, 2003.
- MONYPENNY, W. F., BUCKLE, G. *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield*, 6 vols. London, 1910–1920.
- MORRISON, A. *Russian Rule in Samarkand, 1869–1910: A Comparison with British India*. Oxford, 2008.
- MURPHY, S. *A Darkness Visible*. London, 2008.
- MURRELL, G. *Russia's Transition to Democracy*. Brighton, 1997.
- NEWBY, E. *A Short Walk in the Hindu Kush*. London, 1974.
- NOJUMI, N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan*. New York, 2002.
- ODOM, W. *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, Conn., 1998.
- OLNEY, W. *Shiloh as Seen by a Private Soldier: A Paper Read before California Commandery of the Military Order of the Loyal Legion of the United States*, May 31, 1889. Kessinger Publishing, Whitefish, Mont., 2007.
- PRADOS, J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago, 2006.
- PRESSFIELD, S. *The Afghan Campaign*. London, 2007.
- RASANAYGAM, A. *Afghanistan: A Modern History*. London, 2005.
- RASHID, A. *Descent into Chaos*. London, 2008.
- ROBBINS, C. *The Ravens: Pilots of the Secret War of Laos*. Bangkok, 2005.
- ROY, O. *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge, 1986.
- ROY, YA. *Islam in the Soviet Union*. London, 2000.
- RUBIN, B. *The Fragmentation of Afghanistan*. New Haven, Conn., 2002.
- SAKHAROV, A. *Memoirs*. London, 1990.
- SALE, F. *A Journal of the First Afghan War*. Oxford, 2002.
- SANDERS, V. *The USA and Vietnam 1945–1975*. London, 2002.
- SARIN, O., DVORETSKY, L. *The Afghan Syndrome: The Soviet Union's Vietnam*. Novato, CA, 1993.
- SCHOFIELD, V. *Afghan Frontier: Feuding and Fighting in Central Asia*. London, 2003.
- SEIERSTAD, A. *The Bookseller of Kabul*. London, 2008.
- SERVAN-SCHREIBER, J.-J. *Lieutenant en Algérie*. Paris, 1957.
- SIKORSKI, R. *Dust of the Saints: A Journey to Herat in Time of War*. New York, 1990.
- SNOW, J. *Shooting History*. London, 2005.
- STEWART, J. *Crimson Snow*. Stroud, 2008.

- STEWART, R. *The Places in Between*. London, 2004.
- TAMAROV, V. *Afghanistan: A Russian Soldier's Story*. Berkeley, CA, 2001.
- URBAN, M. *War in Afghanistan*. London, 1990.
- VAN BLADEL, J. *The All-Volunteer Force in the Russian Mirror: Transformation without Change*. Groningen, 2004.
- WESTAD, O. *The Global Cold War*. Cambridge, 2005.
- YOUSAF, M., ADKIN, M. *Afghanistan: The Bear Trap*. Barnsley, 1992.

Благодарности

Эта книга не была бы написана, если бы не помощь огромного числа людей, поделившихся своим афганским опытом, связавших меня со своими осведомленными друзьями, передававших мне книги и частично или полностью прочитавших рукопись.

Особенно заметную помощь в течение нескольких лет оказывали мне покойный ныне генерал Александр Ляховский, Вячеслав Некрасов и Александр Гергель. Александр Карцев регулярно делился своими соображениями по электронной почте и при встрече в Москве. Он, а также Александр Гергель, Артемий Калиновский, Светлана Савранская и Питер Карсон читали и подробно комментировали рукопись. Кроме того, я чрезвычайно благодарен Александру Гергелю за помощь в переводе книги на русский язык и переводчику Антону Ширикову за его упорную и кропотливую работу. Светлана любезно позволила мне пользоваться документами, за хранение которых отвечала. Артемий и Светлана добывали нужные мне документы и давали советы. Диссертация Артемия Калиновского “Долгое прощание: политика и дипломатия в процессе вывода советских войск из Афганистана, 1980–1992” — выдающееся и элегантное научное произведение, опубликованное и в виде книги (KALINOVSKY, A. *A Long Goodbye: The Soviet Withdrawal from Afghanistan*. Harvard University Press, 2011). Мы оба читали Реймонда Чандлера и договорились, что ни один из нас не вправе монопольно претендовать на это название. Маша Слоним, Валерий и Галина Ивановы, Валерий Ширяев, Владимир Снегирев,

Дмитрий Рюриков и Александр Гергель исправляли фрагменты, касающиеся полученной от них информации.

Рори Стюарт благородно позволил мне пожить в его комнате в фонде *Turquoise Mountain Foundation* во время моей поездки в Афганистан в сентябре 2008 года. Я в большом долгу перед ним и его коллегами, предоставившими мне возможность проникнуться несравнимым ощущением замечательной страны, — особенно перед Хедвигом Александером и Маньей Бертон, а также Азизом и Зия, которые отвезли меня к перевалу Саланг и в Панджшер, где Азиз показал мне свой дом, представил меня своей жене и детям.

Многие люди давали интервью и делились знаниями. Среди них генерал Виктор Антоненко, генерал Руслан Аушев, Ефим Башан и Наталья Голицына, профессор Олег Богомолов, Николай Быстров, генерал Валентин Варенников, Александр Воронцов, Пир Саид Ахмад Гайлани, капитан Юрий Гладкевич, Александр Гольц, Михаил Горбачев, Андрей Грешнов, Антонио Джустоцци, Питер Джувенал, Владимир Долгих, Аркадий Дубнов, Андрей Дышев, Анатолий Ермолин, Борис Железин, Александра Иванова, майор Вячеслав Измайлов, посол Замир Кабулов, Султан Али Кештманд, полковник Руслан Кирилок, Франц Клинецевич, Николай Комиссаров, Александр Коньев, Виктор Коргун, генерал Владимир Косарев, Шерард Коупер-Коулз, Алексей и Татьяна Крол, полковник Олег Кулаков, полковник Михаил Лаврененко, д-р Лутфулла Латиф, Алексей Макаркин, Шер Ахмад Маладани, Рустем Махмутов, Джек Мэтлок, Омид Моджахеди, Игорь Морозов, Сергей Морозов, Мухаммед Насер Нахез, Борис Пастухов, Андрей Пономарев, Джон Прадос, профессор Михаил Решетников, Наталья Рюрикова, Исмаил Саадат, Алла Смолина, Владимир Снегирев, Томас Тугендхат, Рустумходжа Турсункулов, Александр Умнов, Дмитрий Федоров, Павел Фелбгенгауэр, Евгений Хрущев, Мередит Хупер, Анатолий Черняев, Мариэтта Чудакова, Валерий Ширяев, Александр Шкирандо.

Как всегда, я бессовестно пользовался великодушием, дружбой и гостеприимством Юрия Сенокосова и Лены Немировской, а также неизменной помощью Инны Березкиной.

Указатель

- Абдуллаев, Юсуф 206, 207
Абдуррахман-хан 30, 32, 46, 54, 66, 89, 411
Адамишин, Анатолий 144
Акбари, Ахмад 84
Александров-Агентов, Андрей 63
Алексиевич, Светлана 392
Алиев, Махмед 138, 139
Алкснис, Виктор 376
Аль-Азхар, университет в Каире 34
Аманулла-хан 32–34, 48, 49, 54, 411
Амин, Хафизулла 20, 34, 59, 61, 62, 64, 68, 70, 77, 79–107, 111, 112, 116,
119, 120, 124–127, 129, 130, 131, 135–138, 140, 141, 143, 151, 152, 174,
188, 294, 359, 412
Амударья 36, 46, 47, 116, 117, 182, 185
Амштутц, Брюс 97, 98, 107
Анава 227, 256, 267
Англо-афганские войны (XIX–XX вв.) 31, 40, 43, 45, 255, 291, 411
Андрианов, Владимир 302
Андропов, Юрий 68, 71, 72, 76, 81, 85, 88, 101, 104, 105, 107, 122, 136,
142, 159, 172, 292, 330, 331, 332, 412
Антоненко, Виктор 198, 394
Арк, дворец в Кабуле 54, 62, 89, 111, 119, 120, 132, 178

Арутюнов, Гарник 272

Асадабад 171, 416

Асадулла, Амин 126

Аушев, Руслан 257, 258, 316, 317, 328, 395

“афганцы”

защита Белого дома 1991 316, 377, 379

поездки в Афганистан в качестве туристов 406

проблемы 215, 239, 301, 377, 382, 383, 384, 385, 388, 389, 390, 391

афгани (денежная единица) 207

Афганистан

как страна, исключительно подходящая для партизанской войны 77, 160, 165, 166, 181, 244, 265, 268, 403, 420

и политика Российской империи 27, 35, 36, 40, 47

и британская политика 27, 31, 32, 38–50, 143, 145, 147, 166–169, 249

и “линия Дюранда” 29, 47

отношения с СССР после 1919 года 32, 45

вторжение СССР 1929 49

германское влияние 47, 185, 288

попытки модернизации 30, 32, 210

антикоммунистические настроения 34, 106, 148, 178, 206

резолюция Съезда народных депутатов СССР 1989 399

американское вторжение 2001 286, 288, 317, 393

афганская армия

мятеж в Герате 1979 68, 71, 102

численность 175, 190, 363

масштабы дезертирства 175, 176

жестокость 278

отношение советских солдат к афганским 102, 191, 334, 355

поставки вооружений и присылка специалистов из СССР 33,

72, 73, 74, 75, 77, 360

проникновение моджахедов в ее ряды 174, 177, 247

афганское правительство

радикальная программа модернизации 30, 32, 33, 53

- использование разногласий в советском руководстве* 67, 71, 72,
77, 78, 84, 286
- паника во время мятежа в Герате* 1979 19
- неспособность удержать территорию, занятую советскими
войсками* 160, 339, 360–366
- подписание двустороннего соглашения с Пакистаном* 343
- “Афсотр”, компания 260, 365
- Ахмад Шах Масуд 34, 35, 52, 164, 177, 182, 229, 230–233, 248, 249, 255–
257, 267, 269–271, 275, 276, 287, 288, 316, 317, 320, 321, 326, 348–351,
353, 354, 359, 363, 367–371, 413
- Ахмад-шах Дуррани 29, 31, 411
- Бабур 28, 46, 54
- Бабченко, Александр 206, 208
- Баграм, авиабаза 62, 78, 79, 82, 89, 94–97, 111, 112, 116, 120, 123, 138, 151,
163, 218, 255, 256, 268, 320, 354, 406, 414, 415, 417
- Бадабер 325, 328, 329
- Бадахшан, провинция Афганистана 55, 175, 213, 220, 269, 406
- Базарак 231, 256
- Байконур 106
- Баку 375
- Бала-Хиссар, крепость (Кабул) 44, 54, 78, 132, 415
- Балашиха 96
- Балх 49, 116
- барды 177, 239, 240, 378
- Барятинский, Александр 40
- Бахарак 221, 222, 223, 225, 346, 389, 406
- “Бахаракская бойня”* 1983 260
- Бахтурин, Сергей 94
- беженцы 49, 173, 231, 248, 286, 287, 293, 368
- Бекович-Черкасский, Александр 36
- Беннигсен, Леонтий 37, 38
- Бернс, Александр 39, 44

- Бесс 268
 “бетонка” 50, 116, 256
 Бжезинский, Збигнев 145, 148, 149, 405
 Бизюков, Николай 67
 Блинушов, Андрей 292, 313, 314, 315
 “Блоупайп”, ПЗРК 251
 БМП 128, 158, 166, 169, 228, 240, 244, 261, 272, 273, 285, 355, 393, 416
 Богданов, Владимир 94, 96
 Богданов, Юрий 67, 79
 Богомолов, Олег 142
 боевой агитационно-пропагандистский отряд 295
 Боннэр, Елена 141
 Боровик, Артем 86
 Бояринов, Григорий 81, 82, 123, 125, 128, 129, 131, 152
 Брежнев, Леонид 53, 63, 69, 71, 72, 75, 87–91, 100, 104, 105, 108, 136,
 144, 189, 283, 330, 331, 393, 412
 “доктрина Брежнева” 146
 “Броненосец ‘Потемкин’”, кинофильм 150
 БТР 131, 158, 172, 197, 208, 240, 244, 257, 258, 295, 315, 356, 416
 Бухара 37, 38, 40
 Буш, Джордж Герберт Уокер 317
 Буш, Джордж Уокер 370
 Бхутто, Беназир 319
 Бхутто, Зульфикар Али 52
 Быстров, Николай 320, 321
- Ваджиха 57
 Вадуд, Абдул 99, 100
 Вакиль, Абдул 77, 133
 Вардак, Амин 184
 Варенников, Валентин 114, 180, 251, 265, 266, 281, 291, 336, 340, 348,
 349, 350, 351, 353, 360, 371, 376, 377, 378, 384
 Васков, Игорь 329

- Батанджар, Мухаммед Аслам 51, 62, 64, 84, 89, 93, 94, 112, 123, 130
Веллингтон, Артур Уэлсли 278
Веселков, Николай 102
ветеранские организации
 Союз ветеранов Афганистана 384
 Российский союз ветеранов Афганистана 384, 395
 “*Боевое братство*” 384, 394
 Российский фонд инвалидов войны в Афганистане 384
 Комитет по делам воинов-интернационалистов СНГ 328
 Комитет при президенте по делам воинов-интернационалистов 316
Вильнюс 376
Виткевич, Ян (Иван) 38, 39, 411
Власов, Николай 191
военные комиссариаты 158, 196, 212, 290
“Военторг” 194
Волкогонов, Дмитрий 297
Воронеж 389
Воронцов, Юлий 86, 114, 349, 350
Восточный факультет Санкт-Петербургского университета 40
Востротин, Валерий 121, 123, 241, 266, 395
Выговский, Юрий 394
Высоцкий, Владимир 239
Вьетнам
 параллели с Афганистаном 70, 74, 75, 141, 144, 148, 169, 301, 302, 353, 388, 390, 402, 403, 405
 стратегия и тактика США 148, 149, 161, 164, 335, 344, 404
 резня в Сонгми 1968 279
 американские потери 254, 387, 404, 421
Гавря, Александр 206
Гай, Давид 346
Гардез 78, 265, 266, 345

Генералов, Леонид 161

гепатит 126, 198, 217, 218

Герат

как предмет стратегического интереса британцев 41, 46, 47, 145

как центр мятежа 1979 17, 18, 19, 66, 67, 68, 70, 73, 74, 77, 145, 148, 266, 363, 412

в руках “Талибана” 207, 208, 284, 310, 368, 407

Гергель, Александр 216, 226, 298, 346, 347, 388, 395

Главное разведывательное управление Минобороны СССР 81, 86, 88, 120, 163, 170, 171, 173, 230, 231, 325, 328, 336

Глушак, Наталья 197

Головчин, Виталий 117

Голубев, Александр 111

Горбачев, Михаил 58, 76, 114, 181, 227, 254, 291, 293, 302, 323, 332–344, 352, 360, 364, 374–378, 402, 412

Горелов, Лев 63, 68, 80, 92, 101, 102

Горичева, Татьяна 142

Горчаков, Александр 27, 28, 41

Горький (Нижний Новгород) 142, 292

“Гражданская оборона”, рок-группа 388

Грешнов, Андрей 138, 139, 194, 287, 358, 359, 361, 362

Гришин, Владимир 150

Громов, Борис 118, 161, 184, 217, 266, 350, 355, 356, 384

Громов, Максим 357

Громыко, Андрей 68, 71, 72, 74, 76, 85, 87, 95, 101, 104, 105, 107, 108, 110, 126, 330, 331, 340

Гулябзой, Саид Мухаммед 51, 62, 63, 84, 89, 94, 112, 123, 130

Гуменный, Леонид 152

Гур, провинция Афганистана 206

Гуськов, Николай 111

Дабс, Адольф 79, 107

Данчев, Владимир 299

- Дар уль-Аман, дворец 54, 55
дари, язык 29, 138, 139, 163, 191, 194
Дауд, Мухаммед 33, 47, 49, 51–53, 58, 60–66, 84, 91, 229, 230, 407, 411, 412
дедовщина 214–216, 322, 323
Демезон, Пьер 38, 39
демобилизация 117, 212, 223, 237, 307, 308
Демократическая организация молодежи Афганистана 192
Джандад 99, 100, 122–126, 128
Джелалабад 32, 61, 166, 171, 175, 182, 187, 195–197, 201, 219, 252, 282, 315,
323, 345, 346, 360, 361, 368, 406, 415, 416
Джувенал, Питер 316
Дидкин, Николай 329
Дизраэли, Бенджамин 45
Долматов, Александр 96, 97
Дроздов, Юрий 120, 124, 125, 130, 134
Дубнов, Аркадий 369, 370
Дубынин, Виктор 161
Дулепов, Вадим 378
Дустум, Абдул-Рашид 319, 366, 367
Духовченко, Виктор 326
Душанбе 151, 369, 371, 372
Дышев, Андрей 199
“Дюранда линия” 29, 47
- Егорычев, Николай 86, 349
Ельцин, Борис 317, 363, 364, 369, 371, 374, 377–379, 385
Епишев, Алексей 79, 80
Ермаков, Виктор 161
Ермолин, Анатолий 163
- Жаров, Сергей 406
Женевские соглашения (1988) 250, 343–345, 348, 349, 354, 355, 360

женщины

- афганки* 17, 30–35, 55–57, 64–66, 137, 194, 279, 284, 291
- афганские жены русских* 319, 321
- русские жены афганцев* 200
- в составе 40 й армии* 195, 196–198, 198, 199, 219, 252
- “чекистки”* 199

жертвы

- советские, списанные как боевые потери* 220, 279, 401
- попытки уменьшить число советских жертв* 310, 333, 338
- сравнение захвата Кабула 1979 с операцией в Панаме 1989*
141
- формула подсчета потерь моджахедов* 275
- во время боев в Москве в 1993 году* 378
- диспропорция между потерями военных и мирного населения* 353,
399
- жестокость на войне*
- штурм Геок-Тепе 1881* 42
- массовые захоронения в Бамиане и Герате* 103
- и западная пропаганда* 288, 300, 301
- зверства моджахедов* 61, 178, 287, 288
- сопутствующие потери* 284–290
- проект “Справедливость для Афганистана”* 286
- Координационный центр противоминной деятельности
в Афганистане* 290

Жуков, Георгий 199

Забуль, провинция Афганистана 173

Заплатин, Василий 101–103

Захаров, Николай 140, 193

Захир-шах Мухаммед, король 33, 34, 49, 51, 64, 341, 407, 411

Зверкович, Александр 329

здравоохранение 137, 159, 185, 380

“зеленка” 168, 170, 205, 255, 285

Зия-уль-Хак, Мухаммед 331, 340, 360

Иванов, Валерий 67, 131, 365, 366, 367

Иванова, Галина 67, 131, 365, 366

Ижевск 313

Измайлов, Вячеслав 258, 259

Ингушетия 395

Индская армия 166, 346, 361

Институт востоковедения АН СССР 143

Иран 18, 52, 69, 70, 74, 75, 97, 103, 106, 142, 147, 286, 325, 368, 403, 418

Исталиф 44, 256

Кабул 19, 20, 27–34, 39, 43, 44, 45, 48–57, 61, 63, 64, 65, 66–70, 73, 77–81, 85–87, 89, 95, 96, 101–104, 107, 111–114, 116–120, 122, 123, 125–127, 136, 138, 141, 142, 160, 163, 166, 173, 177, 178, 180–183, 186, 187, 189, 192–198, 200–204, 208–210, 218, 219, 229–233, 239, 245, 246, 249, 250, 252, 254, 255, 257, 266, 268, 275, 280, 283, 288, 295, 328, 330, 335, 336, 338, 340, 343–350, 354, 357–361, 363–368, 371, 373, 403, 404–401, 411–417

Кабулов, Замир 328

Кабульский университет 34, 35, 52, 59, 201

Каваньяри, Луи 44

Кадыр, Абдул 51, 60, 61, 64, 77

Калашахи 167

Калуга 226

Кандагар 31, 34, 73, 116, 166, 182, 196, 200, 204, 205, 219, 237, 258, 259, 299, 345, 346, 352, 361, 362, 368, 415

Карамагуль 260, 261

Карзай, Хамид 177, 407

Кармаль, Бабрак 34, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 85, 86, 88, 104, 106, 112, 134, 136, 137, 174, 178, 182, 188, 192, 207, 275, 283, 297, 331, 333–336, 338, 412

Карпенко, Александр 239

“Карпаты”, группа спецназа КГБ 240

- “Каскад”, группа спецназа КГБ 171, 240
Картер, Джемс Эрл (Джимми) 71, 147–149, 405
 “доктрина Картера” 147
Карцев, Александр 163, 164, 167, 224, 227, 228, 242, 294, 417
Катичев, Станислав 67
Кейси, Уильям 149
Киплинг, Редьярд 172, 239, 281
Кирпиченко, Вадим 111, 138
Кирсанов, Юрий 240, 241
Киселев, Евгений 112, 193, 194
Киссинджер Генри 50
Климов, Сергей 239, 378
Клинцевич, Франц 384, 386, 395, 399
“Кобальт”, группа спецназа МВД 172, 173
Ковалев, Анатолий 340
Кодрингтон, Эдвард Кристофер 255
Козырев, Андрей 317
Коканд 40
Колесник, Василий 88, 120, 122–125, 128, 134
Комиссаров, Николай 208, 209
Комитет государственной безопасности СССР
 работа в Афганистане 58, 60, 63, 73, 79, 85, 86, 88, 94, 97, 103,
 111, 122, 123, 126, 127, 128, 131, 136, 159, 170, 171–173, 177, 215, 240,
 283, 289, 372
 советники в Афганистане 80, 119, 120, 124
 подразделение “Гром” 122, 123, 130, 151
 подразделение “Зенит” 81, 94, 96, 111, 122, 123, 125, 130, 134, 151
 уходит из Кабула 339, 364
комсомол 192, 204, 206–209, 213, 225, 295, 300, 318
“Комсомольская правда”, газета 195, 235, 294, 299
Коновалов, Евгений 224, 365, 366
Косоговский, Иван 102, 282
Костенко, Петр 133

- Косыгин, Алексей 19, 68, 70, 72–75, 136
Котенов, Александр 384
Котляковское кладбище (Москва) 384
Кошелев, Владимир 378
Кравченко, Михаил 283
Кривенко, Виталий 213, 214, 284, 285, 308, 310, 311, 388
Крючков, Владимир 58, 64, 109, 120, 127, 152, 291, 333, 335–337, 344,
345, 352, 363
Кузнецов, Андрей 406
Кузнеченков, Виктор 128, 131
Кузьмина, Татьяна 197
Кулаженко, Геннадий 208
Куляб 371
Кундуз 116, 218, 240, 317, 345, 414, 415
Курган-Тюбе 371
Курилов, Валерий 96
Кутепов, Юрий 124
Куценко, Виктор 176, 177, 378
Кушка 46, 204, 258, 345
- Лагошин, Владимир 365
лазурит 220, 268, 350
Латиф, Лутфулла 137, 139
Левчишин, Сергей 328
“Ли-Энфилд”, винтовка 250
Литтон, Эдуард Роберт 45
Логар 204, 288
Лунин, Александр 187
Ляхович, Игорь 354, 355
Ляховский, Александр
критика 40 й армии 58, 183, 299, 421
разработка предложений Масуду 350
участие в планировании штурма Белого дома 377

- Магомедов, Султан 102, 112, 113, 120, 123, 128
 Мазари-Шариф 48, 49, 116, 204, 319, 368, 401
 Маздурьяр, Ширьян 62, 84, 94
 Майванд 44
 Майоров, Александр 283, 296, 297
 Маладани, Шер Ахмад 18, 407
 Малаховская, Наталья 142
 малиши 207
 Мальцева, Елена 195
 Маргоева, Галина 200
 “Матросская тишина”, тюрьма (Москва) 126
 международная помощь Афганистану
 со стороны американцев, русских и немцев до 1979 года 36, 49,
 50, 68, 185, 186, 188
 объем советской помощи 186–188
 ирригационный проект 50
 Политехнический институт в Кабуле 34, 187, 203, 229
 приносит СССР не слишком много политических дивидендов
 188
 советская помощь Наджибулле 182, 328
 мемориальный комплекс на Поклонной горе (Москва) 393, 395
 Ми-8, вертолет 221, 245
 Ми-24, вертолет 244, 245, 252
 Миронов, Валерий 118
 Михеева, Людмила 199
 моджахеды
 стратегия и тактика 181, 184, 227, 255, 265, 266, 289, 301, 318,
 327, 366
 рейды в советскую Среднюю Азию 106
 осведомленность 207, 251
 террор 81, 84, 201, 207, 249, 281
 и Пакистан 169, 173, 181, 264, 327, 331
 внутренние разногласия 172, 230, 248

вступают в афганскую армию 177, 363
военные успехи 166, 170, 171, 181, 187, 222, 249, 360, 404
и ПЗРК “Стингер” 251, 252, 253
отказ от соблюдения Женевских соглашений 328, 343

Можаев, Павел 86

Моисеев, Михаил 384

Морозов, Игорь 209, 240, 241, 305, 379

Морозов, Сергей 118, 215, 242, 270

Муратов, Алексей 202

Муратова, Марина 202

Муратханян, Нина 365, 366

Муратханян, Юрий 365

“Мусульманин”, кинофильм 320

“мусульманский” батальон 81, 88, 89, 111, 120–125, 128, 150, 152

Мухаммед, Хамид 287

Мэтлок, Джек 341–343

Наджибулла, Мухаммед

в Тегеране 1979 77

занимает пост президента 182, 188, 336

его характеристика ГРУ 336

пользуется разногласиями в советском правительстве 338, 347

просьбы о военной помощи 349, 351, 352, 360

встревожен охлаждением со стороны СССР 347

освобождает женщин из семьи Амина 137

просит оставить советские войска 337

гибель 368, 412

посмертная популярность 407

Надир-шах, Мухаммед 33, 116, 411

Наргез, жена Андрея Оленина 319

Народно-демократическая партия Афганистана

Политбюро ЦК НДПА 50, 51, 58, 59, 60, 61–65, 84, 85, 87, 90,
137, 139, 159, 191, 205, 233, 297, 337

- фракция “Парчам”* 50, 59–61, 64, 65, 85, 86, 336
фракция “Хальк” 50, 59–62, 64, 65, 83, 86, 137, 336
 Некрасов, Вячеслав 209, 210, 213
 Никифоров, Сергей 214, 312, 313
 “Новое время”, газета 369
 “нурсики” 359
- Огарков, Николай 70, 80, 101–105, 109, 283
 “Огонек”, журнал 298
 Ограниченный контингент советских войск в Афганистане 114,
 241
 Окленд, Джордж Иден 39
 Окуджава, Булат 238
 Оленин, Алексей 318, 319
 Олимпийские игры (1980) 142, 147, 148
 Олни, Уоррен 15, 223
 Оренбург 38–40, 42
 Островенко, Евгений 366, 367
 Охримюк, Евгений 202
- Павел I 37
 Павловский, Иван 80
 Пагман 54
 Пайман, Али Шах 134
 Пакистан 18, 29, 47, 52, 57, 68, 74, 75, 103, 106, 149, 165, 169, 171, 173,
 177, 179, 187, 220, 229, 230, 237, 244, 248, 249, 250, 264, 265, 269,
 270, 286, 287, 298, 317, 319, 321, 324, 325, 327, 328, 330, 331, 339, 340,
 343, 345, 351, 360, 361, 364, 368, 377, 403, 418, 419
 Пактия, провинция Афганистана 78, 228, 299
 Панджшерское ущелье 181, 182, 227, 229, 230, 231, 255, 256, 267, 269,
 287, 320, 350, 359, 369, 371, 395
 Панджшири, Достагир 126
 Пастухов, Борис 369

- “парванистка” (базар в Кабуле) 201
Пек, Рори 316
Пендинский оазис 46
перебежчики 174, 325
Перовский, Василий 39, 40
Петр I 36, 411
“Першинг-2”, ракеты 69, 106
Петрушенко, Николай 376
Пешавар 43, 47, 237, 325
“Пешаварская семерка” (Альянс семи) 349, 418
 “Джахар-е неджар-е мелли” 418
 “Иттихад-е ислами барайе фзади-е Афганистан” 418
 “Махази мелли-е ислами-е Афганистан” 418
 “Харакат-е енклаб-е ислами” 418
 “Хезб-е джамиат-е ислами” 248, 418
 “Хезб-е ислами” (Гульбеддин Хекматияр) 248, 418
 “Хезб-е ислами” (Юнус Халес) 418
Питирим, митрополит 384
Пластун, Владимир 302
Плесси, битва при (1757) 36
Пол Пот 54, 66
Политбюро ЦК КПСС
 обсуждает мятеж в Герате 19, 68, 70, 73, 74
 принимает решение о вторжении в Афганистан 76, 79, 80,
 104, 106, 108, 109
 комиссия по Афганистану 85
 пытается сохранить войну в секрете 290, 292
 отказ от попыток построить в Афганистане социализм 339
 обсуждает вывод советских войск 330, 331, 334, 338, 339, 412
 обсуждает ход переговоров в Женеве 343, 344
 отклоняет просьбу Наджибуллы об авиаударах 337
Пономарев, Андрей 213, 215, 225, 226, 247
Пономарев, Борис 76, 85

- посттравматическое стрессовое расстройство* (“афганский синдром”) 386, 401
- Потемкин, Григорий 37
- “походно-полевые жены” 199
- “Правда”, газета 294, 357
- призывники 118, 158, 175, 176, 196, 212, 213, 214, 215, 226, 307, 312, 322, 323, 371, 379, 381
- Примаков, Евгений 369
- пропавшие без вести 263, 315, 317, 323, 329, 400, 421
- пропаганда
 - советская* 146, 289, 291, 295, 298, 338, 403
 - западная* 114, 232, 318, 404
- Проханов, Александр 166, 285
- Пузанов, Александр 65, 70, 80, 90, 91, 95, 98, 102
- Пули-Хумри 195, 254, 256, 415
- Пули-Чархи, тюрьма (Кабул) 61, 62, 66, 93, 103, 137, 280, 336
- Путин, Владимир 370, 378, 386, 392, 393
- пушту, язык 29, 134, 191, 194
- Пуштунистан 47
- пуштуны 28, 29, 31, 47, 59, 166, 173, 248, 249, 268, 371, 419
- Раббани, Бурхануддин 34, 52, 229, 248, 325, 326, 328, 341, 349, 401, 418
- разведка и разведчики
 - методы* 238, 240, 281, 282, 401, 403
 - российская разведка в XIX веке* 47
 - британская разведка об СССР в Афганистане* 145
 - “Большая игра” 28
 - разведка США о советских намерениях* 145
 - афганская* 99, 126
 - провалы американской и советской разведки* 173, 183, 325
- раздел Британской Индии (1947) 34
- Ранджит, Сингх 43
- Ратебзад, Анахита 64, 77, 112, 192

- Рафи, Мухаммед 62, 64, 77
Рахмонов, Феликс 288
Рейган, Рональд 149, 332, 341–343, 360, 412
Решетников, Михаил 390, 391
Родионов, Игорь 161, 375
Розенбаум, Александр 238, 311
Розенбаум, Александр (журналист) 357
Рокоссовский, Константин 199
Романов, Михаил 122, 124
Рузи 99, 100, 124
Руцкой, Александр 284, 377, 384
Рыкова, Светлана 196, 197
Рюриков, Дмитрий 91, 92, 141
Рябченко, Иван 133
- Сайметдинов, Додихудо 209
Сайяф, Абдул Расуф 34, 418
Саланг, туннель 33, 116, 118, 232, 235, 254–258, 268, 318, 319, 345, 348,
351, 354, 406
Самин, военнопленный 320
саперы 169, 263, 272, 285, 414–416
Сарвари, Асадулла 84, 87, 89, 94, 112, 123
Сахаров, Андрей 141, 142, 293
Сахатов, Анвар 121, 123, 128
Сберегательный банк СССР 234
“Северный комсомолец”, газета 357
Семенов, Яков 124
Семченко, Григорий 204
Сергеев, Евгений 253, 369
Сидоров, Валерий 260, 262–264
Сипайское восстание (1857) 42, 46, 289
Скобелев, Михаил 42
Слоним, Маша 237

- Смолина, Алла 252, 315, 323, 324
- Снегирев, Владимир 188, 189, 235, 293, 316, 405
- Снееров, Костантин 394
- Снесарев, Андрей 48
- советники из СССР
- увеличение численности в 1979 году* 101, 190
 - сокращение численности с 1986 года* 210, 337
 - комсомольские* 192, 204, 206, 208, 209, 213, 295
 - военные* 63, 67, 68, 101, 112, 114, 124, 130, 133, 139, 161, 190, 194, 200, 201, 228, 233, 283, 296, 354, 365, 366, 378
 - партийные* 60, 63, 65, 67, 102, 190, 191
 - военные переводчики* 112, 127, 138, 140, 143, 163, 172, 190, 191, 193, 194, 195, 199, 209, 231, 239
 - идеализм* 185, 193, 206
 - разведывательные задачи* 95
 - жертвы среди них* 19, 78, 79, 80, 178, 191, 202
 - отказ афганцев от ответственности* 174, 188
- советские операции в Афганистане
- “Радуга” 1979 95
 - “Магистраль” (1987 1988) 266, 395, 412
 - “Тайфун” 1989 182, 351, 353, 354
- Советский Союз
- непоследовательная политика* 69, 83, 101, 188, 298, 338, 342, 366
 - роль Афганской войны в упадке СССР* 20, 183, 373, 374, 376, 377, 380
- Соколов, Сергей 113, 117, 179, 231, 275, 299
- солдатские матери 322, 323
- Соцков, Михаил 354
- Спин-Болдак 368
- Степанов, Юрий 318, 319
- “Стингер”, ПЗРК 251, 252, 253, 254, 267, 412
- стратегическая авиация 19, 170, 182, 215, 268, 276, 333, 346, 353, 417

- Суслов, Михаил 104, 105, 108, 292
Суфи, Пуайнда Мохмад 318, 319
Сухопаров, Александр 139, 140
- Табеев, Фикрят 86, 102, 116, 138, 337
Тадж-Бек, дворец 119, 120, 121, 122, 124, 132, 134, 150, 266
Таджикистан 29, 106, 117, 151, 165, 193, 316, 350, 371, 372
“Талибан”, движение 52, 57, 106, 160, 189, 200, 288, 319, 368–370, 407, 413
Талыбов, Михаил 127
Тамерлан 28
Танай, Шахнаваз 67, 266
Тараки, Нур Мухаммед
 арестован Даудом 62
 становится главой государства 64
 как лидер фракции “Хальк” 59, 60, 61
 настойчивые просьбы ввести советские войска 73, 74, 75, 78,
 79, 90
 последняя встреча с Брежневым 75, 87
 гибель 20, 83, 99, 100, 105, 108, 110, 124, 126, 145, 188
- Тарун, Саид Дауд 87–90, 92, 93
Ташкурган 355, 415
телевидение 112, 120, 134, 139, 224, 235, 238, 257, 291, 313
Тер-Григорьянц, Норат 229
Ткач, Борис 161
Ткачев, Анатолий 230, 231
трубопроводы 179, 256, 257, 416
Тухаринов, Юрий 114, 116, 161, 178
Тэтчер, Маргарет 147, 148
- Узбекистан 29, 106, 258, 368
Уилсон, Чарльз 149, 267
Устинов, Дмитрий 68, 70, 72, 74–76, 79, 80, 81, 85, 95, 101–105, 107,
108, 115, 161, 275, 283, 330, 331

- Файзабад 182, 199, 208, 220–222, 234, 240, 241, 259, 260, 263, 284, 345,
406, 407, 415
- Фарах, провинция Афганистана 207
- Фарьяб, провинция Афганистана 209, 210
- Федоров, Дмитрий 234, 320, 406
- Хабаров, Леонид 269, 271, 276
- “Хабибия”, лицей в Кабуле 33
- Хабибулла, эмир 32, 411
- ХАД, афганская спецслужба 172, 173, 175–177, 227, 228, 240, 250, 336,
363, 406
- хазарейцы 28, 29, 78, 368
- Хайбар, Мир Акбар 61
- Хайберский проход 166, 172
- Хаккани, Джалалуддин 265
- Хаккани, Сираджуддин 265
- Халбаев, Хабиб 81, 88, 120, 122, 124
- Ханиф Атмар, Мухаммед 205
- Хекматияр, Гульбедин 34, 52, 229, 248, 249, 327, 360, 362, 367, 418,
419
- Хива 36, 37, 40, 42
- холера 198, 217
- Хорошавин, Александр 199
- Хост, провинция Афганистана 191, 207, 253, 265–267, 363, 412
- Хрущев, Никита 50, 53
- Цаголов, Ким 297, 298
- Царандой, афганская милиция 173, 175, 207, 406
- Цевма, Геннадий 317
- Центральное разведывательное управление США
*рассматривает перенос в Афганистан станций
радиотехнической разведки 106*
опасения, что режим в Кабуле станет антиамериканским 360

поддержка моджахедов 107, 148, 149, 249, 251, 348
попытки выкупить “Стингеры” у моджахедов 253

Чагчаран 206, 257

Чарикар 44, 255, 256, 257, 268, 269, 416

“чеки”, советская военная валюта 199

Чернавин, Владимир 376

Черняев, Анатолий 143, 144, 333, 344, 352

“Черный тюльпан” 238, 311–313

Чечня 317, 323, 390, 395

Чингисхан 46, 116

Шебаршин, Леонид 275, 405

Шеварднадзе, Эдуард 110, 337, 340, 342, 344, 345, 350–352, 363, 364, 375

Шершнева, Леонид 295–297, 299

“Шилка”, ЗСУ 81, 121, 123, 128, 129

Шинданд 78, 116, 196, 217, 240, 256, 258, 259, 288, 311, 345, 368, 414, 417

Ширяев, Валерий 191, 199, 285

Шкидченко, Петр 191

Шкирандо, Александр 127

Шомали, равнина 255, 256, 268

Шуджа-шах 31

Шульц, Джордж 342

Щедров, Иван 294

Эбрам, Эндрю 55

Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид 49, 411

Экбаль, Мухаммед 99, 100

“эксперименталка”, советская военная форма 309

“Эрликон”, зенитное орудие 251

Эрмакора, Феликс 285, 286

Юрьев, Александр 204, 205
Юсаф Мухаммед 361

Язов, Дмитрий 297, 298, 345, 350, 353, 355, 356
Якуб, Мухаммед 83, 89, 100, 133, 134
Ямщиков, Игорь 406

40-я армия

- уникальность* 184, 417
- вступление в Афганистан* 115, 157
- принудительная вербовка* 158, 175, 307
- штаб в бывшем дворце Амина* 181
- командование и командующие* 114, 161, 355, 375
- вооружение* 245
- медицинское обслуживание* 216, 390
- условия жизни военнослужащих* 165, 197, 211, 218
- базы* 254, 355
- состав* 159, 170
 - 5 я гвардейская мотострелковая дивизия* 79, 116, 217, 218, 414
 - 108 я мотострелковая дивизия* 79, 116, 118, 218, 219, 281, 414
 - 201 я мотострелковая дивизия* 116, 181, 281, 355, 371, 372, 414
 - 15 я бригада специального назначения* 171
 - 22 я бригада специального назначения* 281
 - 56 я гвардейская отдельная десантно-штурмовая бригада* 215, 219, 265, 269, 270
 - 66 я отдельная мотострелковая бригада* 195, 197, 217, 281, 282
 - 70 я отдельная мотострелковая бригада* 281
 - 12 й гвардейский мотострелковый полк* 284, 310, 414
 - 180 й мотострелковый полк* 163, 414

- 345 й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк* 111, 116, 117, 122, 138, 151, 227, 241, 256, 265–267, 315, 354, 374, 384, 394, 395, 406, 415
- 860 й отдельный мотострелковый полк* 116, 198, 199, 213, 216, 220, 234, 247, 260, 264, 281, 282, 283, 298, 346, 347, 394, 395, 406, 415
- стратегия и тактика* 159, 174, 175, 182
- эффективность* 177, 267
- операции на границе Пакистана и в Панджшерском ущелье* 179, 182, 264, 267
- потери* 254, 338, 349
- коррупция* 235
- и преступность* 215, 280, 284
- дисциплина* 279
- алкоголь и наркотики* 236, 239
- советские войска в Афганистане после ухода 40 й армии* 358, 360, 371, 372, 405
- “9-я рота”, кинофильм* 267

CORPUS 214

РОДРИК БРЕЙТВЕЙТ

АФГАН

РУССКИЕ НА ВОЙНЕ

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор ИЛЬЯ КРИГЕР

Ответственный за выпуск МАРИЯ КОСОВА

Технический редактор ТАТЬЯНА ТИМОШИНА

Корректор ИННА БЕЗРУКОВА

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

ООО «Издательство АСТ»,

127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная,

д. 16, стр. 3, пом. 1

Подписано в печать 18.02.13. Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramondC»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31

Тираж 4000 экз. Заказ № 8575/13.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги

или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж

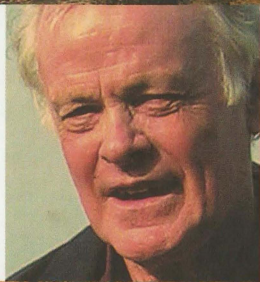
Тел.: (495) 615 0101, 232 1716

Эта книга... проясняет запутанные события, приведшие к советскому вторжению [в Афганистан], и суть войны... Книга очень важна сейчас, когда Америка начинает медленно отступать из Афганистана.

Newsweek

Брейтвейт пользуется своими талантами писателя, дипломата и ученого, чтобы описать ужасы советской неудачи в Афганистане... Его рассказ — сдержанный, но энергичный — подкреплен широким кругом... источников, в том числе интервью с ветеранами [той войны] и многочисленными документами.

Foreign Policy



В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан, чтобы поддержать дружественный режим и уйти через полгода или год, однако благие намерения обернулись катастрофой — не только для Афганистана, но и для СССР и всего мира. Трезвая и точная книга сэра Родрика Брейтвейта — лучшее из опубликованных на английском языке описаний кампании 1979–1989 годов.

Бывший английский посол в Москве с шестидесятилетним опытом погружения в русскую культуру... явно сочувствует "афганцам"... сражавшимся в тени их отцов, победивших во Второй мировой войне... Брейтвейт развенчивает мифы, например о том, что... война [в Афганистане] привела к развалу СССР.

The Telegraph

Сочувственное и одновременно критическое... описание трясины, в которую советские лидеры угодили сами и завели свою армию в декабре 1979 года... Живое повествование, искусное и человеческое.

Foreign Affairs